

Не отриньте сего моленія, Августѣйшій Монархъ“!

Пенсію она въ концѣ концовъ получила. Разсказанный здѣсь эпизодъ производитъ крайне грустное впечатлѣніе, хотя я не только не сгущалъ красокъ, а, наоборотъ, ограничился исключительно сообщеніемъ официальныхъ данныхъ. Слишкомъ жестокая кара обрушилась на человѣка, вина котораго не была точно установлена въ этомъ дѣлѣ; эта кара обрушилась на него раньше, чѣмъ заслушаны были его объясненія; а между тѣмъ эти послѣднія представляли дѣло въ совершенно иномъ видѣ и указывали иную причину трещины, въ которой Васильевъ былъ уже неповиненъ. Изъ объясненія Васильева видно, что Филатьевъ дѣйствовалъ здѣсь пристрастно, прямо во вредъ ему; но если бы у него и не было такой преднамѣренности, то во всякомъ случаѣ онъ, хотя и невольно, но ввергъ въ тяжкое бѣдствіе почтеннаго дѣятеля, у котораго были огромныя заслуги именно по строительной части передъ университетомъ, городомъ и всѣмъ краемъ. Императоръ Николай Павловичъ былъ правъ, высказывая общее положеніе, что теоретики бываютъ плохими практиками—онъ и Васильева считалъ такимъ именно теоретикомъ; но Филатьевъ прекрасно зналъ, что Васильевъ былъ не только теоретикъ, но и практикъ, даже болѣе практикъ, чѣмъ теоретикъ—а между тѣмъ онъ умалчалъ объ этомъ, а выдалъ, такъ сказать, головою Васильева, забывъ о всемъ томъ, что тотъ сдѣлалъ для Харьковскаго университета, и воспользовавшись отсутствіемъ пригвожденнаго къ постели Васильева для того, чтобы выгородить себя за неисправность, усмотрѣнную Государемъ. Во всякомъ случаѣ, если допустить, что онъ помимо желанія своего нанесъ тяжелый ударъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, то на его нравственной обязанности, какъ попечителя, было смягчить своими ходатайствами роковыя послѣдствія его, но онъ и этого не сдѣлалъ: ничего не сдѣлалъ даже для невинно страдавшей семьи Васильева. Усердно заботясь о своихъ матеріальныхъ интересахъ, постоянно возбуждая ходатайства объ увеличеніи своихъ окладовъ, онъ оказался равнодушенъ къ участи семьи, лишившейся своего работника и кормильца. Зная характеръ Васильева, мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ свидѣтельству его жены, сообщавшей, что послѣ его смерти осталось 4 р. 40 к. денегъ и похороны его приняли на себя частные благотворители (не университетъ, а именно частные благотворители ¹⁾).

Въ 1833 году послѣдовалъ на университетъ доносъ, которому придано было чрезвычайно важное значеніе благодаря личности доносчика—

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 40924/1202.

инспектора студентовъ и профессора анатоміи Венедиктова. Доносъ этотъ представляетъ на столько характерный эпизодъ въ исторіи Харьковскаго университета, что мы должны изложить его подробно, и намъ возможно сдѣлать это, благодаря обильнымъ офиціальнымъ даннымъ, открытымъ нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Вотъ подлинный текстъ перваго доношенія проф. Венедиктова на имя министра народнаго просвѣщенія князя Ливена.

„Изволеніе открыть предъ вашей свѣтлостию прискорбную мою душу, приѣмое мною за милостивое снисхожденіе и драгоцѣннѣйшее вниманіе, есть вмѣстѣ для меня причина новыхъ, немигущихъ страданій: желая исполнить долгъ присяги и предупредить могущее случиться важное несчастіе, я дѣлаюсь доносителемъ на мое непосредственное начальство, которое всегда привыкъ уважать и дѣйствительное никогда и никакъ не долженъ бы былъ оуждать. Но предчувствуя пагубныя слѣдствія для доброй славы университета, я долженъ жертвовать собою. Не смѣю, свѣтлѣйшій князь, утруждать васъ подобнымъ изложеніемъ происшествій, случившихся во время исполненія мною должности инспектора своекоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета, происшествій, которыхъ вліяніе и послѣдствія продолжаются и по настоящее время; но долгомъ считаю объяснить кратко существенное. Нравственность и поведеніе наибольшей части студентовъ нашего университета находятся теперь въ такомъ состояніи, что сейчасъ должно опасаться происшествій весьма неблагоприятныхъ. Главнѣйшія причины этого суть слѣдующія. Значительное количество молодыхъ людей, совершенно недостойныхъ этого званія, какъ по свѣдѣніямъ, такъ и по нравственности вновь принято въ студенты. Изъ 124 человѣкъ имѣется 52 такихъ, кои приняты съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ которыхъ они или вовсе не выдержали испытанія, или аттестованы худо испытательнымъ комитетомъ университета; 9 человѣкъ поступило изъ Московскаго университета, и большая часть изъ нихъ была, вѣроятно, принуждена оставить этотъ университетъ; 4 человѣка находятся подъ особеннымъ надзоромъ, какъ извѣстные уже съ невыгодной стороны прежнимъ своимъ поведеніемъ; сверхъ того есть нѣсколько человѣкъ изъ поляковъ. Вторая причина—негодность педагоговъ, которые не только не стараются наблюдать за поведеніемъ студентовъ, но напротивъ тщательно скрываютъ отъ меня худое поведеніе и развратные поступки этихъ молодыхъ людей, требующихъ тщательнѣйшаго надзора. Представленіе на сырой недѣлѣ театральнаго пьеса студентами въ новой залѣ бібліотеки имѣетъ невыгодное

влияніе на ихъ нравственность и успѣхи. Самая же важнѣйшая причина—это ненаказанность явныхъ и притомъ важныхъ проступковъ, имѣющая видъ тайнаго покровительства разврата. Буйство, пьянство и запрещенная игра, не взирая на то, что виновные въ ней мною открыты, остаются безъ должнаго наказанія, отъ чего развратъ распространился и дошелъ до высшей степени. Возбудителями буйнаго поступка нѣкоторыхъ студентовъ 28-го октября прошлаго года были нѣкоторые изъ профессоровъ, кои употребили всѣ возможные средства открыть секретно мною произведенное тѣлесное наказаніе надъ двумя отъявленными негодьями съ согласія ректора, и притомъ не властію начальства, а правомъ родительскимъ; что все извѣстно его превосходительству господину попечителю, котораго строгое предписаніе, данное 7-го декабря прошлаго года правленію университета, приведшее меня въ ненавистное положеніе по отношенію къ моимъ товарищамъ, налагаетъ на инспектора великую отвѣтственность, но средства къ исполненію обязанностей уничтожаются сущностью самаго предписанія и словесными приказаніями. Не взирая на подписку, которой одинъ экземпляръ осмѣливаюсь представить у сего вашей свѣтлости, картѣчная игра и развратъ продолжаются безнаказанно. Повергая себя безусловно волѣ и покровительству вашей свѣтлости, осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить не считать сего формальнымъ доносомъ. Имѣвъ дерзость написать истину, я виновенъ предъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, коему, впрочемъ, извѣстенъ образъ моихъ мыслей; умолявъ же объ этомъ болѣе предъ вашей свѣтлостью, я могу сдѣлаться преступнымъ противъ совѣсти, присяги, Государя и Отечества. Съ глубочайшимъ, благоговѣющимъ почтеніемъ имѣю счастье именоваться, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Венедиктовъ“. Къ этому приложено было обращеніе попечителя къ казеннокоштнымъ студентамъ слѣдующаго содержанія.

„Симъ объявляется студентамъ, что его превосходительство г. попечитель весьма недоволенъ поведеніемъ и поступками нѣкоторыхъ студентовъ, особенно занимавшихся карточною игрою, и преимущественно тѣхъ, кои позволили дѣлать себѣ толки о распоряженіяхъ начальства по этому случаю. Найдя такіе поступки съ одной стороны безнравственными, а съ другой дерзкими и несообразными съ обязанностями студентовъ, отъ коихъ требуется прилежное изученіе наукъ и безусловное повиновеніе начальству, его превосходительству, единственно изъ снисхожденія къ родителямъ виновныхъ студентовъ, отмѣнилъ строгое, но по справедливости заслуженное наказаніе и предо-

ставилъ себѣ исправить виновныхъ мѣрою кротою, не дѣлая ихъ навсегда несчастными. Студенты эти суть: I. *Участвовавшіе въ карточной игрѣ* — Клебенскій Федоръ, Высочинъ Прохоръ, Вольфингеръ Дмитрій, Куликовъ Иванъ, Гудимъ-Левковичъ Аркадій, Столецкій Яковъ, Сочавецъ-Федоровичъ. II. *Виновные въ дерзости* — Кронебергъ Иванъ, Стояновъ Иванъ, Дмитрашковъ Иванъ, Дьяченко Аммосъ, Субботинъ Викторъ. Объявляя объ этомъ всѣмъ студентамъ, нужнымъ считаю присовокупить, что его превосходительство въ послѣдній разъ оказываетъ снисхожденіе; а потому да будетъ извѣстно каждому, что засимъ всякое отступленіе студентовъ, наипаче казеннокоштныхъ, отъ предписанныхъ въ матрикулѣ правилъ будетъ наказано примѣрно. Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ милостиво отзывался о васъ его превосходительство предъ лицомъ Государя Императора. Но нѣкоторые изъ васъ оказываются недостойными того мнѣнія, какое получилъ Его Величество о студентахъ Харьковскаго университета; а потому его превосходительство приказалъ мнѣ объявить вамъ, что засимъ онъ употребитъ самыя строгія мѣры къ очищенію заведенія отъ непокорныхъ, служащихъ примеромъ для другихъ и могущихъ возбудить общее нареканіе, дабы заведеніе это вполнѣ оправдало Высочайшее мнѣніе. Каждый изъ васъ долженъ заниматься единственно своимъ дѣломъ и ни подъ какимъ видомъ не смѣть вдаваться ни въ какія толки и сужденія о дѣйствіяхъ начальства. Студентъ, дерзнувшій приглашать къ чему-либо товарищей своихъ или предлагать какія-либо подписки, будетъ солдатомъ, какъ нарушитель порядка и спокойствія; тѣ же, кои будутъ участвовать въ этомъ, хотя бы по легкомыслію были завлечены, исключатся изъ университета безъ всякой пощады, ибо попечитель съ величайшею горестію замѣчаетъ, что на нѣкоторыхъ студентовъ кроткія мѣры не дѣйствуютъ. Изъ поименованныхъ выше студентовъ Клебенскому приказано оставить университетъ; а Вольфингеръ и Куликовъ также должны выйти изъ заведенія, ибо, несмотря на сдѣланное имъ наказаніе за карточную игру, они вновь оказались виновными въ подобномъ проступкѣ.

Ректоръ Николай Еллинскій“.

Получивъ этотъ доносъ, министръ затребовалъ объясненія отъ попечителя въ слѣдующей бумагѣ.

„До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ своекоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета ведутъ себя неприличнымъ образомъ, предаются разнымъ безпорядкамъ, могущимъ вовлечь университетъ въ отвѣтственность, и я обязываюсь предложить вашему превосходительству обратить на этотъ существенный и важный предметъ

особенное ваше вниманіе, ввести строжайшую дисциплину и подчиненность студентовъ, какъ къ ректору и инспекторамъ, такъ и вообще ко всѣмъ профессорамъ и преподавателямъ. Если кроткія мѣры и исправительныя наказанія окажутся для этого недѣйствительными, то представлять мнѣ о проступившихся студентахъ, какъ казеннокоштныхъ такъ и своекоштныхъ, для отсылки таковыхъ въ военную команду. Извѣстнымъ вашему превосходительству Высочайшимъ указомъ 9-го ноября 1831 года, послѣдовавшимъ на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ принимать только тѣхъ молодыхъ людей въ студенты и допускать къ слушанію университетскихъ лекцій, кои съ успѣхомъ окончатъ полный гимназическій курсъ ученія и предъявятъ одобрительные аттестаты, или въ самомъ университетѣ выдержатъ строгое испытаніе во всѣхъ предметахъ гимназическаго ученія. Къ сожалѣнію, дошли до меня слухи, что это Высочайшее повелѣніе не во всей строгости наблюдается по Харьковскому университету и изъ 124 человѣкъ, принятыхъ въ студенты, 52 человѣка допущены съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ коихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо аттестованы испытательнымъ комитетомъ университета. Сверхъ сего, 9-ть человѣкъ поступили изъ Московскаго университета, и, можетъ быть, иные изъ нихъ не добровольно этотъ университетъ оставили. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство доставить мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: 1) именной списокъ ихъ, съ объясненіемъ, на какомъ основаніи каждый изъ 124-хъ человѣкъ принятъ въ студенты и 2) какія о каждомъ изъ нихъ были отмѣтки испытательнаго комитета. Въ заключеніе долженъ еще я присовокупить, что безъ точнаго исполненія всѣхъ вышесказанныхъ мѣръ и безъ строгой разборчивости столько же при вступленіи студентовъ, сколько и при ихъ выпускѣ, цѣль правительства въ отношеніи къ университетамъ никогда не можетъ быть достигнута, и я считаю обязанностію обратить на всѣ эти предметы особое и усиленное наблюденіе вашего превосходительства, ректора и всѣхъ участвующихъ въ управленіи университетскомъ“.

Копію этой бумаги Уваровъ отправилъ и вновь назначенному помощникомъ попечителя гр. Панину, который далъ на это слѣдующій отвѣтъ.

„Милостивый государь, Сергѣй Семеновичъ. Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства и приложенную къ нему копію предписанія вашего господину попечителю Харьковскаго учебнаго округа о безпорядкахъ харьковскихъ студентовъ удостоился и получить 25-го

сего мѣсяца. Не смѣя долѣе пользоваться милостивымъ снисхожденіемъ вашего превосходительства, я рѣшаюсь поспѣшить отъѣздомъ къ мѣсту назначенія моего, чтобъ узнать означенное дѣло во всей подробности и получить скорѣе возможность успокоить ваше превосходительство по этому предмету".

Попечитель Филатьевъ далъ отъ себя слѣдующее объясненіе.

"Получивъ предписаніе вашего высокопревосходительства отъ 11-го минувшаго апрѣля о неприличномъ поведеніи нѣкоторыхъ изъ своекоштныхъ студентовъ, предающихся разнымъ безпорядкамъ, могущимъ вовлечь университетъ въ отвѣтственность, я обратился къ розысканію этихъ безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что ваше высокопревосходительство предписываете мнѣ ввести строжайшую дисциплину и подчиненность студентовъ какъ къ ректору и инспекторамъ, такъ и вообще ко всѣмъ профессорамъ и преподавателямъ. Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что у насъ въ университетѣ духъ неповиновенія и безначалія не существуетъ; съ начала моего вступленія въ должность я понынѣ и неослабно за симъ наблюдаю, что доказывается моими письменными распоряженіями въ университетѣ, которыя, когда осчастливите университетъ личнымъ посѣщеніемъ, буду имѣть честь представить. Не отвергаю того, чтобы въ числѣ студентовъ разныхъ званій, разныхъ образованій съ дѣтства, ибо между ними есть мѣщане, семинаристы, не было такихъ, коихъ бы поведеніе могло быть одобряемо, но таковыхъ обуздываемъ мѣрами власти, предоставленной университетамъ, и не исправляющихся исключаемъ по уставу, что и случилось со студентомъ Русановымъ, который за хожденіе въ позорные дома 27-го марта сего года исключенъ изъ университета, по журналу правленія университета, съ моего утвержденія; на сихъ дняхъ исключается студентъ Гуровъ за то, что совершенно не оказываетъ успѣховъ въ ученіи, ничѣмъ не занимается и при экзаменѣ получилъ худо во всѣхъ предметахъ. Проступковъ же такихъ, по которымъ бы слѣдовало студента отослать въ военную команду, благодаря Бога, по сіе время не случилось. При этомъ случаѣ позвольте, ваше высокопревосходительство, изъяснить мнѣніе мое. По правиламъ университетовъ студента за неприличное поведеніе слѣдуетъ исключать и во всѣ учебныя заведенія публиковать, слѣдовательно, молодой человѣкъ, впадшій, иногда по неопытности или по слабости, въ проступокъ, навсегда опороченъ и обезславленъ, и отнять путь къ образованію; родители, пораженные несчастіемъ сына, могу сказать, убиты тогда, какъ онъ, сдѣлавъ разъ, по безрасудности своей, проступокъ, могъ бы исправиться и, можетъ быть, могъ бы быть полезнымъ гражданиномъ; доложу открито-

венно, что мѣру эту признаю слишкомъ строгою, ибо она сопряжена съ безчестіемъ. Ведущихъ себя неприлично исправлять въ университетѣ нѣтъ никакой возможности, да и существенною обязанностью университета я не могу сего, по чувству, признавать,—дѣло университета преподавать науки.—Какіе способы университетъ имѣетъ наблюдать за поведеніемъ и нравственностью студентовъ, разселенныхъ по цѣлому городу на своихъ квартирахъ? Инспекторъ изъ профессоровъ и педели не есть достаточное ручательство; первому нѣтъ времени для точнаго и неослабнаго надзора, на педелей нельзя положиться рѣшительно: они люди необразованные и часто низкаго происхожденія. Сообразивъ все это, осмѣливаюсь изложить мнѣніе мое предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, какъ начальникомъ, пекущимся о благѣ общемъ.

1. Студентовъ, оказавшихся въ неприличномъ поведеніи, не исключать съ опубликованіемъ и не давать никакого свидѣтельства отъ университета, что онъ былъ въ немъ и слушалъ такіе-то предметы, а просто, возвратя ему документы его, съ какими онъ вступилъ, исключать изъ списка студентовъ, оставивъ только въ журналѣ правленія случай, по которому онъ этому подвергся, съ утвержденія попечителя. Ему не закрыть путь къ образованію, только уже не въ томъ университетѣ или училищѣ, и этотъ урокъ можетъ его исправить, ибо время, которое онъ находился въ томъ университетѣ, откуда исключенъ, имъ потеряно.—Не поставьте мнѣ въ вину, ваше высокопревосходительство, откровенное мое изложеніе, но извѣстно повсюду, что чѣмъ строже законъ, тѣмъ болѣе уклоняются отъ исполненія его, ибо человечество и состраданіе къ ближнимъ невольно увлекаетъ челоѣка и заставляеть его самого подвергаться преступленію неисполненіемъ въ точности закона. Цѣлью правительства является не наказаніе, а отвращеніе преступленія. Если студентъ подвергнется проступку такого рода, за что каждый долженъ быть подвергнутъ сужденію по законамъ, то онъ долженъ подлежать обыкновенному сужденію учрежденныхъ для того судебныхъ мѣстъ; въ таковыхъ важныхъ случаяхъ университетъ, исключивъ его, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, отдаетъ его гражданскому вѣдомству для поступленія по закону. Университетъ не есть судебная инстанція, обязанности его другія.—Обыкновенныя преступления студентовъ въ отношеніи къ университету суть: а) упущеніе лекцій, б) куреніе табака, ибо это запрещено; в) познія отлучки изъ квартиры; г) пьянство и хожденіе въ непотребные дома; е) карточная игра; ф) неисполненіе каковаго-либо распоряженія университетскаго; г) ссора между собою или съ какимъ-нибудь мас-

теровымъ; h) грубость передъ педагогомъ; вотъ единственные случаи, какіе были въ трехлѣтнее прохожденіе мое настоящей должности. За пьянство и карточную игру рѣшительно выгонялись изъ университета, и таковые не могутъ и не должны быть терпимы.

2) Опытъ доказалъ мнѣ, что весьма много неудобствъ отъ того, что инспекторъ своекоштныхъ студентовъ есть профессоръ, и потому признаю весьма полезнымъ имѣть инспектора изъ отставныхъ военныхъ штабъ-офицеровъ съ приличнымъ жалованьемъ и квартирными деньгами. Военный для этого способнѣе, и нѣтъ другихъ сношеній у него со студентами, кромѣ начальства. Профессора вообще не имѣютъ тѣхъ способностей, каковыя требуются отъ инспектора, и не имѣютъ того точнаго понятія о подчиненности, которое необходимо для начальника; они большею частію сами были студентами гдѣ-нибудь и не имѣли, по образу жизни и служенія, той опытности, каковая нужна въ инспекторѣ. Относительно инспектора изъ профессоровъ для казеннокоштныхъ студентовъ, по мнѣнію моему, нѣтъ неудобствъ, ибо студенты всѣ въ казенномъ зданіи живутъ и присмотръ легко и удобно имѣть за ними. О принятіи студентовъ съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ коихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо аттестованы испытательнымъ комитетомъ университета, имѣю честь донести слѣдующее. Дѣйствительно таковые были приняты или удостоены къ принятію испытательнымъ комитетомъ и правленіемъ университета. Изъ находящихся нынѣ на лицѣ 18 человѣкъ по медицинскому факультету съ обязательствомъ большею частію слушать математику, предметъ, который не читается на медицинскомъ факультетѣ и не находится, по уставу, въ составѣ этого факультета, а нѣкоторые съ обязательствомъ слушать латинскій языкъ. Это обыкновенно дѣлается въ университетѣ и не есть ничто новое, но существуетъ съ давняго времени; съ поступленія же моего въ попечители при приемѣ въ студенты экзаменуются гораздо строже, чѣмъ прежде, и этимъ я отъ многихъ навлекъ на себя большое неудовольствіе и ропотъ. Латинскій языкъ у насъ, къ сожалѣнію, весьма слабъ въ гимназіяхъ, употребляютъ всѣ возможные способы къ усиленію его и вотъ истинная причина снисходительности университета, а не злоупотребленія каковыя-либо.

16 человѣкъ принято также по юридическому факультету, 5 человѣкъ по словесному и 2 по математическому, всего 41 человѣкъ. Копію со списковъ о нихъ испытательнаго комитета имѣю честь представить.—Кромѣ ихъ есть таковые же 8 человѣкъ, но не принятые въ студенты, хотя допущены слушать лекціи, по непредставленію

должныхъ о званіи документовъ. Нѣкоторые изъ таковыхъ оставили вовсе университетъ въ теченіе перваго же года вступленія въ него. По полученіи предписанія вашего высокопревосходительства, я предложилъ университету о точномъ и строжайшемъ наблюденіи правилъ, для пріема студентовъ предписанныхъ, и воспретилъ пріемъ съ обязательствомъ слушать въ университетѣ предметъ, изъ коего недостаточенъ экзаменъ. При годичныхъ экзаменахъ студентъ экзаменуется довольно строго, и не выдержавшій хорошаго экзамена не переводится на слѣдующій курсъ, а остается еще на годъ на томъ же курсѣ. Объ этихъ 41 человекѣ ожидаю предписанія вашего высокопревосходительства: оставить ли ихъ всѣхъ на первомъ курсѣ или оказавшихъ успѣхи разрѣшено будетъ переводить на слѣдующій курсъ. Вслѣдъ засимъ буду имѣть честь представить о 9 студентахъ, изъ Московскаго университета сюда поступившихъ. Ожидая прибытія вашего высокопревосходительства, я замедлил настоящимъ моимъ донесеніемъ. Многое буду имѣть честь лично объяснить о составѣ Харьковскаго университета, и одно личное присутствіе ваше можетъ возвести его на ту степень, на которой должны быть университеты, и на мѣстѣ усмотрите дѣйствія и распоряженія мои. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія моего помощника: по крайней мѣрѣ, будетъ постороннее лицо видѣть дѣйствія мои, которыя здѣсь судятся и принимаются не въ томъ видѣ, какъ они есть. Здѣсь не привыкли къ близкому началству, и многое вкоренилось, какъ обычай, чего быть не должно“.

Министръ далъ на это объясненіе такой отвѣтъ.

„Разсмотрѣвъ донесеніе вашего превосходительства отъ 1-го сего іюля, долгомъ почитаю сообщить вамъ, милостивый государь, слѣдующее. Предположеніе вашего превосходительства, чтобы инспекторъ надъ своекоштными студентами былъ изъ отставныхъ штабъ-офицеровъ, теперь не можетъ приведено быть въ дѣйствіе, а примется въ соображеніе при составленіи новыхъ для университетовъ уставовъ. Хотя я и согласенъ съ вашимъ превосходительствомъ, что преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ слабо, но со всѣмъ тѣмъ не надлежало бы принимать въ студенты 41 человекъ, списокъ коимъ съ отмѣтками испытательнаго комитета вы мнѣ доставили. Этихъ 41 студента не иначе можно перевести въ слѣдующій курсъ, какъ по строгому испытаніи и съ удостоенія совѣта университета“.

На дополнительное представленіе Филатьева Уваровъ отвѣтилъ такъ.

„Изъ донесенія вашего превосходительства отъ 12 іюля о 9-ти студентахъ и 3-хъ вольнослушающихъ, поступившихъ изъ Москов-

скаго университета въ Харьковскій, я усмотрѣлъ, что двое изъ нихъ приняты на второй курсъ, а прочіе 11 человѣкъ даже на 3 или окончательный. Я обизываюсь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что въ данномъ случаѣ поступлено несогласно съ Высочайшимъ указомъ, правительствующему сенату даннымъ 4-го августа 1818 года, и съ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, сообщеннымъ въ выпискѣ изъ журналовъ его отъ 14 августа и 4 сентября 1828 года. На основаніи ихъ для приобрѣтенія правъ, дѣйствительному студенту присвоенныхъ, необходимо слѣдуетъ пробывать въ одномъ и томъ же университетѣ не менѣе трехъ лѣтъ сряду. Такимъ образомъ и время, проведенное въ другомъ университетѣ, ни прерванное учене въ томъ же заведеніи къ полному трехлѣтнему курсу зачитываемы быть не могутъ. Настоящее допущеніе на 2-й и 3-й курсы упомянутыхъ молодыхъ людей тѣмъ менѣе для правленія университета извинительно, что нѣкоторые изъ нихъ оказались съ недостаточными въ разныхъ предметахъ познаніями, между тѣмъ, какъ и Высочайшимъ повелѣніемъ, и распоряженіями министерства предписано повсюду усилить строгость экзаменовъ. Вслѣдствіе сего предлагаю вашему превосходительству: 1) принятыхъ изъ Московскаго университета студентовъ и вольныхъ слушателей, вопреки существующимъ правиламъ, на 2-й и 3-й курсы Харьковскаго университета продержатъ препремѣнно три года, буде пожелаютъ воспользоваться правами, не относя этого къ тѣмъ изъ нихъ, коихъ нынѣ же слѣдуетъ исключить за нерадѣніе или неспособность; 2) строжайше предписать совѣту университета о точномъ наблюденіи на будущее время здѣсь изложеннаго. Между тѣмъ и ваше превосходительство обязаны обращать вниманіе, чтобъ существующія по учебной части правила были во вѣренномъ вамъ университетѣ неослабно соблюдаемы“.

Между тѣмъ, проф. Венедиктовъ для подтвержденія и разъясненія своего доноса былъ вытребованъ въ Петербургъ, гдѣ давалъ слѣдующія показанія шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу:

„Изъ происшествій, достойныхъ по важности послѣдствій Высочайшаго Его Императорскаго Величества вниманія, случившихся въ 1832-мъ году, послѣ незабвеннаго посѣщенія Государемъ Императоромъ Харьковскаго университета, оказываются слѣдующія обстоятельства, какъ изъясненія духа, въ неизмѣняемомъ направленіи коего предпринято воспитаніе народное вообще и въ частности окончательное образованіе юношества въ университетахъ, а именно: 1) пренебреженіе Высочайшей воли и постановленіе закона незыблемаго основанія трона принятіемъ въ студенты многихъ молодыхъ людей, совершенно недо-

стойныхъ какъ относительно познаній, такъ преимущественно въ нравственномъ отношеніи; 2) злоупотребленіе священнаго имени Его Величества для отставки профессора архитектуры Васильева, совершенно невиннаго; 3) тайное покровительство, оказываемое всякаго рода разврату и возмутительному духу въ молодыхъ людяхъ, воспитывающихся въ университетѣ и въ гимназіяхъ, дабы симъ способомъ приготовить ужасное поколѣніе, способное къ величайшимъ злодѣяніямъ и ненавидящее самодержавную власть; 4) оставленіе безъ надлежащаго изслѣдованія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, могущихъ служить ключемъ къ дознанію важныхъ государственныхъ тайнъ. Всѣ эти обстоятельства могу изложить и доказать достаточно, но поелику долгъ присяги, преданность къ престолу и любовь къ отечеству заставляютъ меня говорить истину, обвиняющую моихъ начальниковъ, которымъ обязанъ, какъ подчиненный, почтительнымъ повиновеніемъ, то вторично осмѣливаюсь умолять о допущеніи меня къ стопамъ Его Императорскаго Величества для объявленія истины, чрезъ что только могу быть весьма полезнымъ.

„Графъ Александръ Никитичъ Панинъ, помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, исправляющій теперь должность попечителя, командировалъ, вопреки существующему постановленію о невыѣздѣ ректора университета изъ города безъ разрѣшенія господина министра, статскаго совѣтника Кронеберга, ректора Харьковскаго университета, въ С.-Петербургъ и другіе города съ тайнымъ порученіемъ, мнѣ неизвѣстнымъ. Г-нъ Кронебергъ выѣхалъ изъ Харькова 14-го числа сего января, и я видѣлъ его сани на постояломъ дворѣ, не доѣзжая до Москвы между предпоследнею и послѣднею станціею. Въ одно почти время выѣхала изъ Харькова въ Москву полковница Надежда Ѳеодосеевна Бердяева, изъ фамиліи Раевскихъ, родственница Раевского, участвовавшего въ извѣстномъ заговорѣ 14-го декабря, а генералъ майорша Елизавета Пестель—изъ С.-Петербурга также въ Москву. Такъ какъ мысли, неблагопріятныя для правительства, какъ графа Панина, такъ и Кронеберга мнѣ извѣстны, а г-жи Бердяева и Пестель суть близкія родственницы лицъ, ненавидящихъ Государя Императора, то я имѣю причины подозрѣвать въ такомъ разочтенномъ соединеніи какой-либо тайный, злой умыселъ, тѣмъ болѣе, что г-жа Бердлева, какъ я слышалъ въ Харьковѣ, сожгла какую-то зеленую книгу въ каминѣ, во время слѣдствія тайной полиціи, при самомъ уже обыскѣ. Для успѣшнѣйшаго изслѣдованія этого обстоятельства, могущаго быть великой важности, осмѣливаюсь предложить чиновника, отлично способнаго для такового рода дѣлъ, служащаго теперь въ департаментѣ удѣловъ директоромъ вновь открывающагося земледѣль-

ческаго училища—надворнаго совѣтника Матвѣя Байкова, который можетъ своими талантами способствовать чиновнику тайной полиціи, каковаго вашему сіятельству угодно будетъ назначить. Догадки мои относительно изложенныхъ обстоятельствъ получать гораздо большую степень вѣроятія въ то время, когда, во исполненіе приказанія вашего сіятельства, изложу письменно мнѣ извѣстное. Доказательства справедливости перваго показанія суть слѣдующія.

Въ 18^{32/33} академическомъ году утверждены его превосходительствомъ господиномъ попечителемъ Харьковскаго университета Филатьевымъ въ званіи студентовъ, между прочими, 56 человѣкъ съ обязательствомъ слушать нѣкоторыя, существенно необходимыя для предварительныхъ познаній, науки и выдержать изъ нихъ экзаменъ по окончаніи года, хотя эти молодые люди испытательнымъ комитетомъ къ принятію удостоены не были. Въ этомъ можно удостовѣриться изъ журналовъ упомянутаго комитета, которые хотя и вытребованы обратно въ правленіи университета попечителемъ, но точная справка еще возможна. Объ этомъ обстоятельствѣ доводимо было мною до свѣдѣнія его свѣтлости князя Ливена частнымъ письмомъ, а равно извѣстно господину управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія его превосходительству Уварову, что доказываетъ его отношеніе къ г. попечителю по сему предмету и предложеніе г. попечителя правленію университета. Нѣкоторые изъ этихъ вновь принятыхъ студентовъ получены были особенному надзору инспектора, какъ уже прежде замѣченные въ неблагонадежномъ поведеніи, а именно: Антонъ Тржецескій, Алексѣй Залѣскій, Генрихъ Брокенгаутъ, Николай Скрябинъ и Андрей Курасовскій, не взирая на неоднократныя личныя мои, по долгу инспектора, представленія, что несравненно бы лучше было вовсе не принимать таковыхъ, ибо они распространяютъ заразительный развратъ между прочими студентами; сверхъ того, и усмотрѣть за ними не возможно по негодности нѣкоторыхъ педелей, опредѣленныхъ для непосредственнаго наблюденія за поступками и занятіями студентовъ. Но эти представленія мои оставались тщетны. Антонъ Тржецескій былъ утвержденъ въ званіи студента г. попечителемъ, не взирая на то что лично было обѣщано мнѣ самимъ попечителемъ не принимать его Тржецескаго, по причинѣ худой моей о немъ рекомендаціи. Въ числѣ этихъ студентовъ попечителемъ принято нѣсколько поляковъ, молодыхъ людей питающихъ ненависть къ Россіи, и даже оказываемо было имъ особое покровительство; кромѣ того принято нѣсколько человѣкъ, по неволѣ удалившихся изъ Московскаго университета. И объ этомъ обстоятельствѣ было мною доводимо до свѣдѣнія его свѣтлости князя Ливена,

а, слѣдовательно, извѣстно г-ну управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Достойно замѣчанія, что г. попечитель по распоряженію высшаго начальства отправлялся вмѣстѣ съ профессорами Кронбергомъ и Архангельскимъ въ Польскія училища для осмотра ихъ и преобразованія и, признавая Польскую революцію благороднымъ дѣломъ патріотизма, оказывалъ всегда особенное покровительство молодымъ людямъ изъ поляковъ. Относительно 2-го пункта честь имѣю донести, что никому лучше не должно быть извѣстно, — произнесены ли были Государемъ Императоромъ, во время посѣщенія Его Величествомъ Харьковскаго университета 12-го сентября 1832 года, дѣйствительно слова объ отрѣшеніи профессора Васильева при томъ случаѣ, когда попечитель показалъ на незначительную трещину стѣны бібліотеки, какъ вашему сіятельству. Бывшій Харьковскій губернаторъ Каховскій говорилъ мнѣ и другимъ, что онъ словъ Государи Императора, кои бы можно было принять за Высочайшее повелѣніе объ отрѣшеніи профессора Васильева, не слышалъ, не взирая на то, что ни на мгновеніе не отлучался отъ лица Его Величества. Впрочемъ, дѣло объ отрѣшеніи умершаго профессора Васильева разсматривается теперь въ комитетѣ гг. министровъ, хотя, къ сожалѣнію, никто не можетъ ходатайствовать, по смерти его, о раскрытіи его невинности. При этомъ долгомъ считаю присовокупить, что упомянутая стѣна была свидѣтельствована въ фундаментѣ на законномъ основаніи, и актъ свидѣтельства, оправдывающій профессора Васильева, подписанный гражданскимъ архитекторомъ и ассессоромъ губернскаго Харьковскаго правленія, долженъ находиться при дѣлахъ правленія университета. Тайное намѣреніе г. попечителя въ семъ случаѣ, кромѣ удовлетворенія своего мщенія, было, вѣроятно, то, чтобы показать свое могущество и высокую степень довѣренности къ нему Государи Императора и во вторыхъ, дабы показать, если смѣю такъ выразиться, неосмотрительность Государи Императора и чрезъ то возбудить пагубную мысль въ народѣ на счетъ правосудія и милосердія Отца отечества. Въ возможности такового намѣренія могъ я догадаться изъ нѣкоторыхъ словъ Харьковскаго вице-губернатора Пестеля, роднаго брата извѣстнаго государственнаго преступника, произнесенныхъ имъ во время откровеннаго разговора мною съ нимъ въ его кабинетѣ, когда я рассказывалъ происшествіе съ несчастнымъ профессоромъ Васильевымъ, при чемъ онъ, испытывая какъ бы меня, наклонялъ всю вину на Государи Императора. Достойно также вниманія, что безчеловѣчный поступокъ попечителя съ профессоромъ Васильевымъ возбудилъ всеобщее сожалѣніе жителей города Харькова, кои всѣ любили и уважали заслуженнаго старца, похороненнаго усерднымъ по-

жертвованіемъ жителей, и семейство коего теперь существуетъ только подаваніемъ. Доказательства справедливости 3-го пункта находятся въ черновыхъ инспекторскихъ запискахъ. Въ справедливости многихъ важныхъ обстоятельствъ можно удостовѣриться безпристрастно строгимъ изслѣдованіемъ, а справедливость иныхъ не можетъ быть очевидна, ибо они случились при одномъ мѣѣ. Но самое главное можетъ быть очевидно доказано, а именно, что студенты вели себя откровенно худо, что бывшее 28-го октября 1832 года возмущеніе, въ которомъ дѣйствительно участвовалъ теперешній ректоръ Харьковскаго университета профессоръ Кронебергъ, оставлено безъ послѣдствія, и что таковыя возмутители не только сокрыты, но, пользуясь противузаконнымъ покровительствомъ, находятся и теперь въ университетѣ; наконецъ, несмотря на то, что эти обстоятельства должны быть извѣстны господину управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, а равно, по гласности ихъ, вашему сіятельству, но не доведены до свѣденія Государи Императора, преимущественно обращающаго Высочайшее вниманіе на нравственность молодыхъ людей, приготавливаемыхъ въ университетахъ для государственной службы, и даже не изслѣдованы законнымъ порядкомъ. Въ отчетѣ Харьковскаго университета, который долженъ быть представленъ Его Величеству къ 1-му января этого года, вышеупомянутыя обстоятельства также скрыты. Изъ всего изложеннаго очевидно покровительство буйства и разврата высшимъ начальствомъ и пагубный духъ, подъ господствомъ коего воспитывается россійское юношество. Что и въ гимназіяхъ водворяется отъ же самый пагубный для престола и отечества адскій духъ разврата и буйства, можно усмотрѣть изъ безпристрастнаго на мѣстѣ неизслѣдованія дѣла о безпорядкахъ въ Курской гимназіи и внимательнаго разсмотрѣнія почти революціонныхъ правилъ, составленныхъ профессоромъ Архангельскимъ для этой гимназіи. Правила эти съ опроверженіями на нихъ директора Курской гимназіи Станевича, теперь же отъ этой должности уволеннаго, находятся въ правительствующемъ сенатѣ, ибо они при рапортѣ директора представлены были туда 2-го октября 1832 года. Но дѣло это предано забвенію по участію помощника попечителя Харьковскаго университета графа Александра Ивановича Панина, его брата товарища министра юстиціи, министра внутреннихъ дѣлъ, сильно покровительствующаго по родственнымъ связямъ, попечителя Филатьева и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Доказательствомъ 4-го пункта служить оставленіе безъ изслѣдованія письма, на польскомъ языкѣ написаннаго,

пѣкоаго Александра Стаха къ студенту Харьковскаго университета Владиславу Богдановичу, случайно доставшагося мнѣ въ руки, въ бытность мою инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ, которое мною было представлено бывшему Харьковскому губернатору Каховскому, попечителю Филатьеву и ректору университета профессору Еллинскому, а равно оставленіе безъ вниманія подозрѣній моихъ относительно пожара, бывшаго въ Харьковѣ 8-го апрѣля 1833 года.

Ваше сіятельство! Вѣрный другъ Великаго Царя! Говорить истину не есть преступленіе тѣмъ болѣе, что я осмѣливаюсь говорить ее, движимый пламенною любовью къ бѣдствующему отечеству, для благоденствія коего и для славы Августѣйшаго Императора почту за счастье жертвовать моею жизнію. Убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство эту мою записку довести до свѣдѣнія Государя Императора, правосуднаго и милосерднаго отца отечества. Страстная любовь моя къ престолу и отечеству, вселенная въ меня съ дѣтскихъ лѣтъ, побуждала меня безпрестанно изыскивать средства къ излѣченію болѣзней государственнаго организма; для многихъ они покажутся ничтожными, странными, но не таковыми, осмѣливаюсь думать, для того, кому чувствительнѣе каждаго изъ подданныхъ раны отечества“.

Гр. Бенкендорфъ поручилъ майору корпуса жандармовъ Панютину произвести негласное слѣдствіе по поводу доноса Венедиктова въ Харьковѣ, и Панютинъ представилъ объ этомъ слѣдующій секретный рапортъ.

„Во исполненіе повелѣнія вашего сіятельства отъ 24 марта минувшаго 1834 года честь имѣю почтительнѣйше донести. Имѣя строгое наблюденіе и тщательный надзоръ за профессоромъ Харьковскаго университета надворнымъ совѣтникомъ Венедиктовымъ, я ничего не узналъ за нимъ предосудительнаго касательно его домашней жизни, поведенія и нравственности. Касательно же поступковъ его и дѣйствій по университету, достовѣрно мною узнаны слѣдующія обстоятельства. При экзаменѣ на степень доктора медицины нѣкотораго иностранца, по фамиліи Машра, выдававшего себя за сына министра иностранныхъ дѣлъ короля Баварскаго, содержавшагося подъ строжайшимъ арестомъ во время польскаго мятежа, — онъ, профессоръ Венедиктовъ, и бывшій профессоръ Экебладъ противились сильно удостоенію Машра докторской степени, чего непременно желали бывшій попечитель Харьковскаго университета Филатьевъ и помощникъ попечителя графъ Панинъ. Въ послѣдствіи времени медико-хирургическая С.-Петербургская академія совершенно оправдала мнѣніе профессоръ Венедик-

това и Экеблада, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилила гоненіе на нихъ бывшаго попечителя Филатьева и графа Панина. Кромѣ того, профессоръ Венедиктовъ, состоя членомъ училищнаго комитета, подалъ рѣзко написанное мнѣніе объ удаленіи отъ изслѣдованія по дѣлу нѣкотораго титулярнаго совѣтника Носова тѣхъ членовъ, которые участвовали прежде въ рѣшеніи того же самаго дѣла и были причиною отрѣшенія съ худымъ аттестатомъ упомянутаго Носова, бывшаго директоромъ въ землѣ войска Черноморскаго. Дѣло это проволочивается уже семь лѣтъ и въ немъ замѣшана большая часть профессоровъ университета, а преимущественно Кронебергъ. Мнѣніе профессора Венедиктова, поданное имъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, возбудило сильную ненависть къ нему многихъ профессоровъ, а особенно Кронеберга и помощника попечителя графа Панина. Сверхъ того, профессоръ Венедиктовъ въ этомъ мѣсяцѣ подалъ въ совѣтъ университета рапортъ относительно противузаконнаго принятія на третій курсъ и удостоенія степеніи дѣйствительнаго студента нѣкотораго Федора Клевенскаго, который въ ноябрѣ 1832 г. былъ удаленъ изъ университета за азартную карточную игру. При этомъ рапортѣ профессоръ Венедиктовъ представилъ документъ, свидѣтельствующій о справедливости его донесенія. Изъ документа этого и изъ общихъ въ городѣ слуховъ узнано мною, что въ октябрѣ 1832 г. было въ университетѣ между студентами противъ бывшаго ректора Еллинскаго и профессора Венедиктова, бывшаго тогда инспекторомъ студентовъ, за произведенное домашнимъ образомъ тѣлесное наказаніе двухъ студентовъ Вольфингера и Куликова возмущеніе, котораго главною причиною былъ родной племянникъ профессора Кронеберга, студентъ Иванъ Кронебергъ, дѣйствовавшій по наставленію своего дяди, желавшаго снискать своимъ покровительствомъ любовь и благорасположеніе студентовъ. Студентъ Иванъ Кронебергъ остался безъ всякаго наказанія и отправленъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію своимъ дядею, который потомъ сдѣланъ ректоромъ университета. Эти обстоятельства и какой-то пасквиль, подброшенный профессору Венедиктову, который открылъ по почерку, что онъ писанъ женою профессора Кронеберга, составляютъ главнѣйшую причину ненависти и злонамѣренныхъ дѣйствій профессора Кронеберга противъ профессора Венедиктова. Профессоръ Венедиктовъ, во время исправленія имъ должности инспектора своекоштныхъ студентовъ университета, извѣстенъ былъ своею строгостію, дѣятельностію и благонамѣренностію; теперешній же инспекторъ профессоръ Павловскій, участвовавшій въ возбужденіи противъ профессора Венедиктова, имѣетъ совершенно противоположныя правила и, будучи въ тѣсныхъ

дружескихъ связяхъ съ ректоромъ университета Кронебергомъ, употребляетъ всѣ средства къ сокрытію студентскихъ, часто значительныхъ, шалостей, дабы выставить прежняго инспектора въ ненавистномъ видѣ и заслужить къ себѣ привязанность. Профессоръ Венедиктовъ не принадлежитъ къ партіи профессора Кронеберга, сильно поддерживаемой графомъ Панинымъ, заслужилъ неблаговоленіе попечителя, графа Головкина, за представленіе мнѣнія въ медицинскій факультетъ относительно удостоенія званія профессора бывшаго акушера Харьковской врачебной управы Гана, который избранъ графомъ Головкинымъ домашнимъ докторомъ, по связямъ его съ содержателемъ пансіона Роберти. Сынъ же содержателя пансіона Роберти состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Головкинѣ и пользуется его отличнымъ расположеніемъ, въ доказательство чего можно привести то обстоятельство, что графъ Головкинъ хотѣлъ купить домъ содержателя пансіона Роберти за 90000 р. для гимназіи, который не стоитъ и третьей части вышешписанной цѣны“.

Всѣ доносы Венедиктова были препровождены къ графу Уварову, который, разсмотрѣвъ ихъ и выслушавъ словесныя его объясненія, сдѣлалъ такой докладъ Государю. „Долгомъ считаю довести до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія о заключеніи моемъ какъ по данному обстоятельству, такъ и вообще о положеніи Харьковского университета. Сколько я могъ судить изъ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній Венедиктова, этотъ профессоръ, будучи движимъ благонамѣреннымъ, но темнымъ чувствомъ своихъ обязанностей, преувеличивъ въ собственныхъ глазахъ своихъ важность нѣкоторыхъ малозначащихъ обстоятельствъ и предполагая между ними какую то небывалую связь и таинственное политическое значеніе, котораго вовсе доказать не могъ, увлекъ себя до такой степени, что пылкое воображеніе, вмѣстѣ съ свойственною теоретикамъ въ жизни неопытностью, побудило его беспокоить Ваше Величество показаніемъ, въ неосновательности коего, какъ кажется, онъ самъ сознается. Таковой, смѣю сказать, *оптический обманъ* имѣетъ свое основаніе какъ въ провинціальныхъ предубѣжденіяхъ и обычаѣ принимать умственно мѣсто своего пребыванія за центръ государства, такъ и въ продолжительныхъ беспорядкахъ, почти непрерывно колебавшихъ существованіе Харьковского университета. Обращаясь къ этому послѣднему предмету и сличивъ частныя факты, представленныя Венедиктовымъ, съ прочими источниками, коими я могъ пользоваться, я открылъ слѣдующее. Не утруждая Ваше Величество продолжительнымъ изложеніемъ всѣхъ предыдущихъ обстоятельствъ въ исторіи этого университета, долженъ я откровенно сказать, что изъ уни-

верситетовъ нашихъ Харьковскій менѣе всѣхъ приблизился къ своей цѣли и даже нынѣ начинаетъ далеко отставать отъ прочихъ въ новомъ ихъ направленіи къ обновленію, болѣе или менѣе замѣтномъ уже въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причины этого слѣдующія: *во первыхъ*, неудовлетворительное съ давнихъ лѣтъ положеніе всѣхъ почти гимназій округа, исключая Полтавской; *во вторыхъ*, духъ партій и непрерывный раздоръ между профессорами и чиновниками во все существованіе университета; *въ третьихъ*, неспособность высшихъ начальниковъ; *въ четвертыхъ*, необращеніе вниманія на приготовленіе людей, способныхъ къ учительскимъ должностямъ; *въ пятыхъ*, несоразмѣрность штатовъ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ цѣнъ на потребности жизни; *въ шестыхъ*, происходящій ото всѣхъ этихъ причинъ духъ унынія, слабости, небреженія къ должностямъ, со всѣми признаками моральнаго упадка. Этотъ рядъ столь важныхъ недостатковъ, изъ коего каждый доказывается и множествомъ фактовъ, и всеобщимъ отголоскомъ, требуетъ, конечно, долговременныхъ усилій къ излѣченію, и хотя, по мѣрѣ возможности, предприняты различныя мѣры къ обновленію университета, долженствовавшего имѣть благотѣльное вліяніе на воспитаніе русскаго юношества, но я не смѣю хвалиться доселѣ значительными успѣхами и считаю долгомъ всеподданнѣйше заявить, что, по крайней мѣрѣ, положеніе вещей извѣстно министерству, и что оно не ослѣпляется нѣсколькими признаками болѣе благопріятными, въ теченіе настоящаго года замѣченными. Это самое положеніе объясняетъ, почему, со многихъ сторонъ, доходятъ до министерства показанія разнаго рода и даже отъ самого университета. Узнавши, что на него обращается нынѣ бдительное вниманіе, предстали сюда и попечитель, и ректоръ, и нѣсколько профессоровъ Харьковского университета, всѣ съ разными, иногда противоположными свѣдѣніями, коихъ однако же окончательный результатъ состоитъ въ томъ, что университетъ не цвѣтетъ, и что открытіе университета св. Владиміра нанесетъ ему, вѣроятно, тяжкій ударъ, если не будутъ припаты мѣры, дабы онъ могъ выдержать это соперничество, которое потому только опасно для университета Харьковского, что самъ онъ не находится на свойственной ему степени.

Для достиженія цѣли необходимо нуженъ начальникъ, умѣющій соединять съ твердостію права навыкъ обходиться съ людьми, начальникъ, поставленный довольно высоко въ общемъ мнѣніи, чтобы казаться въ глазахъ подчиненныхъ не только справедливымъ исполнителемъ воли высшаго правительства, но и ходатаемъ и заступникомъ предъ нимъ, словомъ, безпристрастнымъ цѣнителемъ и трудовъ, и слабостей своихъ подчиненныхъ. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было

даровать Харьковскому учебному округу новые штаты; симъ постановляется, безъ сомнѣнія, одно изъ главнѣйшихъ условій будущаго устройства университета, но и тутъ предстоитъ начальству его обязанность употребить особую дѣятельность въ предварительномъ преобразованіи училищъ и въ послѣдующемъ уже введеніи новыхъ штатовъ, ибо безъ условно даровать ихъ училищамъ въ настоящемъ ихъ видѣ не только было бы бесполезно, но даже вредно, ибо этимъ умноженіемъ средствъ и выгодъ частныхъ утвердились бы на мѣстахъ своихъ недостойные преподаватели, терпимые доселѣ единственно по невозможности, при скудныхъ окладахъ, замѣнить ихъ надежнѣйшими. Всѣ эти разсужденія, вкратцѣ здѣсь изложенныя, ведутъ къ заключенію, что Харьковскій университетъ требуетъ перемѣны въ начальствѣ, ибо отъ этой перемѣны можно только ожидать новаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженія давно вкоренившихся недостатковъ. Доводи объ этомъ, по долгу моего званія, до Высочайшаго Вашего Величества свѣдѣнія, я ни мало не хочу распространить хотя малѣйшаго сомнѣнія на образъ мыслей или намѣренія нынѣшняго попечителя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Филатьева. Напротивъ, я нахожу себя обязаннымъ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ объ усердномъ его желаніи, при видѣ всѣхъ вышеизложенныхъ безпорядковъ, положить имъ конецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ обязываюсь откровенно сказать, что г. Филатьевъ не въ силахъ исполнить такового предпріятія и противоборствовать затрудненіямъ, требующимъ и хладнокровной проникаемости, и твердости безпристрастной, и нѣкоторой, такъ сказать, смѣтливости, признака коихъ я не могъ замѣтить въ его управленіи Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Къ этому я считаю себя не менѣе обязаннымъ присовокупить, что помощникъ его графъ Панинъ, при всѣхъ его много обѣщающихъ усердіи и дѣятельности, нынѣ, по моему мнѣнію, не можетъ еще съ успѣхомъ управлять округомъ, по недостаточной опытности и по краткости времени и нахождения его въ настоящемъ званіи; полезные плоды трудовъ графа Панина будутъ несомнѣнно еще ощутительнѣе подъ руководствомъ избраннаго Вашимъ Величествомъ попечителя. Между тѣмъ, весьма было бы желательно, въ таковомъ положеніи вещей, гдѣ всѣ подробности нынѣшняго состоянія Харьковскаго университета не вполнѣ раскрыты предъ министерствомъ, когда эти подробности становятся тѣмъ болѣе необходимыми, что надлежитъ начертать планъ для преобразованія и проложить новую, твердую дорогу къ исправленію — отправить въ Харьковъ довѣренное лицо, коего можно бы снабдить отсюда всѣми надлежащими свѣдѣніями, и которое, вникнувъ на мѣстѣ во всѣ подробности, могло

бы представить Вашему Величеству нѣкоторое обозрѣніе учебной части въ тамошнемъ краѣ. Если Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ одобрить эту мысль, то я осмѣливаюсь всеподданнѣйше ходатайствовать объ указаніи такого лица. Что касается до профессора Венедиктова, то онъ чувствуетъ самъ затруднительное положеніе, въ которое онъ себя неумышленно поставилъ; но такъ какъ его намѣренія оказываются чистыми и его порывъ не подлежитъ морально никакому нареканію, то можно бы перевести его въ Казанскій университетъ, гдѣ онъ будетъ весьма полезенъ, находясь въ новомъ кругу лицъ и предметовъ, подъ надзоромъ надежнаго попечителя. Впрочемъ, я считаю долгомъ довести до Высочайшаго Вашего Величества свѣдѣнія, что Венедиктовъ имѣетъ въ Харьковѣ жену и шестерыхъ дѣтей, собственный домъ, хорошую практику, какъ врачъ, и что всякое перемѣщеніе было бы для него довольно тягостно; къ сему осмѣливаюсь присовокупить, что и дальнѣйшее его оставленіе при Харьковскомъ университетѣ не сопряжено бы было съ особыми неудобствами, еслибъ на это воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Весь ходъ моихъ соображеній объ этомъ предметѣ, изложенный, смѣю сказать, столько же откровенно, сколько и безпристрастно, имѣю я счастье повергнуть всеподданнѣйше на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоуваженіе“.

При отношеніи статсъ-секретаря Танѣева отъ 2 марта 1834 г., возвращена разсмотрѣнная Его Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшая докладная записка управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 1 марта 1834 г., съ Высочайшею резолюціею: *„Предоставляю рѣшить самимъ вамъ“*.

На основаніи Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи, послѣдовавшей на всеподданнѣйшую докладную записку о профессорѣ Харьковскаго университета Венедиктовѣ, управляющій министерствомъ разрѣшилъ отправиться ему въ Харьковъ къ прежнему мѣсту его служенія.

Изъ представленныхъ здѣсь данныхъ видно, что доносъ проф. Венедиктова оказался плодомъ его разгоряченной болѣзненной фантазіи и поэтому былъ оставленъ безъ послѣдствій, а самъ онъ, только во вниманіе къ его многочисленному семейству, не былъ переведенъ въ Казань. Да иначе отнестись къ его указаніямъ было и невозможно: очевидно, ему мерещилась вездѣ измѣна и измѣнники, если въ число ихъ онъ не постѣснялся помѣстить, безъ всякихъ основаній, и попечителя Филатьева, и его помощника гр. Панина, и ректора Кронеберга, и вице-губернатора. Къ сожалѣнію, изслѣдуя указанія Венедиктова, не изслѣдовали его самого и такимъ образомъ не могли констатировать

психоза, которымъ страдалъ этотъ человѣкъ. Будучи предрасположенъ къ болѣзненной подозрительности, онъ, очевидно, еще болѣе усилилъ ее въ себѣ, исполняя должность инспектора своекоштныхъ студентовъ. Видя въ студентахъ тайныхъ враговъ, будучи убѣжденъ, что они погрязли въ развратѣ, и считая необходимыми по отношенію къ нимъ самыя суровыя мѣры, онъ, естественно, встрѣчалъ оппозицію своимъ предположеніямъ со стороны товарищей профессоровъ, въ особенности же тогдашняго ректора профес. Кронеберга, обладавшаго и умомъ, и тактомъ, и должнымъ авторитетомъ. Съ нимъ то у него и выходили главнымъ образомъ пререканія. Что же касается студентовъ, то они, какъ онъ самъ рассказываетъ, подняли противъ него открытый бунтъ, послѣ того какъ онъ распорядился *тайно* высѣчь двухъ ихъ товарищей. Эта тайная, запрещенная закономъ, экзекуція также говоритъ въ пользу его ненормальности, равно какъ и его догадки о какомъ то подозрительномъ пожарѣ и студенческомъ письмѣ. Можно думать, что главнымъ пунктомъ его психоза было опасеніе революціонныхъ движеній, вызванное событіями 14 декабря и подогрѣтое польскимъ мятежомъ, въ которомъ, какъ извѣстно, видную роль игралъ также и профессоръ Виленскаго университета Лелевель. Этимъ объясняется его боязнь студентовъ—поляковъ, коихъ всѣхъ поголовно онъ считалъ революціонерами. Любопытно его указаніе на Матвѣя Байкова, который, по его словамъ, обладалъ талантами, необходимыми для тайнаго разслѣдованія политическихъ преступленій; этотъ Байковъ, еще въ бытность кандидатомъ, состоялъ директоромъ студенческаго библейскаго сотоварищества и прошелъ свою школу подъ руководствомъ попечителя Е. В. Карпѣва; при Перовскомъ же онъ былъ уже экстраординарнымъ профессоромъ математики, инспекторомъ студентовъ и въ то же время правителемъ канцеляріи попечителя.

Въ связи съ дѣломъ Венедиктова стоялъ и уходъ попечителя Филатьева. Мы видѣли, что С. С. Уваровъ въ докладѣ Государю прямо указывалъ на необходимость замѣны Филатьева болѣе авторитетнымъ попечителемъ, способнымъ уничтожить безпорядки въ университетѣ и вывести его изъ того упадка, въ какомъ онъ находился. Этимъ и объясняется назначеніе на эту должность гр. Ю. А. Головкина. Филатьевъ пользовался довѣріемъ кн. Ливена, но съ назначеніемъ на постъ министра С. С. Уварова, долженъ былъ почувствовать, что почва подъ его ногами колеблется и что ему нужно обезпечить себѣ почетный переходъ въ другое вѣдомство.

Въ 1833 году кн. Ливена смѣнилъ С. С. Уваровъ, а въ самомъ началѣ 1834 года В. И. Филатьевъ уже подалъ ему прошеніе объ от-

ставкѣ, гдѣ писалъ. „Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Сергѣй Семеновичъ! Сколь ни лестно для меня служить подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства, но совершенное разстройство здоровья моего, при всемъ моемъ усердномъ желаніи продолжать службу по мѣсту, мною занимаемому, лишаетъ меня силъ и возможности нести званіе столь многотрудное, каково есть званіе попечителя, и въ точности исполнять обязанности его, и потому беру смѣлость, прибѣгнувъ къ высокому вашему покровительству, покорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ званія сенатора, званія, въ которомъ еще надѣюсь быть полезенъ служеніемъ своимъ Государю и отечеству; сохраненіе получаемыхъ мною по званію попечителя округа окладовъ дастъ мнѣ способъ къ приличному себя и семейства содержанію. Предаваясь всегда волѣ Августѣйшаго Монарха, не осмѣливаюсь просить о назначеніи меня въ Московскій сенатъ, гдѣ могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться водами минеральными для поправленія здоровья своего, и гдѣ близость небольшого имѣнія облегчитъ мнѣ надзоръ за своимъ хозяйствомъ и тѣмъ обезпечитъ будущность пятерыхъ моихъ дѣтей. Отъ удаленія моего отъ имѣнія по службѣ въ Харьковѣ, состояніе мое годъ отъ году приходитъ въ большее разстройство, такъ что безъ продажи нѣкоторой части имѣнія, не могу избавиться отъ долговъ“. Къ этому прошенію Филатьевъ присоединилъ слѣдующій свой собственный отзывъ о своей дѣятельности. „При вступленіи въ должность попечителя я нашелъ университетъ по части учебной въ точномъ и не мнимомъ упадкѣ, что всѣмъ и каждому не только въ Харьковѣ, но и въ округѣ было извѣстно; многія важнѣйшія каѳедры, каковы, напримѣръ, каѳедра философіи, каѳедра русской словесности, каѳедра русскаго законодательства были пусты, равно какъ и каѳедра политической экономіи, и потому профессора отзывались мнѣ на это, что никого нѣтъ у нихъ для замѣщенія первыхъ трехъ хотя бы временно; я нашелъ людей и употребилъ ихъ съ пользою для учащихся; люди эти извѣстны вашему высокопревосходительству—Чановъ, Якимовъ, Бабичевъ, что нынѣ директоръ Таганрогской коммерческой гимназіи, Гордѣнковъ и Степановъ; за смертью проф. Филомафитскаго, я поручилъ каѳедру всеобщей исторіи также извѣстному вашему высокопревосходительству Цыху, и такимъ образомъ преподаваніе этихъ столь важныхъ предметовъ продолжалось и продолжается въ университетѣ. Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что преподаватели эти достойны званія своего. Съ прискорбіемъ нашелъ я въ университетѣ, что одни студенты политическаго факультета слушали лекціи Закона Божія, прочимъ же въ обязанность это не вмѣнялось; приказавъ всѣмъ факультетамъ слушать лекціи

богословія, вмѣнилъ въ обязанность университета экзамены начинать этимъ важнѣйшимъ предметомъ, тогда какъ этого до меня не было. Узнавъ о злоупотребленіяхъ, дѣланныхъ при годичныхъ экзаменахъ, ввелъ новый порядокъ экзаменовъ въ первый же годъ моего вступленія и тѣмъ если не совершенно истребилъ злоупотребленія, то весьма ихъ затруднилъ, такъ что почти едва они могутъ случаться. Усмотрѣвъ, что нѣкоторые профессора читаютъ лекціи безъ системы, студенты не имѣютъ никакихъ записокъ, предписалъ профессорамъ держаться конспектовъ своихъ и послѣ каждой лекціи давать студентамъ краткія записки о ней, т. е. существо ея, черезъ что профессора вынуждены были слѣдовать систематическому порядку, а студентамъ облегчалось изученіе предмета. Студенты обязаны были слушать только предметы, обозначенные въ факультетѣ, для праздности оставалось весьма много времени,—я ввелъ, чтобы студенты всѣхъ факультетовъ слушали необходимые для всякаго образованнаго человѣка предметы на общихъ лекціяхъ. Поправилъ отношенія профессоровъ къ студентамъ и усилилъ надзоръ за сими послѣдними; рѣшительно всѣ жители всѣхъ сословій Харькова скажутъ, что студенты Харьковскаго университета при мнѣ сдѣлались лучшими и по части ученія, и въ отношеніи нравственности. По части хозяйственной, что могъ, исправилъ, и сравненіе годовыхъ отчетовъ можетъ это показать. Въ отношеніи управленія округомъ, умѣрилъ властолюбіе и самовольство училищнаго комитета и далъ дѣламъ его лучшее и безпристрастное направленіе. Сколько могъ, старался очищать округъ отъ людей дурного поведенія и худой нравственности. Все, что смѣлъ здѣсь изложить, доказывается моими университету предписаніями, имѣющимися въ правленіи, въ училищномъ комитетѣ и совѣтѣ. Былъ столь счастливъ, что Государь Императоръ при обозрѣніи университета остался доволенъ. Въ губерніи Волынской и Подольской открылъ 4 гимназіи и 1 уѣздное училище, давъ туда достойныхъ учителей, мною изъ округа выбранныхъ, не говоря уже о томъ, что по части фундушей училищныхъ въ этихъ двухъ и Кіевской губерніи привелъ ихъ въ ясность департаменту народнаго просвѣщенія. Почти всѣ мои предложенія относительно устройства училищъ въ этихъ губерніяхъ приведены въ дѣйствіе самимъ моимъ начальствомъ и правительствомъ, что все видно по дѣламъ министерства, подъ высокимъ управленіемъ вашего высокопревосходительства состоящаго“.

Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ докладъ Государю о просьбахъ Филатьева, и послѣ сношенія съ министромъ юстиціи Государь соизволилъ дать должность сенатора Филатьеву въ Москвѣ и оставить ему попечительскій окладъ (6600 + 6000 р. = 12600 р.). Ми-

нистръ юстиціи заявилъ, что онъ былъ доволенъ службою Филатьева по министерству внутреннихъ дѣлъ, и что въ Москвѣ въ сенатѣ нужны люди съ характеромъ и правилами. При отставкѣ Филатьевъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники ¹⁾).

Къ сожалѣнію, трудно и даже невозможно провѣрить нѣкоторыхъ сообщений В. И. Филатьева о его дѣятельности на пользу Харьковскаго университета — напримѣръ, повышенія умственного и нравственного уровня студенчества; правда, попечитель ссылается здѣсь на отзывъ рѣшительно всѣхъ жителей г. Харькова, но, къ сожалѣнію, *такого* отзыва не запечатлѣлъ ни одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ; а двое современниковъ дають Филатьеву иную характеристику. С. И. Кованько говоритъ: „дѣйств. статскій совѣтникъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа Владиміръ Ивановичъ Филатьевъ (1830—1834 гг.) пріѣхалъ въ 1830 году, удалилъ изъ университетскаго помѣщенія католическую церковь, для которой съ того времени благотворительными особами подарено мѣсто и построены домъ, *обѣщавъ* доставить студентамъ всѣ учебныя пособія, насадилъ садикъ во дворѣ и любилъ поправлять диссертациі“ ²⁾. Проф. А. С. Венедиктовъ отзывается о немъ такъ: „Филатьевъ былъ подъяческаго характера. Мѣстомъ попечителя онъ обязанъ былъ Блудову, своему пріятелю и роднѣ черезъ жену, а Блудовъ былъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія князя Карла Андреевича Ливена. Филатьевъ былъ посылаемъ княземъ Ливеномъ вмѣстѣ съ профессоромъ Архангельскимъ и еще другимъ кѣмъ то въ Польшу, по усмиреніи бывшаго тогда возстанія, для работъ по учрежденію въ краѣ училищъ. По возвращеніи Филатьева въ Харьковъ, появились и поляки студенты въ Харьковскомъ университетѣ, народъ съ горячими головами, „запалѣны головы“, съ которыми было не мало возни инспекціи университета. Педеля университета — Краль, Орловскій — были шпіонами у Филатьева“ ³⁾. Главною заслугою своею Филатьевъ считаетъ приглашеніе преподавателей на вакантныя каѳедры; имѣ, по его словамъ, было приглашено 6 преподавателей, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ онъ самъ ставитъ Чанова, но въ дѣйствительности среди нихъ выдающееся мѣсто принадлежало Цыху, къ сожалѣнію, очень скоро покинувшему Харьковъ; Бабичевъ также скоро промѣнялъ профессуру на директорство въ Таганрогской гимназіи; такимъ обра-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52945—1895.

²⁾ Прибавленіе къ Харьк. Губ. Вѣд. 1859, № 40.

³⁾ Записано Чирикскимъ со словъ проф. А. С. Венедиктова; см. бумаги Чирикова среди рукописей Харьк. историко-фил. общества.

зомъ, съ именемъ Филатьева нужно связать приглашеніе Якимова, Гавр. Гордѣенка и Т. Степанова; всѣ эти лица были питомцами Харьковскаго университета, и въ заслугу Филатьеву нужно поставить то, что онъ сознательно стремился къ замѣщенію ими вакантныхъ каѳедръ въ университетѣ, въ виду того, что невозможно было пригласить выдающихся профессоровъ изъ другихъ мѣстъ. Въ дѣлѣ требованіи отъ профессоровъ конспекта *каждой лекціи* Филатьевъ, очевидно, впалъ въ излишество и напрасно его поставилъ себѣ въ заслугу; въ связи съ этимъ стояло и его вмѣшательство въ область чисто научную; какъ мы видѣли, онъ выставилъ себя компетентнымъ въ сферѣ юридическихъ и словесныхъ наукъ, хотя никакой специальной подготовки въ нихъ не получилъ; вѣроятно, на этомъ основаніи онъ любилъ поправлять диссертации, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ С. И. Кованько, и принималъ участіе въ разсмотрѣніи конспектовъ по философіи, какъ сознается самъ. Въ заслугу ему нужно поставить однако его разумный взглядъ на проступки студентовъ.

Ректоромъ при Филатьевѣ былъ профессоръ хирургіи Н. И. Еллинскій (съ 1830 по 1833 годъ). Это былъ питомецъ Харьковскаго университета, превосходный профессоръ и клиницистъ, преданный наукѣ, ученый и усердный, хотя болѣзненный, разстроившій себѣ непосильными трудами здоровье ректоръ. Разстройство здоровья побудило его сравнительно въ раннихъ лѣтахъ, послѣ 13 лѣтъ профессорской службы, проситься въ отставку и хлопотать о полномъ пансіонѣ. По болѣзни онъ долженъ былъ отказаться также отъ сдѣланнаго ему предложенія принять должность ректора въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Вотъ что писалъ онъ самъ по этому поводу въ докладной запискѣ министру народнаго просвѣщенія. „Въ 1830 году совѣтъ университета избралъ меня ректоромъ. Къ многотруднымъ ученымъ занятіямъ присоединились тогда новыя заботы. Мнѣ надобно было управлять огромнымъ заведеніемъ и огромнымъ учебнымъ округомъ, состоявшимъ въ то время изъ 16 губерній. Вскорѣ послѣ этого открылась холера, по причинѣ коей два медицинскихъ профессора посланы были правительствомъ въ мѣста, ею зараженные. Изъ оставшихся членовъ факультета никто не хотѣлъ взять на себя преподаванія наукъ отсутствовавшихъ профессоровъ; но я, несмотря на другія обременительныя обязанности, не отказался принести новую жертву заведенію, меня воспитавшему, и принялъ каѳедру анатоміи и акушерства. Такое напряженіе силъ, не смотря на мою молодость, не могло не потрясти моего здоровья. Къ прискорбію моему, ежедневныя припадки развивавшейся болѣзни болѣе и болѣе убѣждали меня, что усердіе къ службѣ

завлекло меня слишкомъ далеко, а потому въ сентябрѣ прошлаго 1832 года рѣшился я подать просьбу объ отставкѣ его превосходительству Владиміру Ивановичу Филатьеву. Ожидая рѣшенія на эту просьбу, я продолжалъ однако по прежнему исправлять свою должность и тѣмъ еще болѣе разстроилъ себя“. Н. И. Еллинскій ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды, но и тамъ получилъ только временное облегченіе отъ своей болѣзни. Въ это время ему предложили должность ректора во вновь открываемомъ университетѣ св. Владиміра. Онъ сначала было согласился, но потомъ, въ виду, обострившейся болѣзни, отказался и наконецъ получилъ отставку по болѣзни и полный пенсіонъ¹⁾. Попечитель округа В. И. Филатьевъ далъ объ Еллинскомъ весьма благопріятный отзывъ министерству. „При большихъ и глубокихъ его познаніяхъ, писалъ В. И. Филатьевъ, онъ всегда отличался усердіемъ своимъ къ пользамъ университета и неутомимою дѣятельностью, своимъ благопріемъ, безпримѣрною честностью и совершеннымъ безпристрастіемъ, благоразумными поступками и дѣйствіями, какъ и въ кругу служебныхъ обязанностей, такъ и въ гражданской частной жизни, былъ лучшимъ примѣромъ для всего образующагося въ университетѣ юношества. Университетъ теряетъ въ немъ незамѣнимаго профессора во всѣхъ отношеніяхъ; всѣ усилія мои убѣдить Еллинскаго не оставляютъ университета остались тщетными; разстроенное его здоровье и домашнія обстоятельства къ тому его понуждали. Я взялъ смѣлость исходатайствовать ему годовой отпускъ, но и этимъ не успѣлъ его убѣдить. Въ управленіе мое Харьковскимъ университетомъ я имѣлъ не ректора въ немъ, но сотрудника, самаго благонамѣреннаго человѣка, съ чистѣйшими и благороднѣйшими видами, чуждаго всякаго рода своекорыстія и пристрастія. На основаніи § 18 утвердительной грамоты, призовокупляю и мое ходатайство о полной пенсіи Еллинскому, тѣмъ болѣе, что онъ и нынѣ не перестаетъ быть полезенъ наукамъ изданіемъ своей диссертациі, и мнѣ извѣстно, что онъ не прерываетъ ученыхъ своихъ занятій и готовитъ полезныя медицинскія сочиненія, равно какъ и замѣчанія свои о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. По мнѣнію моему, г. Еллинскій заслуживаетъ, сверхъ пенсіи, награжденія слѣдующимъ чиномъ. В. И. Филатьевъ, очевидно, былъ склоненъ къ крайностямъ: въ дѣлѣ Брандейса (о которомъ скажемъ ниже) онъ выставилъ Еллинскаго въ очень отрицательномъ видѣ, не хотѣлъ видѣть его въ должности ректора; теперь, наоборотъ, называлъ его идеальнымъ ректоромъ и, между прочимъ, отмѣчалъ его полное безпристрастіе, которое

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 52908/1894.

опровергалъ въ изложеніи столкновенія его съ проф. Брандейсомъ. Нужно предполагать, что и въ порицаніяхъ, и въ похвалахъ В. И. Филатьевъ впалъ въ нѣкоторую крайность; противорѣчіе въ его отзывѣхъ объ Еллинскомъ было замѣчено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа въ 1834 году представилъ Еллинскаго на должность ректора университета св. Владимира.

Въ ректорство Еллинскаго возникло новое дѣло о проф. Брандейсѣ, окончившееся выходомъ его въ отставку. Въ 1830 году вспыхнула въ Харьковѣ холера. Университетское начальство должно было принять мѣры къ охранѣ отъ заразы студентовъ. Своекоштные студенты по большей части разѣхались по домамъ. Но остались казеннокоштные, среди которыхъ, несмотря на всѣ принятія мѣры предосторожности, и открылась эта болѣзнь. Между тѣмъ врачъ этихъ казеннокоштныхъ студентовъ проф. Брандейсъ, по словамъ инспектора Байкова и ректора Еллинскаго, не захотѣлъ немедленно, по первому зову, явиться къ заболѣвшимъ, хотя на другой день его видѣли разѣзжавшимъ по городу, такъ что лѣченіе ихъ вынужденъ былъ принять на себя ректоръ Еллинскій. Такъ было дѣло по докладу ректора. Но проф. Брандейсъ энергически отрицалъ это и хотѣлъ отстранить отъ слѣдствія, порученнаго правленію, своего обвинителя и врага Еллинскаго, бывшаго предсѣдателемъ этого учрежденія. Вотъ его рапортъ въ совѣтъ. „Совѣтъ университета, по предложенію ректора, имѣющаго со мною личныя неудовольствія и нанесшаго мнѣ обиды, предписалъ сдѣлать о моихъ поступкахъ слѣдствіе правленію университета, гдѣ ректоръ предсѣдательствуетъ и гдѣ самое слѣдствіе подъ главнѣйшимъ вліяніемъ обвинителя моего. Знаменитые мужи! Предъ судъ вашъ предстоитъ невинно гонимый, безпомощный, и власть первенствующая, рѣшающая судьбу каждого изъ васъ отдѣльно. Законъ Имперіи Россійской даетъ гласъ обиженному; законъ даетъ всѣ способы къ оправданію невинно обвиняемому; законъ уполномачиваетъ обвиняемаго указать смѣло на неправое судящихъ и отдаляеть отъ суда ихъ. Въ лицѣ ректора представляется нынѣ притѣснитель мой. Я вотъ, предъ вами,—знаменитые мужи, и прежде нежели изреку истину, единственную защиту правоты моей, осмѣливаюсь, на основаніи законовъ Имперіи, просить васъ объ удаленіи всякаго участія въ этомъ дѣлѣ неправого обвинителя моего ректора Еллинскаго и всѣхъ тѣхъ, кои по преданности не могутъ быть почтены непреклонными къ нему. Сила законовъ да хранитъ правоту мою отъ всякаго даже свѣдѣнія ихъ объ этомъ дѣлѣ. Прошу васъ, знаменитѣйшее сословіе ученыхъ мужей, въ этомъ трибуналѣ положить опредѣленіе объ удаленіи отъ присутствованія по дѣлу моему лицъ,

мнѣ не благосклонныхъ; о нихъ поданъ будетъ мною особый отзывъ и тогда я принесу оправданіе противъ возводимой на меня клеветы. По случаю же ожиданія скорого пріѣзда г. попечителя университета, я всепокорнѣйше прошу всякое производство по дѣлу этому отложить до его пріѣзда. Предъ нимъ, какъ предъ справедливѣйшимъ главнымъ начальникомъ, не сокроются личныя неудовольствія, которыя являются причиною всѣхъ затѣянныхъ противъ меня несправедливостей, и онъ узритъ лично ревностное и безпорочное исполненіе моего долга, чего и вы, знаменитые мужи, отринуть не можете“. Совѣтъ постановилъ: хотя за употребленныя въ этомъ прошеніи проф. Брандейсомъ выраженія, показывающія неуваженіе къ лицу ректора и даже для него обидныя, и слѣдовало бы сдѣлать ему строгое замѣчаніе, но какъ попечитель приказать изволилъ производство дѣла о буйственныхъ поступкахъ проф. Брандейса остановить до его пріѣзда въ Харьковъ, съ тѣмъ однако, какъ объясняется попечитель въ письмѣ къ ректору, чтобы совѣтъ имѣлъ наблюденіе за поступками этого профессора, и по пріѣздѣ его въ Харьковъ, донесъ бы объ этомъ его превосходительству, то настоящее прошеніе приобщается также къ дѣлу ¹⁾. Вскорѣ Брандейсъ возбудилъ ходатайство передъ правленіемъ объ отстраненіи отъ слѣдствія и члена его Кронеберга. „Обязываюсь врожденнымъ долгомъ самозащиты всепокорнѣйше испрашивать симъ подлежащаго распоряженія правленія относительно устраненія на всегда члена его, г-на профессора Кронеберга отъ прямого и косвеннаго участія въ сужденіи дѣлъ, производящихся обо мнѣ въ семъ правленіи. Давнишняя, сильная, нескрываемая вражда ко мнѣ г. Кронеберга (который, — мною, — самъ не отречется подтвердить таковой образъ своихъ ко мнѣ отношеній), не можетъ не быть извѣстна ни г-дамъ членамъ правленія, ни большей части сословія г-дъ профессоровъ здѣшняго университета. Заключаю о томъ и потому, между прочимъ, что это не избѣжало отъ прозорливости внимательнаго г. попечителя сего университета, который, не давши какъ на сихъ дняхъ, воодушевляясь столь отличающею его превосходительство высокою справедливостію, съ прямо рыцарскимъ радушіемъ, изволилъ изъяснить мнѣ не двусмысленное свое удивленіе, свѣдавъ, что и г. Кронебергъ состоитъ въ числѣ судей въ дѣлѣ, отъ рѣшенія коего зависитъ гражданская моя честь. Въ бывшее, въ 12-й день текущаго мѣсяца, чрезвычайное засѣданіе правленія, въ которое и я былъ, для очной ставки, призванъ, открытый и несомнѣнный явилъ г. Кронебергъ знакъ своей ко мнѣ неприязни (коей столько уже горь-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. сов. 1830 г., стр. 256, 332.

кихъ опытовъ имѣю), сказавъ, на замѣчаніе мое, что не слѣдуетъ ему на меня кричать: „*Die Zeiten sind vorbei*“, т. е., что (моя) пора уже прошла, что уже и потому не долженъ бы былъ онъ говорить, что всякія не принадлежащія къ дѣлу рѣчи, въ засѣданіе коллегіи мѣста имѣть не могутъ, по силѣ нижеслѣдующихъ уставовъ ¹⁾.

Съ симъ вмѣстѣ о уваженіи вышеизложенной просьбы моей буду я утруждать и особу г. попечителя.

Въ заключеніе сего прошу правленіе благоволить принять, по содержанію сей просьбы, въ соображеніе нижеслѣдующія узаконенія ²⁾.

Слѣдствіе объ этомъ дѣлѣ было поручено министерствомъ вновь назначенному попечителю В. И. Филатьеву, который, собравъ необходимыя справки, далъ на первыхъ порахъ очень неблагопріятное заключеніе о проф. Брандейсѣ. Вотъ его подлинный текстъ. „Со времени пріѣзда моего въ Харьковъ, вслѣдствіе предписанія вашей свѣтлости, я старался узнать, безъ огласки, о поступкахъ и дѣйствіяхъ проф. Брандейса, относительно неприбытія его въ свое время къ страдавшему холерою студенту, въ прошломъ году, объ уклоненіи его отъ пользованія вообще студентовъ, и о дерзкихъ поступкахъ его противъ ректора. Дабы лучше узнать Брандейса и покороче, я старался облазкати его, бывъ предубѣжденъ въ пользу его тѣмъ, что онъ ученый и искусный медикъ, отличный профессоръ по своей части, и не желая потерять его, для пользы университета, рѣшился помедлить моимъ донесеніемъ о немъ вашей свѣтлости, полагая, что можно склонить и убѣдить его, какъ умнаго человѣка, оставить дерзкій и сварливый свой характеръ, обращаться кротко и вѣжливо съ профессорами и симъ водворить тишину и спокойствіе въ университетѣ, безпрестанно, при всякомъ случаѣ, имъ, Брандейсомъ, нарушаемую. Но онъ видѣвъ себя когда будто покровительствуемымъ мною, еще болѣе оказывалъ дер-

¹⁾ Уст. морск., кн. 1, гл. 1, отд. 1.

Генеральн. реглам., гл. XXI, въ коей, между прочимъ, изображено: „никому не позволено въ коллегіи о другихъ дѣлахъ разговоры имѣть, токмо о тѣхъ, которыя къ Его Императорскаго Величества службѣ касаются, наименьшемъ неогребеніи и праздниа слова... имѣть“;

Ук. 1743, октяб. 20. О недопусканіи въ судахъ говорить посторонняго, и

Ук. 1766, мар. 31, ст. 8, въ коей, между прочимъ, изложено: „никакихъ... озлобленій никому не чинить. А буде кто въ противность вышеписаннаго поступитъ, слѣдуя по воинскому процессу, наказывать въ силу указовъ“.

²⁾ Соборнаго уложенія, гл. X, ст. 3 и гл. XXI, ст. 7, установлен. 7171, янв. 4. Ук. 1720, мая 4 и 1743, окт. 31. Нак., дан. комисс. о сочинен. проэк. нов. уложен. ст. 126 и 182, Учрежден. для управлен. губери., ст. 406, 409 и 468, да пункт. 11. Докл. кн. Репи. по Смоленск. губери.“

зость и ненависть, клеветалъ на всѣхъ и поносилъ каждого честь и знаніе, однимъ словомъ, злоба его превзошла всякую мѣру вѣроятія: онъ одинъ, по его словамъ, знающій профессоръ, всѣ прочіе невѣжды, онъ одинъ честный человѣкъ, прочіе—воры и плуты, онъ—истинно въ душѣ благороденъ, прочіе—подлецы, вотъ что я долженъ былъ имѣть терпѣніе отъ него слушать и никакими благонамѣренными убѣжденіями не могъ успѣть обратить его на истинный путь исправленія.

Не довольствуясь этимъ, Брандейсъ сдѣлался дерзкимъ и невѣжливымъ противъ меня; но я, будучи все еще убѣжденъ, что преподаваніе его студентамъ казалось хорошимъ и основательнымъ, что клиника содержитъ имъ въ порядкѣ, расходы ея не велики, пренебрегалъ поступками его противъ меня до тѣхъ поръ, пока не увѣрился 1) въ томъ, что онъ при студентахъ публично поносилъ нѣкоторыхъ профессоровъ, преимущественно медицинскаго отдѣленія, и инспектора студентовъ Байкова, что чрезъ это можетъ произойти между студентами весьма дурное, по своимъ послѣдствіямъ, направленіе, и кажется, самые доносы на инспектора Байкова имѣютъ свое начало изъ этого источника, ибо въ этомъ случаѣ студенты медицинскаго отдѣленія замѣшаны болѣе другихъ; 2) наконецъ я узналъ достовѣрно, что Брандейсъ дѣлаетъ злоупотребленіе по клиникѣ; о чемъ имѣю честь приложить особенное донесеніе по произведенномъ объ этомъ обстоятельствѣ слѣдствіи. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, когда безпрестанно возникали разные замыслы студентовъ противъ инспектора, и когда Мерцаловъ былъ исключенъ, Брандейсъ вдругъ неожиданно подалъ прошеніе объ отставкѣ. Это прошеніе его, совѣтомъ мнѣ представленное, я удержалъ по двумъ причинамъ: 1) чтобы онъ, Брандейсъ, кончилъ годовое преподаваніе свое, не прерывая его, и 2) желалъ болѣе удостовѣриться, заслуживаетъ-ли онъ ходатайства у вашей свѣтлости объ отставкѣ, по желанію его. Но теперь, представя все, до него относящееся, я рѣшился донести вашей свѣтлости, что онъ недостоинъ вовсе по характеру и поступкамъ своимъ хорошаго аттестата. Я увѣренъ, что онъ обнаружитъ себя предъ вашею свѣтlostью необыкновенною злою клеветою и презрѣніемъ ко всѣмъ членамъ университета. Происходя изъ жидовъ, онъ питаетъ ненависть ко всему христіанскому племени (что Брандейсъ происходитъ изъ жидовъ, объ этомъ я узналъ отъ попечителя Рихельевскаго лица Покровскаго, который узналъ объ этомъ въ Петербургѣ отъ одного иностранца, бывшаго въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ вмѣстѣ съ Брандейсомъ-студентомъ). На счетъ прошлыхъ поступковъ Брандейса имѣю честь донести вашей свѣтлости слѣдующее: 1) Брандейсъ точно, по двукратному призыву, къ страдавшему холерою

студенту не явился. Онъ оправдывается въ семъ случаѣ предъ мною тѣмъ, что ѣздилъ цѣлый день по городу къ больнымъ, усталъ, вспотѣлъ и принялъ лѣкарство, а потому ночью не могъ ѣхать къ больному; что пересталъ лѣчить студентовъ послѣ этого потому, что самъ ректоръ принялъ на себя эту обязанность; что на другой день въ больницу студентской онъ былъ, но не говорилъ студентамъ: „васъ всѣхъ уморять“, но я потерялъ довѣріе къ словамъ Брандейса.

2) Ректоръ Еллинскій, не видя никакого средства спасти отъ смерти страдавшаго студента, ибо нельзя отвергнуть, чтобы потеря времени 2-хъ часовъ не могла быть пагубною для больного, и какъ тогда еще медики не знали ни болѣзни, ни средствъ противъ нея, Еллинскій прибѣгнулъ къ гальванизму, но безуспѣшно. Въ то время Брандейсъ печаталъ уже свое разсужденіе о холерѣ и, узнавши о такомъ способѣ лѣченія, прибавилъ о немъ въ печатаемомъ уже манускриптѣ своемъ весьма обидное замѣчаніе для Еллинскаго, хотя имени его и не упомянулъ, но всѣ въ университетѣ и студенты не могли бы не знать, что такое обидное замѣчаніе сдѣлано—прямо насчетъ Еллинскаго, ибо онъ употребилъ гальванизмъ безуспѣшно. Манускриптъ Брандейса, отпечатанный, по случаю этого прибавленія въ немъ послѣ даннаго уже позволенія на напечатаніе, былъ удержанъ въ типографіи, по распоряженію ректора. Брандейсъ самовольно и насильно унесъ изъ типографіи нѣсколько экземпляровъ, но прибавилъ ли онъ при этомъ случаѣ солдата или нѣтъ, безъ формальнаго изслѣдованія удостовѣриться не возможно; однако, зная буйный характеръ Брандейса, можно признать это обстоятельство весьма правдоподобнымъ. Чувствуя себя обиженнымъ замѣчаніемъ Брандейса, Еллинскій изложилъ поясненіе причинъ, почему онъ употребилъ гальванизмъ, и просилъ Брандейса, прочтя его, напечатать вмѣстѣ съ своимъ замѣчаніемъ. Брандейсъ, бросивъ поясненіе это на столъ, не хотѣлъ читать и при этомъ случаѣ обыкновеннымъ своимъ дерзкимъ тономъ совершенно вывелъ изъ терпѣнія ректора Еллинскаго, который и сказалъ ему: „поди вонъ“—что весьма натурально; но самъ Брандейсъ сказалъ мнѣ, что онъ, выходя изъ кабинета, съ крикомъ ему отвѣчалъ: „misérable“. Изъ этого, Ваша Свѣтлость, изволите усмотрѣть, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Когда же кто нуженъ Брандейсу или кого онъ боится, или ищетъ обмануть, въ такомъ случаѣ онъ легко принимаетъ на себя видъ кротости и добродушія; но въ обыкновенномъ своемъ положеніи онъ имѣетъ что-то звѣрское и характеръ злобный.

По полученіи мною въ Ярославской губерніи предписанія Вашей Свѣтлости о личномъ моемъ изслѣдованіи поступковъ Брандейса, было приістановлено мною въ правленіи университета производство этого дѣла, и оно теперь находится въ такомъ же положеніи. Не излишнимъ считаю представить Вашей Свѣтлости на усмотрѣніе засвидѣтельствовавшую копію этого дѣла, истребованнаго мною по приѣздѣ въ Харьковъ. При этомъ имѣю честь приложить копію съ прошенія Брандейса, подавнаго имъ въ Совѣтъ университета, о приістановленіи этого дѣла и объ удаленіи ректора отъ присутствія, но какъ тогда уже извѣстно было Совѣту, что, по предписанію моему, это дѣло приістановлено, то по этому прошенію Брандейса никакого исполненія не послѣдовало, и оно принято къ свѣдѣнію, а, по истребованіи мною всего дѣла, мнѣ предъявлено.

Подлинное прошеніе Брандейса въ Совѣтъ объ отставкѣ имѣю честь представить Вашей Свѣтлости на разрѣшеніе. При подачѣ этого прошенія въ Совѣтъ, Брандейсъ сказалъ ректору: „вотъ первая бумага отъ меня, которая васъ обрадуетъ“. Поступокъ этотъ нельзя одобрить и назвать приличнымъ, и самъ Брандейсъ не можетъ въ томъ не сознаться. Копію съ предписанія моего ректору отъ 30 мая о злоупотребленіяхъ Брандейса по клиникѣ и таковую же копію со слѣдствія по этому дѣлу, произведеннаго проф. Артемовскимъ-Гулакомъ, деканомъ правленія, и копію съ донесенія ректора, при которомъ упомянутое слѣдствіе представлено, при семъ также имѣю честь приложить на усмотрѣніе вашего сіятельства. Брандейсъ просилъ меня объ увольненіи его въ отпускъ на 28 дней въ Москву и С.-Петербургъ; я предложилъ университету дать требуемый имъ отпускъ, дабы Брандейсъ не подумалъ, что ему затрудняютъ умысленно путь оправдаться предъ Вашею Свѣтлостію, о чемъ онъ и началъ уже распускать слухи здѣсь въ городѣ. Представляя это вашей свѣтлости, ожидаю дальнѣйшихъ распоряженій и предписаній. При этомъ имѣю честь донести, что завѣдываніе клинкою поручено будетъ проф. Блументалю, а преподаваніе всеобщей патологіи и терапіи или экстраординарному профессору Рейпольскому, или экстраординарному профессору Екебладу, по распоряженію медицинскаго отдѣленія, о чемъ въ свое время буду имѣть честь донести вашей свѣтлости, равно какъ и о замѣщеніи профессора Брандейса опытнымъ и свѣдущимъ профессоромъ“.

Вскорѣ однако попечитель самъ долженъ былъ совершенно откзаться отъ обвиненія Брандейса въ злоупотребленіяхъ по клиникѣ и смятчить свои суровые отзыы о его личности и характерѣ. Въ своемъ заключительномъ донесеніи министру онъ писалъ: „правленіе Харьков-

скаго университета, вслѣдствіе предписанія вашей свѣтлости, послѣдовавшаго на представленіе мое о просьбѣ профессора Брандейса въ отставку, изслѣдовавъ обстоятельства этого дѣла на основаніи указа 1831 года и не опредѣляя степени виновности профессора Брандейса, представило на мое усмотрѣніе. Вникнувъ въ ходъ дѣла и узнавъ на мѣстѣ всѣ побочныя обстоятельства, имѣющія на него сильное вліяніе, я мнѣніемъ полагаю предать это дѣло забвенію, какъ совершенно ничего важнаго и законопротивнаго въ себѣ не заключающее, основанное на личности и обоюдной враждѣ и, согласно съ прошеніемъ профессора Брандейса, дать ему просимую отставку, выдавъ надлежащій о службѣ его аттестатъ. Мнѣніе это основываю я на нижеслѣдующихъ причинахъ.

1. Нельзя не отдать справедливости, что профессоръ Брандейсъ устроилъ клинику въ такомъ видѣ и порядкѣ, что заведеніе это дѣлаетъ честь университету и едва ли гдѣ у насъ есть подобная, что не безызвѣстно и вашей свѣтлости. До него клиника была въ самомъ дурномъ видѣ и виѣ всякаго порядка.

2. Профессоръ Брандейсъ, улучшивъ клинику во всѣхъ отношеніяхъ, сократилъ значительно расходъ ея, такъ что менѣе штата на нее расходуется, тогда какъ до него ея содержаніе стоило гораздо болѣе; даже и въ суммѣ, платимой въ вольную аптеку за медикаменты, онъ сдѣлалъ значительное уменьшеніе. Вообще Брандейсъ привелъ хозяйственную часть клиники въ такое устройство, что остается только продолжать и слѣдовать его примѣру; трудно теперь выйти изъ точной умѣренности имъ введенной, ибо достаточность расходовъ, имъ дѣлаемыхъ нѣсколько годовъ, на опытѣ доказана.

3. Не отвергаю, что Брандейсъ характера крутого, вспыльчиваго и гордаго, но знаю теперь характеръ ректора и не могу его хвалить: скрытность и фальшивость — его отличительнѣйшія черты, а самолюбіемъ и высокомѣріемъ онъ не уступитъ противнику своему. Онъ винить Брандейса въ неуваженіи къ начальству потому, что въ этомъ случаѣ начальство онъ, ректоръ, но самъ ежечасно поступками своими относительно начальства надъ нимъ не можетъ заслуживать одобренія, хотя самъ весьма высокомѣренъ противъ визшихъ себя и подчиненныхъ. Долженъ откровенно сказать Вашей Свѣтлости, что я въ ректорѣ не имѣю себѣ сотрудника, какъ бы то должно быть; онъ часто руководимъ пристрастіемъ и личностію и управляется иногда не своимъ мнѣніемъ, а нѣкоторыми изъ гг. профессоровъ, но и въ этомъ выборѣ онъ несчастливъ, ибо попалъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ не весьма того достойныхъ и благонамѣренныхъ людей. Впрочемъ, ректоръ по своей

части—отличный профессоръ, хотя немного охотникъ до новѣйшей нѣмецкой философіи, но ректоромъ быть онъ не можетъ съ пользою для университета по его характеру.

4. Обвиненія Брандейса и его оправданія ясно изложены въ бумагахъ Брандейса, въ правленіе представленной, и изъ записки и возраженія на нихъ, сдѣланныхъ ректоромъ, хотя отъ лица правленія записка составлена и мнѣ представлена. Недостаточность обвиненія, ясность оправданія и слабость возраженія вполне удостовѣряютъ Вашу Свѣтлость, что дѣло это все основано на личности и враждѣ, и нѣтъ причинъ предавать его дальнѣйшему суду и продолжать его для соблазна университета и усиленія обоюдной злобы противниковъ. Брандейсъ довольно претерпѣлъ убытка и разстройства отъ этого дѣла, не говоря о моральномъ огорченіи: у него посѣдѣли волосы; жена его большая живетъ въ Курскѣ, а онъ безпрестанно долженъ былъ являться въ Харьковъ и жить тамъ, ибо, подавъ въ отставку, имѣлъ отпускъ по дѣламъ своимъ въ Москву, но болѣзнь жены остановила его въ Курскѣ. Поставивъ на видъ эти обстоятельства и прилагая въ подлинникѣ представленное университетомъ оправданіе Брандейса, имъ въ правленіе поданное, и вышеупомянутую записку на усмотрѣніе вашей свѣтлости, ожидаю разрѣшенія, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ“.

Между этими двумя отзывами попечителя нельзя не отмѣтить внутренняго противорѣчія, но во всякомъ случаѣ второй изъ нихъ, несомнѣнно, отличается большимъ безпристрастіемъ, чѣмъ первый, хотя въ немъ Филатьевъ для того, чтобы оправдать Брандейса, кажется, безъ должнаго основанія сталъ обвинять ректора Н. И. Еллинскаго. Такъ часто поступаютъ люди, недостаточно проницательные, не могущіе разбраться въ сложныхъ запутанныхъ вопросахъ и находить въ нихъ истинные мотивы поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Только въ своемъ послѣднемъ донесеніи В. И. Филатьевъ догадался, что подкладкою этого, по существу, неважнаго дѣла была личная вражда между Брандейсомъ, съ одной стороны, и ректоромъ Еллинскимъ, а также проф. Кронебергомъ—съ другой. Благодаря этой враждѣ, пустой случай былъ раздутъ до громкаго дѣла—и въ результатъ обострившихся отношеній было удаленіе изъ университета превосходнаго клинициста, какимъ былъ, по мнѣнію самаго начальства, Брандейсъ, и масса нравственныхъ огорченій, этимъ послѣднимъ испытанныхъ. Виновникомъ же такого исхода былъ отчасти попечитель, который сталъ рѣшительно на сторону обвинителей Брандейса, не замѣтивъ здѣсь слишкомъ яркихъ личныхъ мотивовъ ихъ въ этомъ дѣлѣ; онъ пытался даже оправдать ректора за то выраженіе, которое тотъ позволилъ себѣ по адресу Брандейса и

котораго онъ не долженъ былъ произносить („поди вонъ“). Причина вражды ректора Еллинскаго къ проф. Брандейсу намъ неизвѣстна, но самый фактъ явно враждебныхъ отношеній между ними не подлежитъ никакому сомнѣнiю. Министерство также, повидимому, было убѣждено въ этомъ; но крайней мѣрѣ, такое впечатлѣнiе производитъ отвѣтная бумага министра попечителю. „Изъ приложенныхъ при отношенiи ко мнѣ вашего превосходительства отъ 1-го августа 1831 года бумагъ, писалъ министръ, оказывалось, что ректоръ Еллинскiй и профессоръ Брандейсъ причинили другъ другу обиды и что сверхъ того Брандейсъ обвинялся въ злоупотребленiяхъ по клиникѣ. Первое, какъ касающееся до дисциплины, могло бы быть рассмотрѣно въ совѣтѣ университета и кончено по усмотрѣнiю вашего превосходительства; но послѣднее заставило меня предложить вамъ, милостивый государь мой, дать вообще этому дѣлу ходъ, предписанный § 147 устава университета. Нынѣ въ приложенномъ къ отношенiю вашего превосходительства донесенiи вамъ правленiя университета, къ удивленiю моему, говорится только о личностяхъ между ректоромъ и профессоромъ Брандейсомъ, а о злоупотребленiяхъ послѣдняго нѣтъ ни слова. Между тѣмъ, ваше превосходительство отдаете полную справедливость Брандейсу за приведенiе клиники въ отличное устройство, на содержанiе которой онъ издерживалъ несравненно менѣе, нежели сколько расходовалось прежде, когда была она въ неисправномъ состоянiи. О примѣрномъ устройствѣ клиники, во время завѣдыванiя ею Брандейсомъ, слышалъ я и прежде отъ лицъ, коимъ эта часть совершенно извѣстна. Все это заставляетъ полагать, что замѣченныя неисправности скорѣе могутъ быть приписаны незнанiю Брандейса, какъ иностранца, въ первый разъ на службу въ Россiи поступившаго, нѣкоторыхъ у насъ формъ и правилъ, нежели злоупотребленiю; притомъ, если и есть съ его стороны какiя упущенiя, то ректоръ и правленiе университета раздѣляютъ вину съ нимъ потому, что несвоевременно свидѣтельствовали веденiя Брандейсомъ расходныя книги, ибо въ донесенiи ректора къ Вашему Превосходительству отъ 17 iюля 1831 года упоминается о безпорядкахъ, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, между тѣмъ какъ по истеченiи перваго же года они должны были быть обнаружены и исправлены. Согласно мнѣнiю вашего превосходительства, предлагаю вамъ уволить Брандейса, по собственному его прошенiю, отъ службы въ университетѣ, съ выдачею ему надлежащаго аттестата, но предварительнао надлежитъ удостовѣриться, не произведены ли имъ были по клиникѣ дѣйствительно какiе незаконные расходы, и буде таковыя окажутся, взыскать съ него ихъ“.

Бражда между Брандейсомъ и университетскимъ учебнымъ начальствомъ была столь упорна, что проявлялась даже и послѣ выхода его въ отставку и назначенія на должность врачебнаго инспектора въ Орлѣ. Такъ, правленіе университета не хотѣло выдавать проф. Брандейсу жалованья — и оно было выдано ему по распоряженію попечителя. Съ своей стороны и Брандейсъ, какъ бы въ отместку своимъ врагамъ, безъ всякой нужды, выступилъ съ обвиненіемъ на проф. Комлишинскаго въ пропускѣ имъ многихъ лекцій, и по этому поводу назначено было новое слѣдствіе ¹⁾.

При Филатевѣ впервые былъ назначенъ помощникъ попечителя округа; должность эта была учреждена Высочайшимъ указомъ, и первымъ ее занялъ гр. *Александръ Никитичъ Панинъ*, остававшійся на этомъ посту съ 27 апрѣля 1833 до 1838 г., когда онъ былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ. Это былъ очень богатый человекъ: у отца его въ Смоленской губ. было 5713 душъ, въ Тверской—2684, Калужской—615 и домъ въ Москвѣ. Въ 1809 г. онъ поступилъ актуаріусомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ архивѣ, представивъ аттестатъ отъ Московскаго университета въ знаніи наукъ; затѣмъ былъ произведенъ въ переводчики и уволился въ 1812 г. для опредѣленія въ военную службу, поступивъ прапорщикомъ въ Московское ополченіе; за отличіе въ сраженіяхъ противъ французовъ при Бородино былъ произведенъ въ поручики, а при Малоярославцѣ — награжденъ орденомъ Анны 3-й ст., затѣмъ перевелся въ Псковской кирасирскій полкъ; за отличную храбрость въ сраженіи подъ Лейпцигомъ былъ награжденъ въ 1813 году орденомъ Владимира 4-й ст., съ бантомъ; за отличіе въ ночныхъ экспедиціяхъ противъ непріятеля около Гамбурга въ 1814 г. произведенъ въ штабъ-ротмистры. За кампанію 1812 года получилъ серебряную медаль на голубой лентѣ, за кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг. — королевско-прусскій орденъ; въ 1816 г. перевелся въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, въ 1817 г. — въ Кавалергардскій, въ 1819 году произведенъ въ ротмистры, въ 1820 г. — въ подполковники Глуховскаго кирасирскаго полка, въ 1825 г. уволился по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы съ чиномъ полковника и мундиромъ; въ 1830 году повелѣно было ему чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ попечителѣ съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники, причемъ ему порученъ былъ надзоръ надъ университетомъ, типографіей и частными пансіонами г. Москвы. Въ этой должности онъ также обозрѣвалъ гимназій Тверской губ. и представилъ отчетъ о своей командировкѣ

¹⁾ Харьк. Универс. Архивъ. Дѣло подъ № 1407/80.

въ 1831 г. За охрану отъ холеры учебныхъ заведеній получилъ благоволеніе Его Императорскаго Величества, затѣмъ два раза осматривалъ учебныя заведенія Калужской губ. и давалъ руководящія наставленія новому директору Калужской гимназіи Унковскому; имѣлъ знакъ безпорочной XV-ти лѣтней службы. Былъ женатъ и имѣлъ одну дочь 11 лѣтъ. Такимъ образомъ и по образованію, и по служебной дѣятельности графъ Панинъ былъ болѣе другихъ подготовленъ къ его новой должности.

Эта должность была ему предоставлена по желанію самого Государя, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ Уварову. „Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства отъ 15-го числа, коимъ Вы мнѣ предложить изволили по Высочайшему повелѣнію званіе помощника попечителя Харьковскаго университета. Одно только уваженіе несоизмѣрности силъ моихъ съ пламеннымъ усердіемъ къ службѣ могло бы меня удержать отъ принятія столь лестной должности, но благосклонное увѣреніе помощи Вашей подаетъ мнѣ надежду снисходительнаго воззрѣнія на усилія мои къ оправданію Монаршей довѣренности. Я готовъ исполнить волю Его Императорскаго Величества и за счастье поставлю служить подъ просвѣщеннымъ руководствомъ вашего превосходительства, питаю съ давняго времени въ душѣ моей чувствованія истиннаго глубочайшаго и совершенной преданности“. Въ другомъ письмѣ къ Уварову гр. А. Н. Панинъ писалъ. „Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства, принялъ я вчерашній день присягу по вновь возложенной на меня должности въ присутствіи помощника попечителя Московскаго округа. Теперь, въ ожиданіи дальнѣйшихъ вашихъ повелѣній, я стараюсь пріобрѣсти какъ можно болѣе свѣдѣній о Харьковскомъ университетѣ. Вступая въ чуждое для меня поприще, я надѣюсь единственно на наставленіе и совѣты вашего Превосходительства. Надежду мою на содѣйствіе знаменитаго руководителя могу я только сравнить съ чувствами истиннаго глубокого почтанія и совершенной преданности“.

Министръ распорядился о скорѣйшемъ отъѣздѣ его на мѣсто службы, которую онъ долженъ былъ начать съ обзорѣнія Курской гимназіи, въ которой профессоръ-визитаторъ Архангельскій нашелъ безпорядки. По пріѣздѣ его въ Харьковъ попечитель Филатевъ показалъ ему весь университетъ, составъ его, ходъ и теченіе дѣлъ и то направленіе, которымъ онъ (Филатевъ) руководился, дабы все было ему извѣстно на случай исправленія должности попечителя.

При назначеніи на должность графъ А. Н. Панинъ получилъ отъ министра слѣдующую инструкцію.

1) Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа опредѣляется для облегченія попечителя въ занятіяхъ его, для споспѣшествованія безостановочному ходу дѣлъ и для управленія учебнымъ округомъ въ случаѣ болѣзни или во время отсутствія попечителя.

2) Помощникъ попечителя въ присутствіи его никакой распорядительной власти не имѣетъ и никакихъ предписаній не даетъ отъ своего имени, но можетъ сообщать ихъ по порученію попечителя.

3) Помощникъ попечителя имѣетъ право получать свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, въ университетѣ и канцеляріи попечителя производящихся, дабы въ случаѣ, объясненномъ въ 1-й статьѣ, могъ всегда съ полнымъ знаніемъ вступить въ отправленіе обязанностей попечителя.

4) Помощнику попечителя могутъ быть предоставлены отъ попечителя временное управленіе и надзоръ за какою либо дирекціей училищъ или отдѣльно за нѣкоторыми учебными заведеніями округа для приведенія ихъ въ лучшій порядокъ или по другимъ уважительнымъ причинамъ. При такомъ распоряженіи, теченіе училищныхъ дѣлъ остается на прежнемъ основаніи, восходя установленнымъ порядкомъ до попечителя, которому помощникъ его представляетъ въ нужныхъ случаяхъ свои по тѣмъ дѣламъ мнѣнія.

5) Помощникъ попечителя обязанъ обозрѣвать всѣ учебныя заведенія округа, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ 2 года, съ представленіемъ доносеній своихъ по сему предмету министру народнаго просвѣщенія чрезъ попечителя, который, на основаніи предшествовавшей статьи, имѣетъ право присовокуплять къ нимъ свое мнѣніе¹⁾. Эта инструкция была временно допущена комитетомъ министровъ до изданія общаго устава университетовъ.

Повидимому, зависимое положеніе стѣсняло графа А. Н. Панина, и онъ рѣшился частію черезъ попечителя, а частію отъ собственнаго своего имени представить проекты реформъ Харьковскаго университета въ министерство. Министру народнаго просвѣщенія онъ написалъ слѣдующее письмо. „Увѣреніе, данное мнѣ княземъ Трубецкимъ, что ваше высокопревосходительство желаете удостоить Харьковскій университетъ своимъ посѣщеніемъ, можетъ быть, до возвращенія ближайшаго моего начальника, заставляетъ меня поручить ректору лично представить вашему превосходительству нужды наши и умолять васъ подать намъ способъ удостоиться вашей похвалы. Ближайшими средствами къ оживленію этого нѣкогда знаменитаго расадника наукъ должны быть, по моему мнѣ-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 51445/1637.

нію: 1) рѣшеніе участи Московскихъ и иныхъ опальныхъ студентовъ, коей неизвѣстность влечетъ за собою ропотъ родныхъ и родственниковъ, и введеніе правилъ, установленныхъ Его Величествомъ для пріятія и выхода студентовъ въ Александровскомъ университетѣ; 2) разрѣшеніе представленія моего объ учебныхъ пособіяхъ; 3) позволеніе профессору Кронебергу приспособить къ Харьковскому университету устройство С.-Петербургскаго педагогическаго института для пополненія учительскихъ вакансій по округу собственными средствами; 4) увеличеніе бібліотеки и кабинетовъ университета; 5) введеніе предположенія профессора Перевощикова о расширеніи физико-математическаго факультета и подраздѣленіе этого факультета на отдѣленіе собственно физико-математическое и отдѣленіе наукъ естественныхъ; 6) устройство отдѣльной мѣстной цензуры, расширеніе типографіи, устройство аптеки и литографическаго заведенія; 7) введеніе новаго устава, по крайней мѣрѣ, для Харьковской дирекціи; 8) замѣщеніе профессорскихъ вакансій достойными преподавателями, отчасти изъ корпуса путей сообщенія, отчасти изъ Виленскаго университета и другихъ мѣстъ; 9) общее поощреніе отличнѣйшимъ, ибо безъ этого университетъ Св. Владиміра подавить насъ, какъ новый Геркулесъ, выходя только изъ колыбели. Умолю Ваше Высокопревосходительство сжалиться надъ нашею судьбою и принять въ соображеніе мою убѣдительную просьбу, да не обратится мнѣ царская милость и ваша похвала въ позоръ и поношеніе. Я смѣю надѣяться, что ваше высокопревосходительство увѣритесь еще болѣе въ пламенномъ моемъ желаніи оправдать вашъ выборъ и сами убѣдитесь въ необходимости этого рѣшенія моего и неотступной моей просьбы“.

Филатьеву, находившемуся въ Петербургѣ, оныя передалъ два слѣдующія письма.

„Худые успѣхи въ воспитаніи въ отечествѣ нашемъ, несмотря на благодѣтельное попеченіе правительства, заставили меня думать о средствахъ отдѣлить истинную любовь къ просвѣщенію отъ любви къ преимуществамъ, дарованнымъ правительствомъ. Я нахожу по зрѣломъ соображеніи сего важнаго предмета, что лучшій и легчайшій способъ учебнаго начальства къ возвышенію достоинства науки и къ оправданію общаго довѣрія состоитъ въ томъ, чтобы вмѣнить въ строгую и необходимую обязанность каждому изъ учащихся имѣть до вступленія въ учебное заведеніе всѣ книги и иныя пособія, которыя изберутся университетомъ за три мѣсяца до начала курса. Итакъ, осмѣливаюсь предложить вашему превосходительству обнародовать по округу таб-

лицу ихъ, чтобы учащіеся слѣдовали имъ въ продолженіе академическаго года. Но такъ какъ средства къ покупкѣ учебныхъ пособій весьма ограничены, чему служатъ доказательствомъ многіе прошлые годы, то мнѣ бы казалось необходимымъ напередъ испросить у г. управляющаго министерствомъ разрѣшеніе университету, — пополнять своими трудами то, чего департаментъ просвѣщенія не успѣлъ обнародовать. Въ такомъ случаѣ легко было бы устроить въ каждой дирекціи полный магазинъ всего нужнаго, гдѣ бы учащіеся могъ получать безъ замедленія всякаго рода учебныя пособія; казенные воспитанники получали бы ихъ на счетъ казны, а своекоштные за умѣренную плату. Ряды учащихся хотя значительно и очистятся въ такомъ случаѣ отъ невѣждъ и туеядцевъ, но за то всякій благомыслящій юноша приметъ съ благодарностію эту спасительную мѣру; вниманіе въ аудиторіяхъ усугубится, рвеніе самихъ преподавателей увеличится, и въ продолженіе даже перваго года всѣ учебныя заведенія оживятся новымъ духомъ. Горе тому университету, который не перейметъ этого полезнаго приѣма. Книги, доставляемыя изъ департамента просвѣщенія, до сего времени доставляются съ чрезвычайною медленностію, продолжавшеюся иногда цѣлые годы, и почти всегда не въ такомъ количествѣ, сколько требуется дирекціями училищъ (что замѣчено мною при обзорѣ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній). Но такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что г. управляющій министерствомъ, по чрезвычайной дѣятельности своей, обратитъ и на этотъ предметъ свое благосклонное вниманіе, то дирекціямъ можно будетъ продолжать выписывать книги въ надеждѣ лучшей исправности со стороны департамента народнаго просвѣщенія. Остальные въ гораздо превосходнѣйшемъ числѣ могутъ быть въ скорѣйшемъ времени доставляемы имъ изъ университетской типографіи; инструменты математическіе могутъ быть выписываемы изъ Тульского оружейнаго и Ижорскихъ заводовъ; физическіе инструменты—отъ Нейстебауера, отъ оптика Московскаго университета; глобусы—отъ Присле изъ Москвы; ландкарты—изъ депо картъ; рисовальная бумага—изъ Александровской мануфактуры; грифели, карандаши и доски аспидныя—изъ Москвы и Бахмута. Постепенная плата, взимаемая съ учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, употребленная на заведеніе при нихъ помянутаго магазина, принесетъ также не малую помощь; но эта послѣдняя мѣра, по причинѣ неурожаа въ нынѣшнемъ году, долженствуетъ быть оставлена до болѣе благопріятнаго времени. При неоднократныхъ посѣщеніяхъ мною Слободско-Украинской гимназіи, замѣчено, что едва ли 20-й изъ учащихся въ ней и уѣздномъ училищѣ имѣетъ нужныя по предметамъ

своего ученія книги и другія пособія. Это, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что родители, не постигая важности предмета ученія, почитаютъ достаточнымъ одно пребываніе въ классахъ, или отъ равнодушія къ умственному развитію, почитая достаточнымъ, если онъ выучится грамотѣ, или отъ неумѣстной скупости. Благодѣтельное учрежденіе упомянутаго магазина при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ усугубить охоту и потребность къ ученію въ учащихъ и откроетъ завѣсу заблужденій тѣмъ изъ родителей, кои такъ много ошибаются въ своихъ расчетахъ. Прилагая при этомъ подъ литерою А, подробное изложеніе способовъ къ доставленію учебныхъ пособій, а подъ литерами В и С, — расчетъ нужныхъ суммъ по этому предмету, имѣю честь присовокупить, что если сумма, необходимая для снабженія необходимыми пособіями казенныхъ питомцевъ, не вознаградится въ денежномъ отношеніи ничѣмъ, за то пожертвованіе, сдѣланное въ пользу своекоштныхъ, пополнится въ продолженіе скорого времени ихъ родителями. Я положилъ въ пользу учреждаемаго магазина шесть процентовъ, изъ коихъ назначаю при мѣрно 500 руб. на жалованье расходчику“.

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ ему.

„Убѣдительноше прошу васъ всѣми мѣрами стараться склонить его высокопревосходительство господина управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія рѣшительно не ожидать никакихъ важныхъ по здѣшнему университету перемѣнъ безъ сильнаго съ его стороны содѣйствія. Умственный параличъ, коимъ мы страдаемъ, долженъ быть, по моему мнѣнію, исцѣляемъ поощреніемъ преподавателей и учащихся; къ тому ближайшія средства: отдѣльная цензура, введеніе новаго устава и окладовъ, разрѣшеніе представленія вашего превосходительства объ учебныхъ пособіяхъ, расширеніе математическаго факультета, согласно съ предположеніемъ профессора Перевощикова, подраздѣленіе его на отдѣленія собственно математическое и естественное, избавленіе отъ указной и обычной, болѣе нежели полугодовой, праздности, и наконецъ назначеніе 50.000 руб. единовременно и 10.000 руб. ежегодно, для пополненія бібліотеки и кабинетовъ. О педагогическомъ институтѣ не упоминалъ я здѣсь потому, что его высокопревосходительство господинъ управляющій министерствомъ давно усматриваетъ необходимость этого разсадника, безъ коего не будетъ никогда въ надежномъ количествѣ достойныхъ преподавателей для пополненія въ свое время учебныхъ мѣстъ. Теперь мнѣ остается только изъяснить желаніе, чтобъ инспектору своекоштныхъ студентовъ поручено было собирать отъ 10 до 15 рублей съ каждаго изъ нихъ за годовой курсъ; тогда можно бы было ожидать какъ отъ профессоровъ, такъ и студентовъ, болѣе при-

ежания, а по введеніи новыхъ окладовъ и сочинительскихъ премій, а претить сборъ весьма вредный, но нынѣ необходимо терпимый—квартирныхъ денегъ съ учащихся. Да благословить васъ Богъ, если вы съѣдете возвратитъ къ новой жизни окаменѣлое святилище наукъ; еще умоляю васъ не оставьте примолвить слово въ пользу опальныхъ Московскихъ студентовъ безъ вины обвиненныхъ и подверженныхъ обратному дѣйствию закона, не объявленнаго заблаговременно. Отъ вашего сѣхъ будутъ зависѣть мои будущія дѣйствія; вамъ предстоитъ указать человѣческой или машинный ходъ. Ваше превосходительство, конечно, не захотите, чтобъ ваши труды остановились при первомъ дѣйствіи, и пожелаете довершить столь благо начатое въ труднѣйшія времена“.

Управляющій министерствомъ на представленіе помощника попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 13 января этого года и на отношеніи его къ попечителю отъ 6 ноября и 12 декабря 1833 приказалъ дать слѣдующій отвѣтъ.

1) дѣло о принятыхъ въ прошломъ году студентахъ, въ томъ числѣ о нѣкоторыхъ изъ Московскаго университета, рѣшено предложеніями отъ 22 и 26 іюля того же года, которыя и должны быть исполнены съ точностію. Вводить же въ Харьковскій университетъ правила принятія и выпуска студентовъ, существующія въ университетѣ Александровскомъ, онъ не усматриваетъ достаточнаго основанія, особенно если испытанія будутъ строгія и безпристрастныя, какъ о томъ неоднократно было подтверждаемо;

2) существующія нынѣ правила относительно учебныхъ пособій должны остаться въ своей силѣ, съ наблюденіемъ только со стороны помощника попечителя, чтобы они были неупустительно исполняемы;

3) педагогическій институтъ, при возможныхъ улучшеніяхъ отъ личнаго его надзора, долженъ до времени остаться въ границахъ устава;

4) ходатайство о назначеніи 50 т. руб. единовременно и 10 т. ежегодно на бібліотеку и кабинеты университета не представляется нынѣ удобнымъ, тѣмъ болѣе, что о возвышеніи всѣхъ вообще статей бюджета производится дѣло въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній. Существенный въ этомъ отношеніи недостатокъ можетъ быть пополненъ обращеніемъ на этотъ предметъ хозяйственныхъ суммъ;

5) о расширеніи физикоматематическаго факультета дано уже разрѣшеніе;

6) распространеніе типографіи и учрежденіе при ней литографическаго заведенія требуетъ подробнаго изложенія предполагаемыхъ для

этого мѣръ съ условіемъ, если собственные отъ нея доходы могутъ пополнить хотя со временемъ требуемыя на устройство ея издержки;

7) о введеніи въ учебныя заведенія новаго устава дано уже особое предложеніе;

8) для замѣщенія профессорскихъ вакансій можетъ быть открытъ конкурсъ;

9) объ отличныхъ чиповникахъ Харьковскаго округа входить съ представленіемъ слѣдуетъ въ установленное для сего время.

Уменьшеніе праздничныхъ и вакаціонныхъ дней, также сборъ съ своекоштныхъ студентовъ нѣкоторой суммы войдутъ въ общія соображенія при новомъ устройствѣ нашихъ университетовъ, а о сборѣ квартирныхъ денегъ съ учащихся потребовать теперь же обстоятельное свидѣніе“.

Министръ передалъ графу А. Н. Панину проектъ устава Кіевскаго университета, съ тѣмъ чтобы нѣкоторые параграфы его могли быть примѣнены и къ Харьковскому университету, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ.

„Вслѣдствіе предложенія вашего высокопревосходительства, отъ 16 прошлаго января, я передалъ проектъ устава университета св. Владиміра совѣту вѣреннаго мнѣ университета для соображенія и представленія заключенія о тѣхъ статьяхъ его, которыхъ дѣйствіе и сила съ очевидною пользою могутъ быть приложены временно къ Харьковскому университету, до изданія общаго университетскаго устава.

Во исполненіе чего вынѣ совѣтъ университета доноситъ мнѣ, что, по мнѣнію его, нижеслѣдующіе §§ помянутаго проекта устава можно бы примѣнить съ пользою къ нашему университету:

1) къ присутствію въ совѣтѣ допустить и экстраординарныхъ профессоровъ (§ 10);

2) чтобы въ ординарные и экстраординарные профессора избираемы были только имѣющіе степень доктора или, по крайней мѣрѣ, магистра того факультета, къ которому принадлежитъ кафедра (§ 17);

3) кромѣ представляемыхъ министру народнаго просвѣщенія ежемѣсячно меморій по § 71 устава Харьковскаго университета, секретарю вмѣнено въ обязанность, по истеченіи каждаго мѣсяца, представлять попечителю копіи съ журналовъ засѣданій совѣта. Весьма сократилась бы переписка, если бы вмѣсто вышесказанныхъ копій съ журналовъ, сообразно съ § 22 проекта устава университета св. Владиміра, представляемы были въ 2-хъ экземплярахъ одни меморіи, изъ коихъ одинъ для министра народнаго просвѣщенія, а другой для попечителя;

4) чтобы ежегодно изъ членовъ совѣта избираемъ былъ проректоръ, дабы, въ случаѣ болѣзни или отлучки ректора, могъ онъ тотъ часъ заступить его мѣсто (§ 27);

5) по причинѣ множества весьма трудныхъ и обширныхъ наукъ, составляющихъ физико-математическое отдѣленіе, полезно было бы изъ предметовъ преподаванія, къ нему принадлежащихъ, исключить филозофію, сообразно съ § 33 проекта университета св. Владиміра; также для каждой части естественной исторіи имѣть особую кафедру и ввести преподаваніе гражданской архитектуры, не вмѣняя, однако, профессору ея въ обязанность исправлять сверхъ того должность архитектора въ университетѣ и его округѣ; впрочемъ возложить на него можно разсматриваніе проектовъ важнѣйшихъ построекъ, какъ въ университетѣ, такъ и по округу;

6) предоставить факультетамъ право цензуры сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ профессорами и адъюнктами (§ 42);

7) для завѣдыванія хозяйственной частію казенныхъ студентовъ необходимо назначить особеннаго эконома (§ 76), поручивъ ему же завѣдываніе хозяйственными предметами по университету вообще;

8) равнымъ образомъ, полезно бы имѣть бібліотекаря изъ постоянныхъ чиновниковъ, равно какъ его помощника и секретаря (§ 79).

Сверхъ того, польза общая и достоинство университета требовали бы распространить и на Харьковскій университетъ § 31 проекта устава университета св. Владиміра, возлагающій на профессоровъ обязанность ежегодно представлять совѣту отчеты о сдѣланныхъ, по части каждого, въ теченіе года опытахъ, наблюденіяхъ, открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, съ краткимъ означеніемъ достойныхъ примѣчанія изъ вышедшихъ въ это время по ихъ предметамъ сочиненій; но по крайней ограниченности суммъ, положенныхъ по штату на приумноженіе бібліотеки и на выпускъ журналовъ, члены нашего университета не имѣютъ совершенно возможности исполнить это надлежащимъ образомъ. Соглашаясь съ таковымъ мнѣніемъ совѣта университета, честь имѣю присовокупить, что я сказалъ бы нѣсколько словъ о синдикѣ, если бы должность его была означена ясно и опредѣленно. О должности профессоровъ доложу вашему высокопревосходительству, что прямая обязанность каждого изъ нихъ означена въ точномъ смыслѣ, и я бы, по долгу своему, требовалъ исполненія этого, но чтобы профессоръ могъ постоянно трудиться по своей части и дѣлать надлежащіе наблюденія за успѣхами наукъ въ ученомъ свѣтѣ и, такъ сказать, слѣдить свою науку, для чего нужно дать средства, а именно должно имѣть при университетѣ бібліотеку, въ которой бы находились лучшія и извѣст-

нѣйшія ученія сочиненія по каждой отрасли наукъ, чего при нашемъ университетѣ нѣтъ; отпускать достаточную сумму для ежегоднаго приобрѣтенія сочиненій и для выписки лучшихъ періодическихъ изданій и, наконецъ, не обременять свободныхъ часовъ профессора засѣданіями въ совѣтѣ, факультетскихъ собраніяхъ, правленіи и училищномъ комитетѣ, безъ чего мы не можемъ требовать отъ профессора точнаго исполненія прямой его обязанности. Читая въ уставѣ о казенныхъ студентахъ, предназначенныхъ къ званію учителей, и о надзорѣ за своекоштными студентами, я не могу не повторить въ обоихъ случаяхъ того, о чемъ имѣлъ уже честь представлять вашему высокопревосходительству, а именно: чтобы имѣть хорошихъ учителей, для того надобно учредить при Харьковскомъ университетѣ педагогическій институтъ; чтобы имѣть хорошій надзоръ за своекоштными студентами, для того надобно имѣть инспектора изъ военныхъ, удостовѣрясь, разумѣется, въ его нравственности и поведеніи и давъ ему хорошее жалованье. Если ваше высокопревосходительство изволите разрѣшить взимать съ каждаго своекоштнаго студента по 25 руб. (отчего никто изъ нихъ не откажется), то изъ накопившейся суммы можно дать хорошее жалованье инспектору и ежегодно употреблять на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ сочиненій для студенческой библіотеки. Относительно приѣма въ студенты, перехода ихъ изъ курса въ курсъ, честь имѣю доложить вашему высокопревосходительству, что хотя оно и лучше настоящаго положенія, но совершенно превосходнымъ какъ въ разсужденіи приѣма, такъ равно и выхода студентовъ, я нахожу положеніе Финляндскаго университета, начертанное самимъ Государемъ Императоромъ, когда Его Величество изволилъ быть канцлеромъ этого университета. Для должности синдика не блаугодно ли будетъ вашему высокопревосходительству избрать достойнѣйшаго; я же съ своей стороны осмѣливаюсь представить извѣстную лично вашему высокопревосходительству особу на это мѣсто: Александра Алексѣевича Муханова или Владиміра Андреевича Норова, извѣстнаго брату вашего высокопревосходительства Оедору Семеновичу“.

Г. управляющій министерствомъ приказалъ отвѣчать, что вообще предположенія эти будутъ приняты въ соображеніе при составленіи проекта устава Харьковскаго университета; о педагогическомъ институтѣ, сборѣ съ своекоштныхъ студентовъ и переходѣ студентовъ изъ курса въ курсъ по положенію Финляндскаго университета былъ отвѣтъ 17 февраля; на опредѣленіе же нынѣ новаго синдика, по существующему уставу, согласиться не можно. 31 августа 1834 г., т. е. уже

послѣ назначенія на постъ попечителя гр. Головкина, гр. А. Н. Панинъ сдѣлалъ къ своему прежнему представленію еще слѣдующую прибавку.

„Разсматривалъ я представленіе мое отъ 24 февраля настоящаго года на имя Вашего высокопревосходительства относительно устава университета св. Владиміра и нашелъ нужнымъ прибавить слѣдующіе параграфы:

1) § 46 и 47 — о раздѣленіи университетскаго преподаванія на полугодичные курсы;

2) § 59 — о допущеніи къ экзаменамъ на степень кандидата, магистра и доктора;

3) § 76 — о приготовленіи нѣкоторыхъ изъ числа казеннокоштныхъ студентовъ въ гражданскіе чиновники по части правовѣдѣнія; о для этого нужно умножить число казеннокоштныхъ студентовъ;

4) § 74 — объ избраніи инспектора студентовъ изъ стороннихъ чиновниковъ. Каковыя предположенія мои честь имѣю предать благому смотрѣнію Вашего высокопревосходительства“¹⁾.

Но при Ю. А. Головкинѣ, въ 1835 году, гр. А. Н. Панину было запрещено дѣлать свои представленія помимо попечителя непосредственно министру: уже самый указъ объ этомъ свидѣлствуетъ, что при Филатьевѣ А. Н. Панинъ это дѣлалъ.

Преемникомъ Филатьева на попечительскомъ посту былъ истый дельможа и заслуженный государственный дѣятель *гр. Юрій Александровичъ Головкинъ*, занимавшій эту должность съ 4 марта 1834 по 1846 годъ включительно. Родился Ю. А. Головкинъ въ 1771 году, въ службу ступилъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ 1782 году (т. е. 11 лѣтъ отъ роду), въ 1784 году пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1792 г. — въ дѣйствительные камергеры и тайные совѣтники, въ 1797 г. — въ сенаторы, въ 1799 г. — въ оберъ-церемоніймейстеры, въ 1800 г. — въ президенты комерцъ-коллегіи, въ 1804 г. — въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1805 году былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Китай, въ 1807 г. уволенъ отъ должности президента и велѣно было ему находиться при коллегіи иностранныхъ дѣлъ до назначенія на должность и отпра- виться для излѣченія болѣзни за границу; въ 1813 году давались ему собыя Высочайшія порученія, въ 1814 году былъ назначенъ послан- комъ и полномочнымъ министромъ при Виртембергскомъ дворѣ, въ 1818 — исправляющимъ должность, а затѣмъ посломъ и полномочнымъ

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52918/1894.

министромъ при Вѣнскомъ дворѣ, въ 1820 г.—по Высочайшему указу уволенъ отъ должности оберъ-церемоніймейстера съ оставленіемъ орденскихъ знаковъ, этому званію присвоенныхъ, въ 1822 г. уволенъ отъ должности посланника при Вѣнскомъ дворѣ, въ 1831 г. получилъ званіе оберъ-камергера Высочайшаго двора, въ 1832. году — должность члена государственнаго совѣта по департаменту законовъ; въ моментъ назначенія на должность попечителя ему было 63 года; онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь въ замужествѣ за гр. А. Н. Салтыковымъ и былъ очень богатъ; у него были ордена Анны 1-й ст., Александра Невскаго, знакъ за безпорочную XXXV-ти лѣтнюю службу; въ 1834 г. онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

Какъ мы видимъ, Ю. А. Головкину не было никакой надобности ѣхать на службу въ Харьковъ; ему было даже невыгодно мѣнять свое блестящее положеніе на роль попечителя въ провинціальномъ городѣ; онъ занималъ высшую придворную должность оберъ-камергера, высшую должность по государственной дѣятельности — члена государственнаго совѣта, имѣлъ высшій чинъ — д. тайнаго совѣтника и высшіе ордена, былъ страшно богатъ и одинокъ, наконецъ привыкъ вести роскошную и открытую жизнь высокопоставленнаго російскаго посланника за границей. Представляется даже страннымъ и малопонятнымъ, почему онъ рѣшился поѣхать въ Харьковъ на такой постъ, который послѣ его предшествовавшей службы не былъ для него достаточно высокъ. Ю. А. Головкинъ сдѣлалъ это изъ самыхъ чистыхъ побужденій — изъ патріотическаго чувства, которое побуждало его закатъ своей жизни посвятить столь полезному для государства дѣлу, какъ народное просвѣщеніе, тому учрежденію (Харьковскому университету), которое хотѣлъ поднять Имп. Николай Павловичъ; принимая эту должность, Ю. А. Головкинъ дѣлалъ угодное и пріятное государю, который былъ къ нему дружески расположенъ и очень его любилъ. Увѣдомляя помощника попечителя гр. Александра Никитича Панина о назначеніи своемъ на цовый постъ въ Харьковъ, Ю. А. Головкинъ писалъ ему. „Предполагаю, что опредѣленіе мое попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа уже извѣстъ, по вашему сіятельству, но несмотря на то, считаю пріятною обязанностью сообщить вамъ объ этомъ, присовокупивъ, сколь мнѣ лестно имѣть васъ, милостивый государь, товарищемъ на этомъ новомъ для меня поприщѣ службы. Испрашивая у Его Императорскаго Величества о назначеніи меня попечителемъ, моя цѣль и единственное желаніе были посвятить всѣ силы и стараніе мое къ споспѣшествованію въ образованіи и приготовленіи сыновъ отечества, способныхъ жертвовать денія, который и предполагаю сдѣлать въ теченіе будущаго мая мѣсяца.

всѣми дарованіями своими въ пользу престола и отечества. Нынѣ съ таковыми намѣреніями вступая въ новую должность мою, надѣюсь найти такое же соревнованіе и подобное чувство во всѣхъ сословіяхъ общества Харьковскаго университета. Для достиженія предназначенной мною цѣли я охотно жертвую всѣмъ, дабы возвести это учебное заведеніе на высшую степень совершенства и отличія. Предметы же до сего касающіеся оставляю я для соображенія до личнаго моего осмотра учебнаго заведе- До того же времени покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, продолжать управленіе университетомъ на томъ же основаніи, какъ вѣрено вамъ предмѣстникомъ моимъ, ограничиваясь при этомъ въ сношеніяхъ со мною только предметами, требующими моего разрѣшенія или посредства для представленія ихъ высшему начальству“.

Тогда же онъ обратился къ ректору университета проф. В. Я. Кронебергу съ нижеслѣдующимъ характернымъ письмомъ. „Оканчивая поприще, предназначенное мнѣ Провидѣніемъ, я желалъ быть еще полезнымъ моему Государю и отечеству и для того испросилъ себѣ званіе попечителя Харьковскаго университета, дабы, съ помощію мужей просвѣщенныхъ и ученыхъ, сей университетъ составляющихъ, могъ я оставить по себѣ воспоминаніе грядущему потомству. Производившійся публичный экзаменъ меня совершенно убѣдилъ, что мои желанія и надежды современемъ сбудутся. Не давъ вамъ довольно времени приготовить студентовъ къ экзамену, мое намѣреніе было узнать ихъ настоящія познанія, кои, къ крайнему удовольствію моему, превзошли мои ожиданія, а труды гг. профессоровъ вполне награждены успѣхами гг. студентовъ, за что, съ своей стороны, милостивый государь мой, покорнѣйше прошу васъ изъявить мою признательность тѣмъ гг. профессорамъ, по предметамъ коихъ я имѣлъ случай удостовѣриться въ успѣхахъ ихъ слушателей, присовокупивъ при томъ, что вмѣняю себѣ въ непремѣнную и пріятную обязанность отличать всегда заслуги и труды, а достойныхъ представить къ приличнымъ наградамъ. Что же касается до гг. студентовъ, окончившихъ курсъ, то отличные изъ нихъ, оставаясь всегда въ памяти моей, могутъ надѣяться и на новомъ ихъ поприщѣ службы на продолженіе моего отеческаго о нихъ попеченія. Пользуясь симъ случаемъ, милостивый государь мой, я и васъ прошу принять мою признательность за отличныя заслуги ваши и чувства истинной благодарности, съ коими имѣю честь пребыть покорнѣйшій слуга гр. Головкинъ“.

Гр. Ю. А. Головкинъ на первыхъ порахъ очень серьезно занялся университетскими дѣлами и проявилъ тутъ и заботливость о нуждахъ университета, и истинное уваженіе къ профессорамъ, какъ дѣятелямъ науки, и чисто отеческое попеченіе объ учащихъ; во всѣхъ его дѣй-

ствіяхъ и отношеніяхъ мы видимъ настоящій аристократизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, выражавшійся въ благородствѣ мыслей, чувствъ, намѣреній и поступковъ, въ одинаково равномъ, привѣтливо гуманномъ обращеніи со всѣми безъ исключенія подчиненными, ничѣмъ не отличавшемся отъ обращенія съ высшими представителями мѣстнаго общества; объ этомъ свидѣлствуютъ современники. Ю. А. Головкинъ выступилъ передъ министерствомъ съ обширнымъ проектомъ, который былъ выработанъ имъ *сообща* со всѣми членами факультетовъ; — въ этомъ его существенное отличіе отъ реформъ, попытокъ и затѣй прежнихъ попечителей; быть можетъ, многое и въ немъ было не совсѣмъ удачно или спорно, но во всякомъ случаѣ Ю. А. Головкинъ избралъ единственно вѣрный путь для достиженія намѣченной цѣли — улучшенія университета во всѣхъ отношеніяхъ: привлеченіе къ обсужденію этихъ вопросовъ наиболѣе свѣдущихъ и заинтересованныхъ въ нихъ лицъ — профессоровъ университета; общеніе между попечителемъ и университетскими дѣятелями, облеченное въ правильную форму, было полезно для дѣла, потому что уничтожало возможность частныхъ инспирацій и вліяній, которыя представляли столь обычное явленіе при Карнѣевыхъ, Перовскомъ и Филатьевѣ и которыя никогда не могутъ служить прочною гарантіей общественнаго блага хотя бы уже потому, что не подвергаются гласному обсужденію и всесторонней критикѣ, и авторы ихъ не принимаютъ на себя никакой нравственной отвѣтственности за ихъ послѣдствія.

Вотъ записка Ю. А. Головкина, рисующая состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Харьковскій университетъ, и мѣры для его усовершенствованія. „Шести-недѣльное пребываніе мое въ Харьковѣ подаетъ мнѣ возможность представить Вашему Превосходительству нынѣшнее положеніе университета, ввѣреннаго попеченію моему. Сначала я покажу настоящее состояніе сего заведенія, а потомъ его нужды и вмѣстѣ съ тѣмъ и способы, необходимые къ его улучшенію. Дабы короче ознакомиться съ настоящимъ состояніемъ образованія въ этомъ университетѣ и удобнѣе узнать разныя надобности его, я предпринялъ два способа, доселѣ не бывшіе въ употребленіи въ этомъ университетѣ, а именно: предписалъ сдѣлать публичное испытаніе студентамъ и завелъ у себя частныя засѣданія каждаго факультета отдѣльно. Хотя я знаю, что публичныя испытанія суть не что иное, какъ дѣйствіе памяти по заданнымъ предметамъ, но они имѣютъ большую выгоду тѣмъ, что удовлетворяютъ родителей, поселяютъ въ нихъ болѣе довѣренности къ заведенію, занимаютъ публику, а особливо развиваютъ способности молодыхъ людей и даютъ нѣкоторую прилич-

ную смѣлость къ изясненію своихъ знаній. При семъ честь имѣю присовокупить (подъ лит. А) предложеніе, данное г. ректору по окончаніи экзаменовъ, изъ котораго Ваше Превосходительство изволите увидѣть всю искренность моихъ чувствъ и намѣреній. Частныя же засѣданія факультетовъ имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія, ибо посредствомъ ихъ я получилъ полныя и подробныя свѣдѣнія: а) какія науки входятъ въ составъ каждаго изъ 4-хъ отдѣленій университета; б) раздѣленіе наукъ по факультетамъ на главные и вспомогательныя, что весьма полезно для учащагося, который чрезъ то будетъ обращать болѣе вниманія на главные предметы своего отдѣленія и ими въ особенности заниматься, не обременяя себя вспомогательными предметами, коихъ чрезвычайно много. Всѣхъ предметовъ вообще преподается по этико-политическому отдѣленію 16-ть, по физико-математическому—16-ть, по медицинскому—29-ть, по словесному—20-ть. Изъ этого слѣдуетъ, что каждый изъ студентовъ долженъ пройти отъ 16 до 29 курсовъ разныхъ наукъ, а на то имѣетъ ежегодно времени, за исключеніемъ вакансій и праздниковъ, менѣе 200 дней; с) точныя свѣдѣнія о числѣ кафедръ вообще, о кафедрахъ вакантныхъ, изъ коихъ одни надлежитъ замѣстить, а другія вовсе уничтожить и вмѣсто нихъ учредить другія. По сему предмету (подъ лит. Б.) прилагается особенная записка.

Эти же засѣданія равномерно доставили мнѣ случай лично познакомиться съ дарованіями, способностями и ученостію каждаго изъ господъ профессоровъ. Разсужденія господъ профессоровъ во время этихъ засѣданій были весьма занимательны и разнообразны; но окончились общимъ согласіемъ, и вслѣдствіе того прилагаются при этомъ таблицы (подъ лит. В) — однѣ, какъ на текущій годъ будутъ распределены курсы, а другія, какъ расположить надлежитъ на будущее время.

Вообще экзаменъ и эти засѣданія доставляютъ мнѣ пріятный случай отдать полную справедливость гг. профессорамъ, изъ коихъ большая часть какъ по своимъ познаніямъ, такъ и трудамъ и способностямъ, въ исполненіи въ точности своихъ обязанностей заслуживаютъ особенную похвалу, признательность и поощреніе. Между ординарными профессорами многіе пользуются отличнымъ уваженіемъ; адъюнкты же, кои почти всѣ воспитанники этого университета, подають блистательнѣйшія надежды, и я совершенно увѣренъ, что это ученое сословіе ни мало не уступаетъ во всѣхъ частяхъ никому другому изъ нашихъ російскихъ университетовъ. Совершенному же развитію учености на-

шихъ профессоровъ препятствуютъ постороннія должности по управленію и экономіи университета, кои совершенно отрываютъ отъ настоящей ихъ дѣли и заставляютъ терять драгоцѣнное время, которое они должны бы употреблять единственно для своихъ ученыхъ трудовъ и обученія юношества.

Во время пребыванія моего въ Харьковѣ университетъ лишился трехъ преподавателей — гг. Чанова, Экеблата и Гренберга, но потеря эта не заслуживаетъ особеннаго вниманія. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ о студентахъ этого университета, а равно и по личному наблюденію, мнѣ пріятно засвидѣтельствовать, что они ведутъ себя скромно, похвально и прилично ихъ званію, и что никогда не появлялся между ними ни малѣйшій признакъ непослушанія или дурныхъ правилъ. Новѣйшія броженія умовъ, оскверняющія въ другихъ мѣстахъ болѣею частію учебныя заведенія, совершенно неизвѣстны воспитанникамъ этого университета и даже не сообразны съ ихъ правилами. Желательно было бы видѣть въ нихъ болѣе дѣятельности, но это качество не составляетъ отличительнаго признака полуденныхъ жителей; впрочемъ, ежели бы они и болѣе имѣли дѣятельности, то система нынѣшняго обученія ее приостановляла бы.

Нѣтъ сомнѣнія, что университетъ имѣетъ средства къ образованію; но они нынѣ не совершенно достаточны и, дабы возвратить ему прежнее его цвѣтущее состояніе, необходимо нужно сдѣлать многія измѣненія, распространенія и слѣдующія учрежденія, какъ по университету, такъ и вообще по всему учебному округу.

1. Совершенно отдѣлить часть ученую отъ хозяйственной и управительной такимъ образомъ, чтобы профессора занимались только науками, а хозяйственную часть и управленіе университетомъ поручить стороннимъ чиновникамъ. 2. Измѣнить порядокъ годовыхъ курсовъ, назначивъ преподаваніе по семестрамъ или полугодовымъ курсамъ. 3. Завести педагогическій институтъ, уставомъ 1804 года положенный и 30 лѣтъ въ исполненіе не приведенный, потребность коего однако чрезвычайно ощутительна въ округѣ, управленію моему ввѣренномъ, ибо нынѣ 92 учительскихъ вакансій. Проектъ этому заведенію при семъ прилагаю (подъ лит. Г). 4. Умножить университетскую бібліотеку, ибо она отстала отъ современныхъ двадцатью пятью годами; а въ теченіе этого времени явились отличнѣйшія сочиненія по всѣмъ частямъ человѣческихъ познаній. Что касается до Виленской и Варшавской бібліотекъ, то, вѣроятно, онѣ перейдутъ въ Кіевъ; ибо, основываясь на точномъ смыслѣ предписанія, одни дубликаты должны поступить въ Харьковскую бібліотеку и потому весьма немногихъ сочи-

неній ожидать должно для нея; для чего прилагаю списокъ книгъ (подъ лит. Д), необходимыхъ для библіотеки, на покупку коихъ, по мнѣнію Совѣта Харьковскаго университета, употребить можно до 3000 руб. изъ суммъ, пожертвованныхъ на университетъ какъ дворянствомъ, такъ городами и купечествомъ Слободско-Украинской губерніи, кои никакого опредѣленнаго назначенія не имѣютъ (этой суммы въ настоящее время имѣется 257850 руб. 55³/₄ коп.). 5. Увеличить клинику — заведеніе, необходимое какъ для учащихся, такъ и для страждущаго человечества, коей проектъ, планъ и смѣту буду имѣть честь въ скоромъ времени представить особо. 6. Ввести обученіе гимнастическими упражненіями, на каковой конецъ я избралъ двухъ гимназистовъ, по ихъ собственному желанію, для обученія ихъ здѣсь въ столицѣ гимнастикѣ у профессора Наули, на что и прошу разрѣшенія вашего превосходительства и опредѣленія на то по прилагаемому при семъ условию (подъ лит. Е) суммы на содержаніе и обученіе сказанныхъ двухъ гимназистовъ. 7. Завести литографію, которая необходима при университетѣ, для чего и прошу изъ экономической суммы позволить употребить до 1200 р. по прилагаемой при семъ (подъ лит. Ж) смѣтѣ на то заведеніе, положивъ ежегоднаго жалованья литографу по 800 руб. въ годъ. 8. Употребить всевозможное стараніе къ заведенію гимназическихъ пансіоновъ, польза коихъ будетъ весьма ощутительна, ибо нынѣ не охотно помѣщаютъ родители своихъ дѣтей въ гимназіи по той причинѣ, что они получаютъ тамъ только одно умственное образованіе, но, не живя въ гимназіяхъ, не могутъ пользоваться религіознымъ, моральнымъ и политическимъ образованіемъ. — Строеніе Харьковской гимназіи весьма ветхое и негодное; а потому по этому предмету будетъ мною сдѣлано представленіе совершенно отдѣльно. 9. На основаніи § 18 устава гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 года, нужно стараться вводить въ приходскихъ училищахъ способъ взаимнаго обученія, или Ланкастера. Признавая его весьма полезнымъ, я предъ отъѣздомъ моимъ изъ Харькова предложилъ почетнымъ смотрителямъ изыскать мѣры къ приведенію въ дѣйствіе означеннаго параграфа устава, и, къ крайнему удовольствію моему, получилъ уже нынѣ отъ нѣкоторыхъ почетныхъ смотрителей согласіе на введеніе класса взаимнаго обученія на собственный свой счетъ. Именнымъ спискомъ этимъ почетнымъ смотрителямъ (подъ лит. З) честь имѣю представить. 10. Со введеніемъ въ уѣздныхъ училищахъ устава 1828 г., въ нихъ прекращено преподаваніе языковъ — латинскаго и нѣмецкаго, между тѣмъ какъ по тому же уставу преподаваніе этихъ языковъ въ гимназіи начинается съ 1-го класса, а поэтому дѣти, съ отличнымъ

успѣхомъ окончившіе ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, при опредѣленіи ихъ въ гимназію, могутъ быть приняты не иначе какъ въ 1 классъ, невзирая на то, что по свѣдѣніямъ въ тѣхъ наукахъ, коимъ учились въ уѣздныхъ училищахъ, могли бы поступать по крайней мѣрѣ въ 3 классъ. Вслѣдствіе этого дѣти эти перестали поступать въ гимназію, а такъ какъ чрезъ это съ одной стороны гимназія лишается учениковъ, которые впоследствии могли бы сдѣлаться украшеніемъ ея, а съ другой—гражданская и военная служба наполняется молодыми людьми, не приобрѣтшими даже самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, то по всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю, что полезно было бы въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, въ которыхъ обучаются болѣе дѣти однихъ дворянъ и служащихъ чиновниковъ, преподаваніе языковъ: латинскаго и нѣмецкаго, назвавъ это заведеніе дворянскими уѣздными училищами, подобно тому, какъ названы нѣкоторыя училища Бѣлорусскаго округа; что же касается до приисканія учителей, то въ этомъ, вѣроятно, не встрѣтятся затрудненія, ибо во всякой дирекціи можно между чиновниками уѣздныхъ училищъ найти такихъ, которые достаточно знаютъ упомянутые языки, для преподаванія ихъ въ уѣздныхъ училищахъ.

Представивъ, такимъ образомъ, вашему превосходительству учебную часть Императорскаго Харьковскаго университета, я обращаюсь къ экономической и строительной. Причемъ честь имѣю представить краткую вѣдомость (подъ лит. И) о состояніи этого университета и его учебного округа съ присовокупленіемъ сравнительной таблицы числа учащихся съ народонаселеніемъ губерній, въ составъ Харьковскаго учебного округа входящихъ. Сверхъ того честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего превосходительства: 1) что вслѣдствіе отношенія вашего, милостивый государь, отъ 4 апрѣля настоящаго года о перестройкѣ оранжерей Харьковскаго университета (на что смѣта сдѣлана въ 14083 руб. 20 коп.), я по личному осмотру нашелъ дѣло это еще терпящимъ отлагательство. 2) Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 7 апрѣля, о передѣлкѣ галлерей на типографію (по смѣтѣ въ 7591 руб. 57 коп.) и предположенной предмѣстникомъ моимъ типографіи въ домѣ близъ университетскаго сада на квартиру профессора ботаники, по представленію помощника моего, я также по личному осмотру нашелъ неудобнымъ. 3. Равномѣрно считаю излишнимъ постройку новаго дома для садовниковъ по предположенію предмѣстника моего (по смѣтѣ въ 4058 руб. 18 коп.). 4) Также и построеніе кирпичной рѣшетки около ботаническаго сада (по смѣтѣ въ 3370 руб. 90 коп.) по непрочности такой работы считаю бесполезнымъ. 5) Полагаю даже повреме-

нить самую постройкою обсерваторіи (по смѣтѣ въ 14597 руб 29 к.). Въмѣсто же этихъ построекъ полагаю приступить первоначально:

1. Къ передѣлкѣ нижняго этажа главнаго корпуса (гдѣ находятся присутствія и канцеляріи университета и прежняя библіотека), внутри весьма обветшалаго и испорченнаго, на присутствія же и канцеляріи университета въ новомъ видѣ — чему смѣта въ 2489 руб. 6¼ коп. и плавъ при семъ прилагается (подъ лит. К).
2. Устроить канцелярію мою, завести шкапы и приличную мебель въ ней: смѣту въ 645 руб. честь имѣю представить при семъ (подъ лит. Л).
3. Поставить печи, сдѣлать зимнія рамы и смазать потолокъ въ новой библіотечной залѣ. Смѣта въ 2068 руб. 50 коп. при семъ прилагается (подъ лит. М.).
4. Построить деревянный заборъ около ботаническаго сада; ибо прежній обветшалъ и обрушился. Смѣта въ 1834 руб. 90 коп. при семъ прилагается (подъ лит. Н.)).
5. Выстроенный за университетскимъ садомъ каменный домъ, по предположенію предмѣстника моего, для типографіи, какъ неудобный, по мнѣнію моему, для нея, по отдаленности его отъ университета, употребить для жилья директора сада, садовниковъ и квартиры астронома-наблюдателя, ибо въ томъ же мѣстѣ со временемъ можно устроить обсерваторію.
6. Типографію оставить въ томъ же мѣстѣ, гдѣ она нынѣ находится, ибо, по перемѣнѣ клиники по предположенію моему, типографію можно распространить въ томъ же домѣ, такъ какъ она нынѣ занимаетъ одно съ клинкою строеніе.
7. Собранныя мною свѣдѣнія касательно нуждъ всѣхъ училищъ Харьковскаго округа, какъ въ отношеніи училищныхъ строеній, такъ и учебныхъ пособій, вмѣстѣ со свѣдѣніями о суммахъ, имѣющихся для исправленія ихъ, честь имѣю при семъ (подъ лит. О.) представить въ общей таблицѣ.

Засимъ для скорѣйшаго исполненія означенныхъ предположеній моихъ остается мнѣ ожидать на то разрѣшеній вашего превосходительства, а между тѣмъ, въ заключеніе сего отчета, я долженъ отдать полную справедливость трудамъ и стараніямъ помощника моего графа Панина, который, съ особенною ревностію и успѣхомъ, посвятивъ себя учебной части, стремится со всѣми пожертвованіями съ своей стороны къ улучшенію и приведенію учебныхъ заведеній въ порядокъ и благоустройство, дабы посредствомъ ихъ доставить вѣрныхъ слугъ престолу и отечеству¹⁾.

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 53141/1896; ср. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло Поп. № 2095/131.

Предлагавшіяся попечителемъ мѣры основывались на отзывахъ и заключеніяхъ факультетовъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ другой его записки, которую приводимъ цѣликомъ. „Изъ засѣданій факультетовъ открылось: 1) *по политическому отдѣленію* совершенный недостатокъ въ преподавателяхъ, а именно: изъ 7-ми ординарныхъ профессоровъ, по уставу положенныхъ, находится только одинъ профессоръ богословія, а всѣ прочія кафедры или вакантны, или занимаются только двумя адъюнктами и однимъ экстраординарнымъ профессоромъ; 2) *по математическому факультету* многочисленность преподаваемыхъ предметовъ слишкомъ обременительна для учащихся, а потому многіе изъ нихъ не рѣшаются избирать этого факультета, а сверхъ того весьма ощутителенъ недостатокъ въ преподавателяхъ— а) начертательной геометріи, б) архитектуры, в) сельского домоводства и д) технологіи; 3) *по медицинскому факультету*: кафедра анатоміи, физиологіи и судебной врачебной науки оказалась, по нынѣшнему состоянію медицины, столь обширною, что одинъ профессоръ съ адъюнктомъ никакъ не можетъ преподавать этихъ предметовъ съ надлежащею полнотою и успѣхомъ въ назначенный срокъ, а кафедра скотолѣченія оказалась почти излишнею по той причинѣ, что по этой части имѣется въ государствѣ и вновь учреждаются особые заведенія для ветеринаровъ; необходимое же человѣческому врачу изъ этой науки можетъ излагаться въ другихъ частяхъ медицины; 4) *по отдѣленію словесныхъ наукъ* недостатокъ профессоровъ: а) краснорѣчія, стихотворства и русскаго языка, б) всемірной исторіи, статистики и географіи и в) лектуры нѣмецкаго языка.

Слѣдовательно, изъ положенныхъ по уставу 28-ми ординарныхъ профессоровъ недостаетъ двѣнадцати и одного лектора, а по этой причинѣ полагать должно, что остальные, будучи слишкомъ обременяемы занятіями по части экономической и другими должностями по университету, не могутъ посвятить себя съ надлежащимъ успѣхомъ своимъ ученымъ трудамъ.

По внимательномъ разсмотрѣніи журналовъ вышеизложенныхъ засѣданій факультетовъ, я нахожу за необходимое исправить означенные въ нихъ недостатки въ непродолжительномъ времени, ибо отъ нихъ увеличиваются беспорядки, вкореняются злоупотребленія и постепенно труднѣе будетъ ввести благоустроенный порядокъ; а потому надлежитъ: 1) по политическому отдѣленію замѣстить вакантныя кафедры хорошими и достойными ординарными профессорами— а) правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской имперіи; б) правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ и в) фило-

рин, уничтоживъ вовсе кафедры толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, ибо достаточно одной кафедры богословія догматическаго и правоучительнаго, преподаватель котораго вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ толковать священное писаніе и церковную исторію. При томъ эта кафедра не должна принадлежать спеціально этому отдѣленію, а быть общою для всѣхъ отдѣленій и 2) упразднивъ кафедру правъ—естественнаго, политическаго и народнаго, вмѣсто того назначить одного преподавателя для этого отдѣленія по исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій. Сверхъ сего, факультетомъ признано за полезное студентамъ этого отдѣленія преподавать сельское домоводство, технологію и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ, ибо студенты нередко поступаютъ на службу по министерству финансовъ, гдѣ знаніе этихъ предметовъ чрезвычайно полезно. Въ особенности признаю полезнымъ занимать студентовъ этого отдѣленія упражненіями въ судопроизводствѣ, для чего необходимо имѣть дозволеніе гражданскаго начальства брать изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ рѣшенныя дѣла практическаго упражненія въ судопроизводствѣ и сверхъ того просить правительствующій сенатъ о присылкѣ имъ въ университетъ частныхъ записокъ по дѣламъ и всѣхъ вновь выходящихъ указовъ и постановленій. Для этого назначить кафедру практическаго упражненія въ судопроизводствѣ вмѣсто кафедры толкованія священнаго писанія. Сюда слѣдуетъ, что надлежитъ упразднить двѣ кафедры, по уставу назначенныя, и замѣнить ихъ кафедрами практическаго судопроизводства и исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій. Если сдѣлано будетъ это образованіе (никакого впрочемъ денежнаго вспоможенія не требующее), то въ короткое время данное отдѣленіе достигнетъ совершенно цвѣтущаго состоянія и, молодые люди, кончающіе его курсъ, выйдутъ отличными чиновниками по всѣмъ министерствамъ.

2) Что касается до *математическаго факультета*, то мною уже было изъ Харькова представлено вашему превосходительству о раздѣленіи его на два отдѣленія: на чистое математическое и естественное;—сверхъ сего, слѣдуетъ замѣтить двѣ кафедры хорошими преподавателями—а) сельскаго домоводства и б) технологіи, ибо онѣ должны принадлежать двумъ отдѣленіямъ—естественному и политическому; сверхъ того, необходимо назначить для начертательной геометріи и архитектуры двухъ адъюнктовъ.

3, *По медицинскому факультету*. Наука врачебная нынѣ столь распространилась и усовершенствовалась и число учащихся медицинѣ столь увеличилось и ежегодно увеличивается, что его непременно слѣдуетъ распространить, а число преподавателей умножить. Въ концѣ

этой записки я представляю мнѣніе факультета и сверхъ того особое замѣчаніе декана его, доктора Блюментала, съ коимъ я вполне согласенъ, ибо, по замѣчанію его, достаточно и 4-хъ лѣтъ для полного курса медицины и прибавки двухъ преподавателей, а по мнѣнію факультета потребны 6 лѣтъ, 4 ординарныхъ профессора, 2 адъюнкта и 1 ветеринарный прозекторъ. По мнѣнію Блюментала, надлежитъ только каѳедру анатоміи, физиологіи и судебной врачебной науки раздѣлить по обширности ея на 3 каѳедры, а именно — на каѳедры: а) общей анатоміи, патологической, сравнительной и описательной; б) физиологіи, психіатріи, гігіены и с) судебной медицинской полиціи и исторіи медицины, оставя прочія, какъ онѣ теперь находятся; они даже считаютъ излишнею каѳедру скотолѣченія. На прибавленіе же этихъ двухъ каѳедръ не нужно особой суммы и тѣмъ легче сдѣлать это преобразование, что каѳедра военныхъ наукъ упразднена, а каѳедру скотолѣченія можно упразднить и вмѣсто нихъ учредить каѳедры физиологіи и судебной медицины.

4. По отдѣленію словесныхъ наукъ. Назначить хорошихъ и достойныхъ профессоровъ: а) краснорѣчія, стихотворства и русскаго языка, б) всемірной исторіи, статистики и географіи и с) лектора нѣмецкаго языка.

5. По уставу положено три учителя пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій, считая въ томъ числѣ учителей рисованія и музыки; я же признаю нужнымъ прибавить еще двухъ учителей, а именно — фехтованія и верховой ѣзды, съ жалованьемъ каждому по 800 руб. въ годъ изъ суммы 2,500 руб., назначенной по уставу для каѳедры естественнаго права¹⁾.

¹⁾ А вотъ подлинныя мнѣнія факультетовъ. Медицинскій факультетъ составилъ слѣдующую записку. „Его Величество Государь Императоръ, во время пребыванія своего въ Харьковѣ 12 сентября 1832 года, совзволнѣ изъявить желаніе, чтобы обучающіеся врачебной наукѣ были раздѣлены на ветеринаровъ, хирурговъ и медиковъ и чтобы хирурги оканчивали свое ученіе въ три года. Это Высочайшее намѣреніе было объявлено словесно бывшимъ попечителемъ Филатьевымъ ректору университета съ тѣмъ, чтобы медицинскій факультетъ этого университета составилъ проектъ объ ученіи хирурговъ и медиковъ. Вслѣдствіе чего составленный медицинскимъ факультетомъ проектъ и былъ представленъ ему, господину Филатьеву. Проектъ этотъ состоитъ въ томъ, что для пріобрѣтенія нужныхъ познаній врачу, при постепенномъ и постоянномъ улучшеніи и распространеніи медицины, какъ науки и искусства, потребно значительное время, которое сократить безъ существеннаго вреда невозможно. Ибо чѣмъ обширнѣе и основательнѣе свѣдѣнія врача, чѣмъ дороже для него врачеваніе его попеченіямъ и искусству жизнь и тѣмъ лично полезнѣе онъ для государства. А потому медицинскій факультетъ считаетъ необходимымъ продлить курсъ уче-

Мы не будемъ входить здѣсь въ специальное разсмотрѣніе и обсужденіе этихъ мѣръ, имѣвшихъ своею задачей упорядочить и улучшить дѣло преподаванія. Отмѣтимъ только одно важное обстоятельство—факультеты оказались на столько независимы, что высказали взглядъ, диаметрально расходившійся съ предложеніемъ учебнаго начальства: въ то время, какъ бывший попечитель округа Филатьевъ, послѣ посѣщенія университета Государемъ, поставилъ вопросъ о сокращеніи университета медицины до 6-ти лѣтъ. При этомъ прилагается росписаніе предметовъ, какіе въ продолженіе 6 лѣтъ факультетъ предназначаетъ для прослушанія студентамъ медицины, дабы они могли, получивъ званіе врача, быть дѣйствительно полезны отечеству. Но при такомъ распоряженіи необходимо увеличить число преподавателей. Хотя, по уставу Харьковскаго университета, въ медицинскомъ факультетѣ положено только шесть ординарныхъ профессоровъ, но такъ какъ послѣдующими постановленіями медицинскіе факультеты при университетахъ относительно учебной части уравнены съ медико-хирургической академіею—заведеніемъ, предназначеннымъ единственно для образованія медицинскихъ чиновниковъ, а между тѣмъ молодые люди, вступающіе въ этотъ университетъ, оказываютъ особенную склонность къ медицинѣ, что доказывается сравнительно большимъ числомъ студентовъ въ здѣшнемъ медицинскомъ факультетѣ, то факультетъ полагаетъ необходимымъ умножить и средства для удобнѣйшаго достиженія благотворной цѣли—образованія лучшихъ, а слѣдовательно и полезнѣйшихъ медицинскихъ чиновниковъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ средствъ къ достиженію упомянутой цѣли медицинскій факультетъ считаетъ умноженіе числа достойныхъ публичныхъ наставниковъ, дабы каждый изъ нихъ могъ не только исполнять безъ обремененія изложить свой предметъ въ теченіе назначеннаго срока, но имѣлъ бы достаточное время для возможнаго совершенствованія въ науцѣ, которой изученію и преподаванію посвятилъ себя. При существующемъ нынѣ по уставу числѣ профессоровъ медицинскаго факультета, нѣкоторые изъ нихъ находятся въ совершенной невозможности изложить своимъ слушателямъ, въ продолженіе года, назначенные для преподаванія предметы, соотвѣтственно нынѣшнему состоянію медицины. По мнѣнію медицинскаго факультета, достаточно будетъ къ шести ординарнымъ профессорамъ, по уставу назначеннымъ, прибавить еще четырехъ ординарныхъ профессоровъ, двухъ адъюнктовъ и одного ветеринарнаго прозектора, какъ то видно изъ нижеписаннаго росписанія. Такое умноженіе числа преподавателей факультетъ находитъ весьма нужнымъ, а при томъ и возможнымъ по силѣ § 23 университетскаго устава. Медицинскій факультетъ считаетъ нужнымъ распространить медицинскій курсъ на шесть лѣтъ и распределить предметы такимъ образомъ:

1-й годъ: богословіе, логика, психологія, ботаника, зоологія.

2-й годъ: физика, химія, медицинская пропедевтика, описательная анатомія (1-я часть).

3-й годъ: описательная анатомія (2-я часть), общая анатомія, патологическая анатомія, органическая система, общая и частная фізіологія, гігіена, общая патологія, практическая анатомія, фармація.

Слѣдуетъ полулѣкарскій экзаменъ.

4-й годъ: общая терапия и частная патологія (1-я часть), фармакологія и рецептура, патологія, частная анатомія, клиническая медицина, хирургія (1-я часть), практическая анатомія.

тетскаго курса, факультеты наоборотъ предложили его расширить и превратить трехлѣтній въ четырехлѣтній, а на медицинскомъ факультетѣ даже въ шестилѣтній. Необходимость такого расширенія вызывалась ростомъ и дифференціаціей наукъ и самое расширеніе (правда въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ) было введено впоследствии, существуетъ и въ настоящее время. Такимъ образомъ, факультеты въ данномъ случаѣ, говоря вообще, исходили изъ правильныхъ соображеній. Инымъ харак-

5-й годъ: частная патологія (2-я часть) и психическія болѣзни—клиника, хирургія (2-я часть)—клиника, акушерство съ женскими и дѣтскими болѣзнями—клиника, медицинская полиція, токсикологія и медицинскій статуть, судебная медицина съ практикою, практическая анатомія.

6-й годъ: исторія медицины, оперативная хирургія, клиническая практика, сравнительная медицина, анатомико-физиологико-патологическія демонстраціи.

Изъ вышеописанныхъ предметовъ составить слѣдующія кафедръ:

1-я кафедра—анатомія; предметы этой кафедръ—описательная и общая анатомія вообще и общая патологическая анатомія.

2-я кафедра—физиологія; предметы этой кафедръ—физиологія общая и частная и гигиена.

3-я кафедра—патологія и терапія; предметы этой кафедръ—общая и частная патологія; общая и частная терапія и клиника.

4-я кафедра—фармакологія; предметы этой кафедръ—фармакологія, фармація и рецептура.

5-я кафедра—исторія; предметы этой кафедръ—исторія медицины, пропедевтика и литература.

6-я кафедра—патологической анатомія; предметы этой кафедръ—патологическая анатомія, частная и судебная медицина съ практикою.

7-я кафедра—хирургія; предметы этой кафедръ—хирургія, теоретическая и практическая.

8-я кафедра—акушерства; предметы этой кафедръ—акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и клиника.

9-я кафедра—медицинской полиція; предметы этой кафедръ—медицинская полиція, токсикологія и медицинскій статуть.

10-я кафедра—сравнительной медицины; предметы этой кафедръ—сравнительная анатомія, физиологія, патологія и терапія.

Преподаватели:

По кафедрѣ 1-й нужны—ординарный профессоръ, адъюнктъ и прозекторъ.

„ 2-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.

„ 3-й нужны—ординарный профессоръ и адъюнктъ.

„ 4-й нужны—ординарный профессоръ и адъюнктъ.

„ 5-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.

„ 6-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.

„ 7-й нужны—ординарный профессоръ и адъюнктъ.

„ 8-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.

„ 9-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.

„ 10-й нужны—ординарный профессоръ, адъюнктъ и прозекторъ.

теромъ отличаются соображенія попечителя объ уничтоженіи въ кото-
рыхъ предметовъ факультетскаго преподаванія и замѣнѣ ихъ новыми
чисто утилитарными — съ ними едва-ли можно согласиться, ибо они
идутъ въ разрѣзъ съ тѣми общеобразовательными задачами, которыя
ставятъ себѣ университеты и которыя ихъ отличаютъ отъ другихъ
высшихъ спеціальныхъ школъ. Во всякомъ случаѣ, съ назначеніемъ
новаго попечителя, въ Харьковскомъ университетѣ начинается пробуж-

Всего нужно имѣть:

Ординарныхъ профессоровъ	10
Адъюнктовъ	5
Прозекторовъ	2

А такъ какъ имѣется на лицо профессоровъ 3, адъюнктовъ 2, лекторовъ 2,
прозекторъ 1, то слѣдуетъ прибавить:

Ординарныхъ профессоровъ	7
------------------------------------	---

Въ виду имѣются гг. Бутковский и Ганъ; — слѣдовательно, прибавить нужно
только 5, а именно:

для каведры фізіологіи	1
„ исторіи медицины	1
„ патологической анатоміи	1
„ медицинской полиціи и токсикологіи	1
„ сравнительной медицины	1

Относительно адъюнктовъ можно предложить:

для каведры фармакологіи	Гордѣнка.
„ хирургіи	Кригера.
„ сравнительной медицины	Калениченка.

Уже имѣются:

„ патологіи и терапіи	Рейпольскій.
„ анатоміи	Леоновъ.

По мнѣнію же декана сего факультета, достаточно прибавить двухъ только
преподавателей.

II. Распределеніе лекцій, выработанное на будущее время этико-политическимъ отдѣ- ніемъ.

Предметы.

Потребности.

Науки главныя.

Права знатнѣйшихъ древнихъ и но-
вѣйшихъ народовъ, особенно же римскаго.

Русскія права, съ правами частными
губерній, состоящихъ на особомъ поло-
женіи.

Политическая экономія и дипломатія.

По этой каведрѣ нужны профессоръ
и адъюнктъ.

По этой каведрѣ есть только адъ-
юнкты; нужно опредѣлить еще профес-
сора.

По этой каведрѣ есть экстраорди-
нарный профессоръ.

деніе, начинаетъ чувствоваться пульсъ общественной жизни и самодѣятельности, совсѣмъ было замершій при прежнихъ попечителяхъ, съ ихъ исключительно бюрократическимъ и автократическимъ направлениемъ. Солидарно съ попечителемъ дѣйствовалъ также и его помощникъ гр. Александръ Никитичъ Панинъ, представившій министерству прозектъ касательно измѣненія преподаванія на математическомъ фа-

Науки вспомогательныя.

Богословіе.

Логика и психологія.

Сельское домоводство, съ присоединеніемъ технологіи и коммерціи.

Исторія и статистика.

Исторія римскаго права.

Такъ какъ философія преподается не только на этомъ, но и на словесномъ и физико-математическомъ факультетахъ, то по предмету философіи нужны профессоръ и адъюнктъ.

Эта кафедра состоитъ, по уставу, на физико-математическомъ факультетѣ; этико-политическое отдѣленіе считаетъ полезнымъ имѣть особаго для своихъ студентовъ адъюнкта.

Потребенъ особый адъюнктъ.

По этой части есть адъюнктъ.

III. По словесному факультету.

По *кафедрѣ російской словесности* — грамматика, риторика, пѣтвенка и исторія русской литературы.

По *кафедрѣ греческаго языка и словесности* — грамматика, изъясненіе авторовъ, мифологія, исторія греческой литературы, археологія искусствъ.

По *кафедрѣ древностей и латинскаго языка* — древности знатнѣйшихъ древнихъ народовъ, исторія латинской литературы, изъясненіе авторовъ латинскихъ и филологическая энциклопедія.

По *кафедрѣ всемірной исторіи, статистики и географіи всеобщей* — всемірная исторія, всеобщая географія и всеобщая статистика.

По *кафедрѣ исторіи, статистики и географіи російскаго государства* — древности русскія.

По *кафедрѣ восточныхъ языковъ* — грамматика, чтеніе авторовъ восточныхъ и исторія ихъ литературы.

По *кафедрѣ философіи* — логика, психологія, нравственная философія и исторія философіи.

Кафедра энциклопедіи наукъ и всеобщей литературы.

Кафедра эстетики и исторіи изящныхъ искусствъ.

По *части французскаго языка* — грамматика, исторія словесности французской и практическія упражненія.

По *части нѣмецкаго языка* — грамматика и переводы.

По *части англійскаго языка* — грамматика и переводы.

Пріятыя искусства — музыка, рисованіе и танцованіе.

Гимнастическія упражненія — фехтованіе и верховая ѣзда.

культетъ по плану профессора Перевощикова съ измѣненіями его, сдѣланными совѣтомъ университета.

„При младенческомъ состояніи, въ какомъ находятся нынѣ у насъ филологическія свѣдѣнія во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ, писалъ онъ, тамъ нельзя ожидать отъ учащихся значительныхъ успѣховъ въ языкахъ въ продолженіи нѣкотораго еще времени до прочнаго, по-

Какіе необходимы преподаватели.

По кафедрѣ русской словесности—ординарный профессоръ и адъюнктъ; древностей и латинскаго языка—ординарный профессоръ и адъюнктъ; всемірной исторіи и прочее—ординарный профессоръ и адъюнктъ; исторіи русской и прочее—ординарный профессоръ и адъюнктъ; восточныхъ языковъ—ординарный профессоръ; философіи—ординарный профессоръ и адъюнктъ; энциклопедіи наукъ и прочее—ординарный профессоръ; эстетики и прочее—ординарный профессоръ.

По части французскаго языка—лекторъ; нѣмецкаго языка—лекторъ; англійскаго языка—лекторъ; пріятныхъ искусствъ—3 учителя; гимнастическихъ упражненій—учитель.

Какіе преподаватели имѣются на лицо.

По предмету богословія—ординарный профессоръ; русской словесности—адъюнктъ; греческаго языка и словесности—ординарный профессоръ; древностей и латинскаго языка—ординарный профессоръ; исторіи государства Россійскаго и проч.—ординарный профессоръ; восточныхъ языковъ—ординарный профессоръ; французскаго языка—лекторъ.

По какой части нужно прибавить преподавателей.

По кафедрѣ русской словесности—ординарнаго профессора; греческаго языка—адъюкта; всеобщей исторіи и прочее—ординарнаго профессора и адъюкта; исторіи Россійской и проч.—адъюкта; философіи—ординарнаго профессора и адъюкта; энциклопедіи наукъ и проч.—ординарнаго профессора; эстетики и проч.—ординарнаго профессора; нѣмецкаго языка—лектора; англійскаго языка—лектора.

По части гимнастическихъ упражненій—учителя.

Словесный факультетъ, сообразно предположенію, что курсъ наукъ для студентовъ Харьковскаго университета со временемъ будетъ четырехлѣтній, составилъ на будущее время раздѣленіе предметовъ, а именно.

Для студентовъ 1-го года: богословіе, грамматика русскаго языка, греческая грамматика и изъясненіе авторовъ, исторія латинской литературы и изъясненіе авторовъ, всеобщая древняя исторія, исторія Россійскаго государства, логика и психологія, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

Для студентовъ 2-го года: риторика, міеологія и изъясненіе авторовъ, древности вѣстѣйшихъ древнихъ народовъ съ изъясненіемъ авторовъ, всеобщая средняя исторія статистика и географія Россійскаго государства, нравственная философія, энциклопедія наукъ и всеобщей литературы, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

Для студентовъ 3-го года: пѣтика, исторія греческой литературы и изъясненіе авторовъ, филологическая энциклопедія съ изъясненіемъ авторовъ, географія всеобщая,

степеннаго и продолжительнаго преобразованія уѣздныхъ училищъ и гимназій. Но математика, къ которой нашъ народъ питаетъ особую любовь и способность и коей приложенія получили нынѣ такую важность въ отношеніи торговли и промышленности, математика,—сія путеводительница здравого смысла, можетъ быть расширена и улучшена въ преподаваніи весьма скоро приложеніемъ къ ученію университетскому

древности русскія, исторія философій, новѣйшая исторія, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

Для студентовъ 4-го года: исторія російской литературы, археологія искусствъ и изысканіе авторовъ, статистика всеобщая, практическія упражненія во французскомъ языкѣ, нѣмецкій языкъ, эстетика и исторія изящныхъ искусствъ.

Примѣчаніе. Восточные языки и англійскій языкъ, также пріятныя искусства и гимнастическія упражненія предоставляются на произволъ студентовъ.

IV. По математическому факультету—по математическому его отдѣленію.

1-й годъ: начертательная геометрія, возвышеніе увеличенныхъ количествъ въ каждую степень вообще, теорія логарифмовъ, теорія опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ уравненій, плоская тригонометрія, введеніе въ теорію функций и приложеніе алгебры къ геометріи, минералогія, физика, рисованіе.

2-й годъ: начертательная геометрія, приложенная къ теоріи тѣней, перспективѣ, къ обтесыванію камней и устройству сводовъ, дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе и высшая геометрія; химія, приложенная къ искусствамъ; архитектура; сферическая тригонометрія и астрономія; рисованіе.

3-й годъ: архитектура; механика и оптика; астрономія съ наблюденіями; химія, приложенная къ искусствамъ; рисованіе.

По отдѣленію естественныхъ наукъ.

1-й годъ: общая физика, зоологія, ботаника, начертательная геометрія, рисованіе.

2-й годъ: прикладная физика, химія, зоологія, ботаника, начертательная геометрія, рисованіе.

3-й годъ: минералогія, сельское хозяйство, архитектура, приложеніе химіи къ искусствамъ, рисованіе.

4-й годъ: геогнозія, сельское хозяйство, прикладная естественная исторія, архитектура, рисованіе.

Въ 3-мъ и 4-мъ году студенты должны быть упражняемы практически въ ботаникѣ и зоологій.

Предметы собственно физико-математическаго факультета при предположеніи четырехгодичнаго курса, можно распредѣлять такъ.

1-й годъ: начертательная геометрія, чистая математика, физика общая, минералогія, рисованіе.

2-й годъ: начертательная геометрія, чистая математика, физика прикладная, оптика, рисованіе.

3-й годъ: архитектура, механика, химія, астрономія, рисованіе.

4-й годъ: архитектура, механика, приложеніе химіи къ искусствамъ, астрономія, рисованіе.

корпуса путей сообщенія, по плану профессора Перевощикова, который при этомъ прилагаю. Нужды Россіи растутъ съ неимоверною быстротою, и такъ при всѣхъ стараніяхъ правительства образовъ механиковъ, землемѣровъ и надежныхъ архитекторовъ, мнѣ бы казалось небезполезнымъ приготовить таковыхъ и при здѣшнемъ университетѣ. Если ваше высокопревосходительство одобрите эту мысль мою, то я постараюсь ее представить въ полномъ развитіи на благоусмотрѣніе ваше; а между тѣмъ считаю достаточнымъ присовокупить къ моему донесенію краткій очеркъ соображенія Перевощикова по этому предмету.

I. Къ наукамъ физико-математическимъ принадлежать: а) чистая математика, б) механика тѣлъ твердыхъ, с) оптика, d) астрономія, е) физика, f) геодезія.

II. Студенты, вступающіе въ отдѣленіе математическое, должны знать: а) ариметику, б) геометрію, с) алгебру до уравненій 2-й степени включительно, d) тригонометрію прямолинейную, е) коническія сѣченія.

III. Ученіе должно быть расположено въ такомъ порядкѣ.

Первый годъ: а) теорія высшихъ уравненій, дифференціальное и интегральное исчисленіе, б) физика, с) сферическая тригонометрія и сферическая астрономія.

Второй годъ: а) высшая геометрія, теорія вѣроятностей и варіаціонное исчисленіе, б) продолженіе физики, с) статика и гидростатика, d) теорія планетъ и затмений, составленіе каталога звѣздъ, упражненія въ практическихъ вычисленіяхъ, геодезія.

Третій годъ: а) динамика и гидродинамика, оптика, б) важнѣйшія статьи изъ небесной механики, теорія кометъ.

IV. Каждый профессоръ долженъ учить три раза въ недѣлю по 2 часа, или по крайней мѣрѣ 1½ часа.

V. Весьма полезно имѣть профессора гражданской архитектуры, которому должно поручить и преподаваніе начертательной геометріи.

VI. Для руководства въ преподаваніяхъ должны быть приняты сочиненія *Ейлера* и *Лагранжа* для высшихъ уравненій; *Коши* для дифференціального и интегрального исчисленія и для высшей геометріи; *Лагранжа* для механики; руководство къ астрономіи изд. въ Москвѣ для астрономіи; руководство къ физикѣ, изд. въ Москвѣ для физики; *Понте-Кулана* для небесной механики; *Маллена* и *Гершеля* для оптики; *Пюнесана* для геодезіи; *Бурдона* для алгебры“.

Совѣтъ университета далъ объ этомъ проектъ Перевощикова такое заключеніе.

„По надлежащемъ разсмотрѣніи предположенія профессора Московскаго университета Перовщикова, также по соображеніи предметовъ преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія и постановленій, касательно распредѣленія предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ, находитъ онъ въ сказанномъ предположеніи Перовщикова слѣдующія неудобства:

I. По уставу учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденному 8 декабря 1828 года, естественная исторія исключена изъ числа предметовъ гимназическаго ученія, отчего поступающіе изъ гимназій въ университетъ не въ состояніи будутъ вполне понимать физической географіи, а потому совѣтъ считаетъ нужнымъ къ наукамъ собственно физикоматематическаго отдѣленія прибавить изъ естественной исторіи минералогію. Еще болѣе необходимо для всякаго студента физикоматематическаго отдѣленія знаніе химіи, безъ которой познанія ихъ въ физикѣ будутъ весьма неполны. Въ планѣ Перовщикова не помѣщены эти двѣ науки, равно какъ и рисовальное искусство.

II. Перовщиковъ предполагаетъ, чтобы каждый изъ поступающихъ въ студенты физикоматематическаго отдѣленія зналъ между прочимъ прямолинейную тригонометрію и коническія сѣченія. Но ученики тѣхъ гимназій, въ коихъ преподается греческій языкъ, не обучаются этимъ частямъ геометріи. Сверхъ того въ этихъ гимназіяхъ для преподаванія алгебры назначается только одинъ годъ по 6 часовъ въ недѣлю, въ продолженіе коего самый ревностный учитель не въ состояніи пройти всего того, что Перовщиковъ предполагаетъ требовать изъ алгебры отъ поступающихъ въ университетъ. По сему необходимо нужно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ преподаванія предметовъ по плану Перовщикова, а именно: прямолинейную тригонометрію, коническія сѣченія и труднѣйшую часть алгебры должно проходить въ университетѣ.

III. Каждая наука теперь такъ обширна, что всего пройти невозможно; а потому при преподаваніи надобно преимущественно заботиться о томъ, чтобы окончившій ученіе въ университетѣ могъ читать и понимать все то, что въ училищахъ ему преподавать не могли за недостаткомъ времени. Основываясь на этомъ, можно оставить на произволъ преподавателя теорію вѣроятностей и выборъ статей изъ небесной механики, кромѣ тѣхъ, кои необходимо должны быть изложены въ теоретической астрономіи.

IV. Совѣтъ университета полагаетъ и легче и удобнѣе, какъ для преподающихъ, такъ и для слушателей, чтобы лекціи продолжались только по одному часу.

V. Совѣтъ университета, признавая весьма полезнымъ преподаваніе архитектуры и начертательной геометріи, считаетъ весьма затруднительнымъ соединить преподавателей этихъ двухъ наукъ въ одномъ лицѣ, а потому находить нужнымъ имѣть особаго преподавателя для начертательной геометріи, который бы показалъ ея приложеніе къ проэкціи картъ, къ обтескѣ и складкѣ камней, къ перспективѣ, теоріи тѣней, къ устройству сводовъ и мостовъ, къ черченію машинъ и проч.

VI. Совѣтъ признаетъ достоинство руководствъ, предполагаемыхъ Перевозицковымъ, и преподающіе при здѣшнемъ университетѣ имѣютъ въ виду нѣкоторые изъ нихъ при своихъ лекціяхъ; но съ другой стороны считаетъ неудобнымъ требовать отъ профессоровъ, чтобы они исполнили и во всѣхъ частяхъ имъ слѣдовали, какъ потому, что науки ежедневно усовершенствуются, такъ и потому, что инныя изъ тѣхъ руководствъ отлично обработаны только въ нѣкоторыхъ частяхъ, но не въ цѣлой системѣ, а другіе, наоборотъ, при хорошей системѣ неудовлетворительны по способу изложенія отдѣльныхъ частей.

По мнѣнію совѣта университета, для улучшенія, расширенія и практическаго изученія математическихъ и естественныхъ наукъ, входящихъ нынѣ въ составъ физикоматематическаго отдѣленія, его весьма полезно было бы раздѣлить на два: на собственно физикоматематическое и на отдѣленіе естественныхъ наукъ, съ представленіемъ каждому права производить въ ученія степени.

Дабы воспитанники университета, по собственно физикоматематическому отдѣленію, могли быть лучше приготовлены къ практическому, впоследствии, употребленію приобретаемыхъ ими познаній и чрезъ то сдѣлаться болѣе полезными себѣ и другимъ, должны быть для нихъ преподаваемы слѣдующія науки:

1) начертательная геометрія съ приложеніемъ ея къ черченію картъ и частей машинъ; 2) архитектура, съ показаніемъ какъ строить мосты и проводить дороги и каналы; 3) чистая математика; 4) прикладная математика — оптика и механика; 5) астрономія; 6) физика; 7) химія съ приложеніемъ ея къ искусствамъ и ремесламъ; 8) минералогія; 9) рисовальное искусство.

Способъ преподаванія долженъ быть принятъ такой, какъ въ корпусѣ путей сообщенія, т. е. воспитанники должны сами чертить и дѣлать физическіе и химическіе опыты подъ надзоромъ преподающихъ; они должны приучиться къ употребленію всѣхъ инструментовъ, служащихъ къ измѣренію.

Если предположить трехгодичный курсъ, то вышепомянутые учебные предметы могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Первый годъ: 1) начертательная геометрія; 2) возвышеніе двучленныхъ количествъ въ каждую степень вообще, теорія логарифмовъ, теорія опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ уравненій; плоская тригонометрія; введеніе въ теорію функцій и приложеніе алгебры къ геометріи; 3) минералогія; 4) физика; 5) рисованье.

Второй годъ: 1) начертательная геометрія, приложенная къ теоріи тѣнъ, перспективѣ, къ обтесыванію камней и къ устройству садовъ; 2) дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе и высшая геометрія; 3) химія, приложенная къ искусствамъ; 4) архитектура; 5) сферическая тригонометрія и астрономія; 6) рисованье.

Третій годъ: 1) архитектура; 2) механика и оптика; 3) астрономія съ наблюденіями; 4) химія, приложенная къ искусствамъ; 5) рисованье.

Это раздѣленіе можетъ измѣниться, ибо одинъ только опытъ можетъ показать нужныя во всемъ усовершенствованія. Распредѣленіе времени преподаванія должно предоставить самимъ преподающимъ, ибо оно можетъ измѣняться и отъ числа преподающихъ, и отъ постороннихъ ихъ занятій, и отъ другихъ непредвидимыхъ обстоятельствъ.

Для успѣшнаго преподаванія сказанныхъ предметовъ къ находящимся нынѣ преподавателямъ надобно прибавить:

1) Профессора начертательной геометріи, профессора архитектуры, профессора прикладной химіи; кромѣ того, по крайней мѣрѣ еще трехъ адъюнктовъ. Сверхъ того, надобно имѣть нѣсколько репетиторовъ, то есть студентовъ, съ похвалою окончившихъ курсъ, дабы они могли занимать студентовъ, въ случаѣ законнаго отсутствія преподавателя.

I. По мнѣнію совѣта университета, *отдѣленіе естественныхъ наукъ* должно заключать въ себѣ слѣдующія науки:

1) химію; 2) физику; 3) зоологію; 4) ботанику; 5) минералогію; 6) химію, приложенную къ искусствамъ и ремесламъ; 7) агрономію; 8) прикладную естественную исторію; 9) архитектуру; 10) начертательную геометрію; 11) рисованіе. Хотя нельзя отвергнуть надобности и прикладной механики, но можно не преподавать ее особо, а главнѣйшее изъ нея должно быть изложено при преподаваніи начертательной геометріи.

На 1-мъ курсѣ: 1) химія; 2) общая физика; 3) зоологія; 4) ботаника; 5) начертательная геометрія; 6) рисованіе.

На 2-мъ курсѣ: 1) зоологія; 1) ботаника; 3) минералогія, ориктогнозія; 4) архитектура; 5) начертательная геометрія; 6) рисованіе.

На 3-мъ курсѣ: 1) химія, приложенная къ искусствамъ и ремесламъ; 2) сельское хозяйство; 3) геогнозія; 4) прикладная естественная исторія; 5) архитектура; 6) рисованіе.

Цѣль ученія въ каждомъ факультетѣ университета должна быть двоякая: одна должна состоять въ образованіи самого себя, а другая въ приобрѣтеніи свѣдѣній, особенно по практическимъ предметамъ, въ такой степени, чтобы приобрѣтающій ихъ могъ быть со временемъ полезнымъ ими для другихъ и обезпечить вмѣстѣ свое состояніе. Само собою разумѣется, что таковыя свѣдѣнія не могутъ быть приобрѣтены съ помощью одного только теоретическаго преподаванія и что по сему необходимо имѣть для познанія практики, сколько возможно, вспомогательныя заведенія, а именно: для сельскаго хозяйства образцовую, хотя небольшую, ферму для показанія работъ и орудій на практикѣ и для опытовъ, а для практической механики—собраніе моделей.

Для успѣшнаго преподаванія нужно имѣть особыхъ профессоровъ для каждой части естественной исторіи, то-есть: для ботаники, для зоологіи и минералогіи и при нихъ одного адъюнкта. При теперешнемъ же состояніи университета нужно къ находящимся при немъ преподавателямъ прибавить двухъ адъюнктовъ. Ежели же принять 4-годиный курсъ ученія, то въ отдѣленіи естественныхъ наукъ можно распределить предметы слѣдующимъ образомъ.

1-й годъ: 1) общая физика; 2) зоологія; 3) ботаника; 4) начертательная геометрія; 5) рисованіе.

2-й годъ: 1) прикладная физика; 2) химія; 3) зоологія; 4) ботаника; 5) начертательная геометрія; 6) рисованіе.

3-й годъ: 1) минералогія; 2) сельское хозяйство; 3) архитектура; 4) приложеніе химіи къ искусствамъ; 5) рисованіе.

4-й годъ: 1) геогнозія; 2) сельское хозяйство; 3) прикладная естественная исторія; 4) архитектура; 5) рисованіе.

Въ 3 и 4 году студенты должны быть упражняемы практически въ ботаникѣ и зоологіи.

II. Предметы собственно физикоматематическаго отдѣленія при предположеніи четырехгодичнаго курса можно распределить такъ.

1-й годъ: 1) начертательная геометрія; 2) чистая математика; 3) физика общая; 4) минералогія; 5) рисованіе.

2-й годъ: 1) начертательная геометрія; 2) чистая математика; 3) физика прикладная; 4) оптика; 5) рисованіе.

3-й годъ: 1) архитектура; 2) механика; 3) химія; 4) астрономія; 5) рисованіе.

4-й годъ: 1) архитектура; 2) механика; 3) приложение химіи къ искусствамъ; 4) астрономія; 5) рисованіе.

Что касается до того, сколько разъ въ недѣлю долженъ быть преподаваемъ тотъ или другой предметъ и по сколько часовъ сряду, это зависитъ отъ свойства самого предмета, отъ числа преподающихъ, отъ здоровья ихъ, отъ имѣнія или неимѣнія помощника или репетитора, отъ занятія преподающихъ по правленію, училищному и другимъ комитетамъ и исправленія другихъ университетскихъ должностей и, слѣдовательно, постоянно одинъ разъ навсегда нельзя его опредѣлить.

Подробное изложеніе частей науки, какія въ годъ можно пройти, надобно предоставить опыту.

III. Касательно сочиненій, кои надлежитъ взять въ руководство при преподаваніи, трудно постановить что-либо постоянное, какъ по причинѣ измѣненій въ той или другой наукѣ, такъ и потому, что другой не одобряетъ того, что одному нравится. По мнѣнію совѣта университета, лучшія сочиненія, по части начертательной геометріи, суть Монора, Ашета и Вилле; по части архитектуры—Дюранда, Ронделе и Вибекинга; прямолинейную тригонометрію, коническія сѣченія и алгебру можно преподавать по курсу математики Осиповскаго, сдѣлавъ только очень небольшое дополненіе къ теоріи высшихъ уравненій изъ Лагранжа. Въ отношеніи къ дифференціальному, интегральному и варіаціонному исчисленіямъ почти все собрано г. Лакруа въ его сочиненіи „*Traité du calcul différentiel et integral*“; только надобно дополнить статью объ опредѣленныхъ интегралахъ изъ сочиненій Коши и другихъ; приложение анализа къ геометріи объяснено Ейлеромъ, Монжемъ и Лагранжомъ и также большею частью собрано Лакруа въ упомянутомъ его сочиненіи, хотя есть и такое, что должно прибавить изъ другихъ сочиненій, но этого очень немного. Оптика Малю есть блестящее приложение геометріи къ этой наукѣ, но она имъ не кончена, при томъ выкладки въ ней и можно, и должно, сократить, и умѣть сдѣлать приложение ея къ теоріи оптическихъ инструментовъ. Хорошей и полной математической оптики еще нѣтъ. Матеріалы для нея есть, но разбросаны и надобно собрать. Оптика Гершеля членамъ факультета еще неизвѣстна. Аналитическая механика Лагранжа лучше всѣхъ механикъ; но для руководства при преподаваніи обыкновенно одобряютъ механики Пауссона и Франкера. Астрономія, сочиненная Даламбромъ, самая полная; преподающему остается только сдѣлать изъ нея хорошее извлеченіе и присоединить теоріи движенія небесныхъ тѣлъ изъ сочиненія Понтекулана.

Одобривъ вышеизложенныя предположенія физикоматематическаго факультета касательно расширенія преподаванія математическихъ наукъ, честь имѣю представить ихъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, вслѣдствіе предложенія вашего отъ 3 прошедшаго февраля, присовокупляя къ тому, что нужные по этому предположенію три ординарныхъ профессора для каѳедръ начертательной геометріи, архитектуры и прикладной химіи, не могутъ требовать никакой вновь прибавки къ положенной по штату суммѣ, ибо они замѣняютъ упраздненную каѳедру военныхъ наукъ, также каѳедры технологіи съ коммерческими науками и толкованія священнаго писанія и церковной исторіи⁴.

Министръ народнаго просвѣщенія постановилъ отправить всѣ эти бумаги на разсмотрѣніе попечителя Ю. А. Головкина, который далъ о нихъ слѣдующій отзывъ.

„Ваше превосходительство, препроводивъ 4-го мая сего года въ копіяхъ на разсмотрѣніе мое два представленія помощника моего, графа Панина, о расширеніи преподаванія математики въ Харьковскомъ университетѣ, по плану профессора Перевоицкова, изволили просить меня о доставленіи по этому предмету заключенія моего. Вслѣдствіе сего, по пріѣздѣ моемъ, обративъ все стараніе на улучшеніе ввѣреннаго мнѣ университета, по всѣмъ частямъ, я между прочимъ созывалъ физикоматематическій факультетъ и вмѣстѣ съ гг. профессорами разсматривали пользы и потребности его. При этомъ открылось, что еще въ 1822 году физикоматематическій факультетъ входилъ въ составъ университета съ представленіемъ о раздѣленіи его на два отдѣленія—на отдѣленіе математическихъ и на отдѣленіе естественныхъ наукъ; совѣтъ же, одобливъ такое предположеніе факультета, входилъ съ представленіями о томъ къ высшему начальству въ 1823 году генваря 27, вторично въ 1825 году августа 20 и въ третій разъ въ 1834 году марта 24, но до сихъ поръ никакого разрѣшенія не получено.

Нынѣ внимательно разсмотрѣвъ таковое предположеніе, я нашелъ причины къ тому побуждающія основательными и уважительными и раздѣленіе факультета на два отдѣленія—на отдѣленіе математическихъ и на отдѣленіе естественныхъ наукъ—весьма полезнымъ и необходимымъ, какъ для облегченія учащихся, такъ и для лучшаго изученія предметовъ того и другого отдѣленій; съ этимъ раздѣленіемъ неразрывно связано и то, чтобы каждому изъ этихъ двухъ отдѣленій, должествующихъ имѣть одного общаго декана по прежнему, дозволено было производство въ дѣйствительные студенты, съ выдачею полныхъ аттестатовъ и вообще въ ученые степени. Предметы же по симъ двумъ отдѣленіямъ распредѣлены такъ.

По отдѣленію собственно физикоматематическому: 1) начертательная геометрія, 2) архитектура, 3) чистая математика, 4) прикладная математика: механика и оптика, 5) астрономія; 6) физика, 7) химія, съ приложеніемъ ея къ искусствамъ, 8) минералогія, 9) рисованіе.

По отдѣленію естественныхъ наукъ: 1) химія, 2) физика, 3) зоология, 4) ботаника, 5) минералогія, 6) приложеніе химіи къ искусствамъ, 7) агрономія, 8) прикладная естественная исторія, 9) архитектура, 10) начертательная геометрія и 11) рисованіе.

Желая, чтобы этотъ новый порядокъ введенъ былъ съ начала наступающаго курса, т. е. съ 1 сентября сего года, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство почтить настоящее мое представленіе скорымъ разрѣшеніемъ вашимъ¹⁾.

На это послѣдовала такая резолюція министра. „Министръ считаетъ себя невиннымъ разрѣшить предполагаемое отступленіе отъ Высочайше утвержденаго устава, а потому и приказалъ дать знать о томъ попечителю, вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ этотъ внести въ комитетъ по устройству учебныхъ заведеній“²⁾. Какъ мы видѣли, графъ Головкинъ вскорѣ вошелъ въ министерство съ новымъ предложеніемъ по этому же предмету²⁾.

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52914/1894.

²⁾ Отъ министра былъ полученъ на этотъ проектъ попечителя слѣдующій отвѣтъ. „Во исполненіе извѣстнаго вашему сіятельству Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, состоявшагося въ 9 день декабря 1834 г., рассмотрѣвъ въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній краткій отчетъ вашъ о личномъ обозрѣніи вашимъ Харьковскаго университета, заключающій въ себѣ слѣдующія предположенія объ улучшеніи какъ сего заведенія, такъ и подвѣдомыхъ оному училищъ: 1) совершенно отдѣлить часть ученую отъ хозяйственной и управительной, такимъ образомъ, чтобы профессора занимались только науками, а хозяйственную часть и управление университетомъ поручить особннымъ чиновникамъ, на сей конецъ опредѣленнымъ; 2) измѣнить порядокъ годовыхъ курсовъ, назначивъ преподаваніе по семестрамъ, или полугодичнымъ курсамъ; 3) завести педагогическій институтъ; 4) умножить университетскую бібліотеку; 5) увеличить клинику; 6) завести при университетѣ литографію; 7) употребить стараніе къ заведенію гимназическихъ пансіоновъ; 8) ввести обученіе гимнастикѣ; 9) вводить въ приходскія училища методу Ланкастера.

Комитетъ, отдавая должную справедливости заботливости нашего сіятельства объ улучшеніи состоянія вѣреннаго управленію вашему заведенія, но имѣя въ виду, что ему въ непродолжительномъ времени подлежитъ рассмотрѣніе новаго проекта устава университета, призналъ удобнѣйшимъ статьи предположеній вашихъ: 1) объ отдѣленіи ученой части отъ административной и хозяйственной; 2) объ измѣненіи порядка годовыхъ курсовъ; 3) объ устройствѣ педагогическаго при университетѣ института; 4) о распространеніи клиникъ, — принять въ ближайшее соображеніе при чтеніи новаго проекта, имѣть въ виду эти предположенія при редакціи проекта устава университетовъ.

Управляя округомъ, до прїѣзда вновь назначеннаго попечителемъ г. Головкина, гр. А. Н. Панинъ вошелъ въ министерство еще съ новымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи университету издавать свой журналъ "Ученныя Записки", но и оно, повидимому, успѣха не имѣло.

„Желая пробудить дѣятельность здѣшнихъ профессоровъ и заставить ихъ участвовать въ общихъ ученыхъ трудахъ, я осмѣливаюсь

За тѣмъ прочія статьи предположеній вашихъ, именно: 1) объ умноженіи университетской библіотеки единовременнымъ пріобрѣтеніемъ новѣйшихъ книгъ; 2) о заведеніи при университетѣ литографіи; 3) о заведеніи при гимназіяхъ пансіоновъ; 4) о заведеніи обученія гимнастическаго и 5) о преобразованіи приходскихъ училищъ по методѣ анкастера, — какъ предметы частью административные, частью зависящіе отъ мѣстныхъ и способовъ учебныхъ заведеній, вообще же не входящіе въ кругъ дѣйствій комитета устройства учебныхъ заведеній, предоставлены имъ собственному усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

О такомъ положеніи комитета, о коемъ было доводимо до свѣдѣнія Государя Императора, имѣя честь уведомлять ваше сіятельство, долгомъ считаю изложить заключеніе мое по послѣднимъ пяти статьямъ, отнесеннымъ на усмотрѣніе министерства: соглашаясь съ своей стороны на умноженіе университетской библіотеки, я нахожу однакоже, что къ этому не прежде приступить можно, какъ по пріемѣ изъ упраздненнаго Виленскаго университета книгъ, назначенныхъ Харьковскому извѣстнымъ вамъ Высочайшимъ повелѣніемъ, и по составленіи реестра оказывающихся за нимъ нужными для университета книгъ, съ назначеніемъ имъ цѣны, по предварительному отобранію о томъ свѣдѣній отъ книгопродавцевъ и объясненію способа ихъ пріобрѣтенія, о чемъ и буду ожидать дальнѣйшаго отношенія вашего сіятельства; 2) касательно заведенія литографіи полагаю я, что такъ какъ при университетѣ состоитъ рѣзчикъ на мѣди, положенный по штату, то учрежденіе литографіи можетъ быть отложено до пріобрѣтенія новыхъ средствъ посредствомъ утвержденія новыхъ штатовъ; 3) на обученіе въ университетѣ гимнастическаго, я согласенъ въ такомъ однако же случаѣ, если издержку на содержание вольнонаемнаго учителя примутъ на себя желающіе обучаться гимнастическаго, по предмету этотъ не положенъ по уставу.

Что же касается до образованія административной части независимо отъ учебной и ученой, вашему сіятельству извѣстно, что и въ полной мѣрѣ раздѣляю убѣжденіе въ необходимости этой мѣры, принятой уже въ руководство при составленіи проекта устава университета св. Владиміра. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній имѣлъ видну принять эту мысль въ основаніе для всѣхъ вообще высшихъ заведеній въ соображеніи имѣя проектъ университетскаго устава. Доколѣ этотъ уставъ не будетъ окончательно утвержденъ и доколѣ не будутъ соразмѣрно съ нимъ возвышены штаты университетовъ, — остается намъ только ожидать съ довѣренностію къ Августѣйшему Повелителю наукъ, этой благопріятной эпохи, столь необходимой для высшихъ заведеній нашихъ. Между тѣмъ если во время личнаго пребыванія вашего сіятельства въ Харьковѣ, вы найдете возможнымъ принять къ этому нѣсколько приготовительныхъ мѣръ, и выходи изъ предѣловъ собственныхъ средствъ университета и руководствуясь общими распоряженіями университета св. Владиміра, то я съ своей стороны совершенно соглашусь на таковой опытъ, готовъ будучи въ случаяхъ, превышающихъ мою власть, представлять соображенія ваши на усмотрѣніе и разрѣшеніе Его Императорскаго Величества“ (Харьк. унив. арх. Дѣло № 2095/131).

испрашивать у вашего высокопревосходительства позволенія издавать при Харьковскомъ университетѣ журналъ подъ названіемъ „Ученыхъ Записокъ“. Въ журналѣ этомъ могутъ участвовать слѣдующіе профессора: по части латинской словесности и древностей римскихъ—профессоръ Кронебергъ, по части російской исторіи и статистики—профессоръ Артемовскій-Гулакъ, по части російской словесности—адъюнкты Якимовъ, по части политической экономіи и всеобщей исторіи—экстраординарный профессоръ Степановъ, по части естественныхъ наукъ—профессоръ Черняевъ и Криницкій и проч.“.

По докладу объ этомъ Государю Императору 6 іюля 1834 года послѣдовала Высочайшая резолюція: „повременить“.

2 октября 1834 г. возобновлено было представленіе объ этомъ попечителемъ, которое, за вышеизложенной резолюціею, приказано приобщить къ дѣлу ¹⁾).

Любопытная записка была представлена министру ректоромъ Кронебергомъ, хотя его подписи подъ ней и не имѣется. Вотъ ея текстъ.

„1. Харьковский университетъ не имѣетъ виѣшней полноты. По уставу положено 28 ординарныхъ профессоровъ, нынѣ только 17, изъ коихъ профессоръ Даниловичъ находится въ С.-Петербургѣ, слѣдовательно, настоящее число 16; затѣмъ остается вакантныхъ каѳедъ 12, а именно: 1) каѳедра толкованія св. писанія и церковной исторіи вовсе не занята; 2) каѳедра права естественнаго, политическаго и народнаго вовсе не занята; 3) каѳедра права гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи; по нахожденіи профессора Даниловича въ С.-Петербургѣ, предметъ этотъ читаетъ магистръ Гордѣенковъ; 4) каѳедра дипломатики и политической экономіи, читаетъ экстраординарный профессоръ Степановъ; 5) каѳедра сельскаго домоводства не занята; 6) каѳедра технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ; технологію преподаетъ временно профессоръ Сухомлиновъ; 7) каѳедра военныхъ наукъ не занята; 8) каѳедра патологіи, терапіи и клиники; эту каѳедру занималъ профессоръ Брандейсъ; по выбитіи его каѳедра осталась праздною; нынѣ клинкою завѣдываетъ Блумевталъ; 9) каѳедра хирургіи; профессоръ Еллиевскій подалъ прошеніе объ увольненіи, и хотя еще не уволенъ, однако лекцій не читаетъ; каѳедра эта раздѣлена нынѣ между экстраординарнымъ профессоромъ Экебладомъ, который читаетъ теоретическую хирургію, и ординаторомъ Кригеромъ, которому поручено заниматься оперативною хирургіею; 10) каѳедра скотолѣченія; читаетъ экстраординарный профессоръ Экебладъ;

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52966/1896.

каѳедра всемірної історіи, статистики и географіи; читаєть адъюнктъ Цыхъ; 12) каѳедра краснорѣчія, стихотворства и языка російскаго; читаєть адъюнктъ Якимовъ.

Если каѳедры, занятія экстраординарными профессорами и адъюнктами, не считать праздными, то вовсе вакантныя только 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9.

2. Нынѣ слушателей въ медицинскомъ отдѣленіи 148, въ этико-политическомъ 59, въ словесномъ 46, въ физико-математическомъ 18. Этотъ послѣдній факультетъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть весьма малое число студентовъ, потому что онъ въ настоящемъ своемъ видѣ объемлетъ слишкомъ много предметовъ и къ тому еще весьма трудныхъ; нужно его раздѣлить на 2 отдѣленія, по примѣру Дерптскаго университета.

Отдѣленіе словесныхъ наукъ нужно пополнить. Отмѣнивъ исторію и риторикъ, не соотвѣтствующихъ нынѣшнему состоянію наукъ, и прибавивъ болѣе классному ученію, нужнымъ считаю прибавить 2 каѳедры: 1) каѳедру эстетики и исторіи изящныхъ искусствъ; 2) каѳедру энциклопедіи наукъ и всеобщей исторіи литературы.

3. Препятствія къ успѣшному и прочному прохожденію наукъ. Неосновательное приговорительное ученіе въ гимназіяхъ и частныхъ пансіонахъ. Слабѣйшая часть ученія въ гимназіяхъ—языки, какъ древніе, такъ и новѣйшіе. Метода ученія—механическая. Способность мыслить не упражняется. Ученіе въ частныхъ пансіонахъ самое поверхностное. Преимущественно обращаютъ въ нихъ вниманіе на изученіе французскаго языка и математики. Латинскій и нѣмецкій языки и историческія науки занимаютъ послѣднее мѣсто. Думаю, что не слѣдовало бы изъ частныхъ пансіоновъ принимать въ студенты. *Если бы это было запрещено, тогда скорѣе поднялись бы пансіоны, заводимые при гимназіяхъ.* 2) Кратковременность трехгодичнаго курса въ университетѣ. Трехлѣтній курсъ продолжается 3 года; но это трехлѣтіе, за исключеніемъ праздниковъ, составляетъ не болѣе 20 мѣсяцевъ. Отъ этого происходитъ то, что студентовъ обременяютъ множествомъ предметовъ. Такъ, напр., студенты словеснаго отдѣленія 1-го года должны слушать 12 предметовъ, студенты медицинскаго отдѣленія 8 и т. д.; они не въ состояніи по надлежащему обрабатывать столько предметовъ; и естественное послѣдствіе то, что они стараются удовлетворить на экзаменѣ буквальною отвѣтомъ. По этой причинѣ нужно распространить курсъ университетскаго ученія на 4 года и ввести семестры и вмѣстѣ съ тѣмъ большее число лекцій для профессоровъ и меньшее число предметовъ для студентовъ. 3) Младость поступающихъ въ студенты. Не рѣдко принимаются 15-лѣтніе юноши, т. е. въ томъ возрастѣ, когда, не говоря уже

о недостаточности предварительнаго ученія, даже и разсудокъ ихъ недовольно зрѣлъ для университетскихъ лекцій. Это одна изъ тѣхъ причинъ, по коимъ Харьковскій университетъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на школу. Ибо часто профессоръ долженъ въ этомъ отношеніи равняться съ простымъ учителемъ, дабы его слушатели могли его понимать.

4. Экзамены при приѣмѣ въ своекоштные студенты чрезвычайно обременительны по многочисленности поступающихъ въ университетъ, и не могутъ быть производимы съ надлежащею подробностью, точностью и отчетностью. При послѣднемъ приѣмѣ явилось 118 человекъ. Экзамены продолжались съ 1 іюля по 1 октября и отнимали почти все время. Отмѣнить эти экзамены нельзя, но нужно положить для нихъ большій срокъ и публиковать о томъ по округу.

5. Что касается до годовыхъ экзаменовъ, то они, за исключеніемъ экзаменовъ казеннокоштныхъ студентовъ, совершенно безполезны, также и экзамены кончившихъ полный курсъ. Годовые экзамены продолжающихъ ученіе безполезны, потому что, по причинѣ множества экзаменуемыхъ и множества предметовъ, нѣтъ никакой возможности оцѣнить степень познанія и, слѣдовательно, цѣль испытаній не достигается. Что же касается до кончившихъ полный курсъ, то напрасно требуютъ отъ нихъ, чтобы они немедленно подвергались экзамену. Въ положеніи о производствѣ въ ученые степени, первую положена степень дѣйствительнаго студента. *Для чего же не предоставить каждому, по окончаніи курса, явиться къ экзамену въ факультетъ, когда захочетъ, не стѣсня его и во время его ученія принужденіемъ слушать въ такомъ-то году такіа-то лекціи, и требованіемъ выслушать всѣ въ факультетѣ положенныя науки непремѣнно въ три года? Для чего не предоставить въ этомъ отношеніи болѣе свободы? Иной имѣетъ слабую способность и ему нужно болѣе времени; другой желаетъ подробнѣе вникнуть въ предметы своего ученія и т. д. Наблюдать только, чтобы желающій оставить университетъ предъявлялъ правленію университета свидѣтельства отъ тѣхъ профессоровъ, у которыхъ онъ слушалъ лекціи, и если онъ выслушалъ всѣ къ факультету принадлежащія науки и еще не желаетъ подвергнуться испытанію, то такому выдавать не аттестатъ, а только свидѣтельство о его бытности въ университетѣ, которое онъ впоследствии имѣетъ предъявить декану, когда пожелаетъ выдержать экзаменъ на степень дѣйствительнаго студента. Осмѣливаюсь думать, что эта мѣра была бы весьма полезна. Тѣ, кои пожелаютъ получить эту степень, будутъ приступать къ экзамену хорошо приготовившись; другіе не рѣшатся, и университетъ избавится отъ нареканія, что производитъ въ студенты не заслуживающихъ этой степени. Мож-*

о бы по крайней мѣрѣ сдѣлать опытъ. Юнь мѣсяцъ, который весь проходитъ въ этихъ экзаменахъ, можно бы было тогда присовокупить къ учебному времени, которое и безъ того столь кратко.

6. Для пробужденія сціентифической жизни и соревнованія, нужно обратить дѣятельность профессоровъ и другихъ чиновниковъ университетскихъ на предметы, ближайшіе къ ихъ званію. А для этого, кажется мнѣ, нужнымъ: 1) освободить ихъ отъ непрерывныхъ засѣданій въ правленіи, совѣтѣ и училищномъ комитетѣ, предоставивъ ректору право одному отправлять дѣла и вмѣнивъ ему въ обязанность созывать совѣтъ, правленіе и училищный комитетъ только для тѣхъ дѣлъ, кои требуютъ общаго совѣщанія; 2) совершенно отдѣлить судебную власть, оставивъ только учебную и экономическую.

Если такимъ образомъ для профессора будетъ менѣе развлеченія и менѣе хлопотъ, не соответствующихъ его званію, то онъ будетъ имѣть и болѣе досужнаго времени и охоты заниматься науками. Но и этихъ двухъ средствъ не достаточно. Для пробужденія большей дѣятельности нужно умноженіе и усовершенствованіе принадлежностей университета. Сюда я отношу: 1) распространеніе библіотеки, которая стала лѣтъ на 20, ибо то, что въ теченіе года, за 1000 р. приобрести можно, незначительно; 2) распространеніе кабинетовъ: они очень не богаты; 3) распространеніе клиники; не бесполезно было бы имѣть при ней и свою аптеку; 4) цензуру и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшеніе типографіи; Московскій и Дерптскій университеты, имѣя надлежащія средства, могутъ показать свою дѣятельность въ литературномъ мірѣ; единъ Харьковскій университетъ лишенъ этого преимущества, и при всемъ желаніи, соревновать съ другими университетами, не имѣетъ къ тому возможности; 5) педагогическій институтъ, въ которомъ настоятъ крайняя необходимость, ибо небольшое число казеннокоштныхъ студентовъ не достаточно для снабженія Харьковскаго округа учителями; имѣя въ гимназій Новочеркаской вакантныхъ мѣстъ 4, по уѣздамъ праздныхъ мѣстъ по предмету историческихъ наукъ 18, по предмету математическихъ наукъ 13, по предмету русскаго языка 11, по предмету рисованія 42, штатныхъ смотрителей 2 вакансіи; всѣхъ вакантныхъ мѣстъ 90. Если педагогическій институтъ оказывается нужнымъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ, то онъ еще нужнѣе въ учебномъ отношеніи. Если бъ въ университетъ поступали и 17-лѣтніе юноши, то они по окончаніи трехлѣтняго курса все еще молоды для поступленія въ званіе учителя и немедленно по окончаніи курса не способны для него и въ интеллектуальномъ отношеніи. Нынѣшнее ученіе въ гимназіяхъ недовольно основательно; къ этому присовокупляется быстрое

слушаніе университетскихъ лекцій. Молодой человѣкъ не успѣлъ еще оглянуться въ царствѣ наукъ, не успѣлъ самъ себѣ дать отчета въ своихъ познаніяхъ,—и отправляется на должность быть наставникомъ въ наукѣ, за которую не умѣетъ приняться, быть наставникомъ правды, когда онъ еще самъ не утвердился въ правилахъ жизни! Какихъ должно отъ этого ожидать плодовъ! Необходимость педагогическаго института очевидна. Осмѣливаюсь думать, что учрежденіе его можетъ быть независимо отъ будущаго устава университетскаго; совершенно увѣренъ, что ваше высокопревосходительство изволи ли бы оказывать отличное благодѣяніе тамошнему краю милостивымъ соизволеніемъ вашимъ на открытіе педагогическаго института; 6) Возвышеніе окладовъ и поощреніе отличѣйшихъ.—То время, когда жалованье, опредѣленное уставомъ, дѣйствительно было достаточно, уже давно прошло. Теперь чиновнику семейному не возможно прожить этимъ жалованьемъ. Живя въ настоящемъ, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не видя ничего въ будущемъ для улучшенія своего состоянія, не удостоиваемые поощренія знаками отличія, большая часть изъ нихъ, предаваясь чувству скорби, упали духомъ и охладѣли къ своему званію и пользамъ университетскимъ; особенно же нынѣшняя дороговизна тягостна. Увѣренъ будучи, что ваше высокопревосходительство, по чувству справедливости, при первой возможности, обратитъ благосклонное и дѣятельное вниманіе на улучшеніе состоянія чиновниковъ Харьковскаго университета, я не смѣю о томъ утруждать ваше высокопревосходительство просьбами, но если бѣ благоугодно было исходатайствовать всѣмъ чиновникамъ хотя единовременную выдачу годовыхъ окладовъ въ облегченіе тяжелаго времени и двухъ или трехъ наградить знаками отличія, таковое великодушное дѣйствіе вашего высокопревосходительства имѣло бы во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя послѣдствія.

7. Гимназіи нуждаются въ хорошихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ,—слабѣйшая часть ученія—языки древніе и новѣйшіе. Неупѣшность учащихся вообще зависитъ частью отъ дурной методы, частью отъ недостатка учебныхъ пособій, память и вытверживаніе наизусть—другихъ средствъ почти не знаютъ. Способность мышленія не упражняется, не развивается. Объ учебныхъ пособіяхъ, если я не ошибаюсь, графъ Алек. Николаевичъ Панинъ представлялъ вашему высокопревосходительству.—Введеніе новаго устава нужно; но истинное преобразование гимназій относится не къ внѣшней формѣ ихъ; существенное преобразование соединено съ удаленіемъ неспособныхъ учителей. Но оставить ихъ безъ мѣста и пропитанія было бы не справедливо; а къ

ихъ замѣнить? Введенію новаго устава препятствуетъ въ гимназіяхъ и самая мѣстность. Харьковская гимназія помѣщается въ домѣ вѣтхомъ, не стоящемъ, по моему мнѣнію, никакого исправленія. Нужно или построить новое зданіе, или приобрести покункою въ смежности съ гимназіей находящійся большой домъ, о чемъ, если не ошибаюсь, г. почетель имѣлъ честь представлять вашему высокопревосходительству. Последнее было бы выгодно для казны и для самой гимназіи. Равно уѣздныя училища нуждаются въ хорошихъ смотрителяхъ, способныхъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ. Директоръ въ гимназіи, штатный смотритель въ уѣздномъ училищѣ, есть душа заведенія. Онъ можетъ все привести въ надлежащій порядокъ, все оживить; онъ можетъ все испортить. А для этого нужно бы имѣть нѣкоторые правила для руководства при опредѣленіи ихъ. Отъ способа опредѣленія какъ преподавателей въ самомъ университетѣ, такъ директоровъ, штатныхъ и штатныхъ смотрителей въ округѣ чрезвычайно многое зависитъ. Теченіе дѣла замедляется множествомъ инстанцій, въ противность уставу, коимъ § 159 предписывается, чтобы дѣлопроизводство въ университетѣ было кратко¹⁾.

Кронебергу принадлежитъ также подробный проектъ учрежденія въ Харьковскомъ университетѣ педагогическаго института²⁾, составленный имъ по порученію гр. Ю. А. Головкина. Необходимость его вызывалась недостаткомъ учителей для гимназій и уѣздныхъ училищъ. Въ 1834 году, напримѣръ, въ университетѣ было 46 казеннокоштныхъ студентовъ, изъ коихъ только 8 на словесномъ и 5 на математическомъ факультетѣ, т. е. всего 13 человекъ, которые могли сдѣлаться учителями; въ дѣйствительности окончили курсъ изъ нихъ только 5; между тѣмъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было 7 гимназій и 81 уѣздное училище, въ коихъ потребно было 306 учителей. Петербургскій педагогическій институтъ не въ состояніи былъ доставлять необходимое число преподавателей и потому въ Харьковскомъ округѣ множество не занятыхъ вакантныхъ мѣстъ. Въ институтъ должны были приниматься на казенное содержаніе окончившіе словесный и математическій факультетъ и заниматься тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ частью ближайшимъ изученіемъ изучаемой ими спеціальности, частью методикой и практикой обученія и вообще педагогіей. По окончаніи курса они обязаны были занимать учительскія мѣста въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Преподаватели института должны были быть профессора университета, а во главѣ его

¹⁾ Харьк. Univ. Архивъ. Дѣло № 2095/131.

²⁾ Харьк. Univ. Архивъ. Дѣло 1834 г. № 2095/131.

стоять директоръ. За проступки питомцамъ института („кандидатамъ“), назначались такія же наказанія, какъ и казеннокоштнымъ студентамъ—выговоръ, карцеръ, занесеніе въ черную книгу. Число учащихся должно было равняться 30. Успѣшно окончившіе институтъ могли имѣть въ будущемъ преимущество при назначеніи на должность директоръ и инспекторъ; тѣ же, кто отличался благопріемъ и поведеніемъ, имѣли преимущества передъ другими при назначеніи на должность штатныхъ смотрителей. Въ общемъ проектъ составленъ былъ практично, не требовалъ большихъ матеріальныхъ затратъ для своего осуществленія и возстановлялъ педагогическій институтъ, предусмотрѣнный уставомъ 1804 года и существовавшій нѣкогда при Харьковскомъ университетѣ. Недостатокъ же его заключался въ томъ, что онъ не разрѣшалъ того затрудненія, ради котораго создавался. Оканчивать его могли ежегодно 10—15 человекъ,—а это была капля въ морѣ сравнительно съ выяснившеюся потребностью въ учителяхъ. При страшномъ недостаткѣ въ учителяхъ, нужно было думать не столько о специальной подготовкѣ къ учительскому званію лицъ, окончившихъ университетъ, сколько о привлеченіи на словесный и математическій факультетъ большаго числа студентовъ.

Къ сожалѣнію въ началѣ своего управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ Головкину пришлось распутывать новый инцидентъ съ профессоромъ Венедиктовымъ, инцидентъ, который едва не привелъ къ выходу его самого въ отставку и потребовалъ вмѣшательства Государя. Возвращаясь изъ Петербурга въ университетъ, Венедиктовъ чувствовалъ всю затруднительность своего положенія и просилъ Уварова уволить его въ отставку, но министръ не согласился на это, надѣясь, что все уладится къ общему благополучію. Венедиктовъ дѣйствительно оставался нѣкоторое время спокойнымъ; но произошелъ случай, который нарушилъ это вынужденное спокойствіе его и произвелъ большую смуту въ Харьковскомъ университетѣ. Расскажемъ объ этомъ случаѣ словами самихъ документовъ. Вотъ какъ описывалъ дѣло министру гр. Ю. А. Головкинъ.

„Небезызвѣстенъ вашему превосходительству прежній предосудительный поступокъ профессора Венедиктова, по коему онъ былъ вытребованъ правительствомъ въ С.-Петербургъ и особеннымъ снисхожденіемъ вашимъ возвращенъ къ должности своей публичнаго наставника. Но таковая милость ваша къ нему не измѣнила его безпокойнаго характера и препровождаемая при этомъ записка по дѣлу казеннокоштнаго вольнослушателя медицинскаго факультета Коробки покажетъ вашему превосходительству, какъ его злобное намѣреніе сдѣлать несчастнымъ молодаго человѣка, который всегда былъ скромнаго поведенія и

оказывалъ хорошіе успѣхи, такъ и дерзость его выраженій противъ своего начальства, почему я, передавая дѣло это на благоусмотрѣніе ваше, покораѣйше прошу ваше превосходительство избавить Харьковскій университетъ отъ этого профессора, поселяющаго безпрестанно раздоръ и несогласіе между своими товарищами, и назначить достойнаго профессора для занятія кафедры анатоміи въ университетѣ, самое же дѣло по минованіи надобности приказать возвратить въ канцелярію.

Ректоръ Харьковского университета отъ 23 іюня этого года до-несъ помощнику моему графу Панину, что казеннокоштный вольно-слушатель медицинскаго отдѣленія 4-го курса Гавріиль Коробка, являсь къ профессору Венедиктову, предлагалъ ему въ знакъ благодарности за лѣченіе небольшую золотую табакерку. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ ревматическою лихорадкою, отъ которой его пользовалъ профессоръ Блументаль, а потомъ, почувствовавъ облегченіе, онъ послалъ эту табакерку, іюня 22 дня къ проф. Венедиктову, при письмѣ слѣдующаго содержанія.

„Послѣ послѣдняго моего у васъ визита, я пришелъ въ совершенное разстройство, горестъ наполнила всю мою душу и я доходилъ до отчаянія; наконецъ, слабая моя натура уступила такимъ вліяніямъ, и я занемогъ; сильно желалъ я смерти, но искусство возвратило меня къ жизни, т. е. самымъ ужаснымъ мученіямъ—и самъ не знаю, отъ чего это такъ сильно на меня подѣйствовало.—Теперь я еще очень слабъ и тѣломъ и душою и только подкрѣпляетъ меня надежда на ваше благосклонное вниманіе—еще осмѣливаюсь всепокорѣйше просить васъ принять эту золотую табакерку, какъ знакъ моей искреннѣйшей къ вамъ благодарности.—Смѣло могу увѣрить васъ, что я никогда не сконфужу васъ моимъ отвѣтомъ, и увѣренъ, что никогда не буду отвѣчать хуже Ольховскаго, а надѣюсь всегда лучше, но только непонятный страхъ меня гонитъ и заставляетъ искать вашего прокровительства.—Прошу васъ, умоляю! Не доведите меня до послѣд-наго отчаянія; если вы откажете, то скоро услышите самую печальную исторію, которой причиною будете вы.—Еще умоляю васъ—ежели вы милосердный отецъ, то пощадите меня ради моего семейства, ради моей молодости, прошу васъ, умоляю! Боже мой! Боже! неужели люди такъ неумолимы! Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть.

Проф. Венедиктовъ, принявъ письмо это и табакерку, немедленно передалъ проф. Блументалю, какъ декану, а этотъ послѣдній ректору. Письмо и табакерка находятся у ректора. Объ этомъ обстоятельствѣ графъ Панинъ доводитъ до свѣдѣнія моего. Вслѣдствіе чего я пред-скалъ оставить дѣло это до моего пріѣзда въ Харьковъ, ибо въ

немъ кромѣ страха къ экзаменамъ и отчасти благодарности за пользованіе студента Коробки, объясненнымъ имъ въ письмѣ своемъ къ Венедиктову, неумѣстными отчаянными выраженіями другаго преступленія не видно. А потому я приказалъ имѣть неослабный надзоръ за поведеніемъ студента Коробки, о чемъ и объявлено было ректору Харьковскаго университета 23 іюля. Нынѣ ректоръ представилъ мнѣ въ подлинникѣ официальное отношеніе профессора Венедиктова къ декану медицинскаго факультета Блументалю, въ которомъ онъ, профессоръ Венедиктовъ, называя поступокъ студента Коробки сумашествіемъ или преступленіемъ, требующимъ законнаго преслѣдованія и не позволяющимъ ему допустить студента Коробку къ экзамену, просить декана Блументалю сообщить ему на бумагѣ приказаніе высшаго начальства о допущеніи Коробки къ лекарскому испытанію.—Получивъ это, я предписалъ ректору университета объ освѣдѣтельствovanіи студента Коробки двумя членами медицинскаго факультета вмѣстѣ съ деканомъ и если онъ, Коробка, окажется въ здоровомъ состояніи, то допустить его къ лекарскому экзамену, который и поручить произвести вмѣсто профессора Венедиктова декану Блументалю. Во исполненіе такового предписанія моего ректоръ Харьковскаго университета отъ 30 прошлаго сентября представилъ въ подлинникѣ освѣдѣтельствованіе вольнослушателя Гавріила Коробки, по коему найдено, что онъ кромѣ давней слабости груди, не претяствующей впрочемъ учебнымъ занятіямъ его, никакой тѣлесной и душевной болѣзни не подверженъ и, слѣдовательно, долженъ быть признанъ здоровымъ и въ состояніи продолжать начатый имъ лекарскій экзаменъ, и въ подлинникѣ официальное отношеніе профессора Венедиктова отъ 28 сентября, въ которомъ онъ позволяетъ себѣ сказать, что допущеніе Коробки къ экзамену вообще и испытаніе его деканомъ должно необходимо почестся начальническимъ поощреніемъ къ подобнаго рода гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ. Вслѣдствіе чего, я предложилъ совѣту университета въ полномъ присутствіи сдѣлать профессору Венедиктову строжайшій выговоръ со внесеніемъ его въ журналъ засѣданія, и, возвративъ сказанную дерзкую бумагу съ надписью, на основаніи указа Правительствующаго Сената 28 сентября 1834 года, подтвердилъ ему впредь на всегда воздерживаться какъ отъ подобныхъ въ этомъ дѣлѣ неблагонамѣренныхъ дѣйствій его, такъ и отъ дерзкихъ выраженій подлѣ опасеніемъ быть преданнымъ законному осужденію“.

Министръ народнаго просвѣщенія далъ на это представленіе слѣдующій отвѣтъ.

„Въ отвѣтъ на отношеніе вашего сіятельства отъ 10 сего октября имѣю честь сообщить, что я всегда готовъ, всѣми возможными мѣрами, содѣйствовать къ поддержанію въ Харьковскомъ университетѣ порядка и добраго согласія между лицами, къ нему принадлежащими, и что профессоръ Венедиктовъ извѣстенъ и мнѣ, какъ человѣкъ характера безпокойнаго и строптиваго.—Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ нельзя обвинить его за данную имъ гласность поступку студента Коробки, приславшаго ему подарокъ при столь странномъ письмѣ. Вникая въ дальнѣйшій ходъ этого дѣла, я нахожу, что ректоръ, на основаніи университетскаго устава, обязанъ былъ предварительно всѣ обстоятельства этого дѣла привести въ надлежащую извѣстность и потомъ, по мѣрѣ винны студента, или подвергнуть его должному взысканію, или, въ случаѣ, превышающемъ ректорскую власть, передать дѣло изслѣдованію и уженію университетскаго правленія, которое съ заключеніемъ своимъ представило бы о немъ вашему сіятельству; но все это было опущено, между тѣмъ профессоръ Венедиктовъ дозволилъ себѣ въ официальной бумагѣ къ декану Блументалю употребить дерзкія противъ начальства выраженія, ни въ какомъ случаѣ не терпимыя, и за кои могъ подлежать удаленію отъ должности, еслибъ ваше сіятельство не употребили уже взысканія снисходительнѣйшаго. Вслѣдствіе этого, я погорячѣе прошу васъ, милостивый государь, приказать внушить профессору Венедиктову, что ему сдѣлано теперь въ послѣдній разъ снисхожденіе, въ надеждѣ, что впредь удержится отъ всякаго предосудительнаго дѣйствія. Что же касается до весьма непохвальнаго поступка студента Коробки, то предложить правленію университета, по изслѣдованіи его, постановить заключеніе свое о томъ, какому взысканію подвергнуть этого студента и представить о томъ вашему сіятельству на утвержденіе. Присланное по этому предмету дѣло при этомъ возвращается“.

Попечитель между тѣмъ отправилъ министру слѣдующее дополнительное письмо.

„Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 10 сего мѣсяца честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что Венедиктовъ подаетъ упрямой примѣръ какъ сослуживцамъ своимъ, такъ еще болѣе учащимся, своевольными своими дѣйствіями и ослушаніемъ противъ начальства, отказываясь даже отъ своихъ обязанностей профессора, члена совѣта и училищнаго комитета, и притомъ ссылаясь на какія то будто бы мнѣ и совѣту извѣстныя причины, по коимъ онъ не почитаетъ себя правъ присутствовать при экзаменѣ и вообще исполнять свою должность. Послѣ этого хотя совѣтомъ университета выпискою изъ журнала

его объявлено было, что до совершеннаго увольненія отъ службы никто не вправѣ самовольно отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей, однако и за тѣмъ Венедиктовъ продолжалъ уклоняться отъ своихъ должностей. Между тѣмъ я съ своей стороны, не желая употреблять никакихъ мѣръ строгости, предписалъ ректору 16 октября потребовать письменное объясненіе отъ проф. Венедиктова, какія могутъ быть причины неисполненія имъ обязанностей своихъ, о коихъ онъ упоминаетъ, что онѣ должны быть извѣстны мнѣ и совѣту. Въ отвѣтъ на это предписаніе ректоръ отъ 25 октября донесъ мнѣ, что требуемаго объясненія проф. Венедиктовъ не доставляетъ, а между тѣмъ лекціи его остаются не читанными и происходитъ остановка въ учебныхъ занятіяхъ студентовъ. Вслѣдствіе чего нынѣ, отправляясь въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ симъ я предписалъ продолжать чтеніе лекцій адъюнкту Венедиктова Леонову, а Венедиктову повторить, чтобы онъ немедленно доставилъ требуемое отъ него письменное объясненіе. За тѣмъ, принимая такой поступокъ за ослушаніе начальству, я представляю обстоятельство это на благоусмотрѣніе вашего превосходительства и покорнѣйше прошу васъ не оставить его безнаказаннымъ.

Въ дополненіе къ этому, честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, я получилъ отъ ректора Харьковскаго университета донесеніе съ подлиннымъ объясненіемъ профессора Венедиктова о причинахъ, по коимъ онъ уклоняется отъ должности, объясняя, что онѣ указаны: 1) въ двухъ отношеніяхъ къ декану медицинскаго факультета (копіи ихъ находится при дѣлѣ, препровожденномъ къ вашему превосходительству при отношеніи моемъ отъ 10 октября), въ коихъ, между прочимъ, объясняетъ, что я поручилъ декану медицинскаго факультета проэкзаменовать изъ его предметовъ студента Коробку, тогда какъ проф. Венедиктовъ отказывался экзаменовать его; каковое распоряженіе мое и почитаетъ до крайности униженнымъ для профессорскаго его званія и тѣмъ чувствуетъ себя публично оскорбленнымъ; 2) въ числѣ причинъ, побуждавшихъ его въ опущенію обязанностей, также ставитъ то, что онъ, находясь въ С.-Петербургѣ по дѣлу государственной важности, при представленіи своемъ вашему превосходительству въ послѣдній разъ 14 марта 1834 года, предчувствовалъ и предвидѣлъ неперемѣнно долженствующія случиться съ нимъ бѣдствія и убѣдительноше лично просилъ ваше превосходительство объ отставкѣ вовсе отъ занимаемой имъ при университетѣ должности профессора; по ваше превосходительство, обнадеживая его моимъ покровительствомъ, отзываясь о его службѣ и достоинствахъ, объявили ему, что не можете уволить его безъ особеннаго на то соиз-

воленія Его Императорскаго Величества. Что касается до перваго пункта, то надѣюсь, ваше превосходительство, что я имѣлъ право въ университетѣ, попеченію моему ввѣренному, экзаменъ въ наукахъ, преподаваемыхъ какимъ бы то ни было профессоромъ, поручить по усмотрѣнію моему декану того же факультета, особенно въ такомъ случаѣ, каковъ настоящий, гдѣ студентъ явно могъ ожидать притѣсненія отъ профессора, а потому и не знаю, чему приписать нескромныя его выраженія, что я унизилъ профессорское его званіе и публично оскорбилъ его. Во второмъ пунктѣ онъ совершенно ничего не объясняетъ, слѣдовательно, причины, представленные проф. Венедиктовымъ, вовсе неумѣстны и рѣшительно не даютъ ему никакого права отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей.—Почему, повторяя прежнее мое заключеніе о профессорѣ Венедиктовѣ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство довести объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества“.

Между тѣмъ попечитель поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ добиться удаленія Венедиктова и, когда убѣдился, что министръ не хочетъ этого сдѣлать, написалъ ему 24 ноября письмо съ просьбою объ отставкѣ и просилъ довести содержаніе его до свѣдѣнія Государя. Вотъ это характерное письмо.

„Monsieur le ministre! Le rapport en date du 10 octobre avec ses annexes, que j'ai eu l'honneur d'adresser à Votre Excellence, lui aura fait suffisamment connaître les actes d'insubordination inouïs dans le service et les expressions injurieuses et outrageantes que le prof. Venedictoff s'est permis contre mon autorité et ma personne. Par ce même office Votre Excellence aura sans doute vu que je demandais l'éloignement du dit professeur de l'université comme mesure indispensable pour la tranquillité de ce corps et pour le maintien de mon autorité légale et morale. Cette demande aussi modérée que nécessaire n'a non seulement pas obtenu l'approbation de Votre Excellence, mais à mon arrivée ici j'ai reçu avec une pénible surprise son office du 24 octobre, qui par les dispositions est un acte de protection en faveur du prof. Venedictoff et un déni de justice et de satisfaction pour moi. Si vous voulez accorder votre attention, M. le ministre, aux pièces ci jointes, vous vous convaincrez que par mes devoirs de curateur, comme par des sentiments d'équité et de compassion, je dois protéger et défendre l'étudiant Korobka, jeune, timide et abandonné contre l'acharnement on peut dire infernal du m. Venedictoff connu déjà de V. Excellence et au gouvernement par ces dénonciations calomnieuses, qui ont amené ici l'année passée sous l'escorte de la gendarmerie et qui n'ont obtenu son pardon que par l'intercession de Votre Excellence. L'innocence

allait succomber sous la persécution et la méchanceté et je l'ai défendu parceque c'était mon devoir d'homme et de supérieur. Le m. Venedictoff dans un rapport officiel a outragé mon autorité et ma personne en osant dire que je donnais l'exemple de la corruption et de la violation des lois (должно необходимо почестъся начальническимъ поощреніемъ къ подобнаго рода гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ). Je me suis borné à réprimer cet outrage par un ordre sévère mais modéré. Le m. Venedictoff malgré mes ordres réitérés de paraître au conseil et de continuer ses fonctions, non seulement n'y a pas obtemperé, mais les a renvoyé sans les décacheter. Je l'ai abandonné à son insubordination sans faire usage des moyens de coercition, qui étaient lu mon pouvoir.

D'après toutes ces considérations appuyées sur les actes, j'étais en droit d'obtenir la satisfaction que j'ai sollicité du pouvoir ministériel de votre Excellence. Son office du 24 octobre est bien loin de répondre à cette juste attente. D'après sa teneur le recteur devait donner un cours légal à la dénonciation du m. Venedictoff contre l'étudiant Korobka. Mais votre Excellence voudra bien observer, qu'il ne pouvait le faire que d'après mon autorisation, qui était inutile du moment, que je me saisisais moi même de toute l'affaire. Votre Excellence non seulement ne relève pas dans son office la désobéissance du m. Venedictoff contre l'autorité légale et les paroles outrageantes et injurieuses, qu'il se permet contre ma personne (начальническое поощреніе гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ), mais en ordonnant la revision de cette affaire dans le tribunal de l'université, dont je suis le président, elle me fait descendre de mon siège pour me placer sur la sellette à coté du m. Venedictoff, car enfin le même tribunal saisi de l'affaire devient juge de tous les actes de mon autorité et par une singulière anomalie de tout ordre légal, d'accusateur je deviens prévenu, je dois me soumettre à la décision d'un tribunal, dont je suis le chef et dans cette position devenir juge et partie en même temps. Je veux m'oublier moi même pour un moment afin de faire remarquer à votre Excellence que par son ordre elle replace derechef l'étudiant Korobka sous le poids de l'accusation criminelle de tentative de corruption. L'exposé succinct et fidèle de cette affaire, M. le ministre, suffira pour vous convaincre, je crois, que privé de la satisfaction que j'avais espéré de votre justice, mon influence morale à l'université est dégradée et anéantie que désormais mon zèle et mon dévouement pour cet établissement seront menacés sans cesse par de nouvelles insultes ou de nouvelles dénonciations. Enfin vous reconnaîtrez, je l'espère, que mon honneur intact après 53 ans de service me commande impérieusement de résigner mes fonctions actuelles. Je pris en conséquences Votre Excellence de porter cette lettre à la connaissance de

l'Empereur, afin de soumettre à Sa Majesté Impériale les motifs qui m'engagent à solliciter respectueusement ma démission de curateur de l'université de Charkoff.

Уваровъ черезъ два дня далъ на него слѣдующій отвѣтъ графу Головинну.

Monsieur le comte! J'ai lu avec une grande attention la lettre que votre Excellence m'a fait l'honneur de me remettre et qu'elle me charge de porter à la connaissance de l'Empereur. Cette lettre contient une série d'inculpations graves contre les dispositions, que j'ai dû prendre dans l'affaire du pr. Venedictoff. Permettez moi d'en relever une dont l'importance ne peut manquer d'être appréciée par Sa Majesté et sur laquelle il est de mon droit de m'expliquer au préalable. Votre Excellence assure „qu'en donnant ma protection au m. Venedictoff“, j'ai eu de quelque façon favorisé le principe d'unsubordination et à l'appui vous ajoutez ce qui suit: „Le m. Venedictoff malgré mes ordres réitérés de paraître au Conseil et de continuer ses fonctions non seulement n'y a pas obtempéré, mais les a renvoyés sans les décacheter. Je l'ai abandonné à son insubordination sans faire usage des moyens de coercition qui étaient en mon pouvoir“. Je n'ai qu'un mot à objecter à cet égard: „aucune de ces circonstances ne se trouve ni dans l'office de Votre Excellence du 10 octobre, ni au dossier, qui m'a été communiqué; ces circonstances que Votre Excellence aurait dû me signaler étaient de nature à donner un aspect tout nouveau à l'affaire et je n'aurais pas manqué de les prendre, en sérieuse considération, ainsi qu'il eût été de mon devoir le plus précis et ainsi que, j'ose le dire, je l'ai fait dans les rares circonstances de mon administration où de semblables infractions à l'ordre et à la subordination ont pu avoir lieu.

Je crois encore de mon droit de communiquer à Votre Excellence que lorsque le prof. Venedictoff fut mandé ici par ordre exprès de Sa Majesté, il ne dut rien à mon intercession. Chargé de l'investigation de cette affaire secrète conjointement avec le C. Benckendorf nous nous sommes bornés à porter à l'Empereur un exposé fidèle et impartial de l'affaire; ce fut de Sa Majesté qu'émana directement la résolution finale.

Je crois superflu de répéter que dès le reçu de votre office, j'ai partagé le désir d'éloigner de l'université de Karkof le pr. Venedictoff dont le caractère remuant et l'esprit inquiet sont reconnus dans mon office du 24 octobre; mais je dois faire observer à Votre Excellence que pour parvenir à ce but il n'est que deux voyes—celle de remplir à l'égard de Venedictoff les formes légales en le livrant aux tribunaux—ou celle de l'éliminer de l'université lors de la nouvelle répartition des chaires qui va avoir lieu. Votre Excellence voudra bien convenir qu'au delà de ces deux voyes, il n'en

existe par d'autre si ce n'est un ordre immédiat de l'Empereur en supposant que Sa Majesté eut consenti à happer l'inculpé sans l'entendre et sans que les motifs de la conduite de l'étudiant qui a adressé à V. une tabatière en or et une lettre; conduite que jusques là, jè ne puis que regarder comme blamable, eussent été examinés de plus près. Veuillez croire, M. le comte, que je partage entièrement votre opinion à l'égard des expressions très répréhensibles, dont V. s'est servi dans son rapport au Doyen, même sans leur donner toute l'extension que Votre Excellence semble admettre; je prendrai la liberté d'observer que leur application à la personne de Votre Excellence ne se trouve pas même indiquée dans votre office du 10 octobre et que la sévère mercuriale que vous lui avez fait adresser en plein conseil ne m'a paru que comme une mesure provisoire mais complète préférée par vous même; après quoi l'élimination de V. au moment de la réorganisation de l'université, semble satisfaire au bût même que Votre Excellence a désiré atteindre.

Ces considérations que j'ai l'honneur de vous communiquer par écrit, après les avoir en partie exposé de vive voix, seront sans doute, accueillies par Votre Excellence avec ce sentiment de justice qui n'a pu que présider à toutes nos relations de service. Veuillez—vous rapeller d'ailleurs, M. le comte, que j'ai été et suis encore mû par le vif instinct de déférence et d'attachement personnel, qui m'a toujours fait sentir combien délicate était ma position à l'égard de Votre Excellence, qui par son titre, son âge, ses lumières, avait tout droit à la première place et qui n'avez, M. le comte, accepté la seconde que dans le désir de contribuer, au bien être d'un des principaux établissemens d'instruction publique, sur le quel vous avez déjà attiré le haut intérêt de notre Auguste Maître. C'est donc au nom de cet intérêt public que je vous ai exprimé sur le champ et d'abondance de coeur, la proposition franche et loyale de retirer mon office du 24 dont au reste aucune ligne, aucun mot ne porte l'empreinte de l'égalité et qui m'a été dicté par le désir de concilier vos vues avec les exigences impérieuses de l'ordre du service dont je ne puis m'affranchir et d'éliminer ensuite le prof. Venedictoff lors de la réorganisation de l'université; j'ai été, je vous l'avoue, douloureusement surpris de vous voir repousser la main que je tendais avec confiance autant dans l'intérêt du service, que dans le désir franchement avoué d'épargner à l'Empereur le jugement d'une affaire, dans la quelle par une association étrange, votre nom et le mien se trouvent mêlés aux noms du pr. Venedictoff et de l'étudiant Korobka.

Ce ne sera que sur un refus exprimé pour la seconde fois que je me trouverai dans la pénible nécessité de mettre notre correspondance sous les yeux de l'Empereur.

Veillez agréer, M. le comte, l'hommage de la haute considération avec la quelle j'ai l'honneur d'être.

Графъ Головкинъ остался при своемъ рѣшеніи и написалъ Уварову 28 ноября такое отвѣтное письмо.

Monsieur! Votre Excellence dans la lettre, qu'elle m'a fait l'honneur de m'adresser en date du 26 novembre regrette que je n'ai pas porté à Sa Connaissance les nouveaux actes de l'audacieuse insubordination du pr. Venedictoff et qui suppose, qu'il doit à votre intervention son pardon pour les dénunciations calomnieuses, qu'il avait osé adresser à Sa Majesté l'Empereur l'année dernière. Les nouveaux actes d'insubordination du m. Venedictoff n'ayant eu lieu qu'après mon rapport à Votre Excellence du 10 octobre et bien qu'averés n'étant pas corroborés par aucun document officiel, je me suis borné à en faire l'objet de mon entretien.

Je ne cite l'intercession que Votre Excellence a accordée à m. Venedictoff pour le soustraire au juste chatiment attaché à tout faux calomniateur que pour prouver combien peu cet individu était digne de votre généreuse indulgence.

Maintenant pour en revenir à l'objet principal de notre correspondance, je dois avant tout témoigner à Votre Excellence reconnaissance pour la mesure comprise de son office du 24 octobre, cause première de cette malheureuse affaire. Soyez persuadé, M. le ministre, qu'autant que vous, j'en regrette l'origine et la marche; mais la proposition que vous me faites ne m'offre aucune des garanties que je me crois en droit d'exiger. L'innocence de l'étudiant Korobka n'y est pas reconnue et j'y crois tellement en âme et conscience que je suis fermement décidé à la défendre contre son persécuteur par tous les moyens qui sont à ma disposition, dussais je y succomber avec lui.

Dans notre entretien, Votre Excellence m'a temoigné le doute que les expressions injurieuses de V. contre l'autorité (comme si elle donnait l'exemple de la corruption et de la violation des lois) ne pouvaient s'entendre que dans un sens collectif. Vous avouerez, M. le ministre, qu'en adoptant cette interprétation, je dois avoir, en qualité de curateur, la plus grosse part dans cette inculpation. Mais veuillez remarquer que dans toute cette affaire mon autorité personnelle est la seule qui ordonne et qui règle, donc je n'exagère pas en avançant que j'ai été offensé dans ma qualité de supérieur et injurié dans ma personne et dans mon honneur. La proposition de Votre Excellence d'éliminer le dit professeur lors de l'introduction des nouveaux statuts universitaires est bien loin de me donner la réparation et la satisfaction que je suis en droit d'exiger, légitimement. Le m. Venedictoff sera tout simplement soumis à la reforme qui comprendra également

d'autres professeurs que l'âge ou les infirmités éliminent de la carrière; ainsi l'insubordination, les dénonciations calomnieuses et le mépris de toutes les règles du service partageront avec d'honorables serviteurs les avantages d'une retraite honorable. Vous me permettez, M. le ministre, de vous ouvrir ici ma pensée toute entière. Certes, je considère la reprise de votre office comme la preuve d'égards personnels que vous voulez avoir la bonté de me témoigner, mais non comme une conviction de la justice de mes réclamations. Cette pièce porte le caractère de votre opinion particulière sur le sujet et la chaleur avec la quelle vous l'avez défendue dans notre entretien m'a suffisamment prouvé, que bien même que la pièce serait détruite, votre opinion devait subsister. La lettre serait morte, mais l'esprit vivrait. Après avoir examiné l'insuffisance de la mesure d'élimination du m. Venedictoff, Votre Excellence annonce que pour me procurer la satisfaction que je demande les limites de son pouvoir ne lui ouvrent que deux voies: celle de faire juger le m. Venedictoff par les tribunaux ou d'avoir recours à Sa Majesté Empereur. Il est clair, que la première voie me conduirait à comparaître et à répondre aux interrogations de la chambre criminelle de Karkoff. Je suis loin de récuser mon égalité devant la loi, mais je pense que cet exemple serait nuisible à la discipline du service et surtout à une université où l'autorité morale du curateur est d'une haute importance.

Ainsi que vous, M. le ministre, je regrette vivement d'avoir à importuner Sa Majesté Impériale avec l'exposé de ce malheureux incident. Mais l'Empereur est le protecteur suprême de l'ordre légal. Il est un juge infaillible en fait d'honneur et j'espère que Sa Majesté reconnaîtra dans sa justice que je ne puis désormais Lui être d'aucune utilité dans mes fonctions de curateur de l'université de Karkoff; je prie en conséquence Votre Excellence de Lui présenter ma lettre de démission en date du 24 ainsi que la présente plus explicative des motifs de ma démarche.

Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire restituer toutes les pièces de cette affaire qui constituent toutes les preuves justificatives².

Уварову, такимъ образомъ, болѣе ничего не оставалось, какъ представить возникшій между нимъ и Головкинымъ споръ на благоусмотрѣніе Государя и онъ это сдѣлалъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, къ которому приложилъ и свою переписку съ понезителемъ. Вотъ что писалъ онъ въ этомъ докладѣ.

„Въ недавнемъ времени, когда я имѣлъ счастье слышать изъ устъ Вашего Императорскаго Величества милостивый отзывъ о Харьковскомъ университетѣ, я былъ далеко отъ предположенія, что немедленно за этимъ буду къ крайнему прискорбію и совершенно неожиданно для

себя обязанъ утруждать Ваше Величество обстоятельствами дѣла недостойнаго, смѣю сказать, Высочайшаго воззрѣнія. 10 октября попечитель графъ Головкинъ вошелъ съ представленіемъ, въ копіи къ этому прилагаемымъ, въ коемъ требуетъ изъавить Харьковскій университетъ отъ профессора анатоміи *Венедиктова* (извѣстнаго Вашему Величеству по доносу, сдѣланному имъ въ 1834 году, по коему онъ впоследствии Всемилостивѣйше возвращенъ въ Харьковъ). Это заключеніе основано на дѣлѣ Венедиктова съ однимъ казеннокоштнымъ студентомъ, приславшимъ ему предъ экзаменомъ, при письмѣ, въ подарокъ золотую табакерку, и на томъ, что Венедиктовъ въ донесеніи къ декану Блументалю употребилъ вѣсколько дерзкихъ выраженій, какъ это изложено въ запискѣ, извлеченной изъ самихъ актовъ настоящаго дѣла, попечителемъ сообщенныхъ. Власть министра не простирается до того, чтобы отрѣшати чиновниковъ безъ суда или безъ Высочайшаго повелѣнія. По долгу моего званія, я не могъ осмѣлиться утруждать вниманія Вашего Величества въ дѣлѣ, недостаточно по моему разумѣнію изслѣдованномъ. Сверхъ того, имѣя въ виду, что при предстоящемъ преобразованіи Харьковского университета откроется удобный случай, въ удовлетвореніи желанія попечителя, удалить безъ огласки профессора Венедиктова, я въ отношеніи къ графу Головкину отъ 24 октября, соображаясь съ правилами службы, съ содержаніемъ представленія попечителя, осуждая Венедиктова, но не оправдывая студента, счелъ нужнымъ обратить предварительно дѣло къ законному теченію по инстанціямъ университетскимъ, предоставляя попечителю постановить окончательно свое собственное рѣшеніе.

Такое распоряженіе мое (о коемъ графъ Головкинъ получилъ отношеніе мое по возвращеніи сюда), принято попечителемъ въ иномъ видѣ и хотя при личномъ и даже дружескомъ объясненіи, я излагалъ ему подробно всѣ мои побужденія, всю невозможность отступить мнѣ отъ законнаго порядка, всю несоразмѣрность его гнѣва съ предметомъ его, что Венедиктовъ (о которомъ, впрочемъ, попечитель никогда доселѣ не упоминалъ), могъ бы, для сохраненія тишины и согласія въ университетѣ, быть удаленъ изъ него, но съ соблюденіемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторой законности, нѣкотораго состраданія къ его семейству; но я не успѣлъ уговорить графа взять обратно врученное письмо, въ коемъ онъ ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ управленія Харьковскимъ округомъ. При этомъ свиданіи я не только предлагалъ графу взять назадъ мое отношеніе отъ 24 октября (въ чемъ я ввию себя предъ Вашимъ Величествомъ, какъ въ отступленіи отъ порядка службы), но изъавлялъ ему какъ и во все время нашихъ сношеній, почти

тельное, такъ сказать, ласковое уваженіе, которое соблюдалъ и со всею осторожностію, со всею разборчивостію съ самаго того дня, какъ графъ Головкинъ принялъ на себя управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ, въ чемъ осмѣливаюсь призывать Ваше Величество въ свидѣтели, въ чемъ, наконецъ, сознается и самъ графъ, какъ изволите усмотрѣть въ послѣднемъ его письмѣ. Попечитель съ своей стороны, выражаясь съ благосклонностію, остался при своемъ желаніи, чтобы письмо его повергнуто было на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. Замѣтивъ, что въ этомъ письмѣ графа обстоятельства дѣла не изложены съ полною справедливостію и даже не согласно съ официальнымъ его представленіемъ, я счелъ нужнымъ отнестись къ нему съ письмомъ, съ коего копію считаю долгомъ поднести на Высочайшее Ваше усмотрѣніе и воспользоваться этимъ случаемъ, дабы возобновить прежнее предложеніе прекратить его неудовольствіе на счетъ распоряженія министерства, а дѣло Венедиктова или предать законному теченію, или удалить этого профессора безъ огласки изъ университета. Это письмо, коего каждое выраженіе дышетъ желаніемъ отклонить отъ Вашего Величества настоящее донесеніе мое, не перемѣнило рѣшенія попечителя. Отвѣтъ его (№ 6) сверхъ исправленія нѣсколькихъ прежнихъ утвержденій на счетъ моихъ мѣръ, наполненный неограниченными и непонятными требованіями, оканчивается вторичною просьбою довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества объ увольненіи его отъ должности попечителя. Я смѣю употребить выраженіе *требованій непонятныхъ*, ибо ни законнымъ сужденіемъ профессора Венедиктова, ни административнымъ удаленіемъ его изъ Харьковскаго университета попечитель не довольствуясь, ожидаетъ отъ меня, по его словамъ, какихъ-то *ручательствъ* (garanties), въ порядкѣ нашей службы неизвѣстныхъ. Впрочемъ, соблюдая до конца умѣренность, отъ коей я не отступалъ ни на шагъ, ни на минуту, я не дозволю себѣ никакого замѣчанія на этотъ отзывъ. Содержаніе его смѣю думать, оправдаетъ меня въ томъ, что я называю его *непонятнымъ*. Осмѣливаюсь прибавить одно: попечитель въ первомъ своемъ письмѣ упоминаетъ о *доносахъ*, на него сдѣланныхъ; это не можетъ относиться ко мнѣ, ибо доносовъ я не получалъ и не получаю; если же это выраженіе касается нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ мнѣ секретно изъ III отдѣленія Собственной Канцеляріи Вашего Величества, именно записки, препровожденной мнѣ статсъ-секретаремъ Мордвиновымъ 6 сентября этого года, съ коей копію при этомъ всеподданнѣйше прилагаю (№ 7), то я считаю долгомъ объяснить, что, принявъ къ свѣдѣнію эту записку, я оставилъ ее временно безъ производства.

Вполнѣ чувствую я, Всемилостивѣйшій Государь, сколь обременительно для Вашего Величества читать эти бумаги и эту переписку; что отъ меня зависѣло, дабы прекратить это дѣло, давъ ему законное теченіе, было сдѣлано, смѣю сказать, съ самоотверженіемъ съ моей стороны, но тщетно. Остается мнѣ съ полною откровенностію всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество изслѣдовать не одну правильность моихъ официальныхъ дѣйствій, но еще разрѣшить: могъ ли я прибавить что-либо къ мѣрамъ соглашенія, предлагаемымъ мною попечителю и словесно и письменно, внушаемымъ мнѣ уваженіемъ къ его лѣтамъ и званію, но еще гораздо болѣе, обязанностію приносить все, даже чувство личной правоты, на жертву для охраненія Вашего Императорскаго Величества отъ подобныхъ непріятныхъ явленій“.

Императоръ Николай Павловичъ положилъ по этому дѣлу въ высшей степени характерную собственноручную резолюцію, которую приношу буквально.

„Прочитавъ съ должнымъ вниманіемъ все дѣло, нахожу, что вы во всемъ правильно поступили. Не понимаю графа Головкина; дѣло, сколько теченіе его видно изъ приложенныхъ бумагъ, весьма просто и ясно. Студентъ, *освидѣтельствованный въ здоровомъ разсудкѣ*, осмѣлился прислать подарокъ не въ благодарность за мнѣніе, а дабы снискать снисходительность при экзаменѣ, къ своему профессору. Сей послѣдній исполнилъ въ строгомъ смыслѣ долгъ свой, представивъ начальству письмо и подарокъ,—въ строгомъ порядкѣ службы должно было начальству университета строго взыскать со студента и симъ удовлетворить обиженнаго профессора. Но сіе не исполнено, поступокъ студента извиняется, а обиженному профессору не оказывается удовлетворенія. За симъ вмѣсто жалобы въ приличныхъ выраженіяхъ профессоръ осмѣлился написать дерзкую бумагу, за которую подлежитъ суду; но графъ Головкинъ изъ состраданія довольствовался выговоромъ, который однако не состоялся, ибо профессоръ послушался и не явился въ соѣздъ, за что вторично, *какъ ослушникъ, подлежитъ суду*. Изъ сего простого изложенія всего дѣла ясно, что ежели бы съ начала дѣло было ведено все въ должномъ строгомъ порядкѣ, не было бы и повода къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Студентъ за дерзость былъ бы наказанъ; профессоръ удовлетворенъ; и за симъ оставалось бы графу Головкину, ежели находилъ профессора вреднымъ для университета, просить его удаленія, не смѣшивая одного съ другимъ. Но все это не исполнено и предметы смѣшаны. Нынѣ слѣдуетъ привести все къ законному теченію. Студентъ, какъ первый нарушитель порядка, долженъ быть наказанъ,

какъ по уставу слѣдуетъ. Профессоръ за *ослушаніе* отдавъ подъ судъ и вмѣстѣ съ симъ отрѣшенъ отъ должности. Графу Головкину вы прочтите сію записку и изясните, что мнѣ прискорбно было читать его два письма и что въ нихъ не узналъ я стараго моего друга Головкина; ибо я его досель *всегда понималъ*, а теперь признаюсь въ противномъ. Ежели онъ не желалъ болѣе продолжать мнѣ столь пріятную его службу при университетѣ, то въ правилахъ имѣю никого внидѣ противъ воли не держать; но мнѣ сіе будетъ крайне жаль и что зная его ко мнѣ дружбу, я все надѣюсь, что онъ раздумаетъ и останется тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно мнѣ полезенъ и гдѣ всѣми любимъ, какъ заслуживаетъ“.

Николай Павловичъ, очевидно, хорошо зналъ психологію своего друга Головкина, — милостивыя слова по его адресу тронули стараго вельможу и онъ взялъ назадъ свое прошеніе объ отставкѣ и помирился съ Уваровымъ, какъ это видно изъ доклада этого послѣдняго Государю.

„По выслушаніи собственноручной записки Вашего Императорскаго Величества графъ Головкинъ просилъ меня довести всеподданнѣйше до Высочайшаго Вашего свѣдѣнія, что онъ тронуть до глубины сердца благосклонными выраженіями Вашего Величества и милостивымъ объясненіемъ, коимъ Вы изволили его удостоить вчера; что онъ не только готовъ оставаться попечителемъ Харьковскаго университета, но что постарается вновь трудами и усердіемъ содѣйствовать дальнѣйшему усовершенствованію его, посвящая остатокъ жизни на службу Вашего Величества, гдѣ и какъ Вамъ благоугодно будетъ. Прочія распоряженія Вашего Величества по дѣлу проф. Венедиктова и студента Коробки будутъ исполнены съ надлежащей точностью и о нихъ донесено Вашему Императорскому Величеству“.

Что касается проф. Венедиктова, то о немъ на основаніи резолюціи Государя, послѣдовать такой приказъ министра.

„Государь Императоръ послѣ разсмотрѣнія дѣла о профессорѣ Венедиктовѣ и студентѣ Коробкѣ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) профессора Венедиктова за дерзкія выраженія, противъ начальства употребленныя имъ въ официальномъ донесеніи къ декану Влукьянталю, за *ослушаніе* приказаній начальства, касательно отправления своей должности, неліку въ совѣтъ университета и прочіе законопротивные поступки, отрѣшить отъ должности и предать суду; 2) со студентомъ Коробкою, какъ съ первымъ нарушителемъ порядка, поступить на основаніи университетскаго устава, предавъ его, согласно съ моимъ предложеніемъ вашему сіятельству отъ 24 октября, предварительно обсужденію правленія. Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія касательно профессора Венедиктова отнесся я вмѣстѣ съ симъ къ министру юстиціи

о надлежащихъ съ его стороны распоряженіяхъ и предписаніи Слободско-Украинской уголовной палаты о производствѣ надъ Венедиктовымъ слѣдствія и суда согласно св. угол. зак. т. XV ст. 1287; почему и прошу покорнѣйше ваше сіятельство дать какъ ректору, такъ и правленію университета надлежащее предписаніе, чтобы всѣ акты и свѣдѣнія по дѣлу профессора Венедиктова были сообщены въ палату, равно чтобъ всѣ требованія ея по законному порядку были со стороны правленія и ректора удовлетворяемы неукоснительно. Что же касается по студента Коробки, то я покорнѣйше прошу ваше сіятельство о заключеніи правленія, долженствующемъ опредѣлить степень его вины и мѣру наказанія, представить впослѣдствіи съ мнѣніемъ вашего сіятельства на мое разсмотрѣніе. За симъ, всѣ прочія мѣры, какія ваше сіятельство найдете нужными предписать университету для точнѣйшаго исполненія Высочайшей воли, будутъ зависѣть отъ собственнаго усмотрѣнія вашего“.

Попечитель скорѣ представилъ министру опредѣленіе правленія мѣръ наказанія, опредѣленнаго имъ студенту Коробкѣ.

„При отношеніи отъ 16 сего февраля ваше сіятельство препроводили ко мнѣ: 1) записку изъ дѣла о вольнослушающемъ Гаврилѣ Коробкѣ, преданномъ по Высочайшему повелѣнію суду правленія Харьковскаго университета за нарушеніе порядка и 2) копію съ протокола состоявшагося въ 29 день прошедшаго генваря, содержащаго въ себѣ заключеніе этого правленія о степени виновности Коробки и о приговорѣ его къ трехдневному аресту. Ваше сіятельство съ своей стороны находите, что слѣдовало бы увеличить наказаніе Коробки выдержаніемъ его въ карцерѣ на недѣлю. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, о распоряженіи къ приведенію сего въ исполненіе“.

По рѣшенію Харьковской уголовной палаты и сената Венедиктовъ былъ присужденъ къ слѣдующему наказанію: ему вѣнчено было отрѣшеніе отъ должности и нахожденіе подъ судомъ, сверхъ того за упорство и дерзкія выраженія вѣнчено было выдержать его 4 недѣли подѣстомъ при полиціи, со внесеніемъ того и другого въ формуляръ. Рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, потому что Венедиктовъ сошелъ съ ума. Нужно думать, что предрасположеніе къ душевному разстройству у него было уже и раньше, а теперь оно наступило въ послѣдствіе тяжелыхъ нравственныхъ страданій, выпавшихъ на его долю въ послѣдніе годы. Эта болѣзнь освободила его отъ наказанія; она же должна снять съ него и нравственную вину за его поступки въ глаголемое потомства.

Мы занимались до сихъ поръ изложеніемъ данныхъ, относящихся къ университетскому *управленію*, а не *самоуправленію*. И это не случайно. Хотя въ изучаемый нами періодъ времени университетскій уставъ 1804 года и не былъ отмѣненъ, а дѣйствовалъ попрежнему, но ему нанесенъ былъ рядъ такихъ жестокихъ ударовъ, что отъ него осталась, можно сказать, блѣдная тѣнь. Либеральная эпоха первыхъ годовъ царствованія Императора Александра I-го, вызвавшая его къ жизни, миновала безвозвратно и замѣнилась тяжелой реакціей временъ Аракчеева, Голицына, Шипикова, а затѣмъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, болѣе спокойнымъ, но тяжелымъ для университетовъ режимомъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова. Уставъ 1804 г. во вторую половину своего существованія уже не соотвѣтствовалъ духу времени и представлялся какимъ то анахронизмомъ среди новыхъ учрежденій, проникнутыхъ діаметрально противоположнымъ характеромъ. Для успѣха дѣла было необходимо, чтобы уставу соотвѣтствовали дѣятели; но этого именно и не было: новые дѣятели старались нанести ему возможно болѣе чувствительные удары. Каждый изъ попочитателей Харьковскаго учебнаго округа, какъ мы видѣли, старался внести свою лепту въ это дѣло разрушенія и проявлялъ здѣсь энергію, достойную лучшаго примѣненія. Мы подробно разсмотрѣли ихъ дѣятельность по отношенію къ университету и могли убѣдиться въ томъ, что не только Карнѣевы, но и Перовскій были вѣрными поборниками и проводниками того направленія, какого держались министры народнаго просвѣщенія. И характерно то, что дальше всѣхъ пошелъ по этому пути наиболѣе просвѣщенный и образованный изъ нихъ—литераторъ Погорьльскій.

Отрицательные, клонившіеся къ уничтоженію университетскаго самоуправленія проекты А. А. Перовскаго можно поставить въ связь съ тѣмъ руководящимъ наставленіемъ, которое преподалъ совѣту Харьковскаго университета въ 1825 г. министръ народнаго просвѣщенія Шипковъ. Вотъ это замѣчательное наставленіе.

„Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, усмотрѣлъ я изъ хода дѣлъ, что министерство это отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ всегда руководствуясь, могло бы оно въ продолженіи времени всѣ части его привести въ желаемое устройство. Съ распространеніемъ училищъ не приготовлены были учебныя книги для единообразнаго преподаванія наукъ, учителя, въ общемъ наставленіи юношей, слѣдовали каждый своему произволу и понятіямъ. Отселѣ одна и та же наука преподавалась разнообразно, иногда съ недостаткомъ, иногда съ примѣсю многихъ излишествъ и

часто съ упущеніемъ изъ виду главнѣйшихъ въ просвѣщеніи основаній христіанской вѣры и доброй нравственности. Неопредѣленность въ правилахъ народнаго воспитанія должна была произвести разстройство управленія по частнымъ и различнымъ мнѣніямъ. Еще въ 1815 году имѣлъ я честь представлять Государственному Совѣту мнѣніе мое о цензурѣ, въ которомъ изложивъ выписки изъ книгъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для университетовъ, гимназій и училищъ. Изъ этихъ выписокъ явствовало, какими странностями и непонятностями, вмѣсто простыхъ и ясныхъ началъ, наполнены были эти книги, удобныя скорѣе затмить умъ и развратить сердце ученика, скорѣе возбудить въ немъ огонь страстей и самолюбія, нежели просвѣтитъ нужными познаніями, украсить благонравіемъ и наставить на истинный путь. Министерство просвѣщенія не обратило тогда своего на то вниманія и оставило прежній образъ ученія. Послѣ того появились еще худшія сочиненія и переводы, также и произвольныя, вѣрѣ нашей и монархическому правленію противныя преподаванія правилъ по рукописнымъ тетрадамъ, за которыя правительство, открывая иногда ихъ, предавало наставниковъ суду. Многіе въ разныхъ училищахъ возникавшіе отъ этого безпорядки и продерзости, строгостію и наказаніемъ обузданныя, показывали произраставшіе отъ этихъ худыхъ началъ таковыя-же и плоды. Принявъ все сіе въ разсужденіе, почелъ я необходимо нужнымъ взять надлежащія мѣры: 1) къ приведенію въ извѣстность всѣхъ дѣйствій и распоряженій по части народнаго воспитанія, до нынѣ производимыхъ; 2) изъ худыхъ или не нужныхъ наставленій, вкрапившихся въ преподаваніе наукъ, остановить, искоренить и обратить въ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долѣ къ государю и отечеству, на спокойствіи, пользѣ и пріятностяхъ общежитія. Въ слѣдствіе этого учредилъ я изъ трехъ членовъ главнаго правленія училищъ комитетъ для составленія проекта общаго устава для университетовъ и училищъ, къ которому приложатся особо, въ видѣ дополненій, тѣ частныя отъ этого устава отступленія, кои, по мнѣніемъ обстоятельствъ и другимъ уважительнымъ причинамъ, въ некоторыхъ изъ учебныхъ заведеній признаются необходимыми. Министерство народнаго просвѣщенія должно имѣть постоянный планъ для народнаго воспитанія. Къ составленію этого плана пригласилъ я всѣхъ членовъ главнаго правленія училищъ. Имѣя твердую довѣренность къ ихъ познаніямъ и опытности, а потому увѣренный въ совершенной ихъ благонамѣренности, указалъ я имъ только кратко тѣ основныя начала, на коихъ важное произведеніе это долженствуетъ единообразно утвердиться, а именно: 1) воспитаніе народное во всей Имперіи нашей, не

смотря на разность вѣръ, ниже языковъ, должно быть русское; 2) греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны, первый въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры; 3) все иновѣрное русское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы; 4) всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ не принадлежащихъ къ нимъ и вредныхъ умствованій; излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первыхъ, въ тѣхъ познаніяхъ, кои самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній постановлены, и во-вторыхъ, сообразно съ званіями, къ коимъ учащіеся предназначаются; 6) языкъ славянскій, т. е. высокий, и классическая русская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы; 7) языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество передъ латинскимъ; 8) не должно терять изъ вида особенно того, что одво обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину внѣ церкви нигдѣ найти не можно, что Государь и польза Отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ Церкви и вѣрныхъ подданныхъ, людей преданныхъ Богу и Царю, и что въ этомъ только смыслъ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ благовоспитаннымъ. Вышесказанный комитетъ приступя къ исполненію возложеннаго на него порученія, представилъ мнѣ, что для опредѣленія вполнѣ того, въ чемъ каждый университетъ въ особенности и всѣ вообще нуждаются, нужно снестись съ самими университетами, коимъ болѣе всего должны быть извѣстны недостатки прежнихъ постановленій и средства къ усовершенствованію ихъ.

Находя мѣру эту весьма полезною для подлежащаго дѣла такой важности, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, предложить ее на разсужденіе совѣта Харьковскаго университета; по надлежащемъ же соображеніи представить мнѣніе его, какія именно и по какимъ причинамъ нужны перемѣны въ существующемъ нынѣ уставѣ этого университета или какія требуются дополненія къ нему во всѣхъ отношеніяхъ устава, т. е. учебномъ, ученомъ, хозяйскомъ и полицейскомъ. Буде же кто-либо изъ профессоровъ не согласится съ мнѣніемъ прочихъ членовъ университетскаго совѣта, то и его мнѣніе присовокупить и доставить ко мнѣ. Но дабы мѣра эта не остановила занятій комитета, то покорнѣйше прошу васъ распорядиться такъ, чтобы мнѣніе совѣта съ примѣрными штатами доставлены были ко мнѣ непремѣнно въ теченіи шести недѣль съ полученія этого моего предложенія.

При этомъ прошу предписать обо всемъ этомъ къ надлежащему исполненію и начальству гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко и о послѣдующемъ мнѣ донести!¹⁾

Справедливую оцѣнку разрушительныхъ проектовъ Е. В. Каріева далъ, какъ мы видѣли, академикъ Фусъ, заявивъ, что профессора—не приказные и что частныя отступленія отъ устава только нарушаютъ должное единообразіе, ибо не можетъ быть вреднымъ для Харьковскаго университета то, что на основаніи опыта признано полезнымъ для остальныхъ. А. А. Перовскій приписывалъ оскудѣніе профессорской коллегіи въ Харьковскомъ университетѣ существованію выборнаго начала, а когда дѣйствіе этого послѣдняго во исполненіе его ходатайства было приостановлено и ему была предоставлена полная возможность исполнить ея составъ, оказалось, что хотя онъ при назначеніи на профессорскія мѣста своихъ кандидатовъ мало справлялся съ ихъ ученымъ цевзомъ, однако въ концѣ его управленія число вакантныхъ кафедръ было весьма значительно. Новый попечитель Филатьевъ также поставилъ своею главною цѣлью увеличить валичный составъ профессорской коллегіи въ Харьковскомъ университетѣ, но не достигъ своей цѣли и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, какъ мы видѣли, крайне неудачно. Только Ю. А. Головкинъ и его помощникъ гр. Панинъ, будучи воодушевлены искреннимъ желаніемъ способствовать возрожденію мѣстной университетской жизни, пытались достичь этого не отстраненіемъ профессоровъ отъ дѣятельности, а привлеченіемъ ихъ къ обсужденію вопросовъ, касавшихся университета, и стремленіемъ стряхнуть съ нихъ апатію къ общественной коллегіальной дѣятельности. Къ сожалѣнію система прежняго 18-ти лѣтняго управленія принесла уже свои плоды — привела къ ослабленію научной дѣятельности, ко всеобщему равнодушію въ сферѣ общественныхъ идеаловъ и господству узкихъ эгоистическихъ интересовъ. И тщетны были усилія гр. Панина пробудить профессоровъ отъ этой спячки, вывести Харьковскій университетъ изъ его тогдашняго упадка. Не могли остаться безъ вліянія факты изгнанія цѣлаго ряда профессоровъ, въ особенности Шада и Осиновскаго. Дѣло перваго произвело тяжелое впечатлѣніе на профессоровъ иностраннаго происхожденія; въ связь съ нимъ была поставлена вообще реакція противъ иностранцевъ, вызванная Наполеоновскимъ нашествіемъ и нашедшая себѣ яркое выраженіе въ извѣстномъ намъ циркулярѣ министра гр. А. К. Разумовскаго о предпочтеніи, которое слѣдовало оказывать русскимъ кандидатамъ передъ иностранными. Къ

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Предлож. пом. 1825 г., стр. 159—162.

сожалѣнію, циркуляръ этотъ былъ истолкованъ не въ смыслѣ предпочтенія, совершенно естественнаго и законнаго, а въ смыслѣ полаго исключенія того вызова профессоровъ изъ заграницы, который практиковался такъ широко въ первые годы существованія русскихъ университетовъ и былъ вызванъ несомнѣнно обнаружившимся недостаткомъ въ русскихъ ученыхъ силахъ. Само собою разумѣется, что русскіе университеты должны были эмансипироваться современемъ отъ этихъ иностранныхъ руководителей русскаго юношества, но сдѣлать это можно и должно было не сразу, а постепенно, по мѣрѣ подготовки профессоровъ русскаго происхожденія. Между тѣмъ новый министръ народного просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, исходя не изъ существа дѣла, не изъ интересовъ университетскаго преподаванія и науки, а изъ предположеній чисто политическаго характера, рѣшилъ совсѣмъ прекратить связи русскихъ университетовъ съ германскими, въ виду того, что эти послѣдніе скомпрометировали себя въ его глазахъ либеральнымъ духомъ. И вотъ съ 1815 г. Харьковскій университетъ лишился большинства своихъ выдающихся профессоровъ нѣмецкаго происхожденія—они буквально разбѣжались изъ него въ разные стороны подъ вліяніемъ реакціи противъ иностранцевъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ мѣсто и вообще на вакантныя каѳедры не поступилъ ни одинъ ученый изъ Германіи или Франціи. Оставалась только небольшая группа иностранцевъ, разрозненная, напуганная, оторопѣвшая и, нужно прибавить, совсѣмъ опустившаяся: энергичный боецъ Пильгерь теперь, по болѣзни, считался даже неспособнымъ къ занятію университетскихъ должностей; Нельдехенъ былъ удаленъ за пьянство; Делявинъ приспособлялся къ новому режиму, но тщетно силился отвоевать себѣ у Джунковскаго дополнительный предметъ—сельское хозяйство; Паки-де-Совиньи безуспѣшно стремился получить каѳедру латинскаго языка; только Рейтъ да Лангъ проявляли еще нѣкоторую энергію, но ихъ выставляли въ глазахъ попечителя, какъ безпокойныхъ иноземцевъ, вносящихъ только смуту въ университетскую жизнь. Они потеряли теперь свое прежнее значеніе и въ силу пригнетеннаго состоянія не могли отстаивать на почвѣ закона и устава университетскаго самоуправленія, тѣмъ болѣе что, по старой памяти, продолжали еще выступать иногда противъ своихъ русскихъ товарищей. Изъ иностранцевъ одни только славяне чувствовали себя повидимому хорошо, потому что обладали въ большой степени завиднымъ свойствомъ приспособляться ко всякому режиму; впрочемъ ихъ было въ это время послѣ удаленія Стойковича всего двое—Дудровичъ и Пауловичъ; первый былъ даже ректоромъ, второй—инспекторомъ, заслуженнымъ профессоромъ и т. п. Русская прогрессивная партія, во

главѣ которой стоялъ наиболѣе авторитетный профессоръ, ученый и безсѣмный ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій, была въ силѣ при попечителѣ С. О. Потоцкомъ; а его преемникомъ З. Я. Карнѣвымъ и ей нанесенъ былъ сильнѣйшій ударъ, благодаря остракизму, постигшему ея вожди и руководителя. Ничѣмъ не вызванное устраненіе Осиповскаго отъ должности ректора и профессора еще въ большей степени терроризировало русскихъ профессоровъ, чѣмъ высылка Шада иностранныхъ. Мѣсто его занялъ Джунковскій, бывшій покорнымъ орудіемъ З. Я. Карнѣва. Изъ другихъ ректоровъ Дудровичъ былъ такимъ-же покорнымъ орудіемъ Перовскаго; Еллинскій не задавался общими идеями и принципами, а Кронебергъ хотѣлъ подражать попечителю Перовскому и выставилъ на знамени своемъ принципъ — „власть идетъ“. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ духъ университетской автономіи среди профессоровъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и новый уставъ 1835 года, облегчившій университетамъ бремя ихъ общественнаго служенія, находился въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ преподавательской коллегіи. Посмотримъ, однако, въ чемъ выражалось теперь университетское *самоправленіе* и въ какой мѣрѣ оно было ослаблено новыми распоряженіями вѣяніями. Остановимся прежде всего на дѣйстви *выборнаго начала*. Оно выражалось въ правѣ совѣта избирать всѣхъ преподавателей. Посмотримъ, какъ оно осуществлялось въ періодъ времени съ 1815 по 1835 г. Какія лица избраны были въ преподаватели Харьковскаго университета совѣтомъ, сколько было ихъ, на основаніи какихъ данныхъ они избирались и въ какой мѣрѣ выборы эти были удачны? Вотъ вопросы, на которые намъ необходимо дать отвѣтъ.

Въ 1816 году совѣтъ избралъ въ лекторы химіи И. Сухомлинова, получившаго степень доктора этой науки въ Дерптскомъ университетѣ и работавшаго тамъ подъ руководствомъ проф. Гизе. Тогда же избранъ былъ въ лекторы греческаго языка П. Куницкій. Въ 1816 году совѣтъ избралъ въ ординарные профессора по химіи барона Гроотгуса, который поставилъ условіе, чтобы ему дана была годичная командировка съ сохраненіемъ жалованья и чтобы затѣмъ разрѣшено было ему чтеніе лекцій по нѣмецки, по французски или по итальянски. Профессора иностранцы рекомендовали согласиться на второе условіе, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы впослѣдствіи лекторъ читалъ по латыни; профессора русскаго происхожденія не желали исполнять ни 2-го, ни 1-го требованій. Министръ гр. Разумовскій отказалъ въ утвержденіи барона Гроотгуса, въ виду его требованій и въ виду того, что на эту кафедру былъ уже подготовленъ Сухомлиновъ. Въ 1819 году избранъ былъ по предложенію ректора Осиповскаго въ преподаватели естествен-

ной исторіи лекаръ Вас. Матв. Черняевъ. Въ 1821 г. совѣтъ избралъ въ адъюнкты по русскому праву Михайловскаго, которому исходатайствовалъ въ 1823 году жалованье экстраординарнаго, но въ этомъ же году онъ и умеръ. Въ 1822 году совѣтъ избралъ въ адъюнкты штаб-лекаря Рейпольскаго, за разсужденіе на латинскомъ языкѣ о водянкѣ и печатныя сочиненія. Въ 1823 г. избранъ былъ прямо въ ординарные профессора по кафедрѣ акушерства докторъ медицины и акушеръ Московскаго воспитательнаго дома Аписимъ Богородицкій, а въ 1826 г. онъ умеръ 39 лѣтъ отъ роду. Въ 1824 г. совѣтъ избралъ въ адъюнкты по астрономіи возвратившагося изъ заграницы и получившаго тамъ степень доктора Затеplinскаго и въ адъюнкты по ветеринаріи лекаря Христ. Ад. Экеблада. Въ 1826 г. совѣтъ избралъ кандидата Золотарева преподавателемъ поэзіи на мѣсто адъюнкта Склабовскаго, П. Сокальскаго—преподавателемъ латинскаго языка, Правицкаго преподавателемъ физики для медиковъ, магистра Байкова въ адъюнкты, а Криницкому сверхъ минералогіи поручилъ преподаваніе зоологіи. Совѣтъ же избралъ въ лекторы англійскаго языка отставнаго гвардейскаго подпоручика Эльцнера, удостовѣрившись посредствомъ особаго экзамена въ знаніи имъ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языка. Но попечитель не удовлетворился этимъ, въ виду того, что Эльцнеръ не окончилъ нигдѣ курса. Въ 1830 году совѣтъ, по представленію медицинскаго факультета, ходатайствовалъ о порученіи чтенія лекцій по анатоміи въ помощь проф. Венедиктову, лекарю Леонову.

Совѣтъ также принималъ мѣры къ подготовкѣ будущихъ преподавателей изъ своихъ питомцевъ. Адъюнктъ естественной исторіи Громовъ отпращенъ былъ въ 1816 г. въ Петербургскую медикохирургическую академію для подготовки по медицинѣ, получилъ тамъ степень лекаря и вслѣдъ затѣмъ назначенъ, по выбору совѣта, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по фармакологіи. Совѣтъ согласился на заграничную командировку В. М. Черняева. Въ 1817 году былъ командированъ въ Петербургскую медикохирургическую академію окончившій медицинскій факультетъ Харьковскаго университета Ник. Еллинскій; тамъ онъ пробылъ 2 года и былъ избранъ въ 1820 г. въ адъюнкты по хирургіи.

Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить рядъ случаевъ, когда совѣтъ отказывалъ разнымъ кандидатамъ, желавшимъ попасть въ преподаватели Харьковскаго университета.

Въ 1816 г. обратился къ попечителю съ просьбою объ опредѣленіи его профессоромъ латинскаго языка докторъ философіи Гессъ-де-Кальве; попечитель передалъ его прошеніе совѣту, который не счелъ

возможнымъ удовлетворить его желаніе, потому что Кальве держалъ экзаменъ по латинскому языку, въ качествѣ вспомогательнаго предмета, плохо читалъ пробныя лекціи и теперь на плохой латыни написалъ свое прошеніе ¹⁾).

Интересенъ эпизодъ съ Переяславскимъ архимандритомъ Сильвестромъ, желавшимъ въ 1817 г. сдѣлаться профессоромъ латинскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ и читать сверхъ того еще и богословіе. Въ доказательство своихъ познаній онъ представилъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ „О вліяніи латинской словесности на успѣхи всеобщаго просвѣщенія“. Искать онъ этой должности черезъ попечителя Карѣева и министра кн. Голицына. Совѣтъ университета оказался здѣсь на высотѣ своего призванія: разсмотрѣвъ сочиненіе архимандрита Сильвестра, онъ убѣдился, что оно списано преимущественно изъ книги Heinemannii „Fundamenta stili cultioris“; проф. Успенскій доказалъ, что выписки на 13 страницахъ сдѣланы дословно; изъ этого можно заключить, что и остальная ея часть откуда нибудь списана; на томъ основаніи въ просьбѣ кандидата рѣшено было отказать ²⁾).

Въ 1816 году обратился къ попечителю съ просьбою о назначеніи его профессоромъ въ Харьковскій университетъ докторъ римскихъ правъ Кривелли; но совѣтъ объяснилъ, что, во 1-хъ, не имѣетъ для него вакансіи, а, во 2-хъ, ему нужно было бы представить сочиненія ³⁾).

Въ 1822 году обратился къ министру народнаго просвѣщенія кн. Н. Голицыну инспекторъ Оренбургской врачебной управы докторъ Пноръ о назначеніи его профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ. Совѣтъ, ссылаясь на требованіе устава и министра, потребовалъ отъ аспиранта представленія докторскаго диплома и ученыхъ трудовъ. Ни перваго, ни вторыхъ у него однако не оказалось—и дѣло кончилось ничѣмъ ⁴⁾).

Выборы въ адъюнкты Кронеберга хотя совершались въ совѣтѣ, но подъ сильнымъ давленіемъ попечителя округа З. Я. Карѣева. 8 іюля 1818 г. Кронебергъ обратился къ попечителю съ такимъ просительнымъ письмомъ. „Узнавъ, что въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ открылась профессорская вакансія латинской словесности для высшихъ классовъ, приѣмлю смѣлость просить всепокорнѣйше ваше превосходительство удостоить меня вашимъ покровительствомъ и опредѣленіемъ въ этому мѣсту. Оставивъ нынѣ мѣсто директора Московскаго коммер-

¹⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло пом. № 309/16.

²⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло пом. № 471/23.

³⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло пом. № 304/16.

⁴⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло пом. № 881/49.

ческаго училища и не имѣя другого желанія, какъ вступить для пользы юныхъ моихъ соотчичей на поприще ученыхъ упражненій, за особенную вашего превосходительства милость почту, ежели удостоенъ буду счастья посвятить дни свои наукамъ подъ благотворнымъ вашего превосходительства начальствомъ. Прошу всепокорнѣйше ваше превосходительство обратить на это мое прошеніе милостивѣйшее ваше вниманіе. Попечитель прислалъ въ совѣтъ ученые рукописные труды Кронеберга, отозвался съ похвалою о его хорошемъ поведеніи и познаніяхъ и предложилъ избрать его, если онъ окажется того достойнымъ, въ преподавателя латинскаго языка съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Не получая однако къ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ отвѣта на свое предложеніе, З. Я. Карнѣевъ напомнилъ о немъ совѣту и высказалъ надежду, что вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ совѣтомъ съ полнымъ безпристрастіемъ, въ особенности въ виду того, что знаніе латинскаго языка среди студентовъ, какъ это всѣ знаютъ, понизилось. Совѣтъ отвѣтилъ, что въ этотъ промежутокъ времени подвергался баллотированію въ ординарные профессора по этой каѳедрѣ экстраординарный профессоръ Паки-де-Совиньи, не получившій однако большинства голосовъ, послѣ чего постановлено было подвергнуть баллотировкѣ въ адъюнкты одновременно Кронеберга и лектора нѣмецкаго языка въ университетѣ Пробста, преподававшего въ гимназій 7 лѣтъ латинскій языкъ; двухъ экстраординарныхъ профессоровъ имѣть было неудобно и притомъ Кронебергъ могъ претендовать только на мѣсто адъюнкта. Попечитель, повидимому, обидѣлся такимъ исходомъ дѣла и выразилъ это въ новой бумагѣ въ совѣтъ, гдѣ указалъ, что къ дѣлу Кронеберга не слѣдуетъ припутывать дѣла Пробста, который имѣлъ достаточно времени, чтобы представить доказательства своихъ познаній. Послѣ этого Кронебергъ былъ избранъ въ адъюнкты большинствомъ 7 противъ 4 и утвержденъ въ этой должности министромъ (22 января 1819 г.). Нужно къ этому прибавить, что проф. Дрейсигъ и Лангъ еще раньше, до выбора Кронеберга, предложили на должность ординарнаго профессора по этой каѳедрѣ бывшаго профессора Петербургской духовной академіи, проживавшаго тогда въ Сарентѣ *Феслера* и совѣтъ просилъ попечителя получить отъ министра народнаго просвѣщенія свѣдѣнія о его образѣ жизни, но попечитель счелъ неприличнымъ обращаться съ такимъ вопросомъ къ министру кн. А. Н. Голицыну. Къ этому извѣстію нужно сдѣлать нѣкоторые комментаріи. *Феслеръ* былъ въ то время очень извѣстный дѣятель. „Родомъ изъ Венгріи, по происхожденію нѣмецъ католикъ, первоначально монахъ, а потомъ обличитель католическаго монашества, былъ профессоромъ восточныхъ языковъ и ветхозавѣтной

ерминевтики во Львовѣ, затѣмъ принявъ протестанство, прекрасно из-
училъ философію, приобрѣлъ извѣстность въ качествѣ ученаго и былъ
однимъ изъ видныхъ дѣятелей и реформаторовъ массонства. Прибывши
въ Россію, онъ получилъ мѣсто профессора въ Петербургской духовной
академіи и пользовался огромной популярностью среди учащейся мо-
лодежи и въ тогдашнемъ русскомъ интеллигентномъ кружкѣ (имѣлъ
вліяніе и на Сперанскаго). Но старорусская партія, выдвинувшая впо-
слѣдствіи Фотія, Аракчеева, Шишкова, ненавидѣла его отъ всей души.
Будучи вынужденъ оставить академію, онъ былъ сдѣланъ предше-
дителемъ лютеранской консисторіи приволжскихъ колоній, а потомъ и суперъ-
интендентомъ¹⁾. Профессорамъ нѣмецкаго происхожденія, очевидно,
очень хотѣлось имѣть Феслера въ своей средѣ, но они предварительно
решили заручиться согласіемъ на его перемѣщеніе министра народнаго
просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ удаленъ изъ академіи за опас-
ное вольводумство; они надѣялись, что и министръ, и попечитель, по-
печительствовавшіе мистифицизму и массонству, отнесутся сочувственно
къ такому кандидату. Но попечитель, какъ мы видѣли, отклонилъ отъ
себя щекотливое порученіе совѣта и выступилъ со своимъ кандидатомъ
на кафедру латинскаго языка²⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что эта
кандидатура оказалась одною изъ наиболѣе удачныхъ.

Любопытна была борьба въ совѣтѣ изъ-за кафедры латинскаго
языка между Паки де Совиньи и Кронебергомъ, окончившаяся полною
побѣдою послѣдняго. Еще въ 1817 году экстраординарный профессоръ
латинскаго языка Паки де Совиньи обратился къ попечителю съ
просьбой поручить ему эту кафедру; попечитель передалъ это прошеніе
совѣту, который постановилъ предоставить временное преподаваніе по
этой кафедрѣ Паки де Совиньи съ окладомъ въ 600 р. въ годъ и вмѣстѣ
съ тѣмъ объявить на нее конкурсъ. Паки де Совиньи обращался съ
ходатайствомъ и къ попечителю и къ министру. Попечитель въ отвѣтъ
на вопросъ министра объяснилъ, что де Совиньи не можетъ занять ка-
федры³⁾. Результатомъ же конкурса была кандидатура Кронеберга. Въ
августѣ 1818 г. Паки де Совиньи вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ
о производствѣ его въ ординарные профессора, но по баллотировкѣ по-
лучилъ 7 отрицательныхъ и 5 положительныхъ голосовъ. Словесный
факультетъ, которому поручено было распредѣлить преподаваніе латин-
скаго языка между Паки де Совиньи и Кронебергомъ, постановилъ пре-

¹⁾ Цыпина. Общественное движеніе въ Россіи при Импер. Александрѣ I. СПБ.,
стр. 303—306.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло попеч. № 523/27, стр. 1—26.

³⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 406/20.

доставить первому старшій, а второму младшій 1-й курсъ. Въ апрѣлѣ 1819 г. Паки де Совиньи вошелъ въ совѣтъ съ новымъ ходатайствомъ, въ которомъ снова просилъ о предоставленіи ему каведры латинскаго языка и о не позволеніи другому кому-либо похитить плодъ его трудовъ и ученыхъ занятій; доказательства своихъ правъ онъ изложилъ въ особой запискѣ или меморіалѣ. Эта обширная записка на французскомъ языкѣ заключаетъ въ себѣ обильныя свѣдѣнія о служебной и научнолитературной дѣятельности автора, о его заслугахъ передъ университетомъ; въ ней также подвергнуто критическому разсмотрѣнію постановленіе совѣта объ отказѣ ему въ званіи ординарнаго профессора. Въ доказательство своихъ правъ онъ ссылается на свою 15-ти лѣтнюю службу (съ 1803 года), на избраніе въ экстраординарные профессора въ 1812 г., на единогласный выборъ въ доктора, на чтеніе имъ кромѣ курсовъ французскаго языка и литературы латинскаго языка и притомъ не только въ младшемъ, но и въ старшемъ отдѣленіи, на большее число учебныхъ часовъ (до 12 и даже 16 въ недѣлю) и на рядъ своихъ печатныхъ и рукописныхъ трудовъ и рѣчей и, наконецъ, на многихъ своихъ слушателей и учениковъ. Члены совѣта, ознакомившись съ этой бумагой, высказались различно: проф. Срезневскій поддерживалъ то мнѣніе, съ которымъ онъ выступилъ еще въ факультетѣ—что предпочтеніе слѣдуетъ отдавать старшему даже и тогда, когда младшій талантливѣе его; Лангъ заявилъ, что Паки де Совиньи такъ хорошо учитъ латинскому языку, что слушатели его могутъ потомъ свободно понимать лекціи по другимъ предметамъ, читаемыя по латыни, чего въ другихъ университетахъ не замѣчается, и что университетъ нуждается и долго еще будетъ нуждаться именно въ такомъ преподавателѣ, а не въ глубокомъ филологѣ, который бы открывалъ студентамъ глубочайшія сокровища латинской словесности. Профессора Делявинъ, Пильгеръ и Каменскій присоединились къ этому отзыву. Проф. Джунковскій, Рейтъ, Дрейсичъ, Книгинъ и ректоръ Осиповскій не соглашались на предоставленіе Паки де Совиньи должности ординарнаго профессора, но предлагали ходатайствовать для него о денежномъ вознагражденіи въ размѣрѣ до 1000 рублей. Потерпѣвъ неудачу со своей меморіей въ совѣтѣ, Паки де Совиньи препроводилъ ее попечителю, при особомъ письмѣ, въ которомъ напоминалъ ему о его обѣщаніи представить его въ ординарные профессора, указавъ, что это для него не денежный вопросъ, а вопросъ чести и общей пользы, и просилъ представить протоколъ совѣта, въ засѣданіи котораго обсуждалась его меморія, министру народнаго просвѣщенія. Независимо отъ этого Паки де Совиньи отправилъ повидимому свою меморію министру, который прислалъ ее попечителю

потребовалъ отъ него его заключенія. З. Я. Карѣевъ отвѣтилъ, что Паки де Совиньи никоимъ образомъ не можетъ быть произведенъ въ экстраординарные профессора, потому что съ трудомъ ведетъ преподаваніе латинскаго языка на старшемъ курсѣ. Доказательствомъ слабости знаній его по этому предмету является и то, что совѣтъ университета объявилъ конкурсъ по этой каѳедрѣ, на который откликнулся докторъ философіи Кронебергъ, съ большимъ успѣхомъ преподающій этотъ предметъ въ университетѣ. При Совиньи же знаніе латинскаго языка ринизилось среди студентовъ, такъ что проф. Дудровичъ долженъ былъ начать преподаваніе философіи по русски, а между тѣмъ оно должно вестись по латыни. Паки де Совиньи такъ слабо знаетъ латинскій языкъ, что не рискнулъ написать ни одной просьбы своей въ советъ на этомъ языкѣ, а между тѣмъ этого требовалъ отъ него его другъ — писалъ же онъ ихъ на своемъ родномъ французскомъ языкѣ. Ввиду этого его не только не слѣдуетъ повышать въ должности, а наоборотъ нужно замѣнить другимъ болѣе знающимъ преподавателемъ, ему поручить преподаваніе по такому предмету, гдѣ бы онъ могъ приносить какую-либо пользу. Министръ на основаніи этого отзыва отзывалъ Паки де Совиньи въ его ходатайствѣ. Въ августѣ 1819 года членовъ совѣта — Джунковскій, Синовскій, Успенскій, Книгинъ и другіе, въ виду явнаго превосходства въ преподаваніи Кронеберга, обзвуженнаго на экзаменѣ, возбудили ходатайство о возведеніи его въ экстраординарные профессора по латинскому языку и оставленіи Паки де Совиньи одной только французской словесности, но съ жалованьемъ ординарнаго профессора за его долговременную службу и хорошую нравственность. Проф. Лангъ не согласился съ этимъ опредѣленіемъ, въ виду краткости времени преподаванія Кронеберга и неясности вопроса, сможетъ ли онъ также успѣшно, какъ Паки де Совиньи, обучать студентовъ пониманію латинскаго разговорнаго языка. Попечитель согласился съ мнѣніемъ большинства членовъ совѣта, но только съ тою оговоркою, чтобы не давать Совиньи должности ординарнаго профессора, а просто прибавить ему жалованье. Министръ отвѣтилъ, что дать Паки де Совиньи жалованье ординарнаго профессора за преподаваніе французскаго языка, за которое положенъ лекторскій чинъ, было бы противно уставу и штатамъ; избраніе же кандидата на каѳедру латинскаго языка зависить отъ совѣта. Совѣтъ единогласно избралъ Кронеберга въ экстраординарные профессора и ходатайствовалъ о назначеніи Паки де Совиньи его помощникомъ съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора и съ прибавкою 600 р. въ годъ за лектуру французскаго языка. Но попечитель отклонилъ ходатайство со-

вѣта о Паки де Совиньи, такъ какъ онъ былъ признанъ самимъ же совѣтомъ неспособнымъ къ преподаванію латинскаго языка. Съ своей стороны министерство запрашивало—на какомъ положеніи останется Паки де Совиньи, такъ какъ двухъ экстраординарныхъ по одной кафедрѣ быть не можетъ. Дѣло запутывалось. Въ совѣтѣ высказаны были разнообразныя мнѣнія. Проф. Дудровичъ предложилъ ходатайствовать о возведеніи Кронеберга прямо въ ординарные профессора, а Паки де Совиньи оставить въ прежней должности; къ его мнѣнію присоединились проф. Рейтъ и Пильгерь. Проф. Книгинъ предлагалъ ходатайствовать объ утвержденіи Кронеберга экстраординарнымъ профессоромъ, исполняющимъ должность ординарнаго. Проф. Джунковскій полагалъ, что Кронебергу слѣдуетъ дать должность экстраординарнаго профессора, а Паки де Совиньи оставить въ его положеніи. Проф. Делявинъ хотѣлъ, чтобы Паки де Совиньи остался въ прежнемъ положеніи относительно кафедры латинскаго языка и получилъ прибавку въ 600 руб. за французскій языкъ. Осиповскій указывалъ, что Паки де Совиньи можетъ остаться экстраординарнымъ въ должности адъюнкта, а Кронебергъ тоже экстраординарнымъ, но въ должности ординарнаго; слѣдовательно, въ сущности здѣсь не будетъ двухъ экстраординарныхъ профессоровъ по одной кафедрѣ. Попечитель далъ отъ себя заключеніе, что онъ согласенъ на производство Кронеберга прямо въ ординарные профессора, а Паки де Совиньи оставить въ нынѣшней его должности на основаніи 36 § университетскаго устава; если же это будетъ признано невозможнымъ, то назначить Кронеберга экстраординарнымъ, а Паки де Совиньи оставить при одной французской словесности съ нынѣшнимъ жалованьемъ изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Министръ утвердилъ Кронеберга экстраординарнымъ на вакансіи ординарнаго и съ жалованьемъ послѣдняго, а Паки де Совиньи его помощникомъ въ званіи экстраординарнаго, при чемъ совѣтъ могъ возбудить особое ходатайство о предоставленіи ему и лектуры французскаго языка¹⁾. Вскорѣ Кронебергъ, за выходомъ Каменскаго, былъ избранъ въ секретари совѣта. Въ іюнѣ 1821 г. Кронебергъ единогласно избранъ былъ въ ординарные профессора. Попечитель аттестовалъ его министру, какъ профессора, обладающаго глубокими познаніями и истинно христіанскими качествами²⁾. Изъ всего изложеннаго видно, что совѣтъ въ данномъ случаѣ стоялъ на высотѣ своего призванія, дѣйствовалъ безпристрастно, во имя общеуниверситетскихъ интересовъ и достоинства фа-

¹⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 523/27.

²⁾ Ibidem.

ульетскаго преподаванія. Между Кронебергомъ и Паки де Совиньи была цѣлая пропасть: первый представлялъ изъ себя восходящую крупную звѣзду, а второй общее посмѣшище.

Въ 1820 г. изъ за каѳедры технологіи велась борьба между русскими и иностранными членами совѣта: кандидатомъ первыхъ выступилъ учитель Смоленской гимназіи Дьячковъ, вторыхъ—экстраординарный профессоръ Тауберъ. Дьячковъ представилъ два сочиненія — одно изъсужденіе о технологіи и другое—историческое обозрѣніе о торговлѣ; первое было признано факультетомъ хорошимъ, хотя и краткимъ сочиненіемъ, а второе весьма хорошимъ трудомъ. Тауберъ представилъ сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ о красильномъ искусствѣ; оно адъюнктомъ имени Сухомлиновымъ было признано неудовлетворительнымъ. Въ советѣ Дудровичъ, Рейтъ, Пильгеръ высказались въ пользу Таубера; Павловичъ призналъ обѣ диссертации удовлетворительными, но желалъ предпринимательно разрѣшить вопросъ, на какомъ языкѣ долженъ читаться этотъ предметъ: проф. Книгинъ, какъ и ректоръ Осиповскій, присоединился къ мнѣнію факультета въ пользу Дьячкова (въ факультетѣ за него выступили Сухомлиновъ, Комлишинскій, Джунковскій и Осиповскій). Ректоръ поставилъ вопросъ о языкѣ, на которомъ долженъ читаться этотъ предметъ и всѣ, исключая удалившихся изъ залы Рейта и Пильгера, отметили, что на русскомъ. Тауберъ представилъ было еще одно сочиненіе, но попечитель не обратилъ на это вниманія и сдѣлалъ представленіе Дьячковѣ. Въ 1831 г. совѣтъ ходатайствовалъ о возведеніи Дьячкова въ экстраординарные профессора, но въ томъ-же году онъ умеръ ¹⁾.

Сильная борьба въ советѣ происходила изъ за каѳедры всеобщей исторіи, географіи и статистики, оставленной Дегуровымъ. Словесный факультетъ предложилъ совету раздѣлить эту каѳедру между лекторомъ Павловичемъ и двумя достойнѣйшими кандидатами—Филомафитскимъ и Венерскимъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ преподавалъ древнюю исторію и географію, другой — новую исторію, а третій — новую статистику и географію; по истеченіи уже года видно будетъ, кто изъ нихъ окажется наиболѣе достойнымъ для производства въ профессора; при такомъ рѣшеніи вопроса, казнѣ пришлось-бы затрачивать меньше, чѣмъ прежде. Противъ этого рѣшенія выступилъ проф. Рейтъ, выставившій свои притязанія на эту каѳедру помимо имъ занимаемой. Онъ прежде всего сослался на предложеніе попечителя о порученіи этой каѳедры кому-либо изъ профессоровъ или адъюнктовъ; слѣдовательно, по его мнѣнію, и лужно было начать съ профессоровъ, а не съ кандидатовъ,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 749/40.

изъ коихъ Гонорскій занимался языками, а не исторіей, а Филомафитскій подготовленъ еще менѣе его; оба же они совершенно неопытны въ исторіи и имъ никакъ нельзя поручить преподаванія по ней. Какую пользу могутъ получить студенты отъ тѣхъ, которые еще сами учатся? Профессоръ-же Рейтъ въ званіи адъюнкта съ открытія университета съ величайшею ревностью читалъ лекціи и историческія, и статистическія и первый въ этомъ университетѣ открылъ курсъ російской исторіи на латинскомъ языкѣ; читалъ онъ также всеобщую статистику и теорію ея, заимствованную изъ политико-экономическихъ началъ и совершенно непохожую на Шлецерову. Хотя эта наука возникла въ Германіи, но она представляла тамъ простой агрегатъ многихъ наукъ, какъ это видно изъ сочиненій Майзеля и другихъ. Рейтъ-же первый далъ ей надлежащія предѣлы и опредѣлилъ ее почти также, какъ ее опредѣляютъ нынѣ въ Германіи и Франціи; читалъ онъ на латинскомъ языкѣ. Будучи экстраординарнымъ профессоромъ, Рейтъ преподавалъ всеобщую исторію съ географіей. Въ трудахъ знаменитѣйшихъ профессоровъ Эйхгорна, Мейзеля и Ремера находятся ссылки на его сочиненія, изданныя 25 лѣтъ тому назадъ. Проф. Лангъ, ссылаясь на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія читать одному профессору по нѣсколькимъ кафедрамъ, предлагалъ поручить временно преподаваніе исторіи Рейту; къ его мнѣнію присоединились Делявинъ, Дрейсигъ и Нельдехенъ. Проф. Книгинъ находилъ неудобнымъ то обстоятельство, что проф. Рейтъ предполагалъ читать исторію 3 года и притомъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ студенты очень слабы. Проф. Лангъ высказалъ желаніе, чтобы кандидаты Филомафитскій и Гонорскій представили въ доказательство своихъ занятій исторіей сочиненія, которыя слѣдуетъ отпрать для рецензій въ одинъ изъ русскихъ университетовъ. Представилъ возраженія противъ предложенія совѣта и Рейтъ, утверждавшій вопреки заявленію словеснаго факультета, что Филомафитскій и Гонорскій въ историческихъ наукахъ совершенно не свѣдуши и первый если извѣстенъ тѣмъ факультету, то только жалкимъ своимъ сочиненіемъ на латинскомъ языкѣ, не одобреннымъ совѣтомъ; сверхъ того онъ обращалъ вниманіе на то, что голоса членовъ совѣта раздѣлились поровну и ректоръ не могъ своимъ голосомъ дать перевѣса противоположному мнѣнію, потому что не представилъ для этого никакихъ данныхъ. Попечитель далъ по этому поводу такое заключеніе министру. Возраженія проф. Рейта не опровергаютъ полезнаго предложенія его противниковъ. Самъ Рейтъ по множеству занятій не можетъ съ успѣхомъ вести преподаваніе по другой кафедрѣ, тѣмъ болѣе что намѣренъ читать лекціи на латинскомъ языкѣ; при томъ, въ такомъ случаѣ придется снова выписывать профессора исто-

ли изъ заграницы и Харьковскій университетъ долго еще не будетъ обходиться своими собственными питомцами, чего требуетъ предписание министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго (1815 года). Министерство согласилось съ представленіемъ совѣта и попечителя съ тѣмъ, чтобы всѣ три кандидата не именовались лекторами (ибо лекторовъ по наукамъ не полагалось), а только кандидатами. Черезъ годъ совѣтъ сдѣлалъ представленіе о производствѣ Филомафитскаго и Гонорскаго въ адъюнкты, хотя и на этотъ разъ проф. Лангъ и Рейтъ возражали противъ одновременнаго представленія обоихъ кандидатовъ. Но попечитель высказался въ пользу заключенія совѣта, указавъ при этомъ, что Лангъ и Рейтъ не усердствуютъ и по собственнымъ кафедрамъ и только препираются постоянно съ русскими профессорами въ совѣтѣ. В 1819 году Гонорскій умеръ и его лекціи были поручены временно адъюнкту Куницкому ¹⁾. Въ 1825 г. Филомафитскій былъ избранъ въ экстраординарные профессора.

Наконецъ, упорная борьба велась изъ за вакантной кафедры сельскаго хозяйства между членами совѣта—профессорами Джунковскимъ и Делявинымъ.

Послѣ удаленія Нельдехена предложилъ совѣту свои услуги читать лекціи по ней профессоръ греческой словесности Джунковскій, славившійся на 10 лѣтънее практическое занятіе этимъ предметомъ при императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, а также на свои изысканія и дипломы, медали. Но противъ него выступилъ профессоръ математики Делявинъ, также изъяснившій притязаніе на этотъ предметъ. Тогда Джунковскій представилъ въ совѣтъ слѣдующую въ высшей степени характерную бумагу.

„Не безъ удивленія могъ я слушать въ предыдущемъ собраніи совѣта, съ какимъ усиліемъ старался профессоръ Делявинъ въ канномъ имъ письменномъ представленіи доказывать право свое на занятіе кафедры сельскаго хозяйства. Я оставляю многія оскорбительныя несправедливости, въ горячности имъ безъ всякаго основанія произнесенныя, что будто бы я нигдѣ не учился ни сельскому хозяйству, ни натуральной исторіи, ни химіи; оставляю излишнія похвалы на счетъ собственныхъ его званій, имъ выставленных; скажу только, что въ вычисляя вспомогательныя науки, для сельскаго домоводства необходимыя, нимало не коснулся самой сущности сельскаго хозяйства и не представилъ никакихъ сочиненій по этой части на практическихъ основахъ основанныхъ. Разводить сады не есть еще доказательство глу-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 462/23.

бокихъ познаній въ агрономіи; возвращать спаржу, садить капусту, не означаетъ также способности давать уроки въ сельскомъ хозяйствѣ; собирать и сушить травы и готовить гербаріи почитается также не важнымъ дѣломъ. Почтенный мой сочленъ Делявинъ позабылъ или, можетъ быть, и съ намѣреніемъ умолчалъ, что сущность сельскаго хозяйства, какъ въ Россіи, такъ и вездѣ, состоитъ собственно въ земледѣліи и скотоводствѣ, и что для этого кромѣ натуральной исторіи и химіи преимущественно требуется статистическое познаніе Россіи; притомъ нужно знать нравы и обычаи многообразныхъ въ ней обитающихъ народовъ, образъ жизни ихъ, полезныя заведенія и недостатки въ сельскомъ быту, государственныя постановленія по части земледѣлія и скотоводства, преимущества, дарованныя разнымъ родамъ крестьянъ и притомъ русскій языкъ. Но этими знаніями едва ли онъ осмѣлится похвалиться, между тѣмъ какъ безъ нихъ не могутъ пособить намъ въ изясненіи въ Россіи сельскаго хозяйства ни Варроны, ни Колумеллы, ни Катоны, ни Палладіи, ни Вегеціи, ни Розьеры; безъ этихъ знаній мы будемъ умѣть разводить спаржу, а овесъ и пеньку оставимъ безъ вниманія; безъ этихъ знаній мы будемъ пахать землю сохою тамъ, гдѣ должны употреблять плугъ; безъ этихъ знаній величавшіеся высокими теоріями въ агрономіи ввели многихъ хозяевъ въ заблужденіе и огромные хозяйственные капиталы безразсудно предали на жертву нерасчетливой и самолюбивой кичливости. Я не безъ основанія выше упомянулъ о необходимости знанія отечественнаго языка, ибо всякую другую науку гораздо удобнѣе и легче для профессора и учащихся преподавать на латинскомъ или другомъ иностранномъ языкѣ, нежели сельское хозяйство. Я ссылаюсь въ этомъ на самого профессора Делявина. Пусть онъ у Варрона, или у единоплеменца своего Розье поищетъ описанія нашихъ полей, нашихъ земледѣльческихъ орудій, нашего домашняго скота, нашихъ упряжей, нашихъ хозяйственныхъ промысловъ и проч. и проч., что однакожъ для профессора необходимо будетъ нужно пояснить учащимся въ Россіи сельскому хозяйству. Натуральная исторія и химія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ преподаются одинакимъ образомъ, ибо волкъ, заяцъ, осель во Франціи, Англіи, Германіи и въ Россіи имѣютъ одинаковыя родовыя признаки, одинаковый образъ жизни. Но въ сельскомъ хозяйствѣ находится величайшая разность. Иное хозяйство—французское, или англійское, иное швейцарское, а иное русское. Последнее и по своему разнообразію, и по своей обширности весьма много различается отъ первыхъ и на это то преимущественно должно обращать вниманіе въ преподаваніи сельскаго домоводства въ нашихъ университетахъ, не упуская между

тѣмъ случая съ пользою приспособлять къ нему, гдѣ нужно и прилично, первыя. Не знаю, почему проф. Делявинъ воображаетъ, что онъ имѣетъ какое-то право на эту кафедру, и въ доказательство этого приводитъ, что онъ учить натуральной исторіи, что онъ всегда любилъ правду, порядокъ и миръ, что онъ по медицинской практикѣ не получаетъ никакихъ доходовъ, что онъ не чае воспользоваться пенсіономъ, для заслуженныхъ профессоровъ положеннымъ, что въ службѣ состоитъ уже 16 лѣтъ, что исправлялъ должность садовника, и что съ земли, не много побольше десятины, продалъ фруктовъ и огородныхъ овощей въ 4 года на 2000 р., а по этому и просить дать ему эту кафедру. Я представляю всѣ эти обстоятельства на безпристрастный судъ почтеннѣйшихъ моихъ сочленовъ. Между тѣмъ считаю долгомъ донести совѣту, что я изъ одной ревности къ пользѣ университета изъяснилъ желаніе къ преподаванію лекцій сельскаго домоводства, представилъ для этого достаточныя доказательства, не преграждая впрочемъ идти устойчивѣшему къ занятію этой кафедры, а по этому предоставляя изложенныя мною мысли на сужденіе совѣта и въ особенности § 59 устава Императорскаго Харьковского университета на уваженіе, покорнѣйше прошу уволить меня отъ баллотированія съ моимъ впрочемъ почтеннымъ совмѣстникомъ, въ представленіи котораго я не нахожу достаточныхъ доказательствъ, коими бы могъ быть убѣжденъ въ знаніяхъ потребныхъ по части сельскаго домоводства въ Россіи¹⁾.

Совѣтъ Харьковского университета самъ сознавалъ недостаточность своего состава и въ 1820 году выступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи вызывать на вакантныя профессорскія кафедры ученыхъ изъ Закарпатья, и въ особенности изъ славянскихъ земель, ибо не предвидится возможности замѣстить вакантныя кафедры природными россиянами, чего требовалъ циркуляръ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго. Князю А. Н. Голицыну понравилась идея вызова профессоровъ изъ Австріи, потому что въ тамошнихъ университетахъ, по его словамъ, царилъ лучшій духъ, чѣмъ въ Германіи, и онъ просилъ императора Александра возбудить этотъ вопросъ при своемъ личномъ свиданіи съ Австрійскимъ императоромъ.

Въ 1830 году совѣтъ университета созналъ свое безсиліе въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ кафедръ и обратился за „начальническимъ“ дѣйствіемъ къ попечителю округа, сдѣлавъ такимъ образомъ какъ бы *testimonium paupertatis*. И дѣйствительно, этико-политическій факультетъ въ сущности былъ представленъ только однимъ ординарнымъ про-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 33.

фессоромъ Пауловичемъ, ибо Даниловичъ былъ командированъ въ Петербургъ, и каведра философіи и естественнаго права, политической экономіи съ дипломатикой были вакантны. Съ своей стороны совѣтъ сдѣлалъ представленіе о П. Сокальскомъ, читавшемъ греческій языкъ, учителѣ Дячковѣ, преподававшемъ технологию и кандидатѣ Правицкомъ, преподававшемъ физику, и ходатайствовалъ о возведеніи первыхъ двухъ въ экстраординарные профессора, а третьяго въ адъюнкты. Кромѣ того въ томъ же году совѣтъ возбудилъ ходатайство о возведеніи Якимова въ адъюнкты по русской словесности и кандидата Криворотова въ лекторы безъ жалованья по предмету правъ древнихъ и новыхъ народовъ ¹⁾).

Нормальною функціей дѣятельности совѣта было производство адъюнктовъ въ экстраординарные профессора, а экстраординарныхъ въ ординарные. Иногда эти производства шли обычнымъ порядкомъ, иногда же они вызывали борьбу и неудовольствія. Въ декабрѣ 1817 г. совѣтъ избралъ на основаніи полезной преподавательской дѣятельности и совокупности ученыхъ трудовъ адъюнктовъ—доктора Комлишинскаго и магистра Архангельскаго въ экстраординарные профессора ²⁾. Въ 1821 г. Комлишинскій въ виду представленныхъ имъ по физикѣ сочиненій былъ избранъ въ ординарные профессора ³⁾. Въ 1817 г. совѣтъ единогласно произвелъ по греческому языку изъ лекторовъ въ адъюнкты кандидата Московскаго университета Кувицкаго, который выдержалъ тамъ спеціальнѣйшій экзаменъ по своему предмету и прочелъ пробную лекцію, въ коей объяснилъ XXII Θεокритову идиллію—Касторъ и Поллуксъ; за это онъ былъ избранъ въ лекторы, хорошо исполнялъ лекторскую должность и потому былъ произведенъ въ адъюнкты ⁴⁾.

Въ 1826 г. избранъ былъ въ экстраординарные профессора Байковъ, а въ 1828 г. утвержденъ орд. проф. сельскаго хозяйства и за нимъ оставлена была также математика, которую онъ взялся читать безъ дополнительнаго вознагражденія ⁵⁾. Въ 1817 году адъюнктъ Васильевъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора ⁶⁾. Въ 1819 г. адъюнктъ Павловскій, по предложенію ректора Осиповскаго, за отличное преподаваніе, сочиненія и переводъ логарифмовъ, былъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 1403/86.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 406/25.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ib. Дѣло поп. № 841/45.

⁶⁾ Ibidem.

произведенъ въ экстра-ординарные профессора ¹⁾. Въ 1816 г. адъюнктъ Тромовъ, согласно его желанію, былъ командированъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ со званіемъ лѣкаря и въ 1819 г. по смерти Вавноти) ему было поручено чтеніе лекцій по фармакологіи въ должности адъюнкта съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Въ томъ же 1819 году онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1820 году ординарнымъ, по представленіи сочиненія на латинскомъ языкѣ (обозрѣніе фармакологіи и фармаціи); сверхъ того онъ былъ докторомъ естественной исторіи ²⁾. Въ 1816 году совѣтъ избралъ въ адъюнкты кандидата и лектора военныхъ наукъ Робуша, а въ 1832 г. онъ въ качествѣ ординарнаго профессора вышелъ въ отставку. Въ 1825 г. совѣтъ уважилъ ходатайство адъюнкта Экеблада о прибавкѣ жалованья до суммы, получаемой экстраординарными профессорами, въ вниманіе къ его усердію, работѣ по созданію зоотомическаго кабинета, достаточности состоянія. Министръ однако не утвердилъ этого ходатайства, а предложилъ совѣту, буде тотъ пожелаетъ, избрать его въ экстраординарные профессора. Экебладъ въ 1828 г. получилъ отпускъ по болѣзни — и никто изъ наличныхъ профессоровъ медицинскаго факультета не захотѣлъ читать ветеринаріи. Въ 1829 г. совѣтъ за сочиненіе Экеблада на латинскомъ языкѣ о скотскихъ надежахъ, избралъ его въ экстраординарные профессора. Въ 1819 г. адъюнктъ Борзенковъ, по смерти орд. проф. Срезневскаго, былъ избранъ въ экстраординарные профессора за сочиненія, переводы и преподаваніе ³⁾. Въ 1823 г. адъюнктъ Н. Еллинскій былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ за диссертацию „Tractatus de Laesionibus capitis mechanicis“ и за такое описаніе сдѣланныхъ имъ въ клиникѣ операцій, затѣмъ получилъ должность ординарнаго профессора и въ 1833 году вышелъ въ отставку ⁴⁾.

Въ 1832 г. совѣтъ ходатайствовалъ о производствѣ адъюнкта П. Сокольскаго въ экстраординарные профессора (онъ былъ адъюнктомъ съ 1827 г., а служилъ въ университетѣ съ 1823 г.) и на это послѣдовало отказъ по неимѣнію вакансіи.

Еще въ 1831 г. совѣтъ избралъ въ адъюнкты кандидатовъ Александра Криворотова и Гавріила Гордѣенка, но послѣдовало отвѣтъ, что прежде они должны получить степени магистровъ. Это они исполнили въ 1833 г. совѣтъ снова о нихъ сдѣлалъ представленіе, уваженное

¹⁾ Ib. Дѣло правл. № 1212/57.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 359/18.

³⁾ Ib. Дѣло поп. № 663/24.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 465/23.

министерством¹⁾ и въ томъ-же году совѣтъ избралъ въ адъюнкты анатоміи Леонова, но министерство сначала не утвердило его по неимѣнію вакансіи, а, по выходѣ Цыха, утвердило.

Всѣ эти производства, какъ и нѣкоторыя другія, о которыхъ мы здѣсь не говорили, проходили гладко, безъ возраженій. Сильныя-же возраженія въ совѣтѣ вызвали производства Пауловича и Дудровича.

Вотъ каково было служебное движеніе Пауловича. Въ 1816 году для производства изъ адъюнктовъ въ экстраординарные профессора онъ представилъ въ факультетъ и совѣтъ рукописное сочиненіе свое „*Ius romanum in ordinem systematicum*“, одобренное факультетомъ и совѣтомъ; послѣдній сдѣлалъ о немъ представленіе попечителю, а тотъ министру. Утвержденіе послѣдовало въ 1817 году. Затѣмъ въ 1818 году Пауловичъ представилъ совѣту три свои рукописныя сочиненія, относящіяся къ энциклопедіи права и содержащія общую часть объ источникахъ правъ древнихъ и новыхъ народовъ, особое отдѣленіе энциклопедіи о началахъ политическихъ правъ и изъ той-же энциклопедіи о началахъ русскаго права; изъ нихъ первыя два на латинскомъ, а третье на русскомъ языкѣ. На основаніи этихъ сочиненій онъ просилъ о производствѣ въ ординарные профессора. Сочиненія были предоставлены для ознакомленія всѣмъ членамъ совѣта, но проф. Ванноти считалъ болѣе правильнымъ отдать ихъ на предварительное разсмотрѣніе этико-политическому факультету. Факультетъ далъ отзывъ, что второе и третье сочиненія не могутъ служить основаніемъ для производства Пауловича, ибо относятся къ другимъ каедамъ, а первое не удовлетворяетъ требованіямъ 60 § устава. Совѣтъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и постановилъ сочиненія Пауловича передать на храненіе въ архивъ, а ему сообщить, чтобы онъ постарался удовлетворить требованію 60 § устава. Пауловичъ представилъ длинное объясненіе съ возраженіями на этотъ отзывъ, гдѣ доказывалъ, что его работы имѣютъ прямое отношеніе къ предмету и что требованія 60 § устава не могутъ относиться къ нему, какъ лицу, хорошо извѣстному факультету и совѣту, по своей преподавательской дѣятельности, и что онъ проситъ даровать ему должность ординарнаго профессора по совокупности его трудовъ. По этому поводу въ совѣтѣ высказаны были слѣдующія мнѣнія. Профессоръ Рейтъ (деканъ факультета) заявилъ, что представленныя Пауловичемъ сочиненія—это „грубое сборище матеріала“; большинство однако постановило рѣшить это дѣло по совокупности ученыхъ трудовъ и службъ Пауловича. Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта проф. Рейтъ снова высказалъ взглядъ, что сочиненія Пауловича не доказываютъ познаній его

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1502/86.

ни въ наукѣ, ни въ логикѣ, ни въ языкѣ и что факультетъ только изъ милости согласился нѣкогда на избраніе его въ экстраординарные профессора; изъ того, что онъ, Пауловичъ, занимаетъ кафедру экстраординарнаго профессора, не слѣдуетъ, чтобы онъ заслуживалъ и должности ординарнаго. Лангъ предлагалъ препроводить сочиненія Пауловича въ Петербургъ на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Ректоръ Осиповскій рекомендовалъ все это дѣло представить на усмотрѣніе высшаго начальства. Такъ совѣтъ и поступилъ. Узнавъ объ этомъ, Пауловичъ написалъ попечителю слѣдующее письмо. „Прибѣгаю подъ защиту вашего превосходительства и всепокорнѣйше прошу благоволить предписать совѣту, дабы онъ представленное мною сочиненіе, содержащее въ себѣ ни что иное, какъ мой курсъ, возвратилъ мнѣ, дабы я могъ по немъ читать лекціи и его усовершенствовать. Кромѣ того, такъ какъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора, выполнилъ все, что необходимо было для полученія должности ординарнаго профессора при нашемъ университетѣ да и профессоромъ экстраординарнымъ пробылъ нѣмѣ, чѣмъ другіе мнѣ равные, то въ виду этого покорнѣйше прошу *внушѣнн* совѣту, дабы онъ въ моемъ дѣлѣ поступилъ такъ, какъ и съ другими. Наконецъ, не могу упустить изъ виду и того, что такъ какъ профессоръ Рейтъ мой явный соперникъ и недоброжелатель, какъ это ясно видно и изъ самыхъ протоколовъ, то и осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство о томъ, чтобы проф. Рейтъ не могъ впредь имѣть никакого вліянія на мое дѣло. Да при томъ такъ какъ изъ протоколовъ видно, что проф. Рейтъ нанесъ мнѣ тяжкую обиду, то всепокорнѣйше прошу, чтобы за это поступлено было съ нимъ по формѣ суда“. Дѣло окончилось тѣмъ, что Пауловичъ представилъ въ совѣтъ новое сочиненіе подъ заглавіемъ—„Breve Syntagma juriū cum veterum tum recentiorum populorum“, которое было одобрено факультетомъ, и тогда совѣтъ избралъ его большинствомъ 7 противъ одного голоса въ ординарные профессора. Любопытенъ отзывъ объ этомъ сочиненіи проф. Осиповскаго. Заявивъ вначалѣ, что онъ не можетъ судить о его содержаніи, Осиповскій прибавилъ, что писано оно было, очевидно, Пауловичемъ съ большою мукою, ибо онъ не перечиталъ его даже послѣ написанія и не поправилъ многочисленныхъ грамматическихъ ошибокъ. Министръ утвердилъ Пауловича въ новой должности. Въ 1820 г., послѣ смерти Успенскаго, ему была поручена временно и кафедра россійскаго права ¹⁾. Очевидно, движеніе противъ Пауловича не прекратилось—и онъ послѣ того былъ и деканомъ, и инспекторомъ казенно-учебныхъ студентовъ.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 350/18.

Производство Дудровича и Пауловича въ ординарные профессора вызвало также особое мнѣніе проф. Г. П. Успенскаго. „Я весьма далеко отъ того, писалъ Успенскій, чтобы противорѣчить повышенію Дудровича и Пауловича. Но при настоящихъ обстоятельствахъ надобно обращать бдительное вниманіе и на будущее время, ибо бывшіе примѣры, законны-ли они или нѣтъ, принимаются иногда въ подобныхъ обстоятельствахъ въ нѣкоторомъ видѣ законовъ, какъ то недавно и у насъ случилось“. Затѣмъ Г. П. Успенскій приводитъ изъ университетскаго устава узаконенія, относящіяся къ выборамъ въ должность адъюнктовъ и профессоровъ и доказываетъ, что они рѣдко исполнялись въ Харьковскомъ университетѣ. Нужно впрочемъ замѣтить, что они отличались нѣкоторой неопредѣленностью. Вѣроятно, вслѣдствіе этого Г. П. Успенскій ссылается потомъ также на уставъ педагогическаго института, уставъ, который однако для университетовъ не могъ имѣть обязательной силы, на уставъ Дерптскаго университета, требовавшій для производства въ экстраординарные профессора докторской степени и на Высочайше утвержденное положеніе о производствѣ въ ученые степени. Послѣ этихъ ссылокъ Г. П. Успенскій продолжаетъ. „Неужели желаніе правительства заключается въ томъ, чтобы молодые люди, обучавшіеся для того только, чтобы, по окончаніи своего ученія и полученія въ награду трудовъ своихъ ученой степени, поступить и съ пользою продолжать какую либо въ государствѣ службу, должны подвергаемы быть болѣе строгому испытанію, нежели тѣ, кои всю свою жизнь посвящаютъ воспитанію юношества, которому обязаны подавать собою примѣръ и трудолюбія, и пользы отъ приобрѣтенныхъ ими познаній? Какія послѣдствія отъ такого послабленія могутъ произойти, всякому извѣстно. Нѣтъ надобности представлять здѣсь вниманію достоуважаемѣйшихъ членовъ совѣта, что университетскіе чиновники, составляя какъ-бы одно семейство, имѣютъ взаимныя связи. Отъ этого можетъ произойти, что университетскій или сторонній чиновникъ, добившись званія преподавателя въ университетѣ, не имѣя иногда никакой ученой степени, надѣясь на свои связи или искательства, совершенно обезпечивается въ дальнѣйшемъ производствѣ. Много-ли будетъ изъ нихъ такихъ, чтобы старались о дальнѣйшемъ усовершенствованіи своемъ въ наукахъ, когда напередъ будутъ увѣрены, что они безъ излишняго изнуренія себя учеными трудами могутъ достигнуть всего по своему желанію. Какъ это ни откровенно сказано, но въ справедливости на васъ, гг. члены совѣта, ссылаюсь“. Въ виду всего изложеннаго Г. П. Успенскій предлагалъ: 1) представить настоящія сочиненія Дудровича и Пауловича въ министерство и только тогда, когда они будутъ признаны удовлетворительными, подвергнуть

кандидатовъ баллотировкѣ, потому что докторскія степени они получили до изданія новыхъ правилъ объ ученыхъ степеняхъ и 2) требовать докторской степени и отъ адъюнктовъ, и отъ экстраординарныхъ профессоровъ. „Ни пристрастіе, ни другіе какіе-либо съ моей стороны интересные виды, но единственно честь и польза университета побудили меня представить совѣту это мнѣніе. Притомъ я дѣлаю это и на тотъ случай, чтобы, если теперешнія наши производства, по изданіи многихъ новѣйшихъ по этому предмету узаконеній, на прежнемъ обыкновеніи основанныя и дѣлаемые притомъ безъ разрѣшенія высшаго начальства, подвергнутся той участи, какой подверглись уже и по другимъ россійскимъ университетамъ, то чтобы не подвергся и я участи тѣхъ лицъ, кои это допускаютъ“¹⁾. Это заявленіе носило принципиальный характеръ, хотя и не соответствовало уровню тогдашнихъ требованій и вызвало цѣлую бурю неудовольствій и обвиненіе въ личныхъ мотивахъ; въ виду этого Успенскій взялъ назадъ свое предложеніе объ отсылкѣ сочиненій Дудровича и Пауловича въ Петербургъ. И дѣйствительно, зачѣмъ нужна была эта посылка, когда и на мѣстѣ были спеціалисты, способные судить объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ?²⁾

Обратимся теперь къ тѣмъ назначеніямъ на каѳедры и производствамъ, которыя совершались помимо совѣта, по непосредственному назначенію министра или представленію попечителей.

Въ 1816 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, по собственной инициативѣ, безъ представленія совѣта, произвелъ асистента Павловскаго, состоявшаго уже 5 лѣтъ лекторомъ, въ адъюнкты во уваженіе его знанія и способностей“, принявъ во вниманіе, что еще въ 1814 г. совѣтъ хотѣлъ избрать его на эту должность, но не оказалось вакансій. Университетъ, писалъ министръ, можетъ не стѣсняться количествомъ свободныхъ вакансій и долженъ стремиться къ тому, чтобы всѣ каѳедры въ немъ были заняты природными россійцами. Въ 1819 году совѣтъ, по предложенію Осиповскаго, избралъ его экстраординарнымъ профессоромъ за отличное преподаваніе, нѣкоторыя сочиненія и переводъ Коллетовыхъ логариѳмическихъ таблицъ³⁾. Въ 1819 г. первымъ профессоромъ богословія былъ назначенъ, по рекомендаціи Харьковскаго архіерея Павла и представленію З. Я. Карнѣева, протоіерей Могилевскій.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г. № 21.

²⁾ Дудровичъ представлялъ историко-критическій очеркъ современнаго состоянія философіи; онъ имѣется при дѣлѣ. Ibidem.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 662/34.

Чувствуя, что университетскому самоуправленію нанесенъ серьезный ударъ, разные лица обращались со своими искательствами непосредственно къ попечителю округа. Такъ, напримѣръ, извѣстный намъ по дѣятельности въ студенческомъ Библейскомъ обществѣ, секретарь его, Ив. Золотаревъ обратился въ 1824 году къ Е. В. Карпѣву, минуя факультетъ и совѣтъ, съ просьбою о назначеніи его лекторомъ или исправляющимъ должность адъюнкта по русской словесности¹⁾, хотя

¹⁾ Вотъ текстъ этого прошенія. „Благодѣнія, оказанныя вашимъ превосходительствомъ многимъ изъ служащихъ подъ вашимъ начальствомъ, пребудутъ навсегда незабвенны. Подчиненные вашему превосходительству имѣли счастье найти въ васъ не только великодушнаго начальника, но, что рѣдко, покровителя и благодѣтельнаго отца. Эти причины родили во мнѣ смѣлость обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою. Въ 1823 г. присутствовать на экзаменахъ въ университетѣ, ваше превосходительство дали предложеніе на имя ректора, въ которомъ между прочими средствами къ усовершенствованію учебной части, предписали, дабы усилить особенно русскую словесность; и потому вмѣсто одного (экстраординарнаго профессора Борзенкова), дотошъ читавшаго всѣ науки, относящіяся къ русской словесности, поручить преподаваніе ея тремъ, изъ коихъ одинъ бы читалъ для 1-го курса, другой для 2-го, а третій для 3-го. Вслѣдствіе чего избраны были совѣтомъ кромѣ профессора Д. С. Борзенкова еще для поэзіи магистръ А. В. Сябловскій, а для реторики нижеподписавшійся кандидат Золотаревъ. Не смѣю самъ говорить объ успѣхахъ моихъ слушателей, но крайней мѣрѣ могу сказать, что употребилъ всѣ труды и усилія для этого и отказался отъ всѣхъ почти ваканцій въ пансіонахъ, желая съ честію исполнить возложенную на меня обязанность. Я и прочіе мои товарищи, опредѣленные совѣтомъ университета по предложенію вашего превосходительства (для латинскаго языка кандидат П. И. Сокальскій, для философіи кандидат М. Н. Протопоповъ) трудились ревностно въ возложенномъ на насъ званіи. Но ни одинъ изъ насъ не только не видѣлъ награды, но даже не пользовался правами, присвоенными занимаемому мѣсту, ибо никто изъ насъ не былъ даже приглашаемъ въ собраніе факультета, гдѣ каждый читающій какую нѣсть науку въ университетѣ, имѣетъ неоспоримое право присутствовать. Не смотря на то, съ наступившимъ академическимъ годомъ, призываютъ насъ вновь къ трудамъ, поручивъ читать тѣ же науки. Такимъ образомъ, не видя въ настоящемъ ничего кромѣ трудовъ, намъ остается одно только утѣшеніе и награда, что не будемъ оставлены въ этомъ случаѣ вашимъ превосходительствомъ. Эти то причины побудили меня просить всепокорнѣйше ваше превосходительство всхолатайствовать, если возможно, у магистратъ народнаго просвѣщенія, дабы университетъ считалъ насъ лекторами или (ибо по уставу не положены они въ нашемъ университетѣ) исправляющими должность адъюнктовъ съ какимъ ни есть жалованьемъ, дабы служба ваша чрезъ то была дѣйствительною. Исполняя 3 года должность субинспектора надъ казенными студентами, помогая въ трудахъ по библіотекѣ проф. Борзенкову, не видя никакой награды, я не терялъ рвенія быть полезнымъ университету и кромѣ того еще принималъ на себя обязанность преподавать науку краснорѣчія. Какихъ же трудовъ, какихъ усилій не употреблю, если ваше превосходительство въ этомъ важномъ для меня случаѣ явите ваше благодѣтельное покровительство. Съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности буду всегда *благодарствовать* имя вашего превосходительства, какъ перваго моего благодѣтеля, подъ начальствомъ коего

этой послѣдней должности и не было положено по уставу. Характерно, что здѣсь же онъ просить и за двухъ своихъ товарищей, которые на это не дали ему законнаго уполномочія. Мимоходомъ онъ жалуется на несправедливость факультета, который такимъ образомъ даже не зналъ, что противъ него возбуждено обвиненіе въ пристрастіи.

Съ жалобою на совѣтъ попечителю выступилъ также экстраординарный профессоръ Архангельскій за непроизводство его въ ординарные профессора. Совѣтъ же не считалъ возможнымъ этого сдѣлать въ виду того, что Архангельскій не имѣлъ докторской степени. Въ своемъ прошеніи Архангельскій указываетъ на свою долговременную преподавательскую дѣятельность (съ 1808 г.), на цѣлый рядъ своихъ сочиненій и переводовъ, частію изданныхъ, частію неизданныхъ и, наконецъ, на то, что правила о докторскихъ степеняхъ касаются только постороннихъ лицъ, а эти не всегда соблюдаются (и Харьковскій университетъ избралъ въ ординарные профессора Даниловича, не имѣющаго этой степени); при томъ ихъ нѣтъ въ уставѣ ¹⁾.

сдѣлалъ первый шагъ моей службѣ, обязанный и мѣстомъ, и всѣми выгодами его *милостивой души* вашего превосходительства съ чувствами глубочайшаго уваженія, благодарности и совершенной преданности пребуду навсегда всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Иванъ Золотаревъ" (Хар. Унив. Арх. Дѣло пом. № 1075/59, стр. 58—59).

¹⁾ Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло пом. 1107/63. Арх. М. Н. П. № 22626/498,

Вотъ прошеніе Архангельскаго министру въ 1823 году.

„Пятнадцать лѣтъ преподаю я математическія науки въ семъ университетѣ и, десять лѣтъ занимая катедру прикладной математики, обучаю за ординарнаго профессора этой наукѣ. За усѣпшное преподаваніе и сочиненія, на основаніи § 36-го университетскаго устава, удостоенъ я въ 1818 году званія экстраординарнаго профессора. Въ 1821 г. мая 4 дня просилъ я совѣтъ университета сравнить меня съ моими сверстниками возведеніемъ на степень ординарнаго профессора или въ случаѣ какого затрудненія представить мое прошеніе на благоусмотрѣніе высшаго начальства. Совѣтъ нашелъ затрудненіе въ томъ, что я не докторъ и, распространяя постановленіе нашего сіятельства о принятіи въ университеты профессоровъ и адъюнктовъ и на производство на преподающихъ уже въ университетѣ, требовалъ отъ меня докторскаго званія. Усматривая ясно, 1-е, что это постановленіе, напечатанное въ журналѣ Палатнаго Народнаго Просвѣщенія 1821 года въ № V, за мѣсяцъ май, названо ценно правиломъ принятія въ университеты, а не производствъ въ нихъ; 2-е, что докторское званіе этимъ правиломъ требуется отъ тѣхъ, которые просятъ объ опредѣленіи ихъ на мѣста профессоровъ и адъюнктовъ безъ достаточныхъ доказательствъ способности для занятія ихъ, а не отъ тѣхъ, которые многолѣтнимъ преподаваніемъ несомнѣнно доказали таковую способность; 3-е, что это правило постановлено для облегченія легкости, съ какою получались прежде профессорскія мѣста и для поддержанія цѣны знаній, и, слѣдовательно, не для тѣхъ, которые учеными трудами въ самомъ университетѣ заслужили справедливое одобреніе; 4-е, что за это правило приписано § 79 устава Дерптскаго университета, которымъ докторское достоинство требуется при избраніи въ экстраординарные профессора и, слѣдовательно, которые уже

Право выбора профессоров принадлежало совѣту, и мы видѣли, въ какой мѣрѣ онъ пользовался имъ; попечители же округа полагали, что совѣтъ пользуется имъ въ крайне недостаточной степени и потому старались достигъ того, чтобы оно перешло къ нимъ—и это удалось, какъ мы знаемъ, А. А. Перовскому.

Въ 1825 году попечитель А. А. Перовскій обратилъ вниманіе на малочисленность членовъ совѣта и представилъ министру докладную записку, въ которой доказывалъ, что совѣтъ, благодаря оскудѣнію числа членовъ его, превратился въ фикцію и нуждался въ обновленіи. „По Высочайше утвержденному уставу Харьковскаго университета, писать онъ министру, одни ординарные профессора могутъ быть членами прав-

имѣютъ это званіе, тѣхъ этотъ законъ не касается, ибо сила закона назадъ не простирается—такъ университетскій аттестатъ требуется для чина коллежскаго асессора, но въ слѣдующій за симъ чинъ произносятся и безъ этого аттестата; 5-е, что если по этому правилу и одни теоретическія званія принимаются во вниманіе, на основаніи, такъ сказать, предполагаемой пользы отъ нихъ, то тѣмъ болѣе званія, приносящіе уже пользу практическимъ ихъ употребленіемъ, что многолѣтнее преподаваніе наукъ стоить докторскаго экзамена, и разныя сочиненія и переводы могутъ замѣнить одну диссертацию,—убѣждался всѣмъ, что это постановленіе ни почему не относится ко мнѣ, входилъ я, въ этомъ году, апрѣля 1-го числа, къ г. попечителю Харьковскаго университета съ прошеніемъ, которымъ, прописывая объ отказѣ, сдѣланномъ мнѣ совѣтомъ университета и прилагая два письменныя сочиненія: 1) о теченіи воды въ открытыхъ каналахъ; 2) изложеніе устройства міра, просилъ, въ награду ученыхъ трудовъ моихъ исходатайствовать мнѣ у вашего сіятельства званіе ординарнаго профессора, на каковое прошеніе имѣлъ честь получить отъ его превосходительства отвѣтъ въ снисходительномъ ко мнѣ письмѣ, которое при этомъ осмѣливаюсь приложить въ подлинникѣ. Такъ какъ, по засвидѣтельствованію его превосходительства г. попечителя, совѣтъ университета признаетъ меня достойнымъ званія ординарнаго профессора, то я, на основаніи этого одобренія, прилагая коію справку о службѣ моей, выданную мнѣ изъ совѣта университета, принимаю съдѣлать, какъ при многолѣтнемъ преподаваніи наукъ, такъ при сочиненіяхъ и переводахъ, какіе обстоятельства и способы позволили мнѣ сдѣлать, и при разныхъ порученіяхъ начальства, мною для блага общаго попеченныхъ, утвердить меня въ званіи ординарнаго профессора прикладной математики“.

Отвѣтъ Архангельскому попечителю Е. Каряева былъ таковъ.

„Поданное вами мнѣ прошеніе отъ 1-го прошедшаго апрѣля, коимъ просили вы, чтобы во уваженіе пятнадцатилѣтнихъ вашихъ занятій и понесенныхъ трудовъ на ученія сочиненія, сдѣлано было мною верховному начальству представленіе о награжденіи васъ званіемъ ординарнаго профессора, предлагалъ я университету рассмотреть и доставить ко мнѣ свое мнѣніе. Нимѣ совѣтъ Харьковскаго университета въ донесеніи своемъ ко мнѣ объяснилъ, что приведенные нами примѣры о произведенныхъ въ другихъ российскихъ университетахъ въ ординарные профессора, ему не извѣстны и правиломъ служить не могутъ, и что въ предписаніи г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія исключаются только тѣ изъ росіянъ и иностранцевъ, кото-

ления и училищнаго комитета, а дѣла изъ этихъ присутственныхъ мѣстъ должны поступать на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе университетскаго совѣта. Очевидно, что таковое постановленіе сдѣлано для того, чтобы совѣтъ, состоя изъ положенныхъ по штату 28 ординарныхъ профессоровъ, могъ не только разбирать дѣла, изъ правленія и комитета въ него поступающія, но въ иныхъ случаяхъ отвергать или отмѣнять большинствомъ голосовъ рѣшенія этихъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ и вообще имѣть за ними надлежащее наблюденіе. Но по существующему нынѣ въ Харьковскомъ университетѣ порядку, цѣль, кото-

рые опредѣляются по особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ, а потому и не имѣть права приступать къ выбору васъ въ ординарные профессора, хотя, во уваженіе пятнадцатилѣтней вашей службы и сочиненій вашихъ, находить васъ такового званія достойнымъ. По таковому университетскаго совѣта засвидѣтельствованію о вашихъ званіяхъ я предполагаю, что вамъ не будетъ составлять великаго труда подвергнуться испытанію для полученія докторскаго званія, послѣ чего безпрепятственно вы будете представлени о награжденіи васъ званіемъ ординарнаго профессора. Надѣясь, что вы охотно это исполните, возвращаю при этомъ доставленные вами ко мнѣ ваши сочиненія“.

А вотъ отвѣтъ попечителя министру.

„На предписаніе нашего сіятельства отъ 11-го прошедшаго января, при коемъ препровождено къ разсмотрѣнію моему прошеніе экстраординарнаго профессора Харьковскаго университета Архангельскаго, о производствѣ его въ ординарные профессора, есть имѣю донести, что чиновникъ этотъ входилъ и ко мнѣ съ такимъ же прошеньемъ, которое предлагалъ я университету на разсмотрѣніе и требовалъ отъ него по положеннымъ г. Архангельскимъ причинамъ мнѣнія. Университетскій совѣтъ доведъ мнѣ, что такъ какъ экстраординарный профессоръ Архангельскій не имѣетъ званія лектора, то по существующему постановленію не имѣетъ права на производство въ ординарные профессора, и потому совѣтъ не могъ приступать къ баллотированію его на эту должность, хотя впрочемъ, во уваженіе пятнадцатилѣтняго его при университетѣ нахожденія и заслуживаетъ онъ такового повышенія. Противъ такого удостоенія университетскаго совѣта я съ моей стороны ничего сказать не могу. Но долгомъ považаю къ тому присовокупить, что при Харьковскомъ университетѣ находятся и другіе чиновники, веимѣющіе докторскаго званія, которые не менѣе г. Архангельскаго достойны подобаго повышенія, а именно экстраординарные профессора: *Павловскій*, занимающій кафедру чистой математики, *Борзенковъ*, занимающій кафедру руссійской исторіи, адъюнкты: *Робушъ*, занимающій кафедру военныхъ наукъ, *Куницкій*, читающій первый курсъ греческой словесности и преподающій всеобщую географію и статистику, *Филомафитскій*, преподающій всеобщую исторію. Посему, если благо-
удно будетъ вашему сіятельству произвести въ ординарные профессора г. Архангельскаго, то вмѣстѣ съ нимъ покорнѣйше прошу утвердить въ званіи ординарныхъ профессоровъ Павловскаго и Борзенкова по занимаемымъ ими кафедрамъ и съ положеннымъ по нимъ штатнымъ жалованьемъ и квартирными деньгами, равнымъ образомъ утвердить въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ, адъюнктовъ: Робуша, Куницкаго и Филомафитскаго, съ положеннымъ по этимъ мѣстамъ жалованьемъ и квартирными деньгами“.

рую имѣло правительство при учрежденіи совѣта, совершенно теряя изъ виду. Въ Харьковскомъ университетѣ теперь всего 12 ординарныхъ профессоровъ, изъ которыхъ нельзя считать постоянными членами совѣта: 1) ректора, какъ предсѣдателя, 2) профессора богословія Могилевскаго, обязанностями священническаго сана иногда отвлекаемаго отъ засѣданій и 3) профессора ботаники Делявина, за дряхлостію лѣтъ и по незнанію русскаго языка никогда въ совѣтъ не присутствующаго. Итакъ, для засѣданій совѣта остается только 9 членовъ, изъ которыхъ 7, въ томъ числѣ и ректоръ, составляютъ училищный комитетъ, а 6 правленіе. Такимъ образомъ совѣтъ университета въ дѣйствительности не существуетъ и переносъ дѣлъ въ него изъ правленія и комитета одинъ только пустой и бесполезный обрядъ, ибо тѣ же самые профессора, которые за минуту передъ этимъ составляли правленіе или комитетъ, не вставая со своихъ мѣстъ, по единому, такъ сказать, мовенію ректора, дѣлаются членами совѣта и утверждаютъ собственныя свои рѣшенія. Университетскій же совѣтъ не прилагаетъ особаго попеченія о приобрѣтеніи новыхъ ординарныхъ профессоровъ, потому что большее ихъ число уничтожало бы монополію, которая нынѣ въ рукахъ немногихъ лицъ удерживаетъ управленіе всѣмъ учебнымъ округомъ. Для установленія надлежащаго порядка въ упомянутомъ управленіи и для совершеннаго превращенія легко могшихъ донынѣ вкрадываться въ него злоупотребленій, полезно было бы, между прочимъ, избраніе въ члены правленія и училищнаго комитета, не ограничиваясь одними ординарными профессорами, а допускать къ нему и экстраординарныхъ. Но какъ такое постановленіе не соответствовало бы Высочайше утвержденному уставу, то я предоставляю себѣ честь представить объ этомъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства вмѣстѣ съ прочими перемѣнами, которыя, по мнѣнію моему, нужно было бы сдѣлать въ университетскомъ уставѣ. А между тѣмъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ доставить университетскимъ присутственнымъ мѣстамъ ту власть и силу, которыя каждому изъ нихъ по уставу принадлежать и дѣйствіямъ ихъ, особенно нынѣшняго университетскаго совѣта, посредствомъ умноженія числа членовъ его положить болѣе опредѣленные причинѣшія границы, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство о повышеніи въ означенныя мною ученыя степени слѣдующихъ чиновниковъ, по справедливости заслуживающихъ милостиваго вашего вниманія: а) въ ординарные профессора экстраординарныхъ профессоровъ Архангельскаго, Борзенкова, Павловскаго и Еллинскаго; б) въ экстраординарные профессора адъюнктовъ — Робуша, Куницкаго, Филомафитскаго, Байкова, Артемовскаго-Гулака и Венедиктова; в) въ адъюнкты доктора философіи

Затеplinскаго (по астрономіи) и Черняева (по ботаникѣ)⁴. Министръ народнаго просвѣщенія отмѣнилъ распоряженіе главнаго управленія училищъ о необходимости докторской степени и разрѣшилъ университету баллотировать всѣхъ лицъ, указанныхъ въ представленіи попечителя, съ присоединеніемъ къ нимъ адъюнкта Рейпольскаго ¹⁾ въ совѣтъ. Попечитель, основываясь на *предписаніи* министра (въ сущности было не предписаніе, а разрѣшеніе) предложилъ совѣту немедленно приступить къ баллотировкѣ. Совѣтъ избралъ всѣхъ этихъ лицъ и они были утверждены министромъ ²⁾. Мы знаемъ, что еще предшественникъ Перовскаго входилъ къ министру съ ходатайствомъ о производствѣ безъ докторской степени нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ въ ординарные и экстраординарные профессора.

Въ 1826 г., въ попечительство Перовскаго, ходатайствовалъ лично передъ нимъ о назначеніи на должность адъюнкта греческаго языка бывшій преподаватель Виленскаго университета Ежовскій. Самъ Перовскій ходатайствовалъ передъ министромъ о предоставленіи должности ординарнаго профессора восточныхъ языковъ преподавателю Лейпцигскаго университета доктору философіи Дорну, рекомендованному академикомъ Френомъ. Ходатайство это было уважено въ 1827 г. Но Дорнъ не явился въ Харьковъ до 1829 г., когда попечитель исхлопоталъ ему еще 200 червонцевъ на путевые расходы. Перовскій же возбудилъ ходатайство о возведеніи въ адъюнкты Сокальскаго (по латинскому языку) и Гренберга—въ лекторы нѣмецкаго языка.

Въ 1826 г. попечитель А. А. Перовскій ходатайствовалъ передъ министромъ о переводѣ въ Харьковскій университетъ изъ Московскаго на кафедру русскаго практическаго судопроизводства тамошняго профессора Сандунова. Министръ находилъ препятствіе въ томъ, что такой

¹⁾ О Рейпольскомъ было сдѣлано попечителемъ слѣдующее представленіе министру. „Адъюнкты по кафедрѣ паталогіи и терапіи И. Рейпольскій опредѣленъ для преподаванія этой науки въ Харьковскомъ университетѣ въ 1823 году. При изрядныхъ познаніяхъ по части медицины, похвальному поведеніи, онъ рачительно занимается возложенною на него должностію. Обучавшійся медицинѣ въ медико-хирургической академіи съ усердіемъ продолжалъ службу штабъ-лекаремъ по военному вѣдомству, изъ котораго поступилъ въ этотъ университетъ; по природной склонности къ естественной исторіи, онъ имѣетъ болѣе способности къ преподаванію этой послѣдней науки, нежели паталогіи и терапіи, требующихъ, какъ основныя части медицины, особенныхъ и отличныхъ познаній. Эти причины побуждаютъ меня покорнѣе просить ваше высокопревосходительство перевести адъюнкта Рейпольскаго изъ медицинскаго отдѣленія въ отдѣленіе физическихъ наукъ и, поручивъ ему кафедру зоологіи, утвердить его въ званіи экстраординарнаго профессора. Таковое повышеніе адъюнкта Рейпольскаго заслуживаетъ усердіемъ своимъ къ службѣ и трудолюбіемъ“.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло поп. № 1107/63; архивъ мин. нар. пр. № 22626/498.

каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ по уставу не полагалось, а каѳедру русскаго законодательства занималъ проф. Даниловичъ. Попечитель предлагалъ давать новому профессору содержаніе изъ хозяйственныхъ суммъ университета, но изъ этого ничего не вышло. Въ томъ-же году А. А. Перовскій помимо совѣта просилъ о назначеніи доктора медицины Блументали ординарнымъ профессоромъ акушерства — и его просьба была уважена.

Попечитель А. А. Перовскій въ 1828 г., помимо совѣта, на основаніи дарованнаго ему, по Высочайшему повелѣнію, права, сдѣлалъ цѣлый рядъ представленій о назначеніяхъ и производствахъ профессоровъ Харьковского университета. Такъ, основываясь на рекомендаціи генераль-штабъ-доктора Ремава и просьбѣ самаго кандидата, А. А. Перовскій сдѣлалъ представленіе о назначеніи на каѳедру патологіи, терапіи и клиники въ качествѣ ординарнаго профессора доктора медицины Брандеса; основываясь на ходатайствѣ академиковъ Шторха и Греффе, управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, школьнаго товарища кандидата, А. А. Перовскій ходатайствовалъ о назначеніи ординарнымъ профессоромъ по греческому языку доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ Маурера; экстраординарный профессоръ по всеобщей исторіи Евграфъ Филомафитскій просилъ А. А. Перовскаго о прибавкѣ жалованья, — а тотъ испросилъ ему должность ординарнаго профессора ¹⁾; экстраординарный профессоръ математики Байковъ, по представленію А. А. Перовскаго, получилъ ординатуру по каѳедрѣ селскаго хозяйства за свои способности, усердіе, ревность и успѣхи въ прохожденіи профессорской должности, любовь къ наукамъ, особенно физическимъ и познанія въ нихъ; ординарными профессорами были сдѣланы Гулакъ-Артемовскій и Робушъ „за отличное трудолюбіе, усердіе къ исполненію обязанностей и познанія“, первый по русской исторіи, второй по военнымъ наукамъ; Черняевъ и Затеplinскій произведены изъ адъюнктовъ прямо въ ординарные профессора, первый „за обширныя свѣдѣнія, ревность, усердіе къ службѣ и отличную прав-

¹⁾ Филомафитскій, узнавъ объ этомъ, написалъ попечителю слѣдующее благодарственное письмо. „Сколь велико достоинство и благодарности мои къ особѣ вашей — это выразить, конечно, не въ силахъ я, но не могу этихъ чувствъ и скрыть во глубинѣ сердца моего; невольно стремятся они къ виновнику новаго моего счастья. Знаю и то, что изъясненіе благодарности — какъ-бы краснорѣчиво ни было оно — мало вознаграждаетъ благодѣяніе и утѣшаю себя тою мыслию, что вѣйусерднѣйшимъ своимъ служеніемъ престолу и отечеству, точнѣйшимъ выполненіемъ благополезной воли начальства потщусь всемірно доказать и оправдать, что милость, нашимъ превосходительствомъ оказанная мнѣ, пала не на безплодный камень“.

гвенность“, а второй „за познанія, усердіе и нравственность“; Криницкій — въ экстраординарные „за приведеніе въ порядокъ кабинета, обширныя свѣдѣнія, обнаруженныя въ преподаваніи“; Золотаревъ — въ дѣлюнкты ¹⁾. По случаю вызова проф. Даниловича въ Петербургъ, кафедра россійскаго законодательства была поручена кандидату Спасскому по настоянію попечителя, хотя онъ и не выдержалъ магистерскаго испытанія въ Москвѣ, куда былъ командированъ для подготовки.

Проф. Виленскаго университета Игнатій Даниловичъ въ 1824 г. былъ переведенъ въ Харьковскій университетъ не по выбору совѣта, по назначенію министра народнаго просвѣщенія Шишкова. Онъ вмѣстѣ съ Лелевелемъ и Бобровскимъ былъ удаленъ изъ Виленскаго университета и Вильны, а затѣмъ, съ Высочайшаго соизволенія, получивъ позволеніе поселиться внѣ Петербурга, избралъ Харьковъ и занялъ тамъ главную кафедру ординарнаго профессора дипломатики въ 1825 году. Впрочемъ въ томъ-же году совѣтъ ходатайствовалъ о переводѣ профессора Даниловича на кафедру русскаго права, которое онъ читалъ въ теченіе 10 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ еще открыть курсъ и римскаго права присоединенныхъ польскихъ областей, знаніе коего требовалось уставомъ объ ученыхъ степеняхъ. Министръ удовлетворилъ ходатайство. Въ 1830 г. Даниловичъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ Петербургъ во 2-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. За описаніе минцъ-кабинета ему было выдано 2000 руб. по ходатайству совѣта ²⁾.

Криницкій тогда же былъ назначенъ преподавателемъ минералогіи по указанію попечителя Е. В. Кариѣва, а этотъ послѣдній исполнитъ распоряженіе министра. Дѣло въ томъ, что и Криницкій, подобно Даниловичу, принадлежалъ къ обществу филаретовъ и былъ высланъ изъ Вильны съ правомъ поступить на службу въ центральныя области Россіи. Онъ пожелалъ устроиться въ Харьковскомъ университетѣ, ему тамъ было предоставлено мѣсто преподавателя минералогіи, хотя онъ уже для естественной исторіи предназначенъ Черняевъ ³⁾.

Ө. Чановъ былъ предложенъ въ преподаватели философіи попечителемъ Филатьевымъ, который черезъ нѣкоторое время вошелъ съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о назначеніи его ординарнымъ профессоромъ, хотя тотъ не имѣлъ никакой ученой сте-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1311/75.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1076/59.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Предложенія попечителя 1825 г., стр. 9—10.

пени. Чанову Филатьевъ писалъ: „университетъ по этико-политическому отдѣленію не имѣетъ нынѣ профессора умозрительной и практической философіи. Гг. профессора здѣшняго университета, будучи заняты по своимъ каѳедрамъ, не имѣютъ достаточно времени, чтобы принять на себя преподаваніе этого важнаго предмета. Ваши познанія и образъ мыслей по этому предмету мнѣ извѣстны, почему не сомнѣваюсь въ пользѣ, какую могли бы вы принести, согласившись на преподаваніе по этой каѳедрѣ съ начала наступающаго поста до окончанія курса. По неимѣнію профессора философіи и по разстройству вообще въ ученіи, отъ холеры происшедшему, студенты не слушали философскихъ лекцій и хотя время до окончанія курса весьма кратко, но лучше же приобрѣсти понятіе объ этомъ предметѣ, хотя въ бѣгломъ обзорѣ, нежели оставить его вовсе непройденнымъ. А потому предлагаю, прошу васъ на это предложеніе мое согласиться. Если же вы признаете нужнымъ имѣть адъюнкта, которому бы поручить отдѣльно нѣкоторые предметы полнѣе развернуть въ понятія слушателей, то сообщите мнѣ объ этомъ ваше мнѣніе—я имѣю въ виду человѣка, къ тому способнаго“. Чановъ далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Начальническое вниманіе вашего превосходительства, на меня обращенное и изъявленное въ предписаніи отъ 20-го февраля считаю отличною честію. Назначая меня преподавать теоретическую и практическую философію студентамъ Высочайше ввѣреннаго управленію вашему университету, ваше превосходительство открываете мнѣ и случай, и способы показать усердную готовность быть полезнымъ и по этой части служенія, раздѣляя труды съ мужами, облеченными правительствомъ въ достопочтенное званіе просвѣщенныхъ государственныхъ наставниковъ юношества. Одушевленный этою мыслию, и пріемлю со всею душевною благодарностью столь лестное порученіе, коимъ ваше превосходительство меня удостоиваете. Вступая на каѳедру Шада, точнаго мыслителя, и достойнаго преемника его Дудровича, можетъ быть, единственнаго словомъ и дѣломъ правоучителя, мужей, исполненныхъ совѣта и разума мужей, превосходящихъ меня и обширностію знаній, и опытностію, и извѣстностію ихъ въ ученомъ свѣтѣ, и буду руководствоваться умозрѣніями перваго, а правоученіемъ втораго, и по мѣрѣ старанія моего сколь возможно точнѣе передавать ученіе ихъ, мало-по-мало привлеку вниманіе слушателей и возобновлю память сихъ незабвенныхъ наставниковъ. Но ваше превосходительство предписываете мнѣ приступить къ чтенію лекцій съ первой недѣли великаго поста, объясняя, что по краткости остающагося времени до окончанія курса лучше приобрѣсти студентамъ понятія о философіи, хотя въ бѣгломъ обзорѣ, нежели оставить ее всю непройденною, а потому и

признаете полезнымъ для того поручить адъюнкту отдѣльно нѣкоторые предметы, дабы полнѣе развернуть ихъ въ понятіи слушателей. Убѣждаюсь въ справедливости заключенія вашего превосходительства и представляя при этомъ обзорѣе предполагаемаго мною на этотъ годъ курса философіи, весьма нужнымъ считаю поручить адъюнкту преподаваніе антропологіи съ ея частями и логики, входящихъ въ составъ этого обобщенія, дабы я имѣлъ возможность пройти прочія части философіи“ (7 февраля 1831 г.). Въ совѣтъ попечитель обратился съ такимъ предложеніемъ. „Такъ какъ нынѣ не преподается въ университетѣ опредѣленная уставомъ въ факультетѣ нравственныхъ и политическихъ наукъ позрительная и практическая философія, по неимѣнію для этой каѳедры нѣкаго профессора, то, зная способности директора здѣшней гимназіи, свѣдѣнія и самый образъ мыслей, я предлагалъ ему временно занять эту каѳедру безъ всякаго денежнаго вознагражденія, на что онъ, по любви своей къ наукѣ, такъ и желая оказать услугу и по мѣрѣ своихъ быть полезнымъ университету, изъявилъ совершенную готовность. Составленный имъ конспектъ мною съ членами факультета, ректоромъ и приглашеннымъ мною профессоромъ Кронебергомъ разсмотрѣнъ и одобренъ, почему и предлагаю допустить г. директора къ преподаванію философіи студентамъ политическаго факультета; необходимымъ признаю также, чтобы студенты словеснаго отдѣленія и физико-математическаго обратились къ слушанію этого предмета, столь нужнаго имъ всякаго. Въ особенности логика необходима для правильнаго мышленія, а нравственная и практическая философія для большаго усовершенствованія чловѣка какъ въ отношеніи къ Богу и религіи, такъ и въ отношеніи обязанностей чловѣка, какъ гражданина и вѣрнопопданнаго. При этомъ признаю нужнымъ дать въ помощь г-ну директору въ качествѣ адъюнкта лектора нѣмецкаго языка Гренберга, который будетъ преподавать антропологію и логику подъ руководствомъ его, директора, образно представленному имъ курсу философіи. Самъ г-нъ директоръ можетъ преподавать курсъ нравственной философіи со включеніемъ теоріи эстетики и исторіи философіи. Г. Гренбергъ извѣстенъ мнѣ самому своимъ способностямъ. О вознагражденіи Гренберга за этотъ постоянный трудъ будетъ сдѣлано мною особое распоряженіе“. Это предложеніе было отправлено въ совѣтъ въ мартѣ 1831 г., а уже въ началѣ того же года попечитель вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ о назначеніи Чанова ординарнымъ профессоромъ. „Въ дополненіе къ донесенію моему осмѣливаюсь представить вашей свѣтлости и просить объ удостоеніи директора училищъ Слободско-Украинской губерніи надворнаго совѣтника Чанова званія ординарнаго

профессора по части умозрительной и практической философіи въ здѣшнемъ Харьковскомъ университетѣ. Каѳедра философіи вакантна, а г. Чановъ испытанъ уже въ познаніяхъ по этой наукѣ, преподавая ее съ 10-го марта текущаго года до окончанія академическаго года. Преподаваніе философіи поручено было Чанову съ тою цѣлью, чтобы точнѣе удостовѣриться въ самомъ способѣ преподаванія имъ этой науки и г. Чановъ своими способностями и познаніями вполне оправдалъ довѣріе университета, члены коего съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты видѣть въ немъ достойнаго ихъ сотрудника, обратившаго уже на себя общее ихъ вниманіе и одобреніе обширными познаніями своими по части философіи, къ постоянному преподаванію которой онъ представляется нынѣ. Ваша свѣтлость, можетъ быть, изволите замѣтить, что г-нъ Чановъ не имѣетъ степени доктора, но большая часть профессоровъ здѣшняго университета не имѣетъ также этой степени и я полагаю, что и въ другихъ университетахъ мало есть имѣющихъ эту степень. Трудность имѣть профессора философіи ясно доказываетъ Московскій университетъ, ибо каѳедра, которую занималъ проф. Давыдовъ, кажется и до настоящаго времени остается вакантною. Казанскій университетъ вызываетъ вѣсколько профессоровъ по разнымъ предметамъ. Московскій, древнѣйшій изъ русскихъ университетовъ, не имѣетъ способнаго (лица) къ замѣщенію каѳедры Мерзлякова; таковъ еще у насъ недостатокъ въ достойныхъ профессорахъ. А потому осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость принять во вниманіе надобность университета и удостоить представленіе мое о г. Чановѣ вашимъ на то согласіемъ. Не могу умолчать при этомъ, что теряю въ г-нѣ Чановѣ отличнаго директора, но въ случаѣ утвержденія его вашею свѣтлостью въ званіи ординарнаго профессора буду имѣть честь представить на его мѣсто директора училищъ Полтавской губ. — князя Цертелева, а въ Полтаву директора Новочеркасской гимназіи г. Селиванова, въ Новочеркасску же гимназію адъюнкта Золотарева, по Высочайшему повелѣнію тамъ находящагося, о которомъ ходатайствуетъ и Донское начальство — впрочемъ, мѣсто это по праву ему слѣдуетъ. Формулярный списокъ директора Чанова при этомъ имѣю честь приложить, изъ коего ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что онъ уже преподавалъ философію въ гимназіи¹⁾. Министръ уважилъ это ходатайство — и Чановъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Этотъ выборъ, какъ увидимъ далѣе, не былъ удаченъ, а между тѣмъ для Чанова Филатьевъ нарушалъ уставъ, ибо тотъ не имѣлъ не только докторской, но и магистерской степени. Инициатива приглашенія его

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пом. № 1563/91.

ь преподаватели и затѣмъ возведенія его въ ординарные профессора принадлежала попечителю—совѣтъ тутъ былъ ни при чемъ—а онъ ссылался на профессоровъ, которые будто бы считали минуты, пока, наконецъ, Чановъ будетъ возведенъ въ это высшее профессорское званіе. О которыхъ въ дѣйствительности можно было сказать, что они по меньшей мѣрѣ ничего не знали объ этомъ; слѣдовательно, имя профессоръ товарищей было употреблено попечителемъ напрасно. Характерно, что Чановъ принялъ предложеніе, просьбу попечителя какъ *приказъ*; характерно и высказанное имъ желаніе слѣдовать одновременно Шаду и Дудровичу; характерно и его *скромное* признаніе, что онъ не пользуется такою извѣстностью, какъ эти послѣдніе „мужи совѣта и пера“. Что же касается оскудѣнія университетскихъ преподавателей, здѣсь оказали большое вліяніе „обстоятельства, отъ университета не зависящія“, а въ частности по отношеніямъ къ кафедрѣ философіи, возмездіе, поднятое на эту науку Магницкимъ и Руничемъ; Шадъ былъ высланъ изъ Харьковскаго университета за свое „умозрѣніе“, а Чановъ слѣдовалъ Шаду именно въ его умозрѣніи; нѣтъ сомнѣній, что если бы Шадъ остался въ Харьковѣ, то онъ создалъ бы цѣлую школу специалистовъ въ области философіи. Любопытно также, что когда Чановъ отказался отъ должности директора, то открылись затрудненія для выдачи ему аттестата, въ виду запутанности денежныхъ делъ по гимназіи; но здѣсь снова попечитель пришелъ на помощь своему любимцу и рѣзко обрушился на училищный комитетъ, который такъ съ своей стороны представилъ серьезныя доказательства законности своихъ требованій¹⁾.

И о дарованіи должности адъюнкта магистру Цыху ходатайствованъ въ 1833 году попечитель Филатьевъ, аттестуя его прекрасно и по способностямъ, и по чистой нравственности, и по благонамѣренному образу жизни²⁾. По его же ходатайству магистръ Якимовъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора, но министерство утвердило его только адъюнктомъ³⁾.

Попечитель Филатьевъ ходатайствовалъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ о производствѣ въ ординарные профессора Стенанова, аттестуя его, какъ ревностнаго и усерднаго высокообразованнаго преподавателя, человѣка примѣрной нравственности, лично извѣстнаго министру, но получилъ отвѣтъ, что еще рано⁴⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 1502/86.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

Тогда же попечитель предложил на должность экстраординарнаго профессора по греческому языку бывшаго профессора гимназій высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ Геропеса, рекомендованнаго Кіевскимъ попечителемъ фонъ-Брадке. Министръ отвѣтилъ, что такъ какъ наличное число экстраординарныхъ профессоровъ превышаетъ норму, то Геропесъ можетъ быть избранъ совѣтомъ только въ адъюнкты ¹⁾.

Но несмотря на то, что на помощь совѣту въ дѣлѣ избранія новыхъ преподавателей пришли попечители округа, получившіе право назначенія профессоромъ, составъ совѣта, состоявшаго изъ однихъ ординарныхъ профессоромъ, всегда былъ крайне незначительный и недостаточный и это отражалось весьма неблагоприятно на его дѣятельности.

Избраніе декановъ и другихъ должностныхъ лицъ затруднялось крайне незначительнымъ составомъ членомъ совѣта. Вотъ тому одинъ рѣзкій примѣръ. Въ 1820 г. совѣтъ сообщалъ попечителю о выборѣ въ деканы этико-политическаго отдѣленія проф. Пауловича и при этомъ прибавлялъ, что деканы остальныхъ факультетовъ остались тѣ же, потому что кромѣ ихъ другихъ ординарныхъ профессоромъ на этихъ факультетахъ не было (а деканы избирались только изъ состава ординарныхъ профессоромъ). Училищный комитетъ долженъ былъ состоять кромѣ ректора изъ 6-ти ординарныхъ профессоромъ, а въ совѣтѣ было тогда только 6 человекъ.—кромѣ прозектора Джунковскаго,—профессоръ Делявинъ, Могилевскій, Книгинъ, Рейтъ, Пауловичъ и Дудровичъ (здѣсь не помѣщенъ только проф. Цильгеръ, но онъ по слабости здоровья отъ всѣхъ этихъ должностей отказался); поэтому новыхъ выборовъ произвести было невозможно—и по необходимости остались старые члены, такъ же точно какъ должны были остаться и прежніе члены испытательнаго комитета, за исключеніемъ того, что мѣсто Рейта занялъ Пауловичъ ²⁾. Идти дальше по пути оскуднѣнія было невозможно, и такой составъ совѣта былъ въ попечительство З. Я. Каріѣва и совпалъ съ изгнаніемъ ректора Осиповскаго! Неудивительно поэтому, что и Пауловичъ былъ избранъ тогда въ ординарные профессора—разборчивымъ и строгимъ совѣту оставаться было невозможно. Въ 1819 году было такое же положеніе дѣла: деканы должны были остаться тѣ же, что и раньше, потому что было только по одному ординарному профессору на факультетъ, исключая ректора и непремѣннаго засѣдателя; третьимъ членомъ испытательнаго комитета назначенъ былъ Джунковскій, опять таки потому что больше избрать было некого ³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 350/18.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 673/35.

Въ 1821 году самъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ сдѣлалъ запросъ попечителю округа З. Я. Кариѣву—не со-
гласенъ ли онъ удобнымъ, въ виду недостатка ординарныхъ профессоровъ,
опустить въ нѣкоторыя собранія адъюнктовъ. Попечитель въ свою оче-
редь обратился по этому поводу съ запросомъ къ проректору Джунков-
скому и далъ отвѣтъ, основанный на представленіи этого послѣдняго.
По мнѣнію его, экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ можно
было бы допустить въ члены училищнаго комитета, на должность визита-
торовъ по училищамъ, непремѣннаго засѣдателя въ правленіи, ин-
спектора студентовъ, но предоставить выборъ этихъ лицъ не совѣту, а
высшему начальству; о допущеніи экстраординарныхъ профессоровъ въ
совѣтъ, что было бы наиболѣе существенно и цѣлесообразно не гово-
рится ни слова ¹⁾.

Благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ А. А. Перовскимъ,
составъ профессорской коллегіи Харьковскаго университета нѣсколько
увеличился, но далеко не доходилъ всетаки до требуемой штатами
формы и былъ меньше состава ея въ первое десятилѣтіе университет-
ской жизни. Послѣ Перовскаго въ періодъ времени съ 1830 по 1835 г.
онъ сталъ уменьшаться: въ 1830 году былъ 21 ординарный профессоръ,
3 экстраординарныхъ, 3 адъюнкта, 2 лектора, 5 преподавателей; въ
1831 году—21 ординарный профессоръ, 5 экстраординарныхъ, 3 адъ-
юкта, 2 лектора, 4 преподавателя; въ 1833 году—1 заслуженный, 17 ор-
динарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ, 4 адъюнкта, 3 лектора,
3 магистра; въ 1834 году—17 ординарныхъ, 4 экстраординарныхъ,
4 адъюнктовъ, 2 магистра; въ 1835 году—15 ординарныхъ, 4 экстра-
ординарныхъ, 6 адъюнктовъ.

Выборными ректорами въ изучаемый нами періодъ времени были—
Осиповскій (въ 1815—1820 г.), Джунковскій (въ 1821—1824 г.), Дуд-
ровичъ (въ 1829—1830 г.), Еллинскій (въ 1830—1833 г.) и Кронебергъ
(въ 1833—1835 г.); назначенными безъ выбора совѣта—Кронебергъ
(въ 1826—1829 г.) и Джунковскій; послѣдній въ 1824 году былъ за-
слотированъ на должность ректора (избранъ былъ Книгинъ, а за его
отказомъ Комлишинскій и Кронебергъ), но попечитель исходатайство-
валъ назначеніе Джунковскаго „впредь до усмотрѣнія“. Удачными нужно
признать выборы Осиповскаго, Еллинскаго и Кронеберга; неудачными—
Джунковскаго и Дудровича.

Выборъ декановъ и членовъ училищнаго и испытательнаго коми-
тетовъ сильно затруднялся недостаточностью состава профессорской кол-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 771/41.

легіи. Выборы этих должностных лиц должны были происходить ежегодно и предполагалось, что коллегіи эти будутъ часто обновляться; а между тѣмъ, иногда выборы *фактически* упразднялись, потому что не изъ-кого было выбирать новыхъ членовъ этихъ комитетовъ. Благодаря этому, всѣ члены совѣта волей-неволей, независимо отъ своихъ способностей, вкусовъ и желаній, принуждены были занимать должности декановъ и членовъ вышеназванныхъ комитетовъ и, конечно, результаты подобнаго порядка вещей были печальные для интересовъ дѣла. Приведемъ для примѣра нѣсколько справокъ о лицахъ, состоявшихъ деканами въ разные годы. Въ 1816 г. деканами были—П. М. Шумлянский (на медицинскомъ факультетѣ), Ф. А. Делявинъ (на физико-математическомъ), Г. П. Успенскій (на словесномъ), Б. О. Рейтъ (на этико-политическомъ); въ 1817 г.—Книгинъ (на медицинскомъ), Делявинъ, Успенскій и Рейтъ; въ 1818 г.—тѣ же; въ 1819 г.—тѣ же; въ 1822 г. деканами были утверждены—Пауловичъ (на этико-политическомъ), Комлишинскій (на математическомъ), Книгинъ и Кронебергъ; послѣдніе два не баллотировались, потому что на медицинскомъ факультетѣ кромѣ Книгина было только два ординарныхъ профессора, изъ коихъ Громовъ состоялъ непремѣннымъ засѣдателемъ, а Пильгеръ по болѣзни не могъ исправлять никакой должности, на словесномъ же факультетѣ другимъ ординарнымъ профессоромъ былъ Джунковскій, состоявшій ректоромъ; въ 1823 г. деканами были избраны Могилевскій, Комлишинскій, Книгинъ и Кронебергъ; на 1824 г. были утверждены деканами тѣ же лица; на 1825 г.—Пауловичъ, остальные—тѣ же; на 1826 г.—тѣ же, а съ назначеніемъ Кронеберга ректоромъ Джунковскій; Пауловича, какъ юриста, попечитель просилъ назначить непремѣннымъ засѣдателемъ на мѣсто Громова, а на мѣсто Пауловича деканомъ—Даниловича (безъ выбора совѣта, въ 1828 г.—Даниловичъ (на этико-политическомъ), Комлишинскій, Книгинъ и Борзенковъ (на словесномъ). Любопытно, что на этико-политическомъ отдѣленіи некого было избрать въ секретари и таковымъ состоялъ профессоръ словеснаго факультета Куницкій, на мѣсто котораго совѣтъ избралъ потомъ кандидата Спасскаго, не утвержденнаго однако попечителемъ и потому замѣщеннаго Дьячковымъ въ 1829 г.—Даниловичъ, Архангельскій, Книгинъ и Дудровичъ; въ 1830 г.—Могилевскій, Сухомлиновъ, Гулакъ-Артемевскій; въ 1831 г.—проф. Могилевскій, Сухомлиновъ, Громовъ, Гулакъ-Артемевскій; въ 1832 г.—Могилевскій, Сухомлиновъ, Блюменталь (на медицинскомъ) и Кронебергъ (на словесномъ); въ 1833 г.—Могилевскій, Сухомлиновъ, Блюменталь и Гулакъ-Артемевскій (на словесномъ).

Одной из функций совета было избраніе почетныхъ членовъ университета. И здѣсь также мы должны констатировать факты упадка и эгресса. Въ почетные члены избранъ былъ цѣлый рядъ лицъ не за ченую дѣятельность, и не услуги, оказанныя университету, а только за вниманіе къ ихъ высокому рангу и предложенію попечителя: Перовскій же прямо отдавалъ въ этомъ смыслѣ приказы совету. Вотъ нѣкоторые относящіеся сюда факты. Въ 1815 г. избранъ былъ въ почетные члены Курскій гражд. губернаторъ Нелидовъ; въ 1816 г. — Лонгиновъ, резидентъ медико-хирургической академіи Вилье, попечитель Мововскаго округа Голенищевъ-Кутузовъ ¹⁾; въ 1817 г. — гр. Ал. Ланжеронъ за содѣйствіе школьному дѣлу въ Новороссіи и извѣстный архіепископъ Псковскій Евгеній; въ 1818 г. — гр. А. А. Аракчеевъ „въ знакъ признанія къ отличнѣмъ познаніямъ и заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству“, б. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, попечитель гр. С. О. Потоцкій ²⁾; въ 1819 г. — начальникъ штаба князь Волконскій, генералъ отъ инфантеріи гр. Каменскій, Малороссійскій военный губернаторъ князь Репнинъ, митрополитъ Петербургскій Михаилъ и Кіевскій Серафимъ, вице-адмиралъ Сарычевъ ³⁾; въ 1820 г. — князь-ябкаръ Шабановъ и проф. Лейпцигскаго университета Кларусъ (послѣдній для корреспонденціи съ жалованьемъ); въ 1821 г. — Петербургскій митрополитъ Серафимъ, епископъ Слободско-Украинскій Павелъ, докторъ Васильевичъ Карнѣвъ, исправляющій должность Таганрогскаго адонаначальника Шауфусъ, академикъ Загорскій, т. с. Григорій Ивановичъ Вилламовъ, д. ст. сов. Василій Михайловичъ Поповъ (директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія), кол. сов. Ст. Ан. Яковъ. Отвѣчая на благодарственнаго письмо В. М. Попова, попечитель Я. Карнѣвъ) писалъ. „Избраніе васъ въ это званіе сопровождалось совершеннымъ безпристрастіемъ. Советъ Харьковскаго университета въ этомъ случаѣ весьма справедливо принялъ во вниманіе вашу извѣстную любовь къ наукѣ и стремленіе къ чистому евангельскому просвѣщенію. Я рѣчно желаю, чтобы Господь, распространяя свѣтъ свой въ сословіи ученыхъ Харьковскаго университета, присоединялъ къ нему большее число подобныхъ членовъ, а потому усерднѣйше поздравляю ваше превосходительство съ новымъ титуломъ, по уму и сердцу вашему совершенно вамъ приличнымъ“ ⁴⁾; въ 1823 г. — ген.-лейт. графъ Воронцовъ, д. ст. сов. графъ Лаваль, Орловскій гражданскій губернаторъ Шредеръ,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1112/52.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. № 526/27.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г. № 47.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. № 829/45.

Руничъ и Магницкій. Въ 1823 г. извѣстный Магницкій прислалъ попечителю Е. В. Каряфеву рѣчь профессора Баженова, сказанную имъ 17 января, въ день обновленія Казанскаго университета. Попечитель, прочитавъ эту рѣчь и найдя въ ней „рѣдкія и назидательныя изъясненія, могущія служить къ истинному образованію юношества и къ утвержденію его въ благочестіи“, просилъ о высылкѣ за деньги 15 экземпляровъ ея для подвѣдомственныхъ ему высшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾. Въ томъ же году Магницкій былъ избранъ въ почетные члены Харьковскаго университета. Благодаря за это избраніе, онъ писалъ попечителю, „Покорнѣйше прошу ваше превосходительство препроводить къ г-ну ректору вѣреннаго вамъ университета прилагаемый при этомъ отвѣтъ мой на отношеніе, при коемъ доставилъ онъ ко мнѣ дипломъ на званіе почетнаго члена Харьковскаго университета. Изъяснивъ почтенному сословію его должную благодарность за честь, мнѣ оказанную, прошу и ваше превосходительство въ знакъ той чести, которая въ этомъ случаѣ принадлежитъ вамъ, принять увѣреніе мое, что не можетъ быть для меня пріятнѣе сопричтенія къ такому университету, въ которомъ трудами почтеннаго предмѣстника вашего и неуспыннымъ вашимъ попеченіемъ утверждень духъ благочестія и освящаетъ на пользу общую тѣ самыя науки, кои врагъ Божій стремился повсемѣстно обратить къ своимъ видамъ“ (28 января 1824 года). Е. В. Каряфевъ далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Поставляю себѣ въ пріятный долгъ принести вамъ, милостивый государь мой, искреннюю благодарность за лестное ваше къ подвѣдомому университету вниманіе. Я присовокуплю къ мысли вашей усердное мое желаніе, чтобы заведенный предмѣстникомъ моимъ въ кругу ученыхъ и мною поддерживаемый духъ благочестія самъ Господь благословилъ и утвердилъ для принесенія ожидаемыхъ благодѣтельными правительствомъ плодовъ, несмотря на сѣмьяя противникомъ Божиимъ плевелы“ ²⁾. Тогда же избранъ былъ въ почетные члены Харьковскаго университета не менѣе извѣстный сотрудникъ Магницкаго Д. Руничъ, отъ котораго также была получена благодарность совѣтомъ. А попечитель, отвѣчая ему, писалъ между прочимъ: „Поставляю себѣ въ пріятный долгъ искренно благодарить васъ за благосклонное ваше вниманіе къ Харьковскому университету, который избраніемъ васъ въ почетные члены выразилъ общій голосъ и уваженіе къ заслугамъ вашимъ и любви къ истинному просвѣщенію, на духѣ Евангелія основанному“ ³⁾. Но трудно, конечно, повѣрить тому, чтобы

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1040/57, стр. 48—49.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1026/56, стр. 6—9.

³⁾ Ibidem.

Магницкій и Руничъ были избраны въ почетные члены университета по общему голосу всѣхъ членовъ совѣта; здѣсь несомнѣнно дѣйствовала инициатива попечителя и бывшего его покорнымъ орудіемъ ректора Джунковскаго; въ 1824 г. были избраны—генераль отъ инфантеріи Балашовъ и профессора Варшавскаго университета Линде и Швейковскій, гр. Ливенъ, кн. Оболенскій, д. ст. сов. Булгаковъ ¹⁾; въ 1826 г. Перовскій предложилъ совѣту избрать въ почетные члены: тайн. сов. М. М. Сперанскаго, т. сов. сенатора гр. Григ. Влад. Орлова, ст. сов. кн. Плат. Александр. Ширинскаго-Шихматова, директора департамента мин. народн. просв. Языкова, изготovitъ для нихъ дипломы, прислать къ нему и впредь поступать такимъ же образомъ; въ 1828 г. были избраны и утверждены—министръ финансовъ Е. Ф. Канкринъ, сенаторъ В. И. Брозинъ, Харьковскій губернаторъ Мих. Кир. Грабовскій, генераль-адъютантъ А. Хр. Бенкендорфъ, гр. М. Ю. Вѣльгорскій (последній по прямому письменному предложенію попечителя А. А. Перовскаго); были избраны также совѣтомъ въ почетные члены еще въ 1827 г., но не представлены къ утвержденію по случаю пребыванія попечителя за границую слѣдующія лица—ректоръ Австрійскаго университета въ Прагѣ докторъ Гельдъ, профессоръ анатоміи въ томъ же университетѣ Кромбгольцъ, Бетигеръ, Гете, министръ Веймарскій Швейцеръ, Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, совѣтникъ посольства Ансильонъ, докторъ фонъ-Гунъ, директоръ Временскаго коммерческаго училища Мартенсъ; въ 1830 г.—бывшій попечитель Перовскій, статсъ-секретарь Балугіанскій, контръ-адмиралъ Рикордъ, генераль-маіоръ Головинъ, Слободско-Украинскій губернаторъ Мих. Ив. Каховскій и епископъ Виталій; въ 1831 г.—знаменитый Берлинскій профессоръ ген. штабъ-медикъ докторъ Карлъ фонъ-Грефе, оказавшій услуги и Харьковскому университету, Курскій губернаторъ П. Н. Демидовъ, Харьковскій губернский предводитель дворянства Андрей Ѳеодоровичъ Квитка (утвержденъ былъ только въ 1834 г.), директоръ департамента министерства юстиціи Пав. Ив. Дегай (утвержденъ былъ въ 1833 г.); въ 1834 г.—Воронежскій губернаторъ Бѣгичевъ, почетный попечитель Орловской гимназіи Милюковъ, Орловскій предводитель дворянства Шереметевъ, временный военный Слободско-Украинскій губернаторъ Никитинъ, товарищъ министра юстиціи д. ст. сов. графъ Панинъ, Слободско-Украинскій гражданскій губернаторъ ген.-м. князь Трубецкой, Новочеркасскій архіепископъ Аѳанасій, Слободско-Украинскій епископъ Инокентій, наказный атаманъ войска Донскаго Кутейниковъ 1-й ²⁾.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 2072/109.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло № 2169/134.

Болѣе или менѣе плодотворная дѣятельность коллегіи находится въ зависимости отъ преданности общественному дѣлу ея членовъ, отъ ихъ способностей. Среди дѣятелей изучаемаго нами періода въ исторіи университета рѣзко выдѣляется положительная личность одного только Осиповскаго, который однако является, такъ сказать, наслѣдіемъ перваго десятилѣтія. Такихъ же лицъ, какъ Рижскій, Тимковскій, мы теперь не видимъ. Среди новыхъ дѣятелей выдѣляются правда фигуры добросовѣстнаго труженника ректора Еллинскаго и умнаго, ученаго, энергичнаго ректора Кронеберга, но этому послѣднему пришлось на первыхъ порахъ дѣйствовать въ качествѣ назначеннаго, а не выборнаго ректора, и потому его отношенія къ товарищамъ профессорамъ отличались до нѣкоторой степени двойственнымъ характеромъ. Кронебергъ составилъ положеніе и штаты для проектированнаго имъ института казеннокоштныхъ студентовъ, а также инструкцію для инспектора. Инструкція составлена умно, но въ ней чувствуется человѣкъ, слишкомъ вѣрившій въ силу бумажнаго указа. Исполнять вполне добросовѣстно свои обязанности по требованію этой инструкціи никакой инспекторъ конечно не могъ бы, при всемъ своемъ усердіи и стараніи, хотя авторомъ проекта въ его требованіяхъ руководили самыя лучшія побужденія. Съ другой стороны и жизнь студентовъ была уже слишкомъ стѣснена этой инструкціей: инспекторъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они всегда готовились къ лекціямъ и повторяли ихъ, чтобы сидѣли въ аудиторіяхъ чинно, чтобы не перемѣняли своихъ квартиръ безъ его разрѣшенія и т. п. Вообще въ основу инструкціи положена идея самаго строгаго повиновенія и субординаціи. Исходя изъ той же идеи, Кронебергъ проектировалъ, чтобы вопреки университетскому уставу, инспекторъ назывался на неопредѣленный срокъ ректоромъ, а не избирался совѣтомъ ¹⁾.

Новыя вѣянія естественно измѣнили и тѣ требованія, которымъ должны были удовлетворять университетскіе дѣятели. Осиповскій долженъ былъ преждевременно сойти со сцены, потому что не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ попечителя З. Я. Карѣева—и его мѣсто занялъ Джуконковскій — человѣкъ совершенно противоположнаго склада убѣжденій и характера. Да и впослѣдствіи былъ спросъ на такихъ дѣятелей, какъ Дудровичъ, Байковъ, Пауловичъ, Венедиктовъ. Инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ былъ до 1822 г. Дудровичъ (въ теченіе 2 лѣтъ), а затѣмъ его смѣнилъ Пауловичъ, бывшій раньше инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ. Попечитель Карѣевъ рекомендовалъ его, какъ чело-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 350/18.

ѣка съ христіанскими правилами, могущаго принести университет у великую пользу. Но въ 1826 г. онъ вышелъ въ отставку, повидимому не безъ вліянія столкновенія съ ректоромъ Кронебергомъ, создавшимъ въ это время особую инструкцію для инспекторской должности. Въ преемники ему совѣтъ избралъ проф. Даниловича, но тотъ рѣшительно отказался отъ этой обязанности, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ должныхъ способностей къ ней, недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, другими причинами и, наконецъ, неимѣніемъ собственнаго экипажа, столь необходимаго въ Харьковѣ для посѣщенія студентовъ. Тогда попечитель Перовскій собственною властью, безъ законнаго выбора совѣта, назначилъ на эту должность экстраординарнаго профессора (по уставу совѣтъ долженъ былъ избирать инспектора изъ ординарныхъ профессоровъ) Байкова, который дотолѣ занималъ должность субъ-инспектора. ходатайствуя объ утвержденіи его въ должности, А. А. Перовскій въ то же время просилъ прибавить ему 800 руб. жалованья изъ хозяйственныхъ средствъ университета за исполненіе обязанностей инспектора своекоштныхъ студентовъ. Министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ вносилъ это ходатайство на разрѣшеніе комитета министровъ, который уважилъ его, и оно было Высочайше одобрено. Характеристику Байкова, какъ инспектора, мы представимъ впоследствии ¹⁾.

Пауловичъ представлялся *идеальнымъ* общественнымъ университетскимъ дѣятелемъ попечителю Филатьеву и вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ онъ его заслуги. Въ 1831 году самъ Пауловичъ ходатайствовалъ передъ совѣтомъ о предоставленіи ему званія заслуженнаго профессора и попечитель далъ о немъ самый благопріятный отзывъ, говоря, что онъ проходилъ свою службу съ отличнымъ усердіемъ, безкорыстіемъ, примѣрною нравственностью, обширными познаніями и благонамѣреннымъ образомъ мыслей. Сообщая совѣту объ утвержденіи его въ этомъ званіи, попечитель считъ нужнымъ предъ всѣми изъявить уваженіе свое къ заслугамъ почтеннаго профессора, достойнаго носителя своего званія и указать на усердіе его и непрерывное стремленіе къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей, примѣрный образъ мыслей и дѣйствій, чистоту Характера. *уваженіе къ властямъ и начальству*; не могу не прибавить, продолжалъ Филатьевъ, какъ пагубно для юношества, когда составники ихъ между собою ссорятся, другъ друга повсюду, разными способами ищутъ вредить одинъ другому, порицаютъ дѣйствія властей и начальства — все это имѣетъ вредныя послѣдствія какъ для университета, такъ и для самихъ таковыхъ членовъ его ²⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

Для характеристики дѣтельности совѣта, какъ коллегіи, мы имѣемъ еще любопытный матеріалъ — это замѣчанія и выговоры, высказанные по адресу его попечителями округа.

Въ 1819 году попечитель З. Я. Карнѣевъ сдѣлалъ выговоръ совѣту за то, что въ теченіе двухъ лѣтъ не приведена была въ извѣстность потеря книгъ университетской библіотеки въ бытность библіотекаремъ проф. Дегурова ¹⁾.

Попечитель А. А. Перовскій еще въ 1825 году указалъ совѣту, что меморіалы дѣль, отсылаемые къ министру, грѣшатъ неясностью, растянутостью и неопредѣленностью; на то же обстоятельство указывалъ онъ и въ 1826, и въ 1827 году. Свое неудовольствіе попечитель выразилъ также по поводу слишкомъ поздняго увольненія изъ университета студентовъ, за нерадѣіе, безусиѣшность и неблагонадежность поведенія ²⁾. Онъ же сдѣлалъ совѣту и университетскому начальству цѣлый рядъ замѣчаній за медленность и неаккуратность въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ. Въ январѣ 1827 г. Перовскій писалъ ректору Кронебергу, что университетъ, получивъ запросъ отъ попечителя или высшаго начальства, вмѣсто того, чтобы самому найти эту справку въ архивѣ, разсылаетъ запросы къ директорамъ училищъ, отъ которыхъ приходится ждать отвѣта по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ апрѣлѣ попечитель снова ставилъ на видъ университету, что онъ запаздываетъ съ отвѣтами даже на вопросы, возбуждаемые по Высочайшему повелѣнію, при чемъ Харьковская дирекція, которая могла бы отвѣтить черезъ нѣсколько часовъ, отвѣчаетъ позже другихъ, даже Кавказской. Въ іюлѣ попечитель отмѣчалъ, что совѣтъ въ своихъ отвѣтахъ упускалъ изъ виду важныя обстоятельства дѣла, что умножало переписку, и давалъ неясные отвѣты ³⁾.

Въ 1828 году попечитель А. А. Перовскій сдѣлалъ цѣлый рядъ серьезныхъ замѣчаній совѣту. Онъ предписывалъ ему давать отдѣльные отвѣты на каждое его предложеніе. Онъ ставилъ ему на видъ крайне равнодушное отношеніе къ замѣщенію каедръ русскими питомцами университетовъ согласно объявленной Высочайшей волѣ; здѣсь онъ между прочимъ писалъ. „Университетъ обращаетъ вниманіе на одни только затрудненія и неудобства въ исполненіи по этому предмету, а не на средства къ отвращенію ихъ, между тѣмъ какъ мною предложено не ограничиваться моими распоряженіями и присовокупить со своей стороны, что признаетъ онъ, сообразно мѣстнымъ и другимъ

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Предл. поп. 1819 г.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Предл. поп. 1827 г.

³⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло поп. 1224/69.

обстоятельствамъ, нужнымъ и полезнымъ для успѣшнаго и вѣрнѣйшаго достиженія предположенной правительствомъ цѣли, донося мнѣ о всякомъ такомъ распоряженіи безъ малѣйшаго промедленія времени. Но университетъ доселѣ еще въ сущности ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что одного изъ студентовъ нашелъ неспособнымъ, другого поставлено только освидѣтельствовать въ отношеніи здоровья, а о прочихъ не знаетъ, согласятся ли родители ихъ. Но приняты ли со стороны университета какія-либо мѣры къ отобранію такоговаго согласія, объ этомъ не говорится ни слова. При этомъ развѣ не слѣдовало бы прежде всего проэкзаменовать ихъ и потомъ уже, убѣдившись въ ихъ способностяхъ, вѣстись съ ихъ родителями и въ тоже время неупустительно заняться ихъ подготовкою. Не мало удивляетъ меня также и то, что совѣтъ по нѣмъ не нашелъ возможности получить рѣшительнаго отзыва отъ находящихся *при университетѣ* кандидатовъ, имѣя на то Высочайшее повелѣніе. Необходимыя для изученія иностранныхъ языковъ книги слѣдуетъ доставить кандидатамъ да и вообще при единодушномъ стремленіи къ общей пользѣ всякія препятствія легко устранить. А для обмѣненія проф. Куницкаго я его освобождаю отъ преподаванія всеобщей исторіи“.

Въ вѣдомостяхъ и счетахъ, представленныхъ университетомъ чрезъ попечителя министру, оказались ошибки—за это А. А. Перовскій сдѣлалъ университету формальный выговоръ и прибавилъ, что за все это будетъ неукоснительно взыскивать съ виновныхъ.

Въ училищномъ комитетѣ обнаружили безпорядки и совѣтъ подаивствовалъ о назначеніи секретаремъ комитета не адъюнкта, какъ того требовалъ уставъ, а посторонняго чиновника. Попечитель заявилъ, что онъ не можетъ согласиться на это, во 1-хъ, потому что должность секретаря требуетъ не только „опытнаго и дѣятельнаго чиновника“, но перхъ того и образованнаго, имѣющаго по ученой части надлежащія свѣдѣнія и могущаго понимать сущность и важность училищныхъ дѣлъ; во 2-хъ, ни одинъ изъ преподавателей университета не бываетъ занятъ лекціями болѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю; засѣданія же училищнаго комитета происходятъ по 2 раза въ недѣлю; слѣдовательно, при надлежащемъ усердіи, дѣятельности и вниманіи всякій преподаватель, не раздѣченный другими посторонними обязанностями, легко можетъ успѣть съ томъ и другомъ занятіи, особенно имѣя такихъ помощниковъ, какъ вытчкики, протоколисты; въ 3-хъ, при производствѣ дѣлъ по комитету обвѣщать ихъ, уразумѣть должнымъ образомъ и управлять ими несравненно удобнѣе и легче можетъ адъюнктъ или магистръ, нежели кто-либо изъ простыхъ недоучившихся канцелярскихъ чиновниковъ и это

особенное значеніе имѣть въ отношеніи училищнаго комитета, члены котораго перемѣняются ежегодно. Причемъ не могу также не замѣтить университету, писалъ попечитель, что перемѣщеніе канцелярій, о чемъ упоминается въ донесеніяхъ профессоровъ Комлишинскаго и Дудровича, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить извиненіемъ въ безпорядкахъ и упущеніяхъ по нимъ, ибо такое перемѣщеніе случалось не всякій годъ (не говорю уже мѣсяцъ и день), и было достаточно времени для приведенія всего въ надлежащій порядокъ, если бы безпечность и невниманіе къ должности, по свидѣтельству тѣхъ же профессоровъ, не распространялись на тѣхъ же канцелярскихъ служителей комитета“.

Попечитель по Высочайшему повелѣнію затребовалъ отъ университета вѣдомостей объ остаточныхъ суммахъ за 1827 и прежніе годы съ указаніемъ мѣста храненія ихъ. Университетъ заявилъ, что нѣкоторыхъ свѣдѣній невозможно доставить и сослался при этомъ на бухгалтера своего Прокофьева. А. А. Перовскій призналъ, что причины, не позволяющія доставить требуемыхъ свѣдѣній, недостаточны и наоборотъ даютъ поводъ заключать о безпорядкахъ по счетной части въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что другіе университеты ихъ представили. Такимъ образомъ отсутствіе ихъ нужно приписать исключительно недостатку вниманія членовъ совѣта къ требованіямъ высшаго начальства, а также нерадѣнію или неразумнію своего дѣла со стороны чиновниковъ, непосредственно завѣдующихъ этимъ дѣломъ. Вслѣдствіе всего изложеннаго попечитель призналъ необходимымъ отправить эстафету на счетъ членовъ совѣта и строжайше предписалъ исполнить въ точности его приказаніе.

Скоро А. А. Перовскій опять долженъ былъ напоминать университету о промедленіяхъ въ полученіи свѣдѣній отъ дирекцій училищъ, при чемъ особенно запаздывали отвѣты отъ Харьковской. Новое замѣчаніе было сдѣлано совѣту А. А. Перовскимъ по поводу того, что онъ заслушалъ его предложеніе и не сообщилъ своего рѣшенія по этому вопросу. „Приписывая таковое молчаніе неисправности и недостатку вниманія членовъ совѣта къ предписаніямъ начальства, я считаю долгомъ обратить на это вниманіе университета и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаю, чтобы отвѣтныя донесенія университетскихъ присутственныхъ мѣстъ были ясны, точны и въ полной мѣрѣ удовлетворительны, дабы не было надобности повторять объ одномъ и томъ же предметѣ по нѣсколько разъ, какъ то доселѣ нерѣдко случалось“. Вскорѣ послѣ этого было поставлено совѣту на видъ, а секретарю его Павловскому сдѣлано замѣчаніе за противорѣчивое представленіе начальству. Адъюнкты Сокальскій отказался принять должность секретаря училищнаго коми-

та по недостатку навыка и обширности дѣлъ въ немъ. Попечитель не принялъ во вниманіе этой отговорки. „Человѣку съ умомъ, возражалъ онъ на это, и достаточнымъ образованіемъ навыкъ легко приобрѣсти упражненіемъ и вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ; дѣятельность же и обширность занятій не должны устрашать никого изъ слушающихъ чиновниковъ, а тѣмъ болѣе молодого человѣка, коему этимъ самымъ открывается случай оправдать снисходительное вниманіе къ нему высшаго начальства дѣйствительными трудами и заслугами, которыхъ оно вправѣ ожидать и требовать отъ него. Что же касается до объясненія совѣта, будто не только три чиновника (отказавшіеся Фимаѣитскій, Гулакъ-Артемовскій и Сокальскій), но и вообще изъ всѣхъ служащихъ при университетѣ по учебной части никто къ занятію должности секретаря училищнаго комитета не способенъ и не можетъ изъяснить того, чтобы не дѣлать важныхъ упущеній, то неосновательность этого уже показана мною раньше. При этомъ изъ дѣлъ канцеляріи видно, что профессоръ Комлишинскій, будучи адъюнктомъ, исполнялъ обязанности секретаря безъ упущеній. Къ этому не могу не прибавить, что подобныя неправильныя мнѣнія на счетъ исполненія обязанностей службы могутъ быть вредны для подвѣдомственныхъ университету лицъ, особенно склонныхъ къ бездѣйствію, ибо весьма естественно, что такія чиновники, вмѣсто опасенія законнаго взысканія за всякую несправность и упущеніе по должности, будутъ искать оправданій въ мнѣніи своего начальства на счетъ мнимой трудности и невозможности быть исправнымъ, какъ того требуютъ отъ всякаго долгъ службы и обязанность подчиненнаго. А какъ при томъ вообще замѣчено мною, что нѣкоторые изъ членовъ университета какъ бы тяготятся обязанностями, на нихъ лежащими, и потому заботятся повидимому не объ исполненіи ихъ, какъ надлежитъ, но болѣе объ изысканіи предлоговъ и уклоненію отъ нихъ, то и на будущее время приму должныя мѣры къ снятію съ нихъ этого бремени. А между тѣмъ подтверждаю университету имѣть неослабное наблюденіе, чтобы какъ чиновники его, такъ и всѣ подвѣдомственныя ему лица и мѣста исправляли свои должности неупустительно, со всею надлежащею заботливостію и усердіемъ“. Недоволенъ остался попечитель и присланнымъ изъ совѣта каталогомъ дублетныхъ книгъ, а затѣмъ и меморіаломъ совѣтскихъ дѣлъ; изъ этого послѣдняго онъ усмотрѣлъ явный беспорядокъ въ дѣлопроизводствѣ, ибо члены совѣта, не присутствуя въ его засѣданіяхъ, подписываютъ протоколы, не читая ихъ. Попрежнему, по словамъ, отъ совѣта поступили къ нему представленія, не отличающіяся ясностью, опредѣленностью и точностью. Недоволенъ былъ А. А.

Перовскій и тѣмъ, что совѣтъ, дѣлая ему свои представленія, часто не излагалъ при нихъ своихъ мнѣній. Строгое замѣчаніе правленію было сдѣлано попечителемъ по дѣлу о принятіи въ студенты исключеннаго изъ Харьковскаго коллегіума воспитанника Чугуева, а секретарь правленія Цыганенковъ былъ имъ за это уволенъ отъ должности ¹⁾.

Въ 1829 г. А. А. Перовскій продолжалъ дѣлать замѣчанія совѣту по поводу его неясныхъ и недостаточныхъ представленій. Профессоръ Брандейсъ не съ должнымъ приличіемъ требовалъ, чтобы ему перевели по нѣмецки или по латыни выписку, данную изъ правленія. Попечитель сдѣлалъ ему за это замѣчаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ совѣту, что университетъ не могъ считать этого перѣвода дѣломъ его не касающимся, ибо для этого имѣется особый переводчикъ, да и членамъ совѣта было бы не трудно это сдѣлать, ибо они не могутъ не сознавать, что должны помогать другъ другу и облегчать, а не затруднять одинъ другого какими-либо личными распрями, отъ коихъ не можетъ произойти для нихъ ни пользы, ни славы ²⁾.

Дѣлая общую оцѣнку этимъ замѣчаніямъ, слѣдуетъ замѣтить, что они касаются не столько самой сущности дѣятельности совѣта, сколько его канцелярскаго дѣлопроизводства. Затѣмъ мы должны привести отзывъ о дѣятельности членовъ разныхъ университетскихъ комитетовъ, принадлежащій чрезвычайно усердному и добросовѣстному предсѣдателю совѣта ректору Еллинскому. Въ 1831 г. ректоръ Еллинскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ свидѣтельствовалъ объ усердной службѣ профессоровъ въ разныхъ коллегіяхъ. „Въ правленіи непремѣнный засѣдатель попрежнему содержалъ въ наилучшемъ порядкѣ теченіе канцелярскихъ дѣлъ, а деканъ Сухомлиновъ былъ найчаще мною употребляемъ для разбора дѣлъ, требовавшихъ особеннаго вниманія и запутанныхъ, что и исполнялъ съ усердіемъ и къ совершенному удовлетворенію всѣхъ. Въ совѣтѣ секретарь Комлишинскій преимущественно отличался усердіемъ своимъ: канцелярія совѣтская, бывшая до него наименѣе исправною, поставлена имъ на желанную степень совершенства. Въ училищномъ комитетѣ занимались передъ прочими наиболѣе г. Архангельскій, коему поручались для разбора многія бумаги, требовавшія особенныхъ соображеній, и г. Комлишинскій, надзиравшій за теченіемъ дѣлъ. Не могу также умолчать передъ вашимъ превосходительствомъ о примѣрной дѣятельности инспектора студентовъ въ исправленіи его многотрудной и заботной должности. Ваше превосходительство! Повергая это мнѣніе мое на ваше благоусмотрѣніе, руководствуюсь всегдашнимъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Предл. поп. 1828 г.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Предл. поп. 1829 г.

оимъ правиломъ воздавать каждому свое и сердечнымъ желаніемъ изъ-
вить передъ высшимъ начальствомъ совершенную свою благодарность
какъ всѣмъ товарищамъ моимъ по распорядительной части занятій уни-
верситетскихъ, такъ преимущественно поименованнымъ выше лицамъ
и ту помощь, которою пользовался я отъ нихъ и которая столь много
пособствовала къ надлежащему теченію дѣлъ въ университетѣ. Не-
изменно счастливымъ почту я себя, если ваше превосходительство, увѣ-
рившись въ точности моихъ показаній, обратите благосклонное вниманіе
на труды профессоровъ и изъясните его отъ вашего лица, какъ будетъ
загодно вашему превосходительству. Этимъ подкрѣпите усердіе въ-
новниковъ университета и возбудите соревнованіе, коего послѣдствія
будутъ быть блистательны для заведенія, ввѣреннаго вашему превосхо-
дительству“¹⁾.

Духъ времени замѣтно сказался и на дѣятельности университет-
наго цензурнаго комитета. Еще въ 1815 г. запрещено было печатать
периодическихъ изданійхъ политическія статьи, не опубликованныя
официальныхъ органахъ. Кн. А. Н. Голицынъ, сдѣлавшись мини-
стромъ народнаго просвѣщенія, обратился въ 1818 г. съ такимъ цирку-
ломъ въ цензурный комитетъ Харьковского университета. „По со-
ображеніямъ моимъ нахожу, что какъ до изданія устава о цензурѣ,
такъ и послѣ этого вообще выходили и могли выходить у насъ книги,
чуждыя содержанію въ отношеніи къ духу правительства и религіи могло
тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени весьма противно быть при-
натымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ
Государя Императора, вводитъ и укоренять старается. Вслѣдствіе того
долгу званія моего обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня
мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей
нравильныхъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. Почему, обращая на
этотъ предметъ вниманіе вашего превосходительства, прошу пред-
ложить Харьковскому цензурному комитету, чтобы онъ, при разсмотрѣ-
ніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ,
третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше,
были подобныя мѣста въ книгахъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ,
противныя религіи христіанской, обнаруживающія или вольнодумство
безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своеволие революціон-
наго необузданности, мечтательнаго философствованія или же опорочи-
тельныя догматы православной нашей церкви и тому подобное, были
непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде
книгахъ и находились. Я желаю, чтобы такія мѣста, когда встрѣтятся

¹⁾ Харьк. унв. архивъ. Дѣло поп. № 1502/86.

въ книгахъ, были представляемы мнѣ для свѣдѣнія. Равнымъ образомъ и цѣлыя такія книги, буде бы оказались, были бы удерживаемы и представляемы мнѣ съ мнѣніемъ о нихъ цензурнаго комитета и вашимъ. Я увѣренъ, что вы, войдя сами въ точную цѣль благотворныхъ намѣреній правительства, не оставите употребить всего, отъ васъ зависящаго попеченія, дабы они приводились въ точное исполненіе и во всякомъ случаѣ ничего противнаго правиламъ христіанства и нашей православной церкви не было допускаемо¹⁾. Разрѣшая въ 1818 году университету изданіе „Харьковскихъ Извѣстій“, кн. А. Н. Голицынъ распорядился, чтобы политическія извѣстія черпались не изъ Варшавскихъ, а изъ Петербургскихъ газетъ. Въ томъ же году запрещено было печатать тяжёбныя дѣла и переданы были въ медицинскую цензуру сочиненія, касающіяся пищи и питья. Въ 1819 году были внушенія комитету за изданіе ректора коллегіума Прокоповича—нѣчто въ родѣ календаря—„Подарокъ молодымъ хозяйкамъ“, такъ какъ изданіе календарей было монополіей Академіи наукъ. Тогда-же велѣно было цензурнымъ комитетамъ внимательно просматривать и прописи, въ виду обнаруженной въ одной изъ нихъ безсмыслицы. Въ томъ же году цензура медицинскихъ книгъ была изъята изъ вѣдѣнія университетовъ и передана исключительно въ распоряженіе медико-хирургической Академіи²⁾. О томъ, какія цензурныя затрудненія приходилось въ это время испытывать журналу „Украинскій Вѣстникъ“, мы скажемъ впоследствии. Въ 1821 году министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ издалъ указъ, запрещающій говорить о современномъ политическомъ положеніи крестьянъ въ Россіи, такъ какъ выяснилось, что напечатанная въ „Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ“ за 1820 годъ статья вызвала неповиновеніе крестьянъ, продававшихся Полтавскимъ помѣщикомъ Кочубеемъ Свѣчиной и Новикову. Статья же эта говорила, что Государь Императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свою свободу и что главное средство къ возведенію русскаго государства на высшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ какъ существамъ разумнымъ³⁾. Въ 1825 году запрещено было разъ навсегда печатать въ журналахъ статьи о военныхъ поселеніяхъ кромѣ тѣхъ, которыя могли быть сообщены самимъ графомъ Аракчеевымъ⁴⁾. Тогда же запрещено было сообщать

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 399/19.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 574/29.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 797/43.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Предложенія попечателя 1825 г., стр. 198.

тъ газеты, безъ разрѣшенія начальства, статьи о торжествахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1826 году было сдѣлано распоряженіе о присылкѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по 3 экземпляра всѣхъ журналовъ и альманаховъ и запрещено было кому бы то ни было публиковать бумаги покойнаго генерала Палена. Въ университетѣ доставились списки заграничныхъ изданій, запрещенныхъ русскою цензурою. На основаніи цензурнаго устава 1828 года въ Харьковѣ долженъ былъ открыться цензурный комитетъ, но министр, по малочисленности изданій, изъ экономіи, распорядился не открывать его, а прибавить въ Московскомъ одного лишняго цензора. Въ 1831 году попечитель хотѣлъ открыть при Харьковскомъ университетѣ цензурнаго комитета, ссылаясь на то, что многіе профессора стѣсняются посылать свои рукописи въ Москву, а университетъ могъ бы издавать журналъ учебныхъ книги; но получилъ отказъ на томъ основаніи, что число книгъ, издаваемыхъ въ Харьковскомъ округѣ значительно не возросло; журналъ же можетъ университетъ издавать подъ своею цензурою ¹⁾. Въ томъ же 1831 году велѣно было доставлять въ 3-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по 1 экземпляру всѣхъ журналовъ и альманаховъ. Ежемѣсячно цензурнымъ комитетомъ харьковскаго университета представлялись въ 3 экземплярахъ попечителю вѣдомости объ одобренныхъ къ изданію рукописяхъ, съ обозначеніемъ ихъ заглавія, имени автора или издателя, цензора и типографіи. Изъ этихъ вѣдомостей можно убѣдиться, что число изданій въ это время было меньше, чѣмъ въ первое десятилѣтіе.

Всѣ эти распоряженія, конечно, тяжело отражались на состояніи общественной научно-литературной дѣятельности и приводили не къ росту, а къ ослабленію и къ упадку ея, на который жаловался помощникъ попечителя графъ Панинъ въ 1835 году, тщетно старавшійся стряхнуть съ себя унынія, равнодушія и апатіи съ профессоровъ. Но тѣ мѣры, которыя примѣняли къ Харьковскому университету З. Я. Карнѣевъ, Е. В. Карнѣевъ, А. А. Перовскій и В. И. Филатьевъ принесли свои плоды — оживляли этотъ фундаментъ, на которомъ прочно держался университетскій бытъ въ первое десятилѣтіе существованія университета — уставъ 1804 года — и явилась необходимость въ реформѣ, которая бы отвѣтствовала духу и вѣяніямъ времени, настроенію правящихъ сферъ, какою реформою оказался уставъ 1835 года.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1575/92.

2-я ГЛАВА.

Материальные средства, строительная деятельность и учебновспомогательные учреждения университета.

Нужды и потребности университета постоянно возрастали, в связи с развитием его деятельности, а между тем штаты его оставались без изменения в течение 30 лет, до введения нового университетского устава. Несколько раз поднимался вопрос об увеличении этих штатов и в частности о прибавке жалованья профессорам, вследствие падения денежного курса и связанного с ним всеобщего вздорожания товаров; но эти попытки ни привели ни к чему. Само собою разумеется, что это обстоятельство неблагоприятно отражалось на всей деятельности университета, не только хозяйственной, финансовой, но и учебной, потому что одна находится в тесной зависимости от другой. По штату на содержание университета, как мы знаем, положено было 130000 руб. В первое десятилетие существования университета от этой суммы бывали постоянные и притом довольно значительные остатки. В изучаемый нами период времени были также остатки от содержания личного состава преподавателей, потому что действительное число их было всегда значительно ниже штатного; были остатки и по другим статьям, но по некоторым из них назначенные по штату суммы оказывались недостаточными и в 1822 г. Харьковский университет возбудил через попечителя ходатайство об увеличении штатов на счет хозяйственных сумм. На библиотеку полагалось по штату 1000 руб., а нужно было добавить по действительным расходам до 3000 руб., на содержание клиники и университетской больницы полагалось 5000 руб., следовало прибавить еще 5000 руб., на вознаграждение чиновников университета полагалось 4400 руб., а нужно было прибавить 10600 руб., на журналы и газеты к 500 руб. прибавить 1000 руб., на жалованье сторожам к 3261 р.—6738 руб., на содержание строений к 8800 р.—11200 руб.; всего требовалось прибавки 64500 руб. Эта прибавка вызывалась главным образом вздорожанием жизни в Харькове и развитием деятельности университета. В 1804 году стопа бумаги стоила 2 руб. 50 коп., фунт лучшего сургуча—1 р. 75 к.—2 р., сторожа получали жалованья по 4, 5 и

р. мѣсяцъ, сажень дровъ стоилъ 5 р. 35 к., пудъ салыныхъ свѣчей—
р.—5 руб. 50 к., четверть ржаной муки—отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 60 к.;
въ 1819 году стопа бумаги стоила не менѣе 7 руб., фунтъ сургуча—
р. 50 к.—6 р. 70 к., четверть ржаной муки—11 р. сажень дровъ—
отъ 15 до 20 р., пудъ салыныхъ свѣчей—15 р. 50 к., служители полу-
чили по 12 руб. въ мѣсяцъ, т. е. иными словами, цѣны удвоились и
еще утроились. Замѣтимъ кстати, что на нѣкоторыя учебновспомога-
тельные учрежденія вовсе не полагалось штатныхъ суммъ, напримѣръ,
в нумизматическій и минералогическій кабинеты. Министръ отвѣтилъ,
что онъ не можетъ удовлетворить этого ходатайства, тѣмъ болѣе, что
не знаетъ размѣра хозяйственныхъ суммъ университета, но вмѣстѣ съ
этимъ находитъ, что испрашиваемая прибавка чрезмѣрна; самовольное
перерасходование штатныхъ суммъ было поэтому строжайше воспре-
щено и повелѣно путемъ сокращеній войти въ штатную норму ¹⁾.

Нужно сознаться впрочемъ, что формально финансовое положеніе
университета, въ предѣлахъ его штатныхъ и экономическихъ суммъ,
смотря на паденіе курса, было довольно удовлетворительное. Чтобы
судиться въ этомъ, стоитъ только взять нѣсколько его годовыхъ
дѣловъ. Въ 1816 году прихода было 209446 руб., а расхода—
26603 р., остатка—56843 р. (въ томъ числѣ остатка штатной суммы
132 р.) ²⁾. Въ 1817 г. всего въ приходѣ было 199669 р., а въ ра-
ходѣ—194034 р., въ остаткѣ 5634 р. ³⁾. Въ 1819 г. всего прихода
было 296377 р., а за расходомъ осталось—18092 р. (въ томъ числѣ
штатной—9305 р.); сверхъ того университету принадлежалъ капиталъ
602640 р. ⁴⁾. Этотъ капиталъ составилъ главнымъ образомъ изъ
пожертвованій, сдѣланныхъ дворянствомъ и другими сословіями при
основаніи университета. Уплата пожертвованій, затянувшись на долгій
рокъ, продолжалась и въ изучаемый нами періодъ. Въ 1822 г. уни-
верситетъ владѣлъ капиталомъ въ 492745 р., изъ коего нужно было от-
числить на постройку университетскихъ зданій 103701 р. (прежде на
этотъ предметъ изъ того же капитала было израсходовано 397897 р.).
Сверхъ того университету нужно было получить 70312 р. изъ государ-
ственного казначейства за полицейскій домъ и 202564 р. недоимокъ—
искободскоукраинскаго дворянства—102859 руб., съ екатеринослав-
скаго—33910, херсонскаго—24488, харьковскаго купечества—13640 р.,
г. Ахтырки—13000 р., съ г. Валокъ—6000 р., съ г. Богодухова—

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 852/46.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 313/60.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1853/113.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1835/112.

4290 р., съ г. Харькова—2000 р., съ г. Сумъ—374 р. ¹⁾. Такимъ образомъ, только благодаря „патріотическому приношенію“ сословія, Харьковскій университетъ могъ осуществить необходимыя для него постройки: казна для этого не отпустила ему почти ничего; изъ этихъ же суммъ были произведены уплаты за дома, уступленныя университету другими вѣдомствами. Капиталь „патріотическаго приношенія“ постоянно возрасталъ благодаря новымъ поступленіямъ, приращенію процентами и прибавленію къ нему остатковъ отъ штатной и хозяйственной суммъ. Въ 1826 г. прихода было 291317 р., а расхода—257793 р., остатка—33524 р. (въ томъ числѣ остатка отъ штатной суммы—21222 р.) да банковыми билетами съ процентами—636807 р. Такимъ образомъ несмотря на то, что огромныя затраты хозяйственныхъ суммъ были сдѣланы на постройку новыхъ университетскихъ зданій и передѣлку старыхъ, университетъ всетаки владѣлъ спеціальнымъ капиталомъ болѣе чѣмъ 600000 р. Штатной суммы въ 1829 г. было получено 124000 р., хозяйственной—87417 р.; всѣхъ суммъ въ приходѣ было 247825 р.; осталось за расходами штатной, причисленной къ хозяйственной,—14092 р., хозяйственной—7436 р.; всего въ остаткѣ было 31261 руб. Кромѣ того университетъ владѣлъ капиталомъ въ 303620 р., на который наросло 34771 р. процентовъ ²⁾. Изъ этого видно, что спеціальныя капиталы университета въ это время значительно уменьшились—ровно вдвое. Къ 1-му ноября 1830 года было въ наличности 387486 р.; въ теченіе года поступило 299175 р., всего въ приходѣ было 686662 р.; израсходовано—258145 р., въ остаткѣ—428517 р. ³⁾. Такимъ образомъ, и въ началѣ, и въ концѣ изучаемаго нами періода финансовыя средства университета были сравнительно въ хорошемъ состояніи, хотя конечно, упадокъ курса давалъ себя постоянно чувствовать и отражался на существѣ дѣла: университетское начальство сводило концы съ концами, получались даже остатки, но это потому что старались не выходить изъ смѣты, и, слѣдовательно, сокращали дѣйствительные расходы сравнительно съ потребностями, которыя между тѣмъ постоянно возрастали и расширились. Замѣтнѣе всего это должно было сказаться на строительной дѣятельности университета. Осуществить проектъ построекъ на землѣ Харьковскаго университета по Сумскому шоссе оказалось невозможнымъ вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливавшейся дороговизны и потому пришлось отказаться отъ него и остановиться на постройкахъ и перестройкахъ временныхъ помѣщеній.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 903/50.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1450/83.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1617/94.

Обратимся теперь къ строительной дѣятельности университета, имѣвшей въ виду преимущественно помѣщенія для его учебновспомогательныхъ учреждений. Мы видѣли, что въ первое десятилѣтіе существованія университета только вели переписку о постройкѣ грандіозныхъ университетскихъ зданій на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время видвигнуты клиники, т. е. по Сумскому шоссе, частью на купленной, частью на пожертвованной войсковыми обывателями землѣ. Планъ этихъ построекъ, составленный Васильевымъ, найденъ мною и прилагается къ настоящему сочиненію. Въ дѣйствительности же университетъ долженъ былъ ютиться во временныхъ помѣщеніяхъ, совершенно не приспособленныхъ къ его нуждамъ и потребностямъ, ни по своему топографическому положенію, ни по своей площади, ни по своему распределенію. Въ бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ (гдѣ теперь канцелярія совѣта и квартира г. попечителя), съ двумя одноэтажными крыльями, на небольшомъ дворовомъ мѣстѣ, нужно было размѣстить въ канцеляріи, всѣ кабинеты и лабораторіи, всѣ учрежденія медицинскаго факультета съ ихъ принадлежностями, библіотеку, типографію съ квартирою для ея фактора, лекціонные залы, квартиры для ректора и попечителя. Для помѣщенія же института казеннокоштныхъ студентовъ съ инспекторомъ, педагогомъ, службами, кухнями, съ квартирами для ректора и служителей съ ихъ семьями предназначень былъ другой домъ, расположенный на противоположной сторонѣ той же улицы и раньше занимавшійся вице-губернаторомъ, а потомъ вслѣдствіе ветхости и неисправностей совсѣмъ уничтоженный.

Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій въ 1816 г. писалъ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому по поводу этихъ помѣщеній слѣдующее. „При послѣднемъ обозрѣніи Харьковскаго университета я удостовѣрился, что онъ, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, не можетъ никоимъ образомъ безъ очевиднаго разстройства долѣе находиться въ занимаемомъ имъ помѣщеніи. Всѣ учрежденія медицинскаго факультета — анатомическій театръ, клинический институтъ съ квартирами 20 студентовъ и больницею, по недостатку мѣста, ютятся въ тѣсныхъ и вредныхъ для здоровья помѣщеніяхъ; химическая лабораторія, библіотека, физическій и естественно-историческій кабинеты, въ коихъ слѣдовали значительныя приращенія, а также квартиры для 40 казеннокоштныхъ студентовъ столь тѣсны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности соблюдать въ нихъ должную чистоту и порядокъ въ расположеніи инструментовъ, книгъ и другихъ коллекцій. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ и постройки новаго зданія, которое бы соотвѣтствовало всѣмъ потребностямъ, университетъ однако не имѣетъ средствъ,

такъ какъ хотя пожертвованная на этотъ предметъ Харьковскимъ дворянствомъ сумма, благодаря бережливости, и возрасла нынѣ съ процентами до 850000 рублей, но это приращеніе, вслѣдствіе унядка курса и вздорожанія всѣхъ строительныхъ матеріаловъ, не слѣдало постройку болѣе удобной, чѣмъ прежде. Въ доказательство можно привести тотъ фактъ, что если бы предпринять въ настоящій моментъ постройку университетскаго зданія по прежнему плану и смѣтѣ, равнявшейся 500000 р., то она бы обошлась въ 2000000 руб. Кирпичъ прежде продавался по 7 р. за тысячу, а теперь по 25 руб., цѣны на лѣсной матеріалъ поднялись еще въ большей пропорціи. Эта несоразмѣрность цѣнъ и основательное опасеніе, что ихъ еще болѣе поднимутъ при первомъ извѣстїи о предпринятой постройкѣ, особенно на лѣсъ, доставка котораго, по отсутствію судоходной рѣки, была всегда сопряжена съ большими затрудненіями, побудили меня отказаться отъ мысли о постройкѣ новаго зданія, которое, находясь въ концѣ города, хотя и составляло бы въ своемъ родѣ единственный и совершенно отдѣльный, такъ сказать, ученый городокъ, но при всемъ томъ было бы не совсѣмъ удобно для профессоровъ, студентовъ и посѣтителей его, по причинѣ отдаленности отъ города (оно находится въ одной верстѣ отъ него) и постоянно почти бывающей тамъ грязи. Однако необходимость болѣе просторнаго помѣщенія побудила меня къ настоящему изысканію такихъ способовъ, кои, во всемъ соотвѣтствуя казенному интересу, могли бы также въ скоромъ времени и съ несравненно меньшими издержками доставить университету тѣ же удобства, столь необходимыя для его благоустройства и усовершенствованія. Въ виду этого я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ почетнѣйшихъ чиновниковъ города и, взвѣсивъ мѣстныя обстоятельства съ имѣющимися въ распоряженіи университета способами къ приведенію въ дѣйствіе своего предположенія, считаю своимъ долгомъ представить послѣднее вашему сіятельству съ просьбою довести его немедленно до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Такъ какъ по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ не представляется теперь возможности начать назначенную по Высочайше одобренному плану постройку университетскаго зданія, то не благоугодно ли будетъ ее, какъ не соотвѣтствующую настоящимъ обстоятельствамъ времени и средствамъ университета, вовсе отмѣнить, а вмѣсто нея предоставить навсегда въ собственность университета занимаемый имъ нынѣ каменный домъ, который въ качествѣ дворца теперь не нуженъ для постоянного употребленія; если же назначить его для военнаго или гражданскаго губернатора, то онъ, требуя чрезвычайныхъ издержекъ на отопленіе многихъ излишнихъ комнатъ, обратился бы въ тягостное для нихъ пребываніе.

прочемъ, университетъ въ случаѣ необходимости можетъ замѣнить недостатокъ такого дома покупкою изъ собственныхъ суммъ другого, болѣе выгоднаго для губернатора строенія. Желательно, чтобы одинъ изъ домовъ присутственныхъ мѣстъ или полиціи, изъ коихъ первый стоитъ въ одномъ ряду съ университетомъ, а послѣдній противъ него, также сданы были въ собственность университета, съ платою за уступку того или другого изъ суммъ его денегъ, сколько по мѣстной оцѣнкѣ прийтись будетъ. Относительно дома полиціи должно замѣтить, что хотя и самъ по себѣ весьма не великъ и невыгоденъ къ помѣщенію, но по необходимости принадлежащаго къ нему пространнаго мѣста съ ветхимъ и въ упадокъ приходящимъ домомъ казенныхъ студентовъ представляетъ удобный способъ къ постройкѣ достаточнаго и выгоднаго для университета отдѣленія. Наконецъ, такъ какъ предложенные мною въ этомъ представленіи способы не могутъ быть достаточны для полного согласія всѣхъ обстоятельствъ, то необходимо, на случай Высочайшаго дозволенія, предоставить кому слѣдуетъ вступить въ предварительное сношеніе по этому предмету съ тамошнимъ губернскимъ начальствомъ, чтобы дать этому дѣлу какъ можно скорѣе ходъ. Изъ всѣхъ изложенныхъ мною обстоятельствъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что пообрѣтеніемъ занимаемаго нынѣ университетомъ казеннаго дома и покупкою къ нему одного изъ домовъ присутственныхъ мѣстъ или полиціи, не только сохранится совершенно казенный интересъ, но даже произойдетъ не маловажная для казны польза отъ того, что не будетъ настоятельной надобности предпринимать постройку новаго дома, которая какъ выше показано, обошлась бы въ четверо или пятаго дороже, нежели покупка одного готоваго изъ упомянутыхъ домовъ и освоеннаго дома для губернатора. Что же касается до университета, то и при сбереженіи значительнѣйшей части своей капитальной суммы, онъ бы пользоваться въ непродолжительномъ времени всѣми выгодами достаточнаго помѣщенія". Министръ согласился съ этимъ представленіемъ и внесъ его на разсмотрѣніе комитета министровъ, который представилъ ему войти предварительно въ сношеніе съ министромъ полиціи, нѣтъ ли препятствія къ уступкѣ означенныхъ домовъ въ собственность университета.

Харьковскій университетъ, занимая съ самаго своего открытія казенный домъ, назначенный для губернатора, отпускалъ доселѣ на наемъ помѣщенія для канцеляріи Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора 400 руб. изъ принадлежавшихъ ему суммъ. Теперь же губернаторъ просилъ объ увеличеніи этой суммы до 800 руб., заявляя, что этого дома для квартиры его канцеляріи и за болѣе дешевую цѣну

пріискать невозможно. Сообщая объ этомъ министру, попечитель считалъ долгомъ замѣтить, что хотя требованіе губернатора, по чрезмѣрно возвысившимся наемнымъ цѣнамъ, и заслуживаетъ уваженія, но съ другой стороны нужно взвѣсить, можетъ ли университетъ, безъ совершеннаго истощенія суммъ своихъ, подвергаться двойнымъ издержкамъ въ то время, какъ отпускаемая на содержаніе его сумма остается по нынѣ неизмѣненной. вмѣстѣ съ тѣмъ гр. С. О. Потоцкій представилъ министру народнаго просвѣщенія три плана и фасадъ строеніямъ, предназначаемымъ къ уступкѣ для Харьковскаго университета, и два донесенія, полученныя имъ отъ ректора, которыя заключали въ себѣ нѣкоторыя для министерства важныя обстоятельства. Онъ просилъ также о томъ, чтобы князь А. Н. Голицынъ не допустилъ внести въ оцѣнку дома, занимаемые теперь университетомъ и казенными студентами и предоставленные университету Высочайшею властію съ самаго его основанія.

Ректоръ писалъ попечителю, что на третій день по отъѣздѣ его изъ Харькова видѣлся онъ съ губернаторомъ, который сказалъ относительно строенія, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста, что его можно будетъ отдать, получивъ отъ университета такую сумму, въ какую по смѣтѣ обойдется новое зданіе, а до того времени помѣщать ихъ придется въ разныхъ наемныхъ домахъ на проценты, получаемые на эту сумму. А когда онъ спросилъ его о цѣнѣ, тотъ сказалъ, что старое строеніе стоило около девяноста тысячъ, а теперь, думаю, будетъ стоитъ втрое. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ, и для меня удобнѣе, и для васъ лучше будетъ взять домъ, занимаемый теперь полиціею и магистратомъ съ уплатою за него до 40000 р. И по моему мнѣнію, прибавлялъ отъ себя ректоръ, если покупка и отдѣлка этихъ присутственныхъ мѣстъ будетъ стоитъ до трехъ сотъ тысячъ рублей, то лучше взять домъ полиціи и выстроить новый корпусъ противъ теперешняго большого университетскаго дома. Въ другомъ письмѣ ректоръ сообщалъ. „Получивъ предписаніе ваше отъ 1-го іюля съ увѣдомленіемъ объ имѣющемъ послѣдовать отъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ къ здѣшнему губернатору предписаніи касательно отдачи дома нынѣ занимаемаго университетомъ и уступки по оцѣнкѣ присутственныхъ мѣстъ или полиціи съ магистратомъ и тотчасъ показавъ его губернатору, я спрашивалъ его предварительно, удобно ли уступить присутственныя мѣста и на какомъ основаніи. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что ихъ иначе уступить нельзя, какъ сдѣлавъ смѣту по нынѣшнимъ цѣнамъ, во что постройка такого зданія обойдется и послѣ же придется отдѣлать строеніе такъ, какъ того требовать будутъ надобности университета, на что, по соображенію адъюкта архитектуры Васильева, потребуется еще можетъ быть до ста

тысячъ рублей; при этомъ губернаторъ объяснилъ, что до времени выстройки новаго зданія для присутственныхъ мѣстъ ему трудно будетъ размѣстить ихъ по городу. Относительно же отдачи строеній, гдѣ погнѣщаются полиція и магистратъ, губернаторъ не находитъ затрудненія и согласенъ уступить по оцѣнкѣ. Съ слѣдующею почтою получено было губернаторомъ предписаніе главнокомандующаго съ запискою, поданною вашимъ сіятельствомъ министру просвѣщенія. Съ предписанія этого съ записки вашего сіятельства я взялъ копію. Въ предписаніи этомъ требуется отъ губернатора свѣдѣніе, нѣтъ ли препятствій къ уступкѣ присутственныхъ мѣстъ или полиціи по мѣстной оцѣнкѣ, равно и мнѣніе его объ отдачѣ дома, нынѣ университетомъ занимаемаго. Я спросилъ губернатора, какъ онъ думаетъ относительно отдачи этого послѣдняго, и онъ мнѣ сказалъ, что необходимо, чтобы университетъ въ уплату за то доставилъ приличный домъ для помѣщенія губернатора. При этомъ разсуждали объ извѣстныхъ вашему сіятельству въ Харьковѣ домахъ графини Подгоричаниной и Зарудной, гдѣ нынѣ институтъ благотворительнаго Общества. Первый ему казался неудобнымъ по отдаленію отъ центра города и по неимѣнію достаточной залы; второй же казался ему удобнѣе, если сдѣланы будутъ внутри нужныя перемѣны, починки пристройки на дворѣ. Я думалъ, что этотъ разговоръ между нами останется, и хотѣлъ, покуда не разгласилось, послать приватно торговать домъ Зарудной, но скоро въ городѣ сдѣлалось все это дѣло извѣстнымъ, и потому нельзя ожидать теперь, чтобы Зарудная объявила какую цѣну. Кажется, лучше всего приступить къ денежной сдѣлкѣ. Вчера былъ я опять у губернатора, чтобы объ этомъ поговорить, и слышалъ отъ него, что онъ намѣренъ и домамъ, нынѣ занимаемымъ университетомъ, сдѣлать оцѣнку. Я напомнилъ ему, что въ предписаніи, равно и въ запискѣ вашего сіятельства этого не значится, но онъ сказалъ, что считаетъ это необходимымъ и на будущей недѣлѣ намѣренъ и приступить къ этой оцѣнкѣ. Изъ намѣренія его оцѣнивать и меньшій университетскій домъ я заключаю, что онъ хочетъ требовать платы и за помѣщеніе вице-губернатора. Безъ вашего сіятельства губернаторъ не такъ податливъ, какъ онъ былъ въ присутствіи вашемъ“.

Попечитель по поводу этихъ переговоровъ сообщалъ министру. Получивъ случайно копію съ представленія Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора управляющему министерствомъ полиціи объ извѣстныхъ вашему сіятельству казенныхъ домахъ въ Харьковѣ вмѣстѣ съ оцѣнкою ихъ, я счелъ нужнымъ для предварительнаго свѣдѣнія препроводить ее къ вамъ, милостивый государь, съ донесеніемъ, что уступка большого корпуса присутственныхъ мѣстъ дѣйствительно не

представляет никакой выгоды ни для гражданского начальства, ни для университета, ибо первое, обременяясь постройкою новаго зданія, понесло бы чрезъ это несравненно большія противъ оцѣнки издержки, а университетъ сверхъ уплаты за уступку этого корпуса 400000 руб., нашелся бы вынужденнымъ употребить весьма большую сумму на поправки и перестройку многихъ частей его, безъ чего никакъ обойтись невозможно. Относительно домовъ, нынѣ занимаемыхъ университетомъ, нахожу несообразнымъ требовать отъ университета какого-либо за нихъ вознагражденія, тѣмъ болѣе что университетъ ни въ какомъ случаѣ безъ помѣщенія существовать не можетъ; слѣдовательно, все равно, оставить ли его въ настоящихъ домахъ или перевести въ другіе. Что же касается до строеній, въ которыхъ помѣщается магистратъ съ полиціею и врачебная управа, изъ коихъ одно въ два, а другое въ одинъ этажъ, то стоитъ только взглянуть на представляемые мною планы, чтобы удостовѣриться въ чрезмѣрной оцѣнкѣ ихъ; по крайней мѣрѣ я увѣренъ, что за показанную цѣну можно такіе дома купить въ самой столицѣ, не включая сюда и мѣсто, ими занимаемое. Впрочемъ, такъ какъ въ одномъ изъ университетскихъ домовъ была прежде квартира вице-губернатора, который также не можетъ оставаться безъ опредѣленнаго помѣщенія, то въ вознагражденіе за это и въ облегченіе градскому обществу способовъ въ приобрѣтеніи другого вице-губернаторскаго дома можно, по моему мнѣнію, согласиться на покупку этихъ двухъ строеній за требуемую по оцѣнкѣ сумму 97000 рублей“.

Харьковскій губернаторъ сдѣлалъ министру полиціи слѣдующія сообщенія. „Изъ зданій, состоящихъ противъ дома, занимаемаго нынѣ университетомъ, смежныхъ съ домомъ казенныхъ студентовъ, что прежде былъ вице-губернаторскій, въ одномъ каменномъ флигелѣ помѣщается полиція и съѣзжая, а близъ него находится каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ помѣщается городская дума, магистратъ, врачебная управа и архивъ присутственныхъ мѣстъ. Эти зданія безпрепятственно могутъ быть уступлены университету, когда отдадутся въ собственность его зданія, нынѣ имъ занимаемыя, съ уплатою суммы по оцѣнкѣ, сдѣланной по моему распоряженію архитекторомъ и губернскимъ землеѣромъ вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ и членами городской думы, въ присутствіи университетскаго архитектора, ибо зданія эти безъ дальнѣйшаго затрудненія могутъ быть замѣнены покупкою частныхъ или постройкою новыхъ; что же касается присутственныхъ мѣстъ, то въ отдачу ихъ въ собственность университету не малое встрѣчается препятствіе съ той стороны, что частныхъ домовъ, удобныхъ для помѣщенія ихъ по своей обширности вовсе въ здѣшнемъ городѣ нѣтъ; постройка же ихъ по-

требуетъ весьма значительной суммы; хотя они нынѣ и оцѣнены въ 100000 руб., но въ этой оцѣнкѣ принимались въ соображеніе среднія цѣны теперь существующія на матеріалы; но такъ какъ онѣ время отъ времени возвышаются, то на означенную сумму выстроить эти зданія будетъ невозможно; впрочемъ, если бы рѣшено было заплатить за нихъ эту сумму, какая бы исчислена была по смѣтѣ на устройство присутственныхъ мѣстъ, то нынѣшнія не прежде можно бы отдать университету, какъ по окончаніи новыхъ зданій, такъ какъ въ городѣ нѣтъ другихъ зданій, гдѣ бы можно помѣстить присутственные мѣста. Что же касается до бывшаго генераль-губернаторскаго, а потомъ губернаторскаго дома, то я съ своей стороны согласенъ съ тѣмъ, что онъ по общности своей дѣйствительно не удобенъ къ приличному содержанію и пребыванію въ немъ губернатора; и относительно уступки его университету нынѣ я съ своей стороны препятствія не вижу съ тѣмъ только, чтобы на счетъ суммъ университета вмѣсто его былъ построенъ или пріобрѣтенъ для губернатора приличный домъ покупкою частныхъ, равно какъ и для вице-губернатора, вмѣсто занимаемаго нынѣ казенными студентами. Занимаемые теперь мною и вице-губернаторомъ деревянные дома принадлежать городу и крайне неудобны для жительства вслѣдствіе совершенной своей обветшалости и тѣсноты; другихъ же городскихъ зданій не имѣется. Послѣ уступки университетскимъ домовъ имѣется въ виду пріобрѣсти покупкою взаменъ ихъ дома частныхъ лицъ и сдѣлать въ нихъ необходимыя передѣлки, если только университетъ заплатитъ деньги, какихъ покупаемыя зданія по оцѣнкѣ и дѣйствительности стоятъ, именно—бывшій генераль-губернаторскій, оцѣненный въ 238000 руб., замѣнить можно покупкою у помѣщицы Задной дома, стоящаго примѣрно 40000 руб. и съ употребленіемъ на передѣлки его 60000 руб.; бывшій вице-губернаторскій домъ, оцѣненный въ 65000 р., можно замѣнить покупкою у генераль-лейтенантши Афины Подгоричаниной, или коллежскаго совѣтника Минстера, или городского секретаря Сердюкова, или купца Тамбовцева, причемъ первый пришлось бы передѣлать, а послѣдніе могутъ остаться и безъ передѣлокъ. На это необходимо по крайней мѣрѣ 50000 р.; въ случаѣ же если бы хозяева поминутыхъ домовъ стали запрашивать излишнюю цѣну, то тогда можно пріобрѣсти покупкою городскіе дома и мѣста, въ которыхъ помѣщаются нынѣ губернаторъ и вице-губернаторъ, можно выстроить тамъ каменные дома, употребивъ на это, равно какъ и на покупку мѣстъ отъ городской думы—на губернаторскій 100000 руб., а на вице-губернаторскій 52000 руб. Зданія, занимаемыя нынѣ городской думою, магистратомъ, полиціею, врачебною управою и архивомъ присут-

ственныхъ мѣстъ, можно замѣнить покупкою дома у капитана Черкесова, который съ нужными передѣлками можетъ обойтись примѣрно въ 140000 руб. По уступкѣ университету помѣнутыхъ зданій, покуда купленные частные дома приведены будутъ въ надлежащую исправность или выстроятся вновь, можно бы было на это время нанять квартиры, положивъ примѣрно въ годъ для губернаторской квартиры 5000 руб., для вице-губернаторской—3000 руб., на помѣщеніе полиціи и прочихъ поименованныхъ присутственныхъ мѣстъ—6000 руб. и взять деньги эти изъ той же суммы, за которую будутъ уступлены зданія университету. Впрочемъ, таковой наемъ, разумѣется, понадобится только на время передѣлки или постройки домовъ, а на болѣе длинный срокъ приискать здѣсь домовъ никакъ невозможно. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній на замѣнъ зданій, предположенныхъ къ уступкѣ университету, слѣдовала бы та самая сумма, въ которую они оцѣнены, т. е. 400000 руб., а по меньшей мѣрѣ — 300000 руб., принимая во вниманіе возвышеніе время отъ времени цѣнъ на матеріалы, а чрезъ то и на самыя строенія. Бывшій генераль-губернаторскій каменный домъ, занимаемый нынѣ Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ со всѣми принадлежащими къ нему каменными флигелями стоитъ 208000 р.; за землю подъ дворомъ всѣхъ описанныхъ строеній полагается 30000 руб.; бывшій вице-губернаторскій деревянный обложенный кирпичемъ домъ, занимаемый нынѣ Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ, со всѣми принадлежащими къ нему каменными и деревянными строеніями—30000 р.; за землю подъ дворомъ вышеназванныхъ строеній—15000 руб.; а всего генераль-губернаторскій и вице-губернаторскій дома оцѣнены въ 303000 р. Каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ помѣщаются теперь городская дума, магистратъ, врачебная управа и архивъ присутственныхъ мѣстъ, оцѣненъ въ 40000 руб.; каменный флигель, въ которомъ помѣщается полиція и сѣзжая со всѣми находящимися при немъ деревянными строеніями, каменною гаубвахтою и колопадою—32000 руб.; за землю подъ дворомъ вышеназванныхъ строеній—25000 р.; а всего дома, занимаемые городскою думою, магистратомъ, врачебною управою и полицією, оцѣнены въ 97000 р. Каменный корпусъ, занимаемый губернскими присутственными мѣстами, оцѣненъ въ 400000 р. Всѣ эти строенія оцѣнены, принимая матеріалы по среднимъ нынѣ существующимъ на нихъ цѣнамъ, почему каменный корпусъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ возвышеніемъ ежегодно на матеріалы цѣнъ, за означенную сумму 400000 р. выстроить вновь невозможно; прочія же строенія, съ уменьшеніемъ пространства ихъ, могутъ быть замѣнены покупкою домовъ у частныхъ людей или постройкою на вышеозначенныя суммы.

Препровождая эти 2 донесенія министру народнаго просвѣщенія, министръ полиціи съ своей стороны прибавлялъ, что согласно съ отзывомъ гражданскаго губернатора и онъ не находитъ препятствія къ поступкѣ университету помянутыхъ зданій, если только напередъ заплачено будетъ за нихъ 300000 руб., дабы губернское начальство, получивъ эту сумму, могло сдѣлать тотчасъ распоряженіе къ покупкѣ или стройкѣ другихъ домовъ, нужныхъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ.

Препроводивъ эти донесенія новому попечителю З. Я. Карнѣву, князь А. Н. Голицынъ просилъ его рассмотреть ихъ и, войдя въ подробности этого дѣла, увѣдомить его, какимъ образомъ предполагается помѣстить всего размѣстить Харьковскій университетъ въ занимаемыхъ казенныхъ домахъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ не было уже больше никакихъ другихъ казенныхъ мѣстъ, а помѣщались исключительно всѣ принадлежація къ университету заведенія, какое наиболѣе удобное помѣщеніе нужно прискать подъ присутственные мѣста, кого нужно будетъ вывести изъ домовъ, занимаемыхъ университетомъ, и что могло бы примѣрно стоить приобрѣтеніе для нихъ приличныхъ домовъ или стройка новыхъ; словомъ сказать, доставить обстоятельное свѣдѣніе о размѣщеніи университета съ его заведеніями отдѣльно отъ присутственныхъ мѣстъ, кои съ своей стороны должны также имѣть пристойныя и удобное помѣщеніе. И такъ какъ вѣроятно, что приобрѣтеніе домовъ для присутственныхъ мѣстъ, когда генераль-губернаторскій и вице-губернаторскій дома останутся подъ университетомъ, обратятся на счетъ этого послѣдняго, то и нужно имѣть достаточное и точное заключеніе о томъ, чего эти приобрѣтаемые дома для присутственныхъ мѣстъ могутъ стоить.

Попечитель написалъ директору департамента, что зданія, необходимыя для университета, суть: 1) бывшій генераль-губернаторскій домъ, занимаемый нынѣ университетомъ, съ весьма небольшими службами, гдѣ на одной сторонѣ помѣщаются минералогическій кабинетъ, типографія и нѣск. квартиры адъютанта и типографичка, а на другой—клиника, анатомическій театръ и классъ медицинскихъ наукъ; 2) бывшій вице-губернаторскій домъ, деревянный, обложенный кирпичемъ, весьма ветхій, съ нѣкоторыми пристройками, при всегдашнихъ починкахъ, занятъ казенно-бюджетными студентами и залю собранія, но по новому проекту назначенъ онъ къ сломкѣ; 3) домикъ каменный, одноэтажный, бывшій кухней вице-губернатора, послѣ нѣкоторой передѣлки занятъ классами, но

за совершенною непрочностью фундамента пойдет также въ сломку; 4) деревянный домикъ, обложенный кирпичемъ, занятый нынѣ квартирою ректора, по ветхости назначенъ въ сломку; 5) каменный домикъ въ одинъ этажъ занятъ теперь полиціею со съѣзжею; 6) небольшой каменный въ два этажа домъ; въ немъ помѣщается городская дума, магистратъ, архивъ и врачебная управа. Вотъ всѣ тѣ зданія, которыя приобрѣтаются университетомъ, но въ нихъ въ настоящемъ видѣ нельзя размѣстить всѣхъ принадлежащихъ университету заведеній и для того по вновь проектированному плану, кромѣ генераль-губернаторскаго дома, въ которомъ нужны только нѣкоторыя внутреннія передѣлки, должны быть выстроены частью другіе этажи, а большею частью новыя строенія, что стоитъ будетъ болѣе 500000 руб. Вице-губернаторскій же домъ и всѣ надворныя его строенія, какъ выше сказано, подвергающіяся совершенному разрушенію, должны быть уничтожены, слѣдовательно, не нужны ни университету, ни гражданскому начальству, а одню только мѣсто нужно для будущихъ новыхъ строеній. Что же касается зданій, уступаемыхъ гражданскимъ начальствомъ университету, какъ-то — полиціи и дома, гдѣ помѣщается городская дума, магистратъ, архивъ присутственныхъ мѣстъ и врачебная управа, то университетъ до начала новыхъ построекъ и окончанія на вице-губернаторскомъ дворѣ залы, бібліотеки и церкви, въ занятіи ихъ не будетъ имѣть нужды, а можетъ оставить ихъ въ нынѣшнемъ мѣстѣ пока для нихъ новые дома не будутъ выстроены или приобрѣтены покупкою; изъ нихъ надъ полиціею будетъ надстроенъ другой этажъ, а корпусъ магистрата съ починкою, передѣлкою внутри и пристройкой останется въ такомъ видѣ, какъ теперь находится. Въ такомъ, хотя и весьма стѣсненномъ, невыгодномъ и разбросанномъ положеніи, особенно въ отношеніи классныхъ залъ и кабинетовъ, долженъ оставаться университетъ до тѣхъ поръ, пока новый проектъ строенія, который имѣлъ я счастіе представлять Государю Императору во время Высочайшаго Его Величества въ университетѣ пребыванія и который скоро буду имѣть честь представить вашему превосходительству, не будетъ приведенъ въ исполненіе. Правда, что для осуществленія его понадобится и довольно времени, и немалая сумма, которой по смѣтѣ исчислено болѣе полумилліона, но всетаки нѣтъ другого мѣста, болѣе приличнаго и удобнаго для помѣщенія университета, такъ какъ онъ будетъ въ центрѣ города и для прихода учащихся и учащихся весьма удобенъ, а потому и приобрѣтеніе помѣстныхъ казенныхъ строеній необходимо нужно. Изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что университетъ нынѣ занимаетъ только генераль-

губернаторскій домъ съ принадлежащими къ нему службами и таковой же вице-губернаторскій, полиція же со съѣзжею, магистратъ, городская дума, архивъ присутственныхъ мѣстъ и врачебная управа помѣщаются въ двухъ весьма небольшихъ домахъ, въ которыхъ будутъ и оставаться по приобрѣтеніи ихъ университетомъ, пока не будутъ выстроены по предѣлу съ ними двѣ залы съ церковью, чего, при хозяйственномъ распоряженіи, прежде пяти лѣтъ нельзя окончить. Остается такимъ образомъ прежде разрѣшить вопросъ о домахъ губернаторскомъ и вице-губернаторскомъ, такъ какъ чиновники эти, помѣщаясь въ городскихъ домахъ, ветхихъ и неудобныхъ, крайне стѣснены этимъ,—но при всемъ томъ, если бы нынѣшнія зданія и не были заняты университетомъ, не могли бы обойтись безъ значительнаго отъ казны пособія, ибо генералъ-губернаторскій домъ, по чрезвычайной своей обширности, какъ и самъ губернаторъ признаетъ, для пребыванія его неудобенъ, вице-губернаторскій же домъ, угрожая паденіемъ, требуетъ новой постройки. Съ этой стороны не могу не согласиться съ мнѣніемъ губернатора, который, какъ видно изъ копій представлений его къ министру полиціи, считаетъ лучшіе и удобнѣйшіе для помѣщенія этихъ чиновниковъ дома въ городѣ, надѣясь приобрѣсти ихъ за показанную имъ сумму, и до устройства ихъ нужно будетъ губернатору и вице-губернатору отпустить квартирныя деньги на наемъ домовъ, какія правительство за вѣдомствомъ губернатора дороговизну здѣсь квартиръ. Что касается до того, чего стоила постройка вновь такихъ домовъ, то хотя по неизвѣстности ихъ обстоятельствъ, сюда относящихся, не могу безошибочно опредѣлять, однако полагаю, что при хозяйственномъ наблюденіи, кажется, на губернаторскаго можно положить сумму въ 80000 руб., для вице-губернаторскаго въ 50000 руб., а для полиціи съ магистратомъ и прочими въ 70000 р., во что и настоящій домъ полиціи съ магистратомъ обходятся, кромѣ мѣста, которое въ качествѣ казеннаго и въ одѣлку платить не должно. Для постройки этихъ зданій, если правительству угодно, есть новая пространная площадь, гдѣ теперь острогъ, который можно отсюда снести. Площадь эта менѣе версты разстояніемъ отъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ и на ровномъ мѣстѣ, весьма удобна и не отдалена отъ центра города. О цѣнѣ имѣющихся въ виду для приобрѣтенія домовъ спорить нельзя, но если не приобрѣтать ихъ, а построить новые на вышеупомянутой казенной площади, то, кажется, съ извѣстною можно всѣ ихъ не свыше какъ за 200000 р. хозяйственнымъ образомъ построить и если на счетъ университета эта сумма отнесена будетъ, то здѣшнее начальство можетъ ее требовать отъ университета

не всю вдругъ, а по мѣрѣ хода постройки, и университетъ сообразно такимъ требованіямъ, самъ будетъ брать ее изъ банка и доставлять, а прочая остающаяся сумма будетъ увеличиваться приращеніемъ процентовъ. Такимъ образомъ, и гражданское начальство за уступаемыя строенія удовлетворится, и университетъ не заплатитъ лишняго. Всей университетской суммы имѣется въ банкѣ съ процентами по 1-е мая настоящаго года восемьсотъ тысячъ. Отдѣливъ по новому проекту на постройку всѣхъ университетскихъ зданій, необходимыхъ для надлежащаго размѣщенія, болѣе пятисотъ тысячъ и предположивъ заплатить губернскому начальству за помянутыя строенія двѣсти тысячъ, останется только около ста тысячъ рублей, на которыя надобно будетъ еще приобрести мѣсто и построить приличное зданіе для анатомическаго театра и клиники, которыя не вошли въ ново-проектируемый планъ по совершенной невозможности помѣщенія ихъ. Послѣ этого университетъ не будетъ имѣть капитала, весьма нужнаго для дальнѣйшаго поддержанія столь важнаго учебнаго заведенія, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство войти въ положеніе университета и къ пользѣ его употребить милостивое начальниче ваше ходатайство.

Самому министру З. Я. Карнѣвъ писалъ. „Изъ прилагаемой при этомъ копіи съ плана и представленія моего Осипу Петровичу изволите усмотрѣть причины, по коимъ я считаю, что все приобретаемое подъ университетъ строеніе стоитъ не свыше 200000 руб. и что въ немъ безъ новой и самой важной пристройки никакъ невозможно порядочно размѣститься университету со всѣми его учрежденіями. Новое строеніе по обширности и огромности своей оцѣнено по смѣтѣ въ полмилліона слишкомъ рублей и иначе производиться не можетъ, какъ хозяйственнымъ способомъ, начавъ съ производства кирпича, для котораго университетъ имѣетъ близъ города собственную удобную землю, и съ заготовленія путемъ покупки лѣса. Иначе всѣ матеріалы по первому вызову плотниковъ къ подряду чрезвычайно вздорожаютъ, ибо и теперь 1000 кирпича продается по 25 р. Денежная же университетская сумма состоитъ всего изъ 810000 р., изъ коихъ, если падетъ на счетъ университета приобретение занимаемаго строенія, должно будетъ заплатить 200000 руб. и останется 610000 р., въ томъ числѣ должно употребить на новое строеніе полмилліона слишкомъ, а остатокъ будетъ столь незначителенъ, что его неостанетъ уже на приобретение покупкой мѣста для постройки на немъ нужныхъ зданій для помѣщенія анатомическаго театра и клиники, которыхъ въ настоящемъ зданіи съ новою его перестройкою помѣстить съ удобствомъ никакъ невозможно. Хотя же и имѣется сумма, пожертвованная изъ разныхъ губерній отъ дворянъ и

городовъ здѣшняго учебнаго округа въ недоимкѣ до 200000 р., но она многократнымъ требованіямъ университета отъ мѣстныхъ начальствъ весьма медленно поступаетъ и нѣтъ надежды на скорый взносъ. Всѣ эти обстоятельства заставили меня прибѣгнуть къ покровительству вашего сіятельства и убѣдительноѣе просить, чтобы при разсужденіи комитетѣ министровъ пощадили университетъ уменьшеніемъ суммы вознагражденія гражданскаго правительства за приобретаемые отъ него для университета зданія по причинамъ, объясненнымъ мною въ письмѣ къ Осипу Петровичу. Только такимъ образомъ университетъ будетъ обрѣченъ и сможетъ смѣло приступить къ постройкѣ новыхъ зданій въ надеждѣ закончить ихъ хозяйственнымъ образомъ изъ своихъ суммъ. Ины и большая часть фасадовъ новыхъ строеній готовы, теперь дѣлаются фасады прибавочнаго зданія на занимаемомъ университетомъ генераторскомъ дворѣ. Но я не смѣлъ ихъ отправлять, ожидая прежде разрѣшенія отъ комитета министровъ вопроса о приобрѣтеніи занимаемого уже университетомъ строенія въ его собственность¹⁾.

Комитетъ министровъ, выслушавъ записку министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о домахъ, приобретаемыхъ для Харьковскаго университета, разсуждая 1) что просимыя университетомъ зданія казенныя, слѣдовательно, правительство безпрепятственно можетъ употребить ихъ на то, къ чему они болѣе удобны, — и платежъ за нихъ съ университета губернскому начальству былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ размѣщеніемъ казенныхъ суммъ изъ одного мѣста въ другое и 2) что изъ числа тѣхъ зданій генераль-губернаторскій и вице-губернаторскій дома заняты уже университетомъ и оба ни для губернатора, ни для вице-губернатора неудобны, — первый по чрезмѣрной обширности, въ чемъ и самъ губернаторъ удостовѣряетъ, а послѣдній по ветхости, положилъ: генераль-губернаторскій и вице-губернаторскій дома, какъ не нужны для губернскаго начальства, утвердить *въ собственность* университета безъ всякаго платежа; 2) домъ и флигель, занимаемые городскою думою, полиціею и еще нѣкоторыми мѣстами, отдать университету же, взаменъ того для упомянутыхъ присутственныхъ мѣстъ построить на счетъ университета особый домъ, предписавъ университету, дабы онъ составивъ планъ и смѣту, представилъ ихъ сюда; до постройки новаго дома присутственные мѣста оставить въ прежнихъ зданіяхъ; дабы не истощить вовсе капитала Харьковскаго университета, необходимого для поддержанія его, сумму, какая употреблена будетъ на постройку новаго для присутственныхъ мѣстъ дома, *возвратить универ-*

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 448/22; въ этомъ дѣлѣ находятся подробнѣе свѣдѣнія о постройкахъ.

ситету въ теченіе пяти лѣтъ изъ государственнаго казначейства, если средства казначейства то позволятъ и, наконецъ, 4) что касается до квартирныхъ денегъ Слободско-Украинскому гражданскому губернатору и вице-губернатору, то комитетъ, имѣя въ виду, что и въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ домовъ для этихъ чиновниковъ, не производится имъ квартирныхъ денегъ, не находитъ достаточнаго основанія назначить ихъ исключительно по одной Слободско-Украинской губерніи, о чемъ для исполненія и сообщить выписками изъ сего журнала С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и министру финансовъ“.

И такъ, дѣло о постройкахъ университетскихъ зданій въ послѣдній годъ попечительства С. О. Потоцкаго приняло новое и, нужно сказать, крайне неблагоприятное направленіе— вмѣсто того, чтобы строить „ученый городокъ“ по Сумскому шоссе, на обширномъ участкѣ, принадлежавшемъ университету, рѣшили остаться въ его прежнемъ, временномъ помѣщеніи, въ центрѣ города, гдѣ было тѣсно и неудобно, гдѣ и недостаточное расширеніе было сопряжено съ огромными неудобствами, а полнаго простора для устройства зданія, вполне приспособленнаго къ потребностямъ университета, не могло быть совершенно. Вмѣсто того, чтобы приняться за постройку новыхъ зданій, общая идея плана которыхъ заслужила Высочайшее одобреніе, рѣшили ограничиться починками, перестройками и пристройками. Попечитель мотивировалъ свое отступленіе отъ прежняго мнѣнія возвышеніемъ цѣнъ на строительные матеріалы и недостаточностью суммы, бывшей въ распоряженіе университета. Но поднятіе цѣнъ на матеріалы должно было одинаково отразиться и на перестройкахъ, увеличить ихъ стоимость, а что касается недостаточности суммы, то едва ли было справедливо всѣ расходы по постройкѣ зданій для университета возлагать исключительно на его собственные хозяйственные средства, составившіяся изъ патріотическаго дара дворянства и другихъ сословій: нужно было войти съ ходатайствомъ въ министерство объ отпускѣ добавочной суммы—и эта послѣдняя могла бы быть отпущена изъ средствъ казны, если и комитетъ министровъ находилъ нужнымъ пополнить хозяйственную сумму университета, предназначенную на постройки, ежегодной ассигновкой изъ средствъ государственнаго казначейства. Наконецъ, при переходѣ университета на новыя мѣста, освободились бы зданія, имъ занимаемая,—и цѣнность ихъ покрыла бы во всякомъ случаѣ значительную часть недостающей суммы. Съ другой стороны, постоянныя починки, перестройки и пристройки нисколько не подвигая впередъ благоустройства университета, оставляя его всегда въ состояніи какого

хроническаго недомоганія, не давая возможности правильно развиваться и расширяться его учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, также требовали не малыхъ матеріальныхъ затратъ, которыя однако оказывались безплодными. Мало того: только господствомъ этихъ паліативныхъ средствъ объясняется тотъ ненормальный фактъ, что всякій новый почитель начиналъ свою дѣятельность съ отрицанія строительныхъ плановъ своего предшественника и предлагалъ измѣненія и отступленія, которыя въ свою очередь его преемникомъ признавались нецѣлесообразными и прямо вредными. Въ самомъ дѣлѣ, С. О. Потоцкій въ концѣ своей дѣятельности отказался отъ плана, настойчиво проводимаго въ началѣ ея, а его преемникъ З. Я. Карѣевъ составилъ свой планъ перестройки и предложилъ его, какъ мы видѣли, министру. Войдя въ сношенія по этому поводу съ совѣтомъ университета, онъ составилъ проектъ, который потомъ 8-го января 1819 года вмѣстѣ съ планами, фасадами и мѣстою былъ удостоенъ Высочайшей конфирмаціи. Онъ прилагается къ настоящему труду. Стоимость построекъ исчислена была въ 282 руб., которые должны были быть взяты изъ университетской тысячной суммы. Во главѣ строительнои комиссіи поставленъ былъ П. П. Потоцкій. Въ то-же время постановлено было по причинѣ малаго пространства, отведеннаго подъ постройки, и другихъ неудобствъ, отдѣлить всѣ учрежденія медицинскаго факультета отъ прочихъ его частей. Съ Высочайшаго соизволенія 19-го октября 1819 года, разрѣшено было купить для устройства клиники и другихъ медицинскихъ учреждений дворовое мѣсто съ небольшимъ, ветхимъ, деревяннымъ домомъ, такими же пристройками за рѣкою Лопанью (гдѣ былъ потомъ мажорантъ), у помѣщицы Хорватъ за 30000 рублей. Въ 1820 году попечитель сообщалъ, что тамъ будутъ помѣщены медицинскія аудиторіи, кабинеты, больница, анатомическій театръ, фармацевтическая лабораторія, кандидаты и студенты-медики. Распредѣленіе помѣщеній, по Высочайше одобренному плану 1819 года, было таково. Въ главномъ корпусѣ — бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ (гдѣ теперь квартира попечителя и канцелярія совѣта и правленія) весь верхній этажъ былъ назначенъ подъ квартиру попечителя и его канцелярію, а нижній, какъ и теперь, былъ отведенъ для совѣта и правленія, съ приобщеніемъ только училищнаго комитета, съ ихъ архивами. Въ корпусѣ педагогическаго института (гдѣ теперь кабинеты) помѣщались: въ верхнемъ этажѣ физическій кабинетъ съ небольшою лабораторіей для физическихъ опытовъ, аудиторія для физическихъ лекцій, камера обскуры, кабинетъ математическихъ инструментовъ, аудиторія для математическихъ лекцій, залъ для педагогическихъ лекцій и 9 комнатъ, раздѣ-

ленныхъ корридоровъ для магистровъ, а въ нижнемъ этажѣ—залъ для минералогическаго кабинета, комната для минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ лекцій, большая галлерей изъ 4 отдѣленій для зоологическаго кабинета и 12 комнатъ, раздѣленныхъ корридоровъ для 12 кандидатовъ. По смѣтѣ 1820 г. на постройку корпуса педагогическаго института требовалось 161081 руб. (45½ саж. длины, 23 арш. ширины, въ 2 этажа), корпуса казенныхъ студентовъ (45½ саж. длины, 23 арш. ширины, 2 этажа)—156593 р., службъ института и казенныхъ студентовъ съ оградами и галлерей—53670 р., корпуса для церкви, библіотеки и зала торжественныхъ собраній—224040 руб., на ограду вокругъ церкви и прилегающихъ къ ней дворовъ съ галлерейми при домахъ для профессоровъ—27840 р., новаго 3-хъ этажнаго флигеля для помѣщенія директора педагогическаго института, инспектора казеннокоштныхъ студентовъ и въ нижнемъ этажѣ университетскихъ салдавъ—61280 р., службъ на обоихъ профессорскихъ дворахъ—49978 р., надстройки полиціи и части типографіи—28669 руб.; на все по цѣнамъ 1817 года назначено было 523282 руб., а 1820 года—754647 руб. ¹⁾ Отпущено было въ 1819 году на производство работъ изъ экономической суммы Харьковскаго университета 523282 р.: на постройку педагогическаго института и корпуса казеннокоштныхъ студентовъ—112380 р.; 2-хъ флигелей и надстройку 2-го этажа на галлерейхъ—99133 р., на постройку церкви, зала и библіотеки—144699 руб., новаго флигеля въ 3 этажа—41934 р., на поправки главнаго корпуса—15000 р., на службы при институтѣ—15386 р., галлерей на бульварѣ—14060 р., службъ на 2-хъ профессорскихъ дворахъ—32670 р., ограды—10160 р. Постройки производились въ 1820—1823 годахъ ²⁾.

При вступленіи въ должность новаго попечителя Е. В. Каріева въ 1822 году, онъ лично обозрѣлъ всѣ смѣты и счета, убѣдился въ недостаточности исчисленной раньше суммы и испросилъ отпуска изъ хозяйственныхъ средствъ университета еще 102701 руб. съ копѣйками, которые Высочайшимъ рескриптомъ отъ 1-го сентября 1823 г. и были ассигнованы для этой цѣли. Между тѣмъ лицевая стѣна строившейся тогда обсерваторіи обрушилась и виновниками этого происшествія были признаны—подрядчикъ по кирпичнымъ работамъ Добрынинъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коего происходила каменная кладка, и членъ строительнаго комитета профессоръ архитектуры Васильевъ, имѣвшій наблюденіе вообще за всѣми работами; съ нихъ было взыскано 3066 руб., затраченныхъ на исправленіе стѣны. Строительный комитетъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 738/40.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 2337/139.

долженъ былъ взять на себя отвѣтственность за дальнѣйшій способъ постройки. Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ 1823 г., по случаю пере-
ержекъ строительнаго комитета, была учреждена, по Высочайшему по-
елѣнію, особая слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ по-
ечителя Е. В. Карнѣева, въ составѣ ординарнаго профессора Громова,
ректора Слободско-Украинской гимназіи Лосева, губернскаго архи-
ктора Чернышева и правителя канцеляріи попечителя Подвысоцкаго.
лѣдственная комиссія, проработавъ 2 мѣсяца, пришла къ заключенію,
то никакихъ уиущеній, неисправностей, а тѣмъ болѣе злоупотребленій
е было, а оказалась только передержка въ 20 слишкомъ тысячъ руб-
ей, оправдываемая увеличеніемъ цѣнъ на матеріалы ¹⁾. 30 мая 1824 г.
лѣтъ Высочайше утвержденъ планъ новыхъ перестроекъ, предложен-
хъ попечителемъ Е. В. Карнѣевымъ. На основаніи его верхній этажъ
внаго корпуса предполагалось занять медицинскими кабинетами и
нцеляріей совѣта, правленія и училищнаго комитета съ ихъ архи-
и, а нижній — квартирою ректора, аудиторіей, комнатою съ кухней
и повивальной бабки и акушерскою клинкою. Въ верхнемъ этажѣ
того корпуса (педагогическаго института) предполагалось оставить
учрежденія въ прежнемъ видѣ, кромѣ 9 комнатъ для магистровъ,
которыхъ нужно было выломать всѣ простѣнки и образовать изъ
ихъ одну большую залу для зоологическаго кабинета, а въ нижнемъ
авить минералогическій кабинетъ на прежнемъ мѣстѣ, но открытую
алерею задѣлать окнами; три отдѣленія зоологическаго кабинета об-
итить въ три аудиторіи, проломавъ въ нихъ двери изъ наружной гал-
реи, а въ четвертомъ помѣстить мицъ-кабинетъ; кандидатскія же
наты оставить въ прежнемъ видѣ, но превратить въ квартиры для
иверситетскихъ чиновниковъ и кандидатовъ. Квартира попечителя и
канцелярія должны были быть переведены въ купленный деревян-
й домъ, а на устройство особаго помѣщенія для учреждений меди-
нскаго факультета въ отдѣлявавшихся тогда главныхъ зданіяхъ, съ
исоединеніемъ къ нимъ бывшаго генераль-губернаторскаго дома по-
чителю была Высочайше отпущена 30 мая 1824 г. дополнительная
ыма въ 89697 руб. съ копѣйками. Всего же на постройки ассигновано
о: на покупку мѣстъ по Сумскому шоссе—5965 руб.; за домъ Хор-
а залочено 30000 руб.; на починку его издержано 7472 руб. съ ко-
йками; отпущено на постройку городскихъ присутственныхъ мѣстъ—
312 руб. съ копѣйками; на постройку университетскихъ зданій—
3282 руб.; въ 1823 г. прибавлено 102401 руб. съ копѣйками; въ
24 г. на постройку зданій для медицинскаго факультета—89697 руб.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 738/40.

съ копѣйками; всего—829430 руб. съ копѣйками. Въ 1825 г. Слободско-Украинскій губернаторъ донесъ министру, что мѣстная врачебная управа жаловалась на предполагавшійся переводъ клиники и анатомическаго театра во вновь выстроенныя зданія противъ собора (гдѣ помѣщалась до послѣдняго времени хирургическая клиника), потому что онъ былъ сопряженъ съ опасностью для народнаго здравія: зданія эти были со всѣхъ сторонъ окружены высокими постройками и тамъ постоянно скоплялось много народа; испаренія же больныхъ и покойниковъ могли внести заразу; по мнѣнiю губернатора клиники должны были оставаться или на прежнемъ мѣстѣ (за Лопанью), или быть устроены возлѣ ботаническаго сада. Но попечитель, возражая на это, замѣтилъ, что его предположенiе о переводѣ клиники утверждено Высочайшимъ рескриптомъ 30 мая 1824 года и университетъ давно уже приступилъ къ перестройкамъ, перемѣна коихъ нанесетъ значительный ущербъ казнѣ. Казалось бы, что теперь оставалось только закончить постройки по послѣднему Высочайше одобренному плану. Однако этого не случилось: новый попечитель А. А. Перовскій, смѣнившій Е. В. Карѣева, въ свою очередь подвергъ критикѣ планъ своего предшественника и предложилъ перевести университетъ изъ Харькова въ Новгородъ-Сѣверскъ Черниговской губ.

А. А. Перовскій нашелъ въ устройствѣ и размѣщенiи всѣхъ частей университета вообще слѣдующія неудобства: 1) Клиника съ ея принадлежностями помѣщена была за рѣкою Лопанью въ домѣ Хорватовой—ветхомъ, худо расположенномъ и тѣсномъ одноэтажномъ строенiи, находящемся на низкомъ, подверженномъ наводненiю мѣстѣ, и въ принадлежащихъ къ нему сараяхъ и амбарахъ. Въ этомъ же домѣ одна комната обращена была въ аудиторiю для нѣкоторыхъ медицинскихъ лекцiй, между тѣмъ, какъ для преподаванiя другихъ предметовъ, къ тому же факультету относящихся, назначены залы во вновь выстроенныхъ корпусахъ на другой сторонѣ рѣки, гдѣ живутъ и самые студенты этого факультета. Такое распредѣленiе сильно затрудняло ихъ при переходѣ съ одной лекцiи на другую, особенно весною и осенью, во время грязи, около моста чрезъ рѣку Лопань почти непроходимой, и гдѣ сверхъ того—по причинѣ устроенныхъ у самаго моста, къ сторонѣ университета, питейныхъ домовъ, обжорнаго ряда и рынка—ежедневно толпится народъ самаго низкаго званiя и въ разныхъ видахъ. 2) Нѣкоторые изъ комнатъ, предназначенныхъ для жительства казенныхъ воспитанниковъ, во вновь выстроенныхъ корпусахъ, окнами обращены на заднiе черные дворы, отчего, особенно въ нижнихъ этажахъ, ни въ какое время года невозможно ихъ открывать,—а это дѣлаетъ

воздухъ въ этихъ комнатахъ тяжелымъ и нездоровымъ. Въ другихъ же комнатахъ къ сторонѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, устроенныхъ и предмѣстникомъ его въ спальныя залы обращенныхъ, окна въ нижнемъ этажѣ такъ низки, что основаніе ихъ почти равно съ землею. Такъ какъ между этимъ корпусомъ и упомянутыми присутственными мѣстами находится здѣсь родъ весьма узкаго переулка, съ Лопанскаго моста въ центръ города ведущаго и во всякое время дня и большую часть ночи наполненнаго проходящими обоого пола и всякаго возраста состоянія, то отъ этого весьма часто происходятъ разныя непріятныя для нравственности студентовъ вредныя сцены, отъ которыхъ предотвратить ихъ, при такомъ устройствѣ ихъ жилищъ, почти невозможно. Открытая галлерей при колоннадѣ, между кухнями этихъ корпусовъ всю длину главнаго двора протянутая, дѣлаетъ этотъ дворъ открытымъ со стороны того же моста и входъ для всякаго и во всякое время свободнымъ, что представляетъ новый поводъ къ разнымъ негоднымъ и соблазнительнымъ встрѣчамъ и происшествіямъ. 4) Обсерваторія—уже однажды, вскорѣ послѣ постройки ея обрушившаяся на будущее время относительно прочности весьма ненадежная—построена между церковью, заломъ собранія и библіотекою, на большой боѣзжей улицѣ, отъ чего подвержена безпрестанному сотрясенію; при этомъ почти вся сѣверная половина неба отъ нея закрыта соборною церковью съ ея колокольнею и другими зданіями и потому обсерваторія эта совершенно ни къ чему не пригодна. 5) Ботаническій садъ, изъ-за отдаленности своей отъ главныхъ университетскихъ зданій, столь неудобный для профессора ботаники и воспитанниковъ, имѣетъ еще и недостатки, что песчаный грунтъ его вовсе не годится для питанія многихъ растений, что нѣтъ колодизей для поливки ихъ въ жаркое время и водохранилищъ для содержанія водяныхъ растений; нѣтъ надлежащаго канала и стѣны для воспрепятствованія съ нагорной части, занимаемой Англійскимъ садомъ, стоку воды, во время дождей (особенно часто при таяніи снѣга); вода каждый разъ размываетъ грядки; нѣтъ удобнаго для квартиры профессора ботаники, какъ директора сада, котораго всегдашнее присутствіе въ немъ во многихъ отношеніяхъ необходимо.

Въ планѣ перемѣнъ 1824 года, предмѣстникомъ его предначертанномъ и доселѣ еще невыполненномъ, найдены имъ слѣдующія важныя неудобства. 1) Назначеніе въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса, бывшаго генераль-губернаторскаго дома, двухъ залъ для медицинскаго совѣта съ принадлежностями, а въ нижнемъ (вмѣстѣ съ квартирою ректора) акушерской клиники и жилища для повивальной бабки, съ ея

кухнею и проч., и потому уже неудобноисполнимо, что помѣстить клинику, по предположенію предмѣстника его, во вновь устроенныхъ зданіяхъ университета нѣтъ никакой возможности, какъ то выше показано будетъ подробнѣе. При томъ такъ какъ корпусъ этотъ есть, можно сказать, лучшее изъ всѣхъ зданій по устройству и положенію своему и занимаетъ самую средину между ними и въ продолженіе цѣлаго дня окружено многолюдною толпою, то помѣщеніе въ немъ акушерской клиники нужно признать совершенно неприличнымъ и неудобнымъ. Что касается до перемѣщенія присутственныхъ мѣстъ университета, съ ихъ канцеляріями и архивами, въ верхній этажъ этого корпуса, то совѣтъ университета въ представленіи своемъ предмѣстнику его отъ 17-го генваря 1825 года, объясняя неудобства такового перемѣщенія, просилъ оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ, — и онъ съ своей стороны находить, что, въ случаѣ надобности, этотъ этажъ можно занять учрежденіями, болѣе существенными въ отношеніи университета, который является собственно учебнымъ, а не судебнымъ заведеніемъ. 2) Въ корпусѣ педагогическаго института, въ нижнемъ этажѣ, зала минералогическаго кабинета по устройству своему и незначительному пространству не соотвѣтствуетъ назначенію, ибо при разборѣ и систематическомъ размѣщеніи въ прошломъ 1826 году имѣющихся на лицо минераловъ, оказалось, что и теперь уже значительная часть ихъ въ ней не помѣщается. Тоже можно сказать и о минцъ-кабинетѣ, котораго нахождение здѣсь, между аудиторіями, тѣмъ болѣе неумѣстно, что для технологической и зоологической лабораторій и запаснаго зоологическаго magazина вовсе не назначено мѣста. Наконецъ, если въ 12-ти комнатахъ этого этажа устроить квартиры для университетскихъ чиновниковъ, кухни же, къ нему принадлежащія обратить въ химическую лабораторію, а остальное пустое мѣсто на дворѣ къ углу застроить прачешною — какъ все это предполагалъ предмѣстникъ мой, то уже не останется здѣсь никакого помѣщенія для прислуги означенныхъ чиновниковъ, для ихъ кухонь, кладовыхъ и т. п. 3) Въ студенческомъ корпусѣ устройство обширныхъ залъ вмѣсто комнатъ, для жительства воспитанниковъ университета, можно бы допустить въ такомъ только случаѣ, когда бы эти послѣдніе поступали въ университетъ гораздо въ меньшемъ возрастѣ, т. е. не старше по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ и при томъ всѣ изъ пансіоновъ, гдѣ они съ дѣтства привыкли къ многолюдству и занятіямъ, такъ сказать, *общимъ*; но для молодыхъ людей отъ 17 до 25 лѣтъ и болѣе, при занятіи предметами, часто требующими большого вниманія, размышленія и соображеній, зрѣлому возрасту свойственныхъ, помѣщеніе въ одной комнатѣ не только 30 или 40 человѣкъ, но и гораздо

большаго числа совершенно неудобно и для успѣховъ въ наукахъ замѣдлительно. Что касается до другихъ передѣлокъ въ этомъ корпусѣ, и предположеннаго предмѣстникомъ моимъ здѣсь пансіона, то онѣ бесполезны и совершенно излишни уже по тому одному, что проектъ этого пансіона не удостоенъ одобренія, какъ видно изъ предписанія вышшаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 10-го іюля 1823 года. 4) Неудобство открытой галлерей со стороны Лопатинскаго моста показано выше; но передѣлка одной части ея въ столовую залу, а другой въ фармацевтическую лабораторію и другія медицинскія учрежденія, столь же, хотя и въ иномъ отношеніи, неудобна и бесполезна. Какъ ни близко находилась бы эта столовая отъ жилища студентовъ, но такъ какъ между нимъ и галлереей нѣтъ никакого сообщенія, то въ эту столовую нужно было бы проходить—днемъ и ночью—въ открытомъ мѣстѣ, чрезъ черный дворъ, что, при измѣняющейся такъ часто погодѣ въ Харьковѣ, особенно во время осени, зимы и весны, имѣло бы весьма вредное вліяніе на здоровье воспитанниковъ; брать имъ съ собою всякій разъ, для того, чтобы укрыться отъ непогоды, пальто и т. п. одѣяніе, за столомъ не нужное и неприличное, представлялось бы новымъ затрудненіемъ. Относительно фармацевтической лабораторіи и проч. довольно сказать, что эта часть медицинскаго отдѣленія должна находиться въ совокупности съ нимъ—тамъ, гдѣ оно и теперь устроено. 5) Помѣщеніе клиники съ ея принадлежностями въ зданіи, построенномъ для квартиры ректора и профессора химіи, какъ въ внутреннему его расположенію, такъ преимущественно по мѣстнымъ обстоятельствамъ, совершенно невозможно. Съ одной стороны звонъ колоколовъ съ находящейся близъ самаго дома соборной колокольни и канѣйсколькихъ саженьяхъ отъ него барабанный бой по зарямъ на гаубицахъ, а ночью крики часовыхъ, чрезвычайная пыль лѣтомъ, особенно въ этомъ мѣстѣ отъ множества проезжающихъ, пыль, даже и сквозь заворенныя окна проникающая; съ другой стороны недостатокъ дворнаго мѣста, открытаго и чистаго—все это такія препятствія, которые отворить ничѣмъ невозможно. Они между прочимъ не скрылись отъ вниманія Слободско-Украинской врачебной управы, которая въ началѣ 1825 года—какъ видно изъ дѣлъ попечительской канцеляріи—представила о томъ съ представленіемъ къ тамошнему гражданскому губернатору, а онъ къ министру народнаго просвѣщенія, и хотя предположеніе это, вслѣдствіе донесенія предмѣстника моего отъ 13 апрѣля того же года, не измѣнило предположеній относительно этого предмета, но все-таки въ томъ строгая справедливость и самая обязанность требуютъ замѣтить: а) что обращеніе конюшенъ и сараевъ, принадлежа-

щихъ вышеозначенному дому, въ анатомическій театръ неминуемо послужить къ большей испорченности воздуха; b) что пространство между университетскою церковью и предполагаемымъ театромъ, ледниками, сараемъ, конюшнею, банею для студентовъ, стѣною непринадлежащихъ университету зданій, столь мало, что объ устройствѣ здѣсь какого бы ни было сада и думать нельзя; с) что больные въ прогулкахъ своихъ вокругъ упомянутой церкви необходимо должны будутъ проходить въ виду и даже вблизи самаго анатомическаго театра, слѣдовательно, нѣтъ возможности предохранить ихъ отъ впечатлѣній непріятныхъ и для возстановленія здоровья вредныхъ; d) что дворъ здѣсь весьма тѣсенъ и неровенъ; предполагаемая же къ постройкѣ со стороны церкви каменная стѣна еще болѣе стѣснить его; наконецъ, е) что перестройки по планамъ 1824 года въ этой части университетскихъ зданій понывъ еще не начаты и, слѣдовательно, отмѣною ихъ никакого убытка для казны послѣдовать не можетъ. 6) Перемѣщеніе типографіи за городъ—въ домъ, находящійся на принадлежащемъ университетскому саду мѣстѣ, въ открытомъ со всѣхъ сторонъ полѣ—не представляетъ никакого удобства по отдаленности его какъ отъ университета, такъ и отъ самаго города. Сдѣлавъ такое перемѣщеніе, надобно будетъ устроить тамъ же квартиры не только для фактора типографіи, но и для всѣхъ служащихъ при ней, какъ-то: наборщиковъ, батырщиковъ и проч.—а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, будучи людьми семейными, имѣютъ собственныя свои жилища въ городѣ, въ 5 и болѣе верстахъ отъ этого мѣста, и эти дома, за невозможностью ходить изъ нихъ въ новую типографію во время гризи, по нѣсколько мѣсяцевъ въ году продолжающейся, должны будутъ продать за безцѣнокъ, или бросить безъ всякаго призора, то справедливость требуетъ вознаградить ихъ за такую потерю и разстройство въ хозяйствѣ, по скудному состоянію ихъ весьма для нихъ чувствительное. Слѣдовательно, казны предстоятъ двойныя издержки: на устройство новыхъ жилищъ для всѣхъ служащихъ при типографіи и на удовлетвореніе ихъ за старыя,—выгоды же совершенно никакой нѣтъ, ибо и клиника, для которой предполагалось помѣстить аптеку въ занимаемомъ нынѣ типографіею домѣ, никакимъ образомъ не можетъ быть здѣсь устроена, какъ явствуетъ изъ сказаннаго о томъ выше.

Обо всѣхъ этихъ неудобствахъ въ планѣ 1824 года, я имѣлъ счастье лично докладывать въ Возѣ почивающему Государю Императору, во время присутствія Его Величества въ Таганрогъ и въ отношеніи перемѣнъ, какія по усмотрѣнію моему могли быть признаны наиболѣе нужными во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ, получивъ изустное

милостивѣйшее соизволеніе войти съ представленіемъ къ начальству. Почему, возвратясь въ Харьковъ, немедленно пригласилъ всѣхъ членовъ вѣта университета въ общее собраніе и предложилъ имъ обсудить проектъ о приличнѣйшемъ и наиболѣе выгодномъ распредѣленіи построекъ и перестроекъ и размѣщеніи всѣхъ частей университета.

Вслѣдствіе этого, совѣтъ представилъ между прочимъ мнѣніе медицинскаго факультета относительно наиболѣе выгоднаго устройства клиническихъ институтвъ — терапевтическаго, хирургическаго и акушерскаго, а также и анатомическаго театра, присовокупивъ къ тому, въ по разсмотрѣніи изложенныхъ факультетомъ мотивовъ, онъ нашелъ въ основательными и потому съ мнѣніемъ его совершенно согласенъ. Мнѣніи же своемъ факультетъ перечисляетъ тѣ условія, которыя необходимо должны быть приняты во вниманіе при постройкѣ больницъ вообще и въ особенности клиническихъ институтвъ университета, а именно. „Мѣсто для постройки больницъ, — говорится тамъ, — должно быть открыто, сухо, на вѣтру и, если можно, возвышенно; должно находиться недалеко отъ проточной воды и въ отдаленіи отъ стоячихъ водъ, болотъ, кладбищъ, боенъ, кожевенъ, большихъ проѣзжихъ улицъ, рынковъ и многолюдныхъ площадей. Эти условія также необходимы и для устройства клиническихъ институтвъ университета. Кромѣ того, производство хирургическихъ и акушерскихъ операцій, по извѣстнымъ причинамъ требуетъ отдаленности отъ центра города, дабы женщины при полученіи нужнаго пособія могли приходить туда, не будучи ни въ чемъ замѣчены. Наконецъ, анатомическій театръ долженъ имѣть отъѣздный дворъ, чтобы при производствѣ операцій удалить худой запахъ, присутствія котораго трудно избѣжать даже и при соблюденіи возможной чистоты; а кромѣ того, вслѣдствіе отдѣленія особымъ дворомъ, это учрежденіе будетъ скрыто отъ взоровъ простолюдиновъ и больныхъ, на воображеніе которыхъ нехорошо дѣйствуетъ взглядъ на анатомическія операціи. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, медицинскій факультетъ приходитъ къ заключенію, что клиническіе институты и анатомическій театръ не могутъ быть помѣщены въ ново-выстроенныя университетскія зданія, какъ не удовлетворяющихъ вышеизложеннымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе, что и внутреннее расположеніе комнатъ, въ больницахъ столь важное, нимало не соотвѣтствуетъ новой цѣли, ибо онѣ не имѣли ее въ виду“.

По полученіи этого отзыва, вполне раздѣляемаго и одобреннаго совѣтомъ университета, изыскиваемы были имъ, попечителемъ, сообщая о совѣтѣ, всѣ возможные средства къ исправленію вышеуказанныхъ недостатковъ и неудобствъ въ размѣщеніи и устройствѣ не только кли-

ники, но и всѣхъ вообще частей университета, и вслѣдствіе того составлены новыя предположенія и планы, по которымъ кромѣ разныхъ другихъ перемѣнъ, всѣ медицинскія учрежденія должны быть устроены на иномъ мѣстѣ, возможно болѣе удовлетворяющемъ изложеннымъ въ вышеприведенномъ мнѣніи медицинскаго факультета условіямъ.

Представляя при этомъ на благоусмотрѣніе министра эти новыя планы, составленные имъ, для перестройки университета по вышеизложеннымъ соображеніямъ, онъ рѣшился бы просить объ исходатайствованіи имъ Высочайшаго утвержденія, если бы не считалъ обязанностью предварительно замѣтить, что приведеніемъ въ дѣйствіе его предположеній нельзя въ полной мѣрѣ преодолѣть важныхъ неудобствъ, препятствующихъ усовершенствованію всѣхъ частей университета. Неудобства эти происходятъ отъ того, что городъ Харьковъ самъ по себѣ совершенно неудобенъ для подобнаго заведенія, а мѣсто, на которомъ находятся уже оконченныя зданія университета, и того менѣе, что усмотрѣть можно изъ слѣдующаго. 1) Городъ этотъ имѣетъ ощутительный недостатокъ въ одной изъ главнѣйшихъ потребностей, именно въ водѣ. Двѣ рѣчки, Харьковъ и Лопань, чрезъ него протекающія, не могутъ удовлетворить этой потребности какъ по мелководію ихъ, такъ въ особенности по мутности и гнилости, ибо вода въ нихъ, будучи заперта двумя мельничными плотинами (изъ коихъ одна на рѣкѣ Харьковѣ въ самомъ городѣ, а другая на рѣкѣ Лопани ниже города), почти никакого не имѣетъ теченія. Поглощаемая ею, при вскрытіи весны, нечистота всякаго рода вмѣстѣ со льдомъ (по причинѣ ранняго спуска воды на Лопанской плотинѣ) — осѣдаетъ на дно, и годъ отъ году все болѣе и болѣе его засариваетъ. При наступленіи лѣта рѣчки эти, особенно Лопань, кипятъ, такъ сказать, насѣкомыми, отъ теплоты и гнилости въ нихъ расплотившимися, и покрываются зеленою корою. Колодязей же, и то съ посредственною водою, въ цѣломъ городѣ не болѣе двухъ или трехъ. Кто желаетъ пользоваться хорошею водою, тотъ долженъ посылать за нею верстъ за 5 или за 6 отъ города. Но для университета, въ которомъ, кромѣ чиновниковъ и слушателей, живетъ около 100 студентовъ, дѣлать это невозможно, и потому онъ принужденъ довольствоваться частью изъ колодязей, а большею частью рѣчною—какая есть и, слѣдовательно, весьма вредною для здоровья водою. 2) Городъ этотъ за недостаткомъ по близости его камней, не вымощенъ: нѣкоторыя улицы и частью площади насыпныя, отъ чего въ извѣстныя времена года, какъ-то — весною и преимущественно осенью, бываетъ такая грязь, что по причинѣ невозможности безопаснаго ходенія, особенно вблизи мостовъ, черезъ улицы и площади, и большихъ за-

зданій для ѣзды, университетъ принужденъ бываетъ на нѣсколько времени прекращать лекціи. При всемъ томъ не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы университетъ не лишился двухъ или трехъ профессоровъ и адъюнктовъ, умирающихъ не отъ старости лѣтъ, а отъ дѣйствія тамошняго климата, располагающаго къ простудамъ и нервнымъ расстройствамъ. 3) Самое уже существованіе университета въ провинціальныхъ городѣхъ, въ которомъ бываетъ въ продолженіе каждаго года нѣсколько большихъ ярмарокъ, устраиваемыхъ около самаго университета (Бещенская, Успенская и Покровская), представляетъ неудобства и затрудненія, почти непреодолимыя для доведенія университета до желаемого совершенства, ибо едва ли есть возможность, особенно во время ярмарокъ, имѣть надлежащій присмотръ за нравственностью и поведениемъ нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей, квартиры которыхъ по всему городу разбѣяны. 4) Университетъ, за исключеніемъ клиники, помѣщенъ теперь въ центрѣ города, въ бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ и во вновь построенныхъ при немъ корпусахъ, на весьма плохомъ мѣстѣ. Съ сѣвера и востока окружаютъ его присутственныя мѣста, соборная церковь и каменные купеческія лавки; съ юга и запада — обрывъ горы, и кромѣ нѣсколькихъ такихъ же лавокъ и лавочекъ съ разными мелочными вещами, циркульни, трактиры, шинки и питейныя дома и прочее; тутъ же вновь выстроенный обжорный базаръ, толкучій рынокъ, мѣста для торговки съ разными съѣстными предметами, овощами и т. п., и въ дополненіе ко всему тому — лобное мѣсто съ каменнымъ столбомъ, близъ котораго, въ извѣстные дни недели, совершаются приговоры надъ преступниками, въ виду университета, такъ что изъ аудиторій, во время преподаваній лекцій, слышны крики и вопли наказуемыхъ и дѣйствіе самаго наказанія. Наконецъ, университетскія зданія при всей ихъ тѣснотѣ и столь невыгодномъ размѣщеніи, раздѣлены одною изъ главныхъ улицъ, между ними протекающею и всегда наполненною народомъ; улица эта ведетъ изъ одной изъ наиболѣе обширныхъ и населенныхъ частей города къ разнымъ общественнымъ зданіямъ — къ соборной церкви, къ гражданскимъ присутственнымъ мѣстамъ, къ монастырю, къ гостинному двору, къ трактирамъ, виннымъ погребамъ и къ полиціи. 5) Число студентовъ въ университетѣ ежегодно возрастаетъ, почему и не подлежитъ сомнѣнію, что чрезъ нѣсколько лѣтъ даже помѣщеніе ихъ въ аудиторіяхъ окажется затруднительнымъ, тѣмъ болѣе что — какъ выше объяснено — раздѣлывать университетскія зданія, окруженные и стѣсненные дружными университету не принадлежащими строеніями и обрывомъ горы въ окрестности Лопани, вовсе невозможно. 6) Столь же невозможно избѣгнуть

всякаго рода соблазновъ, прѣистекающихъ отъ близости къ университету шинковъ вмѣстѣ съ рынкомъ, обжорнымъ рядомъ и т. п.

По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ нельзя не прійти къ заключенію, что при существованіи университета на нынѣшнемъ его мѣстѣ, нѣтъ никакой возможности изыскать достаточныхъ средствъ къ его прочному улучшенію и усовершенствованію и потому я считалъ бы болѣе пристойнымъ и необходимымъ перевести его въ другое, болѣе удобное для этого мѣсто. Таковымъ по многимъ соображеніямъ, нахожу я Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь. Обширность его строеній, болѣею частью каменныхъ, на ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ съ одной стороны открытымъ пространнымъ лугомъ, съ другой—чистою, свѣтлою рѣкою Десной, почти подъ самыми стѣнами монастыря протекающею, а съ третьей—монастырскимъ садомъ, весьма удобнымъ для всѣхъ ботаническихъ учреждений, всегда чистый здоровый воздухъ, удаленіе отъ шума городского и всѣхъ его соблазновъ, все это въ совокупности представляетъ такія выгоды и удобства для устройства здѣсь университета, какія въ другихъ мѣстахъ вѣреннаго мнѣ учебнаго округа едва ли найти можно. Малое число монаховъ (которыхъ въ этомъ монастырѣ, при всей огромности его строеній, имѣется не болѣе 8 и которые поэтому легко могутъ быть перемѣщены въ иное какое-либо мѣсто)—еще болѣе утверждаетъ меня въ этой мысли.

Главное затрудненіе, представляющееся при переводѣ сюда изъ Харькова университета, состоитъ безъ сомнѣнія въ издержкахъ, которыхъ онъ будетъ стоить казнѣ; но и это затрудненіе почти исчезаетъ, если принять во вниманіе слѣдующія соображенія. 1) Университетъ въ настоящемъ видѣ и положеніи своемъ оставаться не можетъ. 2) Новыя постройки и перестройки его на прежнемъ мѣстѣ также должны стоить нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, при всемъ томъ далеко не удовлетворяютъ всѣмъ его потребностямъ, и главная цѣль учрежденія университета, какъ-то: прочность его, богатство во всѣхъ учебныхъ пособіяхъ при полной возможности пользоваться ими, и существенная отъ того польза государству—эта цѣль, по недостатку средствъ, долженствуя, щихъ поддерживать, утверждать и возвышать его, никогда не можетъ быть достигнута. 3) Правительство и безъ того будетъ вынуждено помышлять о перемѣщеніи университета, когда число учащихся значительно умножится; слѣдовательно, всѣ суммы, которыя до настоящаго времени на него истрачены, и какія еще на возможно лучшее устройство его необходимо употребить, будутъ тогда совершенно потеряны. 4) Перемѣщеніе университета въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, во-

орое въ полной мѣрѣ удовлетворить всѣмъ ожиданіямъ правительства, потребуеъ едва ли не меньшихъ издержекъ, чѣмъ постройка вновь необходимыхъ зданій въ Харьковѣ и перестройка старыхъ. 5) Наконецъ, строенія, нынѣ университетомъ занимаемыя, могутъ съ пользою употреблены быть для предполагаемаго въ Харьковѣ кадетскаго корпуса; слѣдовательно, и убытки казны — если бы такіе, паче чаянія, показалиcя при перемѣщеніи университета въ упоминаемый монастырь — легко могутъ быть вознаграждены сбереженіемъ суммъ, на постройку означеннаго корпуса опредѣленныхъ“.

Нельзя не согласиться съ этими замѣчаніями А. А. Перовскаго; можно даже сказать, что и каждое, взятое въ отдѣльности, и всѣ они въ совокупности своей имѣли подъ собою серьезную фактическую под-
 рыдку. Университету дѣйствительно не слѣдовало обрекать себя на включеніе въ тѣсномъ центральномъ участѣ города Харькова и пре-
 щать свое *временное* жилище въ постоянное. Попечитель гр. С. О. Соко-
 лый, слѣдовавшій впрочемъ здѣсь за ректоромъ Осиповскимъ,
 представивъ планъ перестроекъ и пристроекъ, впалъ въ ошибку — и
 печенныя послѣдствія этой ошибки чувствовались многія десятки лѣтъ,
 продолжаютъ чувствоваться и до сихъ поръ. Но на сколько сильна от-
 дательная критика попечителя, на столько проблематиченъ его планъ
 превода университета въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь. Естествен-
 ыя, санитарно-гигіеническія условія новой мѣстности были, конечно,
 сравненно лучше Харьковскихъ, уже по одному тому, что вмѣсто
 лани, Харьковъ и Нетечи тамъ протекала Десна. Архіепископъ Фи-
 тетъ даетъ такое описаніе монастыря. „Новгородъ-Сѣверскій Спасскій
 монастырь есть обширное и великолѣдное зданіе, расположенное въ чет-
 верти версты отъ города, на поверхности высокой горы, подошва ко-
 той омывается р.-Десною. Мѣстоположеніе его соотвѣтствуетъ кра-
 еѣ самого зданія. Окруженный вѣковыми липами сей монастырь из-
 ни представляетъ величественный видъ, особенно изъ за рѣки Десны.
 въ монастыря видны лучшая часть города, прибрежныя горы, усѣ-
 нныя деревьями и рощами, обширный лугъ Десны, богатый озерами
 и ручьями, и дремучій сосновый лѣсъ, находящійся на необозримой
 нивѣ ея лѣваго берега“. Но природа была здѣсь величественна и
 жестока между прочимъ потому, что ее не успѣла коснуться и ис-
 кривить рука человѣка; а еслибы здѣсь образовался многолюдный уче-
 ный городокъ, то многое тутъ измѣнилось бы къ худшему — порѣ-
 зана бы быстро лѣса, обмелѣла бы даже рѣка, а главное измѣнились
 бы худшему санитарно-гигіеническія условія жизни, давали бы себѣ
 чувствовать, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, грязь и пыль. Монастырь стоялъ

въ сторонѣ отъ города — это было бы удобно для закрытаго учебнаго заведенія, но не для университета, въ которомъ только незначительная часть студентовъ казеннокоштнаго содержанія жила въ интернатѣ. Спрашивается: какъ они должны были бы добираться изъ города до монастыря? не пришлось ли бы имъ еще болѣе продолжать *feriae luti*, т. е. грязные каникулы? Харьковъ, при всемъ его неблагоустройствѣ, все таки представлялъ извѣстные матеріальныя удобства для жизни и былъ обязанъ имъ своей торговлѣ и въ частности тѣмъ ярмаркамъ, которыя порицалъ А. А. Перовскій. Новгородъ-Сѣверскъ въ этомъ отношеніи стоялъ несравненно ниже Харькова: первый жилъ своимъ прошлымъ, второй не имѣлъ этого прошлаго и жилъ настоящимъ и надеждою на лучшее будущее, которое въ значительной степени однако зависѣло отъ того же университета. А. А. Перовскій не принялъ во вниманіе, что лишить Харьковъ университета значило бы отнять у него одинъ изъ двухъ основныхъ источниковъ его благосостоянія и прогрессивнаго развитія и обресть на хроническое культурное прозябаніе. Пребываніе университета сдѣлало Харьковъ образовательнымъ центромъ огромнаго района, обнимавшаго всю Малороссію, Новороссію, Крымъ, Кавказъ и значительную часть Великороссіи; съ переводомъ его въ Новгородъ-Сѣверскъ, Харьковъ долженъ былъ бы утратить эти огромныя преимущества. Но трудно было сказать, могъ ли бы Новгородъ-Сѣверскій монастырь замѣнить въ этомъ отношеніи Харьковъ. Этотъ послѣдній занималъ болѣе центральное положеніе среди своего учебнаго округа, чѣмъ первый, который находился слишкомъ далеко на сѣверѣ. И Сумы должны были уступить Харькову, потому что лежали сѣвернѣе его, а Новгородъ-Сѣверскъ былъ еще дальше ихъ. Современемъ, благодаря университету, и Новгородъ-Сѣверскъ несомнѣнно бы возвысился, но этого момента нужно было еще долго ждать и преодолѣть на пути къ его осуществленію не меньше препятствій, чѣмъ и Харькову. Мы знаемъ, съ какими трудностями было сопряжено первоначальное устройство университета въ Харьковѣ и какъ медленны были его первые успѣхи, какъ туго, напримѣръ, увеличивалось въ немъ число студентовъ — теперь бы все это пришлось повторять съ начала и едва ли къ пользѣ и успѣхамъ просвѣщенія. Правда въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ было много строеній, но они не были совершенно приспособлены къ нуждамъ университета и добиться этого приспособленія было бы чрезвычайно трудно. Не говоримъ уже о томъ, что духовное вѣдомство, которому принадлежалъ монастырь, по всей вѣроятности, не согласилось бы добровольно уступить его, а принудительное отчужденіе противорѣчило бы справедливости, также точно

и величайшею несправедливостью было бы удаление университета из того города и края, которые, въ лицѣ своихъ сословій, принесли столь щедрые жертвы на его устройство. Во всякомъ случаѣ, пришлось отказаться тогда отъ 8 сотъ тысячной суммы, пожертвованной дворянствомъ и горожанами.

При такихъ условіяхъ, гораздо проще и естественнѣе было помянуть не о переводѣ университета въ другой городъ, а о перенесеніи его изъ центра на окраину по Сумскому шоссе. Важнѣйшимъ препятствіемъ для этого было отсутствіе въ этой нагорной части воды и чистоты, благодаря грязи, сообщенія съ центромъ города. Но отъ недостатка воды страдали и въ центрѣ, а если бы весь университетъ былъ перенесенъ на Сумское шоссе, то отыскали бы и средства добыть тамъ воду, изъ колодезей; грязь же была тогда неизбѣжнымъ и непреодолимымъ зломъ. Но зато на этихъ привольныхъ мѣстахъ можно было дѣйствительно устроить зданія, вполне приспособленныя къ потребностямъ университета, съ перспективою безпрепятственного расширения ихъ не только въ ближайшемъ, но и отдаленномъ будущемъ. Было бы на первыхъ порахъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе было бы болѣе и болѣе улучшалось: Харьковъ сталъ бы расти въ ту сторону, гдѣ построены были бы новыя зданія, университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла бы пустыня этого превосходнаго и самаго здороваго въ городѣ мѣста; уменьшилась бы скоро дальность разстоянія и улучшилось сообщеніе этой части города съ центромъ; профессора и студенты, конечно, стали бы селиться на этихъ новыхъ мѣстахъ, а не повсюду городу. Многіе обыватели и преподаватели стали бы здѣсь строить себѣ дома. А старыя постройки университета могли бы быть проданы за хорошую сумму или уступлены подъ какое нибудь общественное учрежденіе.

Къ сожалѣнію, университетъ и въ настоящее время, на 98-мъ году своего существованія, остается въ прежнемъ временномъ своемъ положеніи, испытывая отъ этого массу неудобствъ.

Новый попечитель округа В. И. Филатьевъ, смѣнившій А. А. Перовскаго, въ 1832 году сдѣлалъ министру народнаго просвѣщенія представленіе, въ которомъ указывалъ на неудобства, проистекавшія отъ постоянныхъ перемѣнъ, производимыхъ смѣнявшимися другъ друга попечителями, но самъ же предлагалъ въ свою очередь новыя измѣненія плана и просилъ для нихъ Высочайшаго утвержденія ¹⁾. Министръ

¹⁾ Вотъ что писалъ онъ министру. „Такъ какъ строенія Харьковскаго университета еще не кончены и достройка ихъ остановлена при попечителѣ Перовскомъ, а потому тѣмъ, независимо отъ безобразія, университетъ терпитъ стѣсненіе въ своемъ

согласился со всѣми предположеніями попечителя и поручилъ ему приступить немедленно къ ихъ исполненію и представить въ возможно скоромъ времени проектъ, планъ и смѣту клиникъ. Но крупныхъ построекъ и перестроекъ до 1835 г. не было; только въ 1831 и 1835 гг. происходили наружныя поправки нѣкоторыхъ корпусовъ, да въ 1834 г. перестроена была въ ботаническомъ саду каменная оранжерея. 2, 3, 4 и 5-й корпусы были отстроены до 1823 года, а 6-й въ 1825 году.

Вотъ подробное размѣщеніе учреждений университета въ 1834 г. Главныя университетскія зданія состояли изъ 6 каменныхъ корпусовъ, изъ коихъ 4 было въ 2 этажа, 1 въ 3 и 1 въ 1 этажъ. 5 комнатъ въ 1-мъ изъ нихъ были временно заняты библіотекой. Во 2-мъ корпусѣ въ нижнемъ этажѣ 1 комната занята была минералогическимъ кабинетомъ, галерея—зоологическимъ кабинетомъ (она состояла изъ 4-хъ отдѣленій); въ верхнемъ этажѣ 3 комнаты—физическимъ, технологическимъ, нумизматическимъ и астрономическимъ кабинетами, а остальные 29 комнатъ нижняго и верхняго этажа—казеннокопитными студентами. Въ 3-мъ корпусѣ въ 11 комнатахъ верхняго и нижняго этажа помещалась клиника, а въ 4-хъ нижняго—типографія. 4-й—трехъ-этажный корпусъ. Въ 5-мъ корпусѣ было 11 комнатъ для анатомическаго театра и кабинета, 2 комнаты для приготовленія зоологическихъ препаратовъ, 3—для химической лабораторіи; въ верхнемъ этажѣ его же помещалось 8 лекціонныхъ залъ, 2 комнаты для рисовальнаго класса, 1 залъ для

размѣщенію, то я признаю весьма нужнымъ строеніе окончить и тѣмъ упрочить распредѣленіе помѣщенія разъ навсегда, ибо если каждый попечитель будетъ измѣнять планы и предположенія, единожды утвержденныя, и предположенія размѣщенія, то кромѣ неизбѣжныхъ и излишнихъ расходовъ, университетъ никогда имѣть не будетъ окончательнаго устройства. Изъ прилагаемой при этомъ записки о зданіяхъ и трехъ утвержденныхъ планахъ, ваша свѣтлость усмотрите разныя отступленія и перемѣны, въ нихъ произведенныя, такъ же и мои предположенія, касающіяся, во 1-хъ, къ мѣнявшимся расходамъ, а во 2-хъ, использованію сдѣланнымъ уже помѣщеніемъ, только съ лучшимъ удобствомъ; я хотѣлъ не ломать того, что уже отдѣлкою кончено, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать новой постройки для клиники и дома попечителя, какъ вовсе не-нужнаго предположенія, требующаго при томъ значительной суммы расходовъ. Какъ скоро ваша свѣтлость изволите одобрить мое мнѣніе, то я прикажу составить смѣту и планы и представлю въ нынѣшнее же лѣто, дабы можно было приступить къ работѣ и въ будущемъ 1833 году строеніе и подѣлки произвести и кончить. Суммы же на эти постройки можно употребить тѣ, которыя остались отъ ассигнованныхъ на новыя постройки въ 1824 году, въ случаѣ же недостатка ихъ, сдѣлать позаймствованіе изъ хозяйственныхъ средствъ. Считаю нужнымъ просить о позволеніи быть лично при докладахъ по этому представленію вашей свѣтлости, для необходимыхъ поясненій и объясненій, на что и ожидаю разрѣшенія вашей свѣтлости". (Архивъ мин. народ. просв. № 40829/1201).

архива. Въ 6-мъ корпусѣ были—церковь, залъ торжественныхъ собраний, залъ для библіотеки и при немъ 3 комнаты кабинета для чтенія. При 2, 3 и 4-мъ корпусахъ были особые одноэтажные флигеля, въ нихъ помѣщались службы. Кромѣ того университету принадлежалъ еще деревянный домъ съ такимъ же флигелемъ за рѣкой Лопанью; въ немъ была прежде клиника, а теперь вслѣдствіе ветхости только нѣсколько комнатъ его было занято приспѣшникомъ физическаго кабинета и военно-служителями. Въ ботаническомъ университетскомъ саду, домъ теплицъ и каменной оранжереи, былъ небольшой домъ, верхній деревянный этажъ котораго былъ занятъ квартирою садовника, а каменный нижній—службами (построенъ былъ въ 1824 году); тамъ же былъ деревянный флигелекъ о трехъ комнатахъ. На другой сторонѣ ботаническаго сада былъ домъ, отстроенный вчернѣ въ 1825, а оконченный въ 1834 году; назначался для типографіи, которая въ него такъ переведена не была ¹⁾.

Въ 1835 году 10 комнатъ нижняго этажа въ 1-мъ корпусѣ были заняты совѣтомъ, правленіемъ и училищнымъ комитетомъ, 5—кухнею, немецкою и швейцарскою; верхній же этажъ предназначенъ для квартиры попечителя и его канцеляріи. Во 2-мъ корпусѣ 2 комнаты нижняго этажа заняты были минералогическимъ и зоологическимъ кабинетами, 1 зала—аудиторіей, въ верхнемъ этажѣ 4 комнаты—физическимъ, астрономическимъ и механическимъ кабинетами, а остальные 29 комнатъ—казеннокоштными студентами и пансіонерами. Въ 3-мъ корпусѣ 2 комнаты верхняго и нижняго этажа заняты были клиниками, а остальные 7—службами. Въ 4-мъ жили факторъ типографіи, занимая 2 комнаты нижняго этажа; 3 комнаты заняты были кухнями; 7 комнатъ во 2-мъ этажѣ занималъ профессоръ Блюменталь, 5 комнатъ 3-го—архитекторъ и 4—ординаторъ. Въ 5-мъ корпусѣ 7 комнатъ было отведено для анатомическаго кабинета, залы и лабораторіи, 9 для типографіи и словолитни, 3 для химическихъ препаратовъ и 1 залъ для лекцій; во 2 этажѣ 7 для аудиторій, 2 для рисовальнаго класса, 3 для землемерной комиссіи и 1 для архива. Въ 6-мъ корпусѣ помѣщались церковь, залъ торжественныхъ собраний и библіотека съ 3 комнатами для читальни. Въ домѣ, предназначавшемся для типографіи, жили учителя гимнастики, помощникъ садовника и словолитчикъ ²⁾.

Основываясь на генеральномъ планѣ зданій Харьковскаго университета, прилагаемомъ къ настоящему труду, можно заключить, что 1-й

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ, № 2351/139.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 2533/146.

корпусъ соотвѣтствовалъ тому, гдѣ и теперь находится квартира попечителя, совѣтъ и правленіе, 2-й тому, гдѣ и теперь кабинеты физико-математическаго факультета, 3-й тому, гдѣ до недавняго времени находилась хирургическая клиника, 4-й тому, гдѣ была раньше терапевтическая клиника, а нынѣ квартиры университетскихъ чиновниковъ, 5-й тому, гдѣ теперь аудиторія, 6-й наконецъ тому, гдѣ и теперь библіотека и актовъ залъ. Изъ предыдущаго изложенія видно, что постройка 5 главнѣйшихъ корпусовъ происходила въ бытность попечителями З. Я. и Е. В. Карпѣвыхъ, при ректорѣ В. Я. Джуиковскомъ и архитекторѣ Васильевѣ. Послѣдній, на долю котораго выпало наиболѣе труда, какъ мы знаемъ уже, незаслуженно пострадалъ при попечителѣ Филатевѣ, при посѣщеніи Харькова Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Строительное дѣло въ Харьковѣ было сопряжено тогда съ большими затрудненіями; кирпичныхъ заводовъ, могущихъ доставить нужное количество кирпича, не было и университету приходилось самому покупать дрова и нанимать подрядчиковъ для заготовки кирпича изъ глины, въ изобиліи бывшей на университетской землѣ по Сумскому шоссе; лѣсъ такъ вздорожалъ, что правленіе пріобрѣтало на срубъ цѣлые лѣсные участки у помѣщиковъ и на купленныхъ имъ для перевозки волахъ отвозило въ Харьковъ. Прежде за тысячу кирпича подрядчики просили менѣе 5 руб., а впослѣдствіи приходилось платить болѣе 11 руб.; за десятину лѣса раньше уплачивали по 125 руб., а потомъ по 500 руб.

Характерно, что всѣ постройки Харьковскій университетъ произвелъ изъ своихъ специальныхъ средствъ и не получилъ никакой субсидіи изъ государственнаго казначейства. Здѣсь огромную услугу оказалъ ему фондъ „патріотическаго приношенія“ сословій, вполне оправдавшій выборъ Харькова для устройства въ немъ университета. Понятно, почему такое противодѣйствіе встрѣчала всегда мысль о переводѣ университета въ другой городъ.

Познакомившись съ финансовыми средствами и строительной дѣятельностью университета, переходимъ теперь къ обзорѣнью его учебно-вспомогательныхъ учреждений и рассмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ это было сдѣлано нами въ 1-мъ томѣ настоящаго труда. Но прежде чѣмъ говорить объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ, скажемъ объ университетской церкви, которая была основана въ изучаемый нами періодъ. У Фойгта объ университетской церкви мы находимъ только слѣдующія краткія свѣдѣнія. „Университетская церковь заложена въ 1823 году генваря въ 17 день, какъ день открытія университета, во имя преподобнаго Автонія Великаго и освящена 1831 года

апрѣля 25-го, въ субботу Пасхальной седмицы, преосвященнымъ Виталіемъ, епископомъ Харьковскимъ. Иконостасъ устроенъ мѣщаниномъ Ледевымъ; двѣ мѣстныя иконы — Спасителя и Пресвятыя Богородицы писаны, по заказу б. попечителя Харьковского учебнаго округа Е. В. Ариѣва, академиками Боровиковскимъ и Венеціановымъ въ 1826 году за 2500 руб. асс., т. е. по нынѣшнему (въ 1859 г.) курсу за 714 руб. 8 коп. сер. Храмовая икона преп. Антонія Великаго писана бывшимъ учителемъ рисованія въ университетѣ Рѣпиннымъ, а прочія — помощникомъ учителя рисованія въ 1-й Харьковской гимназіи Куликовскимъ и подъ его наблюденіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ церковь снабжена довольно большою церковною утварью. Старостою со времени основанія церкви въ 1856 года былъ проф. Протопоповъ, помощникомъ его до 1841 года г. сов. Розановъ.

Пополнимъ эти свѣдѣнія новыми данными. Двѣ вышеупомянутыя иконы были заказаны Боровиковскому, но онъ умеръ, не успѣвъ закончить ихъ, и потому окончаніе ихъ было поручено Венеціанову. Съ разрѣшенія министра было куплено для церкви у Московскаго купца Якова паникадило за сумму около 3000 руб. Въ 1829 г. попечитель просилъ Харьковскаго Виталія, что заложенная въ 1823 г. Высочайше подтвержденному плану университетская церковь окончена постройкою и снабжена всѣмъ необходимымъ и теперь ей нужно назначить только священно- и церковно-служителей, для коихъ правленіе будетъ отпускатъ по 800 р. Преосвященный постановилъ приписать университетскую церковь къ каѳедральному *Покровскому* собору (т. е. монастырскому), съ тѣмъ что бы священно-служители его при этомъ попеременно или когда кому назначено будетъ, отправляли священно-служеніе въ воскресные, праздничные и высокочестивые дни и вели по приходу этой церкви метрическія книги и проповѣдныя росписи, представляли ихъ въ консисторію по приходу другихъ приходскихъ церквей и получали назначенное правленіемъ жалованье, благочиніе же этого храма поручено каѳедральному протоіерею и профессору богословія Аѳанасію Могилевскому. Расписывать стѣны церкви (а также, залы и бібліотеки) на свой счетъ учитель рисованія Астраханской гимназіи Шамшевъ, за что и просилъ себѣ Высшей награды. По экспертизѣ архитектора Тона и живописца Куликовскаго, вся эта работа стоила по самой умѣренной цѣнѣ до 300 р., а именно живопись въ церкви до 1500 р., въ залѣ торжественныхъ собраній до 1300 р. и въ бібліотекѣ до 200 р. Шамшевъ былъ изъ мѣщанъ и „партикулярно“ занимался въ академіи художествъ. Первымъ старостою университетской церкви былъ не проф. Протопоповъ,

а проф. Архангельскій, который въ декабрѣ 1830 года обратился въ правленіе университета съ такимъ ходатайствомъ. „Къ совершенному устройству и благолѣпію церкви не достаетъ еще многого, какъ-то: иконъ всѣхъ господскихъ праздниковъ, которыя должны лежать на аналоѣ у правыхъ дверей въ олтарь, самого аналоя, столика, который ставится посреди церкви при отправленіи всенощныхъ, хоругвей, также нужно устроить кіоты позади клиросовъ“. На это онъ просилъ употребить штатную сумму въ количествѣ 1000 р., не израсходованныхъ вслѣдствіе того, что церковь еще не была открыта. Изъ справки, сообщенной правленіемъ, видно, что на постройку церкви было ассигновано въ 1824 г. изъ хозяйственныхъ средствъ университета 12000 р., которые къ этому времени были всѣ уже издержаны. 17 апрѣля 1831 г. священникомъ университетской церкви до усмотрѣнія былъ назначенъ соборный протоіерей духовникъ Тимофей Печерскій, а псаломщикомъ Капустянскій, церковь была освящена 25 апрѣля 1831 г. епископомъ Виталіемъ, въ присутствіи почетѣйшихъ чиновниковъ губерніи, гражданъ города, профессоровъ, адъюнктовъ и студентовъ и на это торжество издержано 600 руб. ¹⁾.

Говоря объ устройствѣ православнаго храма, не можемъ обойти молчаніемъ одного характернаго эпизода относительно католической церкви. Ректоръ университета Дудровичъ донесъ министру кн. Ливену, что Харьковское евангелическо-лютеранское общество нѣсколько лѣтъ сряду занимало, съ позволенія бывшихъ попечителей, для своего богослуженія одну изъ университетскихъ залъ, въ которой болѣе теперь не нуждается, такъ какъ выстроило свой собственный каменный храмъ. Между тѣмъ въ 1829 году, съ Божіей помощью, писалъ ректоръ, съ разрѣшенія и благословенія высокопреосвященнаго митрополита Луцкаго составилось въ Харьковѣ и римско-католическое общество, состоящее изъ значительнаго количества лицъ, въ числѣ коихъ находится до шестидесяти человекъ, принадлежащихъ собственно къ учебной части, частью учащихся, частью учащихся. Не имѣя еще возможности приступить къ построенію особаго храма Божія, это общество поручило ему, ректору, какъ предсѣдателю, просить министра о разрѣшеніи временно воспользоваться для богослуженія означенною залою, пока университетъ не будетъ имѣть въ ней надобности. Министръ передалъ этотъ вопросъ на заключеніе попечителя В. И. Филатьева—и тотъ далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Находя неприличнымъ имѣть при университетѣ католическую церковь, которая здѣсь помѣщалась въ одной изъ залъ университетскаго корпуса, я сдѣлалъ распоряженіе вывести оную изъ зданія

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1133/64.

университета, что и послѣдовало 22 прошлаго апрѣля. До сего времени не приступалъ къ сему потому, чтобы въ продолженіе поста и Свѣтлаго Воскресенія не препятствовать живущимъ здѣсь католикамъ совершать обычные ихъ обряды богослуженія¹⁾. Изъ этого видно, что попечитель принципиально былъ противъ отправленія римско-католическаго богослуженія въ стѣнахъ университета и считалъ это даже *неприличнымъ* (?!), хотя таковое же иновѣрное лютеранское богослуженіе совершалось при прежнихъ попечителяхъ, въ томъ числѣ даже такихъ, какъ Каріевы. Очевидно, онъ отличался полною нетерпимостью и категоричностью. Было бы понятнѣе, если бы В. И. Филатьевъ отказалъ въ просьбѣ, потому что учащіе и учащіяся составляли ничтожную часть всей католической общины или потому, что университетъ не имѣлъ свободнаго помѣщенія; но онъ единственнымъ мотивомъ выдвинулъ „неприличіе“ и этимъ выдалъ свои внутреннія побужденія. Характеренъ его образъ дѣйствій и въ другомъ отношеніи: министръ цѣликомъ игнорировалъ его мнѣнія по этому вопросу, а онъ собственною властью распорядился лишить католиковъ ихъ помѣщенія.

Важнѣйшимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ всѣхъ факультетовъ была университетская бібліотека. У Фойгта о бібліотекѣ за этотъ періодъ мы находимъ только слѣдующія данныя. „Въ началѣ 1822 г. въ ней было 14271 книга, въ 1824 г.—16781, не включая диссертацийъ, а въ 1835 г.—около 30000. Увеличеніе бібліотеки производилось какъ посредствомъ покупокъ, такъ и пожертвованіями. Блаженныя памяти Имп. Александръ I и Императрица Елисавета Алексѣевна дозволили подарить бібліотекѣ нѣсколько дорогихъ сочиненій, этому примѣру послѣдовали многіе вельможи и почетныя лица, какъ-то: графы Шенкеле, Румянцевъ, Кочубей, Воронцовъ и Хвостовъ, архіеп. Екатеринославскій Платонъ, епископы слободскіе украинскіе Христофоръ и Афанасій, академики—Аделунгъ, Кеппель, проф. Каменскій и мн. др. Замѣчательно также приобрѣтеніе, сдѣланное въ 1821 году отъ наслѣдниковъ протоіерея Чаліевскаго, именно 21 названіе въ 32 томахъ, бывшею частью бібліографическія рѣдкости на церковно-славянскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ. Болѣе быстрое приращеніе бібліотеки начинается съ 1835 года. Въ этомъ году передано изъ упраздненнаго Виленскаго университета 1353 названія (до 3000 томовъ) книгъ, собраніе весьма богатое рѣдкими и дорогими изданіями по части ботаники, древностей, исторіи и правовѣдѣнія“. Пополнимъ эти данныя новыми свѣдѣніями. Штатная сумма, въ 1000 р. асс., предназначенная на пополненіе бібліотеки, была крайне недостаточна: въ дѣйствитель-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1500/86.

ности, какъ мы видѣли, ее нужно было учетверить. И это повѣстно: если мы обратимъ вниманіе на тогдашнія цѣны книгъ, то онѣ насъ поразятъ своей чрезмѣрностью, которая объясняется общою дороговизною и огромною разницею между ассигнаціоннымъ и серебрянымъ рублемъ. ¹⁾ Важное значеніе имѣло также то обстоятельство, что библіотека пріобрѣтала капитальныя изданія и при томъ, преимущественно на иностранныхъ языкахъ. Неудивительно поэтому, что ежегодное приращеніе книжныхъ богатствъ библіотеки было сравнительно весьма не велико.

Въ одномъ изъ отчетовъ мы читаемъ. Библіотека Харьковскаго университета и по малозначительности опредѣленной на ее приращеніе денежной суммы, и по безпорядку, существовавшему въ ней, не могла удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ университета. Въ 1815 г. въ библіотекѣ было 15216 томовъ, изъ коихъ 115 дуплетовъ были отправлены въ Московскій университетъ. До половины 1825 года она состояла изъ 16780 томовъ; съ этого времени и до 1827 года она пріумножилась 519 томами, частью купленными, а частью присланными въ даръ. 1827-й годъ былъ самый изобильный для ея приращенія: тогда по ходатайству попечителя пріобрѣтено покупкою у наслѣдниковъ гр. Разумовскаго 1000 томовъ за 9000 руб. изъ хозяйственной университетской суммы. Благодаря этому библіотека теперь гордится многими великолѣпными и драгоцѣнными сочиненіями, составляющими ея украшеніе и привлекающими посѣтителей, находящихъ полное удовлетвореніе своему любопытству. Кромѣ того выписаны были новѣйшія сочиненія по зоологіи и минерологіи въ 63 томахъ и и подарено разными лицами 38 томовъ. Въ 1828 году библіотека пріумножилась 112 томами новѣйшихъ юридическихъ и филологическихъ книгъ и 244 томами, пожертвованными частными лицами. Въ 1829 г. библіотека пріобрѣла 173 тома, такъ что число книгъ въ ней возрасло до 18989 томовъ, изъ коихъ по Высочайшему повелѣнію было отправлено 1012 томовъ (на 6626 р.) для Александровскаго Финляндскаго университета. ²⁾ Въ 1831 году въ библіотеку поступило 393 сочиненія

¹⁾ 8 томовъ „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина стоили 55 р. ассигнаціями. Периодическія изданія стоили также очень дорого; вотъ ихъ цѣны: 1) „Сѣверная Пчела“—50 р., 2) „Библіотека для чтенія“—55 р., 3) „Русскій Пивалидь“—45 руб., 4) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“—40 р., 5) „Annalen der Physik“—75 руб., „Huffeland's Journal der practischen Heilkunde“—90 руб., „Berliner Jahrbücher der Kritik“—100 руб., „Morgenblatt“—125 руб., „Revue de deux mondes“—100 руб., „Revue Britannique“—120 руб., „Journal des Savans“—140 руб.; сверхъ того за пересылку каждаго иностраннаго журнала прибавлялось еще по 7 руб. (Харьк. унив. арх. Дѣло прав. № 2087/131).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1284/72.

749 томахъ, въ томъ числѣ куплено 320 и подарено 429 томовъ. 1). Къ 1-му ноября 1833 года библіотека содержала 7205 названій въ 316 томахъ книгъ 274 названія въ 4432 томахъ періодическихъ изданій, 2496 названій въ 2918 томахъ брошюръ, 58 названій въ 73 томахъ рукописей, 144 названія въ 150 томахъ картъ, 97 названій въ 10 экземплярахъ чертежей, 2302 эстампа; все это стоило 158962 руб. Къ 1-го ноября 1833 по 1-е января 1835 г. приобретено покупкою книгъ 273 названія въ 262 томахъ на 2998 руб., періодическихъ изданій 10 названій въ 161 томѣ, пожертвовано книгъ 29 названій въ 75 томахъ книгъ, періодическихъ изданій 4 названія въ 52 томахъ, брошюръ 135 названій въ 191 экзempl. и 1 чертежъ. Наиболѣе замѣчательными новыми приобретениями библіотеки были—полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (52 тома), техническій и санитарскій словари. Къ 1-му января 1835 года въ библіотекѣ было 47 томовъ книгъ, 4645 томовъ періодическихъ изданій, 2918 экземпляровъ брошюръ, 73 тома рукописей, 150 экземпляровъ картъ, 130 экземпляровъ чертежей, 2302 эстампа, всего 26735 томовъ на 163153 руб. Въ теченіе 14 мѣсяцевъ преподавателями и чиновниками было прочтено для чтенія 743 книги. Въ 1818 году университетъ выписывалъ слѣдующія періодическія изданія на иностранныхъ языкахъ: 1) „Гамбургскій корреспондентъ“, 2) „Зальцбургскую медико-хирургическую газету“, 3) „Гальскую литературную газету“, 4) „Геттингенскія учебныя показанія“, 5) „Гуфеландовъ журналъ практическаго врачеванія“, 6) „Химико физическій журналъ Швейгера“, 7) „Гильбертовы анналы“, 8) „Петербургскія вѣдомости“, (стоимостью въ 123 руб. серебромъ и 492 р. ассигнаціями),—на русскомъ языкѣ: 9) „Московскія вѣдомости“, 10) „Вѣстникъ Европы“, 11) „Русскій вѣстникъ“, 12) „Историческій, статистическій и географическій журналъ“, 13) „Сенатскія вѣдомости“, 14) „Сынъ отечества“ (стоимостью въ 122 руб. ассигн.) 2). Въ 1834 г. библіотека выписывала слѣдующія періодическія изданія на русскомъ языкѣ: 1) „Московскій телеграфъ“, 2) Педагогическій журналъ“, 3) „Учебно-математическій журналъ“, 4) Библіотека для чтенія“, 5) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, 6) „Сѣверная пчела“, 7) „Русскій инвалидъ“; — на французскомъ языкѣ: 1) „Revue de deux mondes“, 2) „Revue Britannique“, 3) „Revue de Paris“, 4) „Journal des pharmacie et des sciences accessoires; на нѣмецкомъ языкѣ 1) „Neues Jahrbuch der Chemie und Physik“, 2) „Journal der practischen Chemie“, 3) „Annalen der Physik und Chemie“, 4) „Journal der practischen Heilkunde“, 5) „Bib-

1) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1617/94.

2) Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1213/57.

liotek der practischen Heilkunde“, 6) „Neue Jahrbücher der Philologie und Pedagogik oder kritische Bibliothek für das Schul und Unterrichtswesen“, 7) „Augsburger allgemeine Zeitung“. На выписку этихъ журналовъ употреблено 1218 руб. Бесплатно получались: 1) „Московскія вѣдомости“, 2) „Земледѣльскій журналъ“, 3) „Ученныя записки Императорскаго Московскаго университета“, 4) Ученныя записки Императорскаго Казанскаго университета“, 5) „Горный журналъ.“ Всего получалось библиотечкою въ 1834 году 23 повременныхъ изданія, т. е. на 6 меньше, чѣмъ въ 1810 году. ¹⁾ Въ слѣдующемъ 1835 году ихъ стали получать еще меньше, чѣмъ въ 1834. Любопытно при этомъ, что одни журналы замѣнялись другими и благодаря этому не оказывалось полныхъ коллекцій за все время ихъ существованія.

Говоря о выпискѣ книгъ, необходимо отмѣтить частую рекомендацію тѣхъ или иныхъ изданій со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Въ проникнутое мистицизмомъ министерство кн. А. Н. Голицына было выписано такимъ образомъ множество мистическихъ сочиненій по рекомендаціи министра и попечителя З. Я. Карѣева. По указанію послѣдняго были приобрѣтены — 1) „Христіанская философія“ въ 5 част. (цѣна 30 р.), 2) „Путь ко Христу“ Я. Бема (цѣна 20 р.), 3) „Таинство Креста“ (цѣна 20 р.), 4) „Начертаніе церковной библейской исторіи“, 5) „Записка на книгу Бытія“, 6) „Путеводитель къ совершенству жизни христіанской“ (цѣна 10 р.), 7) Эккарстгаузена—„Ночи“ (цѣна 5 р.), 8) Его-же. „Наставленіе мудраго испытанному другу“ (цѣна 3 р.), 9) Его-же. „Облако надъ святилищемъ“, 10) Юнга Штылинга. „Угрозы Свѣтовостоковъ“ въ 30 кн. (цѣна 30 р.), 11) „Побѣдная повѣсть или толкованіе на Апокалипсисъ“ ²⁾. Другой разъ попечитель предписывалъ выписать въ 2-хъ экземплярахъ (какъ и прежнія) сочиненіе Лабзина „Торжество Евангелія“ цѣною въ 30 рублей ³⁾. Въ 1828 году попечитель А. А. Перовскій, минуя совѣтъ университета, вошелъ съ непосредственнымъ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о пользѣ приобрѣтенія для университета библиотеки его знакомаго доктора Ремана. Въ ней было болѣе 2000 медицинскихъ книгъ и журналовъ, а просилъ за нее владѣлецъ 20000 рублей (номинальная стоимость ея по каталогамъ равнилась 22060 руб.). Но министр кн. Ливень потребовалъ по этому поводу заключенія университетскаго совѣта, который на основаніи отзыва библіотекаря и медицинскаго факультета заявилъ, что въ этой библіотекѣ имѣется на 4660 р. такихъ

¹⁾ См. 1-й томъ моего „Опята“, стр. 424—425.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1182/55.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 842/45.

е книгъ, какими располагаетъ университетская библіотека, что тамъ много важныхъ сочиненій по медицинѣ да и тѣмъ выставлены очень хорогія цѣны. Съ этимъ согласился и попечитель—и министерство въ закупкѣ книгъ Ремана отказало ¹⁾. Еще ранѣе—въ 1818 году—главное правленіе училищъ нашло чрезмѣрной цѣну за библіотеку проф. Стойнича, которую этотъ послѣдній предлагалъ приобрѣсти Харьковскому университету (за 71 книгу онъ хотѣлъ получить 763 руб.) ²⁾.

„Управленіе библіотекой до 1837 года, говоритъ Фойгтъ, ввѣрялось профессорами университета, по избранію совѣта. Первымъ библіотекаремъ въ 1805 году былъ назначенъ проф. Белень-де-Баллю. За нимъ слѣдовали: въ 1812 г. — Дегуровъ, въ 1817 г. — Рейтъ, въ 1820 г. — Кунковскій. Послѣднему принадлежитъ честь составленія каталога, напечатаннаго въ 1824 году. Въ 1831 году въ должность библіотекаря вступилъ проф. Павловскій, приступившій къ составленію подвижнаго тематическаго каталога“. Изъ данныхъ университетскаго архива мы знаемъ, что въ 1809 г. библіотека поручена была адъюнкту Рейнишу, который, вѣроятно, былъ сдѣланъ помощникомъ Белень-де-Баллю ³⁾.

Университетъ постоянно заботился о сохранности библіотечнаго имущества и производилъ съ этой цѣлью, какъ мы знаемъ изъ 1-го тома стоящаго труда, время отъ времени ревизіи; прежній библіотекаръ, скупая свое мѣсто новому, долженъ былъ сдать книги по правленскимъ каталогамъ, и проф. Белень-де-Баллю, сдавая библіотеку Дегурову, былъ обязанъ пополнить на свой счетъ недостающее число экземпляровъ (стр. 426). Съ переходомъ проф. Дегурова въ Петербургъ, возникъ вопросъ о сдачѣ имъ библіотеки. Правленіе университета наложилъ свое veto на часть суммы, вырученной отъ продажи недвижимаго имущества его, находившагося въ Харьковѣ ⁴⁾. Дѣло затянулось и только въ 1821 году комитетъ, назначенный совѣтомъ для изслѣдованія этого обстоятельства, состоявшій изъ проф. Рейта, Громова и Кронеберга, дошелъ, что при Дегуровѣ утеряно было всего 7 книгъ на сумму до 100 р. Мѣстѣ съ тѣмъ комитетъ представилъ рядъ любопытныхъ замѣчаній о состояніи библіотеки и мѣрахъ къ ея упорядоченію. До сихъ поръ ни одинъ библіотекаръ, писалъ комитетъ, не имѣлъ инструкціи, которой могъ руководствоваться въ храненіи и распоряженіи библіотекой; правленіи университета не оказалось свѣдѣній, въ какомъ состояніи нынѣшняя библіотека нынѣшнимъ библіотекаремъ послѣ проф. Дегурова;

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 466/23.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1125/63.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г. № 46.

правление, поручивъ нынѣшнему бібліотекарю обревизованіе бібліотеки, не показало и не могло показать, въ чемъ именно состоятъ потери бібліотеки; нынѣшній бібліотекаръ, составивъ новыя списки книгамъ и провѣривъ ихъ по спискамъ прежнихъ бібліотекарей, представилъ въ правленіе каталогъ тѣхъ книгъ, которыя по его мнѣнію во время профессора Дегурова утрачены, предлагая при томъ правленію, чтобы оно поручило помощнику его проф. Борзенкову навести справки, не найдутся ли утраченныя книги у лицъ, пользующихся бібліотекою; изъ донесенія Борзенкова дѣйствительно оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ были выданы подъ росписки изъ бібліотеки и, слѣдовательно, ихъ нельзя было требовать съ проф. Дегурова. Но комитету правленіе поручило сверхъ того сопоставить правленскія списки книгъ съ бібліотечными. При этомъ оказалось, что средства, предложенныя бывшимъ непремѣннымъ заสдателемъ для точнаго изслѣдованія состоянія бібліотеки, были очень надежны, но не могли быть примѣнены, потому что требовали очень продолжительнаго труда и болѣе просторнаго помѣщенія; самыя списки оказались неполныя; даже книги, полученныя въ 1808—1811 гг., не были внесены въ правленскій реестръ. Въ виду всего изложеннаго комитетъ полагалъ: основываясь на списокѣ нынѣшняго бібліотекаря, донести совѣту о книгахъ, утраченныхъ при Дегуровѣ; для лучшей охраны книгъ на будущее время снабдить бібліотекаря надлежащей инструкціей; для болѣе быстрой и успѣшной ревизіи бібліотеки составить два алфавитныхъ списка книгъ — одинъ для бібліотеки, другой для правленія и сверхъ того систематическій каталогъ для бібліотеки, съ тѣмъ, чтобы послѣ одобренія плана его совѣтомъ, напечатать его къ составленію алфавитныхъ списковъ слѣдуетъ приступить немедленно, а каталога только послѣ постройки для бібліотеки новаго болѣе обширнаго помѣщенія. Совѣтъ постановилъ — возложить составленіе инструкции бібліотекарю на ректора, бібліотекаря профессора Делявіна, Кроненберга и Борзенкова, составленіе алфавитныхъ списковъ — на писцовъ правленія, плана систематическаго каталога — на бібліотекаря ¹⁾.

Новый попечитель округа Е. В. Карнѣвъ, получивъ подробное донесеніе совѣта о положеніи дѣлъ въ бібліотекѣ, вошелъ по этому поводу съ такимъ докладомъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну (въ декабрѣ 1822 года). Изъ представленія совѣта, писалъ онъ, можно усмотрѣть, что университетская бібліотека находится въ совершенномъ безпорядкѣ; если въ ней и имѣются списки нѣкоторыхъ книгъ, то они составлены дурно и неисправно и вообще съ начала 1817 года по это время ни совѣтъ, ни правленіе, ни бібліотекаръ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 849/46.

не могли управляться съ этимъ дѣломъ. Нынѣшнимъ библіотекаремъ сдѣлана цѣна книгъ, утраченныхъ при бывшемъ библіотекарѣ проф. Муровѣ и вмѣсто предполагавшейся стоимости пропавшихъ книгъ въ 190 р. она оказалась равной 100 руб. Столь несообразныя показанія свѣдѣли меня въ сомнѣніе, нѣтъ ли дѣйствительно въ библіотекѣ погрѣшности, а потому я счелъ своею обязанностию кромѣ даннаго уже мною предложенія университету о составленіи описей библіотеки въ теченіе 1823 года, предписать еще слѣдующія мѣры: 1) такъ какъ цѣлость библіотеки лежитъ на отвѣтственности университета, то обязанность ее въ виду сбивчивыхъ показаній, немедленно ее освидѣтельствовать, прибавивъ для этого надежнѣйшихъ чиновниковъ, свѣривъ наличность съ документами и потребовавъ для освидѣтельствованія и выданныя книги; 2) если нынѣшній библіотекаръ затруднится одинъ приступить къ описи библіотеки и окончить ее въ 1823 году и университетъ съ своей стороны найдетъ причины этого уважительными, то предоставить ему въ помощь, кого совѣтъ заблагоразсудитъ; тѣсноту помѣщенія библіотеки устранить, прибавивъ еще одну обширную комнату изъ той квартиры, которую занималъ попечитель и которая теперь очищена. Съ этой стороны я объявилъ, что если библіотека къ 1 января 1824 года будетъ приведена въ порядокъ, то не только библіотекаръ, но и всѣ члены университетскаго совѣта подвергнутся законному взысканію. Когда въ отвѣтъ прочитано было отношеніе попечителя, профессоръ Рейтъ объявилъ, что берется привести библіотеку въ надлежащій порядокъ, если ей будетъ предоставлено 4 писца и отведена лишняя комната. Совѣтъ поручилъ освидѣтельствовать библіотеку ректору Джунковскому съ проф. Мочевскимъ и Комлишинскимъ. Онъ же донесъ, что списки книгъ дѣйствительно крайне неисправны и перепутаны, что помѣщеніе библіотеки очень тѣсное, разставлены книги неправильно, и многіе изъ книгъ не возвращены (книги, взятые В. Н. Каразинымъ въ 1817 году, не возвращены доселѣ). Ректоръ повторилъ свое предложеніе, что изъ великаго усердія къ общей пользѣ онъ беретъ на себя трудъ привести библіотеку въ теченіе будущаго года въ порядокъ и составить алфавитный систематическій каталогъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему было представлено въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ въ помощь 2 адъюнкта и нѣсколько казеннокоштныхъ студентовъ. Попечитель въ отвѣтъ на это сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Совѣтъ не принялъ во вниманіе многихъ обстоятельствъ дѣла. Нынѣшній библіотекаръ профессоръ Рейтъ, находящійся въ этой должности болѣе 5 лѣтъ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на исполненіе своей обязанности; онъ не только не приступилъ въ теченіе столь долгаго времени къ приведенію въ

порядокъ библіотеки, но даже съ августа 1824 года не внесъ поступившихъ книгъ въ общій каталогъ да и другія упущенія по этому предмету дѣлалъ; наконецъ, какъ видно изъ донесеній совѣта, не исполняя порученій университета, повидимому только наугадъ показавъ и самую утрату книгъ, происшедшую за время управленія библіотекою проф. Дегурова, опѣнивъ ее только въ 100 р., между тѣмъ какъ при настоящемъ освидѣтельствovanіи открылось, что при сличеніи каталоговъ бывшихъ библіотекарей Беленъ де Баллю и Дегурова оказались несообразности въ числѣ и названіяхъ книгъ, при томъ же многія дорогія книги съ 1817 года отъ г. Каразина, а вѣроятно и отъ другихъ доселѣ не возвращены. Изъ всего этого оказывается, что мое сомнѣніе въ цѣлости библіотеки основательно, ибо когда не только прежнія, но и новыя книги не записываются въ приходъ и даже не ведется имъ счета, то здѣсь всякое злоупотребленіе подозрѣвать можно. Между тѣмъ совѣтъ, видя столь явныя и неизвѣнчательныя, упущенія по своей должности настоящаго библіотекаря Рейта, не только не принималъ должныхъ мѣръ къ немедленному пресѣченію по крайней мѣрѣ на будущее время этого зла, но оставилъ Рейта спокойно исправлять по прежнему должность библіотекаря и слѣдовательно подвергъ библіотеку новымъ опасностямъ въ растратѣ казеннаго имущества. Всѣ эти соображенія побуждаютъ меня предложить университету: 1) немедленно отобрать у Рейта ключи отъ библіотеки и вручить ихъ ректору Джунковскому, пользующемуся общимъ довѣріемъ и вызвавшемуся изъ одного только усердія привести въ порядокъ библіотеку; 2) такъ какъ ректоръ Джунковскій, объясняясь со мною по этому предмету, изъявилъ желаніе одинъ окончить это дѣло безъ соучастія Рейта, какъ полагалъ совѣтъ, при чемъ проф. Рейтъ, по доказанной имъ на опытѣ неспособности и небрежности могъ бы только мѣшать Джунковскому, то его проф. Рейта отъ такого соучастія освободить, предоставивъ ему однакоже въ случаѣ надобности доступъ въ библіотеку и разрѣшивъ давать ректору всѣ нужныя справки и объясненія; 3) получаемое проф. Рейтомъ по должности библіотекаря добавочное жалованье нынѣ же приостановить, а о формальномъ увольненіи его отъ должности представлено мною будетъ вмѣстѣ съ этимъ министру народнаго просвѣщенія; 4) находящіяся у г. Каразина, а равно и у всѣхъ другихъ книги потребовать обратно въ самомъ скоромъ времени, если иначе нельзя, то чрезъ сношеніе съ мѣстнымъ начальствомъ, и впредь до приведенія въ порядокъ библіотеки и до избранія новаго библіотекаря отнюдь изъ нея книгъ ни кому на домъ не выдавать; 5) для познанія истиннаго количества какихъ книгъ и при комъ изъ библіотекарей утрачено, поручить

чить ректору Джунковскому, чтобы онъ, по составленіи алфавитнаго каталога, свѣрилъ съ нимъ имѣющіеся въ правленіи списки поступившихъ за все время существованія университета книгъ и, не взирая на то, что списки правленія не вѣрны и ошибочны, сдѣлать означенную сверку хотя по *догадкамъ* и представить опись утраченныхъ книгъ съ показаніемъ, при комъ должны были онѣ поступить въ приходъ и что стоили при покупке казны¹⁾.

Въ такомъ же духѣ Е. В. Карѣевъ сдѣлалъ представленіе и министру. Этотъ послѣдній потребовалъ съ Дегурова 100 р. за утраченные имъ библіотекарство книги, но Дегуровъ представилъ объясненіе, въ чемъ доказывалъ, что ни онъ не принималъ по описи библіотеки отъ него предмѣстника, ни его преемникъ не принималъ ее отъ него и потому нельзя доказать, когда эти книги утеряны. Совѣтъ призналъ вѣроятнымъ этотъ отводъ и на этомъ основаніи Дегуровъ былъ освобожденъ отъ уплаты 100 руб., а утерянныя книги, за смертію и уходомъ изъ университета тогдашнихъ членовъ правленія, по винѣ которыхъ не произошло форменной передачи книгъ отъ одного библіотекаря другому, были списаны со списковъ¹⁾. По смерти библіотекаря проф. Рейта, за нимъ осталось 25 книгъ, на сумму болѣе 400 рублей, имущества всего на 139 руб. Такимъ образомъ, только часть книжнаго долга его была пополажена, остальной же пришлось списать по безнадѣжности²⁾.

Въ 1829 г. было Высочайше разрѣшено допускать на должность помощниковъ библіотекаря постороннихъ лицъ, а не адъюнктовъ и мастеровъ, какъ того требовалъ уставъ 1804 года³⁾. Важныя услуги библіотекѣ несомнѣнно оказалъ Джуковскій, составившій систематическій печатный ея каталогъ, и проф. А. Павловскій, составившій до января 1835 года рукописный подвижной каталогъ по богословію, филологии, правовѣдѣнію, политикѣ, статистикѣ, географіи и рукописямъ; онъ же началъ составлять полный каталогъ и прекрасно велъ списки книгъ.

Коммиссіонерами библіотеки въ 1834 г. состояли въ Петербургѣ книгопродавецъ Брифъ, въ Москвѣ—коммерціи совѣтникъ Ширяевъ⁴⁾, а также таковыми были Гартманъ и Майеръ. Изъ жертвователей за этотъ времени съ 1815 по 1835 года отмѣтимъ — проф. Фишера, Алушта, Якоба, гр. Хвостова, акад. Шторха, епископа Аполлоса, Го-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 849/46.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 417/20.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1388/79.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

сударыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, Клейхе, проф. Рихтера, гр. Уварова, Биберштейна, Востокова, проф. Мухина, Кеппена, попечителя З. Я. Карнѣева, студ. Склабовскаго, Лонгинова, Орлая и цѣлый рядъ учреждений—Виленскій, Московскій, Казанскій и Дерптскій университеты, Московское Общество любителей россійской словесности и мн. др. Но все это были очень мелкія пожертвованія¹⁾; изъ крупныхъ слѣдуетъ отмѣтить только проф. Блументаля, пожертвовавшего книгъ на 868 руб. Итакъ, съ 1815 по 1835 годъ включительно (за 20 лѣтъ) число книгъ въ библіотекѣ Харьковскаго университета возросло съ 15000 до 27000 томовъ (съ эстампами); ежегодный приростъ въ первое десятилѣтіе равнялся 1500 томовъ, а въ изучаемый нами періодъ опустился до 600 томовъ. За 2 мѣсяца 1833 и 1834 года взято было для чтенія изъ библіотеки 743 книги. Но для того, чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ просвѣтительной дѣятельности университетской библіотеки, нужно обратить вниманіе, что ею пользовались не одни профессора, университетскіе чиновники и студенты, а и постороннія лица. Вѣроятно, число такихъ лицъ не было велико, но важно было то, что библіотека не была совершенно закрыта для харьковской интеллигенціи, лишенной до 1831 г. такого могучаго образовательнаго средства, какъ библіотека (въ этомъ году была открыта публичная библіотека въ домѣ дворянскаго депутатскаго собранія). Къ самому концу изучаемаго нами періода, когда расширено было помѣщеніе для библіотеки, рѣшено было также открыть при ней читальню для постороннихъ.

Кромѣ фундаментальной библіотеки въ изучаемый нами періодъ времени возникла еще *студенческая*. „Студенческая библіотека, говоритъ Фойгтъ, учреждена въ концѣ 1828 года съ разрѣшенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія (кн. Ливена). Основаніемъ ей послужили студенческія пожертвованія. Затѣмъ въ 1829 году она получила приращеніе чрезъ передачу изъ университетской библіотеки сочиненій, имѣвшихся тамъ втройнѣ, а въ послѣдующее затѣмъ время она ежегодно болѣе или менѣе увеличивалась и донынѣ увеличивается чрезъ покупку правленіемъ университета преимущественно такихъ книгъ, кои по засвидѣтельствованію преподавателей, должны служить студентамъ, необходимѣйшими учебными пособіями“.

Къ этому прибавимъ, что инициатива въ дѣлѣ учрежденія студенческой библіотеки принадлежала исправляющему должность ректора проф. Кроненбергу, который составилъ также и положеніе объ этой библіотекѣ, подлинный текстъ котораго гласитъ слѣдующее.

¹⁾ Ibidem.

А. Цѣль учрежденія студенческой библіотеки.

Учрежденіе при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ студенческой библіотеки имѣетъ цѣлью слѣдующее: 1) доставленіе студентамъ средства къ чтенію полезныхъ книгъ, необходимому для усовершенствованія и распространенія ихъ познаній: поелику въ настоящее время студенты, не имѣя позволенія и даже возможности пользоваться книгами изъ университетской библіотеки, должны довольствоваться только лекціями, по выученіи коихъ, не имѣя способовъ для глубѣйшаго занятія, нерѣдко предаются праздности; 2) доставленіе безплатнымъ студентамъ учебныхъ пособій, къ чему до сихъ поръ еще не имѣется никакихъ средствъ; 3) поддержаніе и еще большее возбужденіе въ студентахъ той охоты къ чтенію, которая съ недавняго времени примѣтно въ нихъ начала оказываться; 4) отчасти занятіе студентовъ во время промежуточныхъ часовъ между лекціями; 5) направленіе нравственности и образа мыслей студентовъ, сообразно пользѣ и славу отечества.

В. Способы для учрежденія студенческой библіотеки.

1) Своекоштные студенты, желающіе пользоваться библіотекою, платятъ ежегодно по 10 рублей; 2) отъ всѣхъ лицъ принимать добровольныя пожертвованія деньгами, рисунками, ландкартами, книгами, копиями и проч. Книги и рукописи первоначально принимаются всѣхъ родовъ, исключенія, какого бы они рода и содержанія не были, но поступаютъ въ библіотеку не прежде, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи тѣми лицами, кои имѣютъ надзоръ надъ библіотекою; тѣ же книги, кои они найдутъ несоотвѣтствующими благонамѣренной цѣли, передаются въ университетскую библіотеку; 3) книги и учебныя пособия, поступающія въ студенческую библіотеку, должны относиться къ какому-либо классу наукъ, въ составъ факультетовъ входящихъ; 4) изъ студенческой библіотеки исключаются всѣ сочиненія, по § 3 устава о цензурѣ запрещенныя; 5) библіотека помѣщается въ одной или двухъ комнатахъ, назначенныхъ въ университетскомъ зданіи и на счетъ университета отопливаемыхъ. Для смотрѣнія за комнатами дается особый солдатъ.

С. О надзорѣ и управленіи студенческой библіотекой.

1) Студенческая библіотека состоитъ подъ главнымъ надзоромъ инспектора студентовъ. Онъ имѣетъ отвѣтственность за всѣ могущія въ ней вкрасться какія-либо злоупотребленія. Водвореніе порядка и благо-

чинія въ студенческой библіотекѣ составляетъ непремѣнный долгъ инспектора: для сего предоставляется ему, съ одобренія г. ректора, сдѣлать свои распоряженія и предпринять надежныя мѣры; 2) инспекторъ приглашаетъ одного изъ чиновниковъ университета къ принятію званія управляющаго библіотекою и представляетъ г. ректору на утвержденіе; 3) съ одобренія инспектора управляющій избираетъ трехъ студентовъ себѣ въ помощники; 4) инспекторъ и управляющій библіотекою стараются возбудить въ студентахъ охоту и желаніе пользоваться способами, предоставляемыми имъ библіотекою; для входа въ библіотеку инспекторъ выдаетъ билеты всѣмъ казеннокоштнымъ студентамъ и тѣмъ изъ своекоштныхъ, кои ежегодно вносятъ по 10 руб. въ пользу библіотеки; 5) управляющій принимаетъ приносимыя въ даръ книги всѣ безъ исключенія, потомъ предварительно разсматриваетъ ихъ съ инспекторомъ и помѣщаетъ тѣ только въ каталогъ студенческой библіотеки, кои по мнѣнію инспектора окажутся сообразными съ цѣлью библіотеки; 6) каталоговъ имѣются два: одинъ у инспектора, другой у управляющаго; инспекторъ ихъ нерѣдко свѣряетъ, равно какъ и ревизуетъ самыя книги въ шкафахъ библіотеки, дабы не могли вкрасться несоответственныя цѣли книги; 7) для каталога, находящагося у управляющаго, имѣется прошнурная книга за печатью инспектора; 8) управляющій библіотекою хранить ключи библіотеки; сумма не свыше 100 р. хранится въ библіотекѣ, болѣе же сего въ кассирскомъ сундукѣ университета; 9) библіотека студенческая открывается три раза въ недѣлю, въ дни и часы, назначенныя инспекторомъ: въ это время студенты занимаются чтеніемъ журналовъ и получаютъ или отдаютъ книги; 10) во время открытія студенческой библіотеки инспекторъ присутствуетъ по возможности, управляющій же съ помощниками долженъ быть тамъ безотлучно; 11) управляющій наблюдаетъ, дабы студенты, во время пребыванія въ библіотекѣ, вели себя чинно, безъ шума, съ должнымъ приличіемъ и учтивостью, и не позволяетъ студентамъ что-либо писать въ библіотекѣ; 12) управляющій имѣетъ книгу, въ которой отмѣчаетъ выдаваемыя и возвращаемыя книги; наблюдаетъ, дабы онѣ возвращаемы были въ такомъ видѣ, въ какомъ получены; 13) въ случаѣ утраты студентами какой-либо книги, взятой изъ студенческой библіотеки, и неготовности вознаградить за нее, управляющій доводитъ до свѣдѣнія инспектора, который относится въ правленіе университета о взысканіи съ такового студента; 14) управляющій выписываетъ журналы, различныя сочиненія и дѣлаетъ необходимыя для библіотеки издержки, съ одобренія инспектора, имѣетъ прошнурную книгу, въ которой записываетъ приходъ и расходъ; по окончаніи года составляетъ годовой отчетъ и

подписаніемъ инспектора и собственноручнымъ представляет ректору; 15) ежегодно 1-го октября управляющій въ присутствіи ректора, членихъ членовъ университета и всѣхъ студентовъ читаетъ годичный отчетъ объ успѣхахъ библіотеки, причемъ дозволяетъ студентамъ читать рѣчи и сочиненія, кои предварительно должны быть разсмотрѣны и одобрены инспекторомъ и управляющимъ; 16) постороннія лица, все къ университету не принадлежація, хотя бы и сдѣлали какое пожертвованіе, не пользуются библіотекою. Если кто изъ студентовъ, имѣющій на то права, войдетъ въ библіотеку съ чужимъ билетомъ, долженъ заплатить штрафъ 5 руб. и о взысканіи съ него таковыхъ денегъ управляющій библіотекою относится къ инспектору, а инспекторъ къ правленію.

Въ этомъ положеніи главное управленіе училищъ предложило измѣнить статью объ открытіи библіотеки 3 раза въ недѣлю въ томъ смыслѣ, что это предоставляется правленію университета, и рекомендовало уничтожить запрещеніе писать въ помѣщеніи библіотеки, говоря, что студенты могли имѣть нужду въ извлеченіяхъ изъ своихъ библіотечныхъ книгъ¹⁾. Нельзя не вспомнить съ благодарностью Кроненштерна, задумавшаго столь симпатичное просвѣтительное учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, пополненіе его шло очень медленно, потому что на него не назначено было никакихъ опредѣленныхъ средствъ хотя бы изъ хозяйственныхъ суммъ университета, въ то время, когда мы знаемъ, довольно значительныхъ, и оно должно было содержаться на счетъ своихъ подписчиковъ—своекоштныхъ студентовъ, вносящихъ по 10 р. въ годъ, и пожертвованій книгъ изъ фундаментальной библіотеки. Это было тѣмъ болѣе несправедливо, что библіотекою пользовались главнымъ образомъ казеннокоштные студенты. Помѣщаясь она въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ. Въ 1834 году насчитывалось 723 названія въ 1241 томѣ книгъ и 611 томовъ журналовъ²⁾. Управляющимъ библіотекой и помощникомъ инспектора по этой части (а инспекторами были тогда исключительно профессора) со-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1241/71.

²⁾ Въ теченіе 1834 г. и 2 мѣсяцевъ 1833 г. въ нее поступило 69 томовъ книгъ и журналовъ. Изъ нея казеннокоштные студенты взяли 185 книгъ; періодическихъ изданій не выписывалось. Каталогъ ея былъ составленъ. Книги ея относились къ слѣдующимъ отдѣламъ: богословію—70 томовъ, философіи—352, правовѣдѣнію—28, всеобщей исторіи—91, русской исторіи—40, статистикѣ—6, географіи—44, математикѣ—74, естественной исторіи—157, медицинѣ—98, домоводству—38, свободнымъ художествамъ—39, музыкѣ—172, словесности—32, періодическимъ изданіямъ и брошюрамъ—611. (Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ).

стоялъ съ 1833 по 1835 г. профессоръ Крипицкій; кто былъ раньше управляющимъ, не знаемъ.

Въ изучаемый нами періодъ времени существовалъ еще при университетѣ *книжный магазинъ*, судьба котораго была такова. Онъ былъ учрежденъ еще въ 1805 году попечителемъ гр. С. О. Потоцкимъ въ виду затрудненій для полученія училищами округа учебниковъ. Книги получались отъ главнаго правленія училищъ и отъ университета (его изданія). Сперва этими изданіями вѣдалъ кассиръ Дзюбинъ, потомъ въ 1807 году магазинъ былъ переданъ въ управленіе его помощнику Анадольскому, съ назначеніемъ ему прибавки къ прежнему жалованью (120 р.) еще 30 руб.; въ 1811 году, правленіе, въ виду того, что Анадольскій состоялъ еще и экзекуторомъ, освободило его отъ должности завѣдующаго магазиномъ и назначило на это мѣсто повѣтчика училищнаго комитета Ив. Гладкаго, который въ 1812 г. принялъ магазинъ отъ своего предшественника въ исправности, но въ томъ же году самъ попросилъ увольненія отъ этой должности. Правленіе поручило до пріисканія новаго лица магазинъ бухгалтеру Хвостову, который тогда же принялъ по описи имущество отъ Гладкаго. Хвостовъ, исправлявшій и должность кассира, растратилъ казенныя деньги; правленіе въ 1816 г. удалило его отъ должности и, провѣривъ имущество книжнаго магазина, убѣдилось, что книгъ не оказалось на 5663 руб. Дѣло о взысканіи съ виновнаго денегъ тянулось до 1826 г., но безуспѣшно. Преемникомъ Хвостова былъ чиновникъ училищнаго комитета Н. Теохаріевъ, который однако завѣдывалъ имъ только до 1817 года, потому что снова открылась растрата книжнаго имущества на 1061 рубль. За смертью Теохаріева и отсутствіемъ у него какого бы то нибыло имущества, эти деньги были взысканы съ профессоровъ, бывшихъ тогда членами правленія, и ихъ наслѣдниковъ, по равной долѣ съ каждого—по 151 руб. (съ бывшаго ректора Осиповскаго, непремѣннаго заสѣдателя проф. Каменскаго, декановъ Шумлянскаго, Успенскаго, Рейта, Делявина и Книгина). Мѣсто же Теохаріева вызвался занять бухгалтеръ университета Прокофьевъ, остававшійся на немъ съ 1817 по 1827 годъ безъ жалованья, а изъ 6% отъ выручки. Правленіе ежегодно провѣряло магазинъ и находило все въ порядкѣ и только въ 1820 году назначенный ревизоромъ деканъ Пауловичъ открылъ нѣкоторыя неисправности въ счетахъ. Тогда правленіе поручило ему произвести болѣе полную ревизію счетовъ—и онъ нашелъ въ 1821 г. ихъ въ страшномъ безпорядкѣ. Совѣтъ назначилъ тогда для разслѣдованія особую комиссію, которая нашла несовмѣстимыми завѣдываніе магазиномъ и бухгалтерскія занятія по университету и постановила пригласить для этого осо-

е лицо съ тѣмъ, чтобы оно обезпечило залогомъ сохранность казеннаго имущества. Между проф. Пауловичемъ и Прокофьевымъ были такіе сдѣлки, что первый рѣшилъ выйти изъ состава коммисіи и совѣтъ принялъ его прошеніе объ увольненіи. Но попечитель Е. В. Карнѣевъ, узнавъ объ этомъ въ 1823 г. выписку изъ совѣта, донесъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что въ книжномъ магазинѣ открылись безпорядки, угрожающіе нарушеніемъ интересовъ казны, что коммиссія за годъ имѣла 3 засѣданія и ничего не сдѣлала для разъясненія дѣла, что университетъ съ своей стороны не принялъ никакихъ мѣръ для управленія безпорядковъ. Въ виду этого попечитель предписалъ университету немедленно принять слѣдующіе мѣры: 1) Прокофьева удалить изъ завѣдыванія магазиномъ, ибо ни съ чѣмъ не сообразно быть собственнымъ контролеромъ; 2) вызвать публикаціями желающихъ занять должность и могущихъ внести необходимый залогъ; 3) а если ни одинъ не найдется, поручить кому-либо другому изъ чиновниковъ университета, но не бухгалтеру и не контролеру; 4) составить вѣдомость книгъ и вѣрить ее съ документами.

Члены правленія освидѣтельствовали магазинъ, нашли его въ прекрасномъ порядкѣ и чистотѣ и признали счета правильными; желающихъ завѣдывать магазиномъ не оказалось. Затѣмъ правленіе сдѣлало провѣрку счетовъ со времени перехода магазина къ Прокофьеву отъ Теохаріева и нашло все въ наилучшемъ порядкѣ и въ виду этого просило попечителя объ оставленіи магазина по прежнему за Прокофьевымъ, взявъ съ него только залогъ; попечитель изъявилъ свое согласіе на это. Прокофьевъ представилъ въ видѣ залога купчую крѣпость на свой домъ въ Петербургѣ, въ мѣсто, нигдѣ не заложенное, и остался въ прежней должности. Правленіе ревизовало магазинъ и въ 1824 году и нашло все въ порядкѣ; одинъ только деканъ Пауловичъ остался при прежнемъ мнѣніи о неудобствѣ совмѣстительства должностей, занимаемыхъ Прокофьевымъ. Происходили ревизіи въ 1825, 1826 гг. Но въ 1828 году директоръ Кронебергъ вошелъ къ попечителю А. А. Перовскому съ доносомъ, въ которомъ высказывалъ свои сомнѣнія въ правильности счетовъ—они оказались подчищенными, исправленными, недостаточными и неясными,—на сомнѣнія навелъ проф. Пауловичъ. Затѣмъ такое же представленіе сдѣлало попечителю и правленіе. Прокофьевъ былъ немедленно отстраненъ, а на его мѣсто назначенъ смотритель уѣзднаго училища Сафонъ Романовскій. На Прокофьева правленіе сдѣлало въ 1828 году начеть въ 4504 руб., наложило арестъ на его имущество и посадило его самого подъ надзоръ полиціи. Прокофьевъ подалъ попечителю обстоятельное объясненіе, въ коемъ доказывалъ, что онъ не только

ничего не долженъ, а наоборотъ, ему еще правленіе должно 2617 руб. Дѣло затянулось на нѣсколько лѣтъ. Правленіе утверждало въ 1829 г., что съ Прокофьева слѣдуетъ получить 2693 руб., не полученныхъ за 1827 годъ. Проф. Филомафитскій представилъ въ совѣтъ письменное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что начесть на Прокофьева сдѣлать неправильно. Чѣмъ въ концѣ концовъ разрѣшилось дѣло, мы къ сожалѣнію не знаемъ¹⁾. Можно предполагать, кажется, что со стороны Прокофьева не было злоупотребленій, а если было что, то нѣкоторая запутанность счетоводства. Во всякомъ случаѣ, Прокофьевъ широко развилъ обороты университетскаго книжнаго магазина—довелъ ихъ съ 5 до 16 тысячъ, т. е. утроилъ. Неакуратность же счетовъ объясняется сложностью и запутанностью самого дѣла: ему приходилось вести счета съ нѣсколькими директорами училищъ Харьковскаго учебнаго округа—и одинъ изъ нихъ, Донской области—Поповъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ долженъ былъ распутывать свои запутанные счета съ магазиномъ. Затѣмъ несомнѣнно въ его дѣлѣ сѣиграли важную роль личныя отношенія къ нему проф. Пауловича: этимъ объясняются слишкомъ суровыя мѣры, принятія противъ него правленіемъ, которое сверхъ того было очевидно напугано денежными взысканіями съ прежнихъ членовъ своей коллегіи за растрату Теохаріева; оно и ректоръ Кронебергъ и правленіе старались оградить себя отъ матеріальныхъ потерь, столь возможныхъ при веденіи университетскаго хозяйства, не допускавшаго ни малѣйшаго даже произвольнаго нарушенія казеннаго интереса. Всѣ изложенные неурядицы въ книжномъ магазинѣ объясняются въ значительной степени тѣмъ, что онъ представлялъ изъ себя какъ-бы коммерческое предпріятіе, сопряженное съ рискомъ,—а этого риска не хотѣла знать казна.

Не слѣдуетъ упускать также изъ виду того обстоятельства, что университетскій книжный магазинъ за 30 лѣтъ своего существованія принесъ огромную пользу многочисленнымъ училищамъ Харьковскаго учебнаго округа, снабжая ихъ учебниками по номинальной цѣнѣ и подчасъ въ кредитъ. Если въ самомъ Харьковѣ книжная торговля находилась тогда въ младенческомъ состояніи и пріобрѣтеніе книгъ для университетской бібліотеки было сопряжено съ большими затрудненіями, то другіе города, въ особенности уѣздные, были совершенно лишены возможности пріобрѣтать на мѣстѣ нужныя имъ книги, а выписка ихъ изъ Петербурга для отдѣльныхъ лицъ была бы въ высшей степени неудобна и дорога. Такимъ образомъ, университетская книжная лавка являлась однимъ изъ видныхъ средствъ для распространенія

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло поп. № 131/8; дѣло прав. 1317/61, 1180/55, 1257/49. Архивъ мин. нар. просв. 1823 г. № 22606/498.

образованія въ обширномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ и заслуги университета въ этомъ отношеніи передъ обществомъ должны быть омынуты съ благодарностью.

Другимъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ крупное значеніе не только для самого университета, но и для общества, была типографія. Помѣщалась она первоначально въ главномъ корпусѣ (бывшемъ ген.-губ. дворцѣ), а потомъ съ 1818 до 1835 года во флигелѣ, вступившемъ во владѣніе университета и обращенномъ къ кафедральному собору (гдѣ до послѣдняго времени была хирургическая клиника). Она имѣла словолитню и сама выливала различные шрифты—русскій и латинскій; съ другой стороны она выписывала шрифты (русскій, латинскій, греческій, еврейскій) изъ Лейпцига, затрачивая на это крупныя суммы изъ хозяйственныхъ средствъ. Этими матеріалами типографія существовала до 1828 года, когда снова выписала изъ Петербурга 214 п. шрицы, 24 п. литеръ и 4 стальные словолитныя формы за 2300 р. асс. Въ 1835 г., говоритъ Фойгтъ, она была перенесена изъ занимаемаго флигеля въ особое одноэтажное каменное зданіе, построенное на углу арки, отдѣлявшей университетскій дворъ отъ бульвара, обращеннаго въ Еватеринославской улицѣ, т. е. туда, гдѣ она находится и нынѣ. Планъ его мы прилагаемъ къ настоящему труду.

Благодаря тому, что типографія была хорошо обставлена, она продолжала печатать и университетскія, и постороннія изданія. Вотъ статистическія данныя о числѣ сочиненій, отпечатанныхъ въ ней съ 1815 по 1835 году¹⁾. Въ 1815 г. въ ней напечатано было 27 сочиненій,

¹⁾ А вотъ и перечень этихъ изданій по годамъ. Въ 1815 году было напечатано 27 трудовъ: 1) Географическіе уроки, читанные въ институтѣ благополучныхъ дѣвицъ учителемъ Павломъ Андреевскимъ. Х., 1815, въ унив. тип., 1 страница; 2) *Нахимовъ* Акимъ. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, по смерти напечатанныя. Х., 1815, въ унив. тип., 136, VI и на 3-хъ страницахъ прокъ особъ, подписавшихся на это сочиненіе; 3) Подарокъ для дѣтей или новая русская азбука для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію, содержащая въ себѣ нравоучительныя правила, касающіяся до обхожденія, избранныя повѣсти и басни, изд. 5-е, Х., 1815, въ унив. тип.; 4) Всеобщая химія для учащихся и учащихся, соч. Ферд. Гизе, пер. Вас. Комляшинскій, часть 3-я, Х., 1815, въ унив. тип.; 5) *Любовскій* Петръ. Краткое руководство къ опытной словесности. Х., 1815, 140 стр., въ унив. тип.; 6) О подражательной гармоніи, соч. Гонорскаго. Х., 1815, въ унив. тип.; 7) Краткое начертаніе терапіи въ основаніе своихъ лекцій въ Берлинѣ 1807 г. издалъ Августъ фонъ-Шекеръ. Пер. съ нѣм. Х., 1815, въ унив. тип.; 8) Подарокъ сельскимъ жителямъ относительно сохраненія жизни и здоровья. Часть 1-я, заключающая средства для спасенія жизни и оживленія людей въ крайнихъ, внезапныхъ и несчастныхъ случаяхъ. Собралъ *Исаковъ*. Х., 1815, въ унив. тип.; 9) Подарокъ городскимъ и сельскимъ экономамъ на новый 1816 годъ. Издалъ В.ій

въ 1816 г.—28, въ 1817 г.—18, въ 1818 г.—17, въ 1819 г.—17, въ 1820 г.—8, въ 1821 г.—7, въ 1822 г.—8, въ 1823 г.—14, въ 1824 г.—15, въ 1825 г.—14, въ 1826 г.—9, въ 1827 г.—2, въ 1828 г.—4, въ 1829 г.—7, въ 1830 г.—9, въ 1831 г.—9, въ 1832 г.—12.

(Андрей Вербицкий). X., 1815, въ унив. тип.; 10) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета 25 декабря 1814 года на память избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, къ коимъ присоединяются сочиненныя для сего торжества ораторія и разсужденіе. X., 1815, въ унив. тип. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: а) Слово о благодѣянїяхъ Промысла Божія, говоренное орд. проф. Ив. Срезневскимъ; б) Ораторія на случай того же торжества, соч. проф. Ив. Срезневскимъ; в) De libertate Europae vindicata; переводъ этой рѣчи—О возвращенїи Европы свободы; г) Der Orient. *Reith'a*; е) Was ist das Geld? Joseph Lang; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30 августа 1815 г. X., 1815, въ унив. тип. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: а) Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою. Адъюнктъ Як. Громоу; б) De studii academici natura. Andr. Dudrowits; в) Landwirthschaft und die mit ihr zusammenhängenden Gewerbe sind die Grundlagen des Staatsreichthums. Karl von Noeldechen; 12) *Schad J.* De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum. Charkov, 1815; 13) Ода на миръ Европы, превращенная въ басню. X., 1815, въ унив. тип.; 14) *Conspectus lectionum. Ch., typis acad. MDCCCXV*; 15) Грамматика латинскаго языка, изд. Харьк. унив. 2-е изд. X., 1815, 220 стр.; 16) Сокращеніе дѣтской энциклопедїи. X., въ ун. тип., 58 стр.; 17) Грамматика латинскаго языка. X., въ универ. тип., 2-е изд., 220 стр. У Фойгта мы находимъ еще слѣдующія сочиненія, впрочемъ безъ точнаго обозначенія ихъ заглавія: 18) Пр. *Филомавитскаго*. Ода; 19) Маг. *Титарева*. О существѣ уголовныхъ законовъ (диссертация на лат. яз.); 20) Магистра *Гевлича*. Диссертация на русскомъ языкѣ; 21) Магистра *Ковалевскаго*. Диссертация на русскомъ языкѣ; 22) Проф. *Шада*. Латинская хрестоматія; 23) Краткая священная исторія по вопросамъ и отвѣтамъ; 24) Уч. *Левинскаго*. Краткія правила руссїйскаго правоисанія; 25) Латинская грамматика; 26) Риторика (на лат. яз.); 27) *Зиновьева*. Ариметика. ч. 1-я. 1816 году было отпечатано 27 сочиненій: 1) *Griowsky*. *Dissertatio inauguralis de servorum herilium in Rossia statu vetere* (на степенѣ доктора). *Charc., typis acad.*, 27 p.; 2) то же и на русскомъ; 3) *Поповъ* Ал. (директоръ училищъ Войска Донскаго). Исторія о Донскомъ войскѣ, т. 2-й. X., 1816, въ унив. тип., 291 стр.; 4) Письма изъ Малороссїи, писанныя Алексѣемъ *Левшиннымъ*. X., 1816, 206 стр., въ унив. тип.; 5) *Каменскій* Иванъ. Латинскій словарь. X., 1816, въ унив. тип., 360 стр. 6) *Ма- словичъ*. О баснѣ и баснописцахъ у разныхъ народовъ. X., 1816, въ унив. тип., VI, 140 стр.; 7) *Франкеръ*. Основанія механики. ч. 1—2. Съ французскаго перев. и дополнилъ Ник. Архангельскій. X., 1816, въ унив. тип., 347 стр.; 8) Украинскій Вѣстникъ, издаваемый Е. Филомавитскимъ, Раз. Гонорскимъ и Григ. Квиткою. X., 1816, въ универ. типогр.; 9) Харьковскій Демокритъ, изд. Вас. Масловичемъ, ч. 1—3, 120+IV, 124+IV, 126+II. X., 1816, въ унив. тип.; 10) Ода Е. И. В. Гос. и Вел. Кн. Николаю Павловичу отъ Харьковскаго коллегіума усерднѣйшее приношеніе въ день прибытія въ Харьковъ

1833 г.—11, въ 1834 г.—5, въ 1835 г.—13. Всего за 21 годъ въ ней было отпечатано 254 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ по 12 сочиненій въ годъ. Между тѣмъ, въ теченіе перваго десятилѣтія существованія университета въ ней было отпечатано 207 книгъ и бро-

шюръ. 6 года. X., 1816, 8 стр., въ унив. тип.; 11) Правила, на коихъ отпускаются благородныя дѣвцы изъ института Общества благотворенія въ дома воспитанницъ. X., 1816, 15 стр., въ унив. тип.; 12) *Philomathitsky E. Dissertatio de genuina scriptorum Romanorum elegantia deque usu et utilitate linguę addiscendi latinam* (магист. дисс.). Kharkoviae, typis acad. 40 p., 1816; 13) Всеобщая химія для учащихся и учащихся, соч. Ферд. Гизе, пер. съ нѣм. П. Комлишинскій, ч. 4-я. X., 1816. въ унив. тип.; 14) *Schuman. Dissertatio chemica de acidı muriatici oxygenati natura* (докт. дисс.). Ch., typis acad. 40 p., 1816; 15) Сочиненія Акіма Нахимова въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. X., 1816, 154, V, въ унив. тип.; 16) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30 августа 1816 г., въ унив. тип. Онѣ заключаютъ въ себѣ слѣдующія статьи: а) Ueber politische Oekonomie. Prof. Lang; б) De jure controverso legum criminalium. Adj. Paulow. Переводъ этой рѣчи: О состязательныхъ истинахъ уголовныхъ законовъ; в) О точныхъ наукахъ. Адъюнктъ Ник. Архангельскій; 17) De la civilisation des Tatars nogais dans le midi de la Russie Européenne. Par le pr. de Gouroff, 1816, 122; 18) *Conspectus lectionum*. Ch., typis acad., MDCCCXVI, 17 стр.; 19) *Вербницкаго*. Краткая руссiйская грамматика, 108 стр. Фойгтъ упоминаетъ о слѣдующихъ изданіяхъ: 20) *Шнауберта*. О происхожденіи нашего шаровиднаго шара и перемѣнахъ на немъ (рѣчь на нѣм. яз.); 21) Ал. *Комлишинскаго*. Объ осадкахъ атмосферы (рѣчь); 22) Проф. *Срезневскаго*. О любви къ отечеству (рѣчь); 23) *Срезневскаго*. Стихотворческая забава; 24) *Срезневскаго*. О вліяніи закона Божія на нравственное образованіе челоуѣка (рѣчь); 25) *Историка Зедергольма*. Собраніе священныхъ пѣсней (на нѣмецкомъ языкѣ); 26) *Вербницкаго*. Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ на 1817 годъ; 27) Прот. *Прокоповича*. Стѣнной мѣсяцесловъ на 1817 годъ. Въ 1817 году: 1) *В. Каменскій*. Руссiйскій словарь. X., 1817, въ ун. тип., 60 стр.; 2) *Зеновьевъ*. Первоначальная часть чистой математики ариметика. X., 1817, въ ун. тип. 153 стр.; 3) Украинскій Вѣстникъ, ч. 5—8. X., 1817; 4) *Кричевская Анна*. Мои свободныя минуты или собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ. X., 1817, 2 части, 160 и 111 стр. (въ концѣ списокъ подписчиковъ); 5) *Кравченскаго*. Новый и полный толкователь словъ славянскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, французскихъ, жидовскихъ, турецкихъ и др., употребляемыхъ въ руссiйскомъ языкѣ. Посвящено Харьков. гражданскому губернатору Вас. Гавр. Муратову. X., 1817, 121 стр.; 6) Бесѣды Цицерона о естествѣ боговъ. Пер. Илья *Гриневичъ*, т. 1-й. X., 1817, въ унив. тип. XX, 6, 136; 7) Цицеронъ. Первая рѣчь противъ Катилины. Пер. И. *Гриневичемъ*. X., 1817, въ унив. тип., 172 стр.; 8) Начертаніе правилъ руссiйскаго правописанія. X., 1817, въ унив. тип.; 9) Труды Общества наукъ, учрежденнаго при Имп. Харьков. университетѣ, томъ 1-й, часть 1—2. X., 1817, въ унив. тип., 206, 200; 10) Всеобщая химія для учащихся и учащихся, соч.

шюръ, т. е. въ среднемъ по 20 въ годъ, слѣдовательно, почти въ 2 раза болѣе, чѣмъ въ изучаемый нами періодъ. Такимъ образомъ, реакція и цензурныя стѣсненія отразились крайне неблагоприятно на количествѣ сочиненій, печатавшихся въ это время въ университетской

Ф. Гизе, пер. съ нѣм. Вас. Комлишинскій, ч. 5-я. X., 1817; 11) *Снядеикий* Ив. Географія или математическое и физическое описаніе земли. Пер. съ польскаго П. Канивецкій. X., 1817, въ унив. тип.; 12) Латинскій (и русскій) словарь, изд. Ив. Каменскій, ч. 2-я. X., 1817, въ унив. тип.; 13) Логика или умознученіе, соч. доктора философіи Ив. Любачинскаго. X., 1817, въ унив. тип.; 14) Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Имп. Харьковскаго университета, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 г., какъ продолженіе экзамена въ семь отдѣленій. X., 1817, въ унив. тип. (содержится здѣсь 8 статей); 15) Ода Е. И. В. Императору Александру Павловичу на прибытіе Его въ Харьковъ 18-го сентября 1817 года, всеподданѣйшее приношеніе отъ Харьковскаго духовнаго коллегіума. X., 1817, 16 стр., въ унив. тип. (содержитъ 4 статьи); 16) Россійская риторика А. Могилевскаго. X., 1817, въ унив. тип., 265 стр. Фойгтъ присоединяетъ къ этому еще слѣдующія изданія: 17) Украинскій домоводъ, кн. 1-я, изд. проф. Пиллеромъ; 18) *Вербицкаго*. Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ на 1818 годъ. Въ 1818 году: 1) *Любовскій*. Опытъ логики. X., 1818, въ унив. тип., 115 стр.; 2) *Гессе де Калье* Густавъ. Теорія музыки. Перев. съ нѣм. рукописи Разумникъ Гонорскій, въ унив. тип., ч. 1-я. 304 стр.; 3) *Успенскій* Гавріиль. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, 2-е изданіе исправл. и умноженное. X., 1818, въ унив. тип., 818 стр.; 4) *Гонорскій-Разумникъ*. Опыты въ прозѣ съ приговоруленіемъ двухъ сонетовъ, двухъ романсовъ и одной фантазіи. X., 1818, въ унив. тип., 124 стр.; 5) Украинскій Вѣстникъ, изд. Е. Филомаентескииъ и Раз. Гонорскимъ; 6) *Гриневичъ* Илья. Рѣчь М. Т. Цидерова за Архіа. X., 1818, въ унив. тип.; 7) Подарокъ въ новый 1819 годъ. X., 1818, въ унив. тип.; 8) *Левицкій* Ник. Разсужденіе о развитіи нравственнаго чувства, сочиненное и читанное при окончаніи годичныхъ испытаній въ Имп. Харьк. университетѣ 30 іюня 1818 года. X., 1818, въ унив. тип.; 9) Краткія правила русскіе права, 2-е изд. X., въ унив. тип., 44 стр.; 10) Подарокъ для дѣтей или новая русскія азбука, изд. 6-е. X., 1818, въ унив. тип.; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 25 декабря 1815 и 1818 гг. X., 1818, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи Каменскаго и Комлишинскаго); 12) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30-го августа 1818 года. X., 1818, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи Борзенкова, Ваннотти); 14) P. Virgilii Maronis opera. Ex auctoritate Universitatis Charcoviensis ad usum Gymnasiorum aliarumque Scholarum, quae subsunt curavit Eugraphus Philomathitsky. Ch., 1818, typis et impensis Universitatis, XXX, 480, 4; 15) Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. университета, читанныя по окончаніи экзаменовъ ихъ. X., 1818, въ унив. тип., 124 стр. (здѣсь статьи Пифутъева, Склабовскаго, Назарьева, Левицкаго, Бѣлозерскаго, стихотворенія Склабовскаго, Шкляревича, Дыздарева, Петрова, Бѣлозерскаго; въ концѣ рѣчь Кир. Росинскаго; были и отдѣльные оттиски нѣкоторыхъ изъ нихъ); 16) Conspectus lectionum, Chare., typis acad., MDCCCXVIII, 17 стр. У

пографіи на литературно-научной производительности профессоръ, университета и другихъ мѣстныхъ дѣятелей. Относительно приведенныхъ статистическихъ данныхъ сдѣлаемъ еще нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Самые крупныя цифры падаютъ на 1815 и 1816 гг.—

Въ Фойгта кромѣ этого находимъ: 17) Пастора *Зедергольма*. *Kleiner Katechismus*. 1819 году: 1) *Склабовскій* Александръ, Опыты въ стихахъ. Х., 1819, въ ун. тип., 179 стр.; 2) Украинскій Вѣстникъ; 3) *Bieberstein*. *Flora Taurocasica*, т. 3-й, *Supplementum*; 4) Труды студентовъ любителей отечественной поэзии въ Имп. Харьк. университетѣ. Х., 1819, въ ун. тип.; 5) Фило-
 логическому Обществу правителя дѣлъ его *В. Н. Каразина* отчетъ за по-
 слѣдніе четыре мѣсяца 1818 года. Х., 1819, въ ун. тип.; 6) Начальныя
 уроки латинскаго языка, изд. Имп. Хар. университетомъ для училищъ его
 округа. Изд. 4-е. Х., 1819, въ ун. тип.; 7) Хрестоматія, изд. Имп. Харьк.
 университетомъ по руководству Гедике. Изд. 2-е. Х., 1819, въ ун. тип.;
 8) Вечернія бесѣды въ хижинѣ, соч. *Дюкре-Дюмениля*. Перев. съ французск.,
 1—2. Х., 1819, въ ун. тип.; 9) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ
 собраніи Имп. Харьк. университета 30 августа 1819 г. Х., 1819, въ ун. тип.
 (здѣсь рѣчи *Джунковскаго* и *Кронеберга*); 10) Эфиказъ индѣецъ. По-
 лѣтъ, ч. 1-я, соч. *К. Парпура*. Х., 1819, 40 стр., въ ун. тип. 11) *Еси-*
корскаго. Всемирная исторія, часть 1-я. Х., 1819, въ ун. тип., 120 стр.
 Фойгта мы еще находимъ: 12) *Есикорскаго*. Новый легчайшій способъ учить
 детей письму; 13) *Есикорскаго*. Новѣйшая географія, ч. 1 и 2-я; 14) *Гра-*
дскаго. Таблица спряженій русскіихъ глаголовъ; 15) *Ольденборгера*. Нѣ-
 мкая хрестоматія; 16) *Галдинскаго*. Баллада — Алісъ и Амина; 17) *Кор-*
нелова. Таблицы для военно-сиротскаго отдѣленія. Въ 1820 году: 1) *Кроне-*
берга. Латинская грамматика. Х., въ ун. тип., 326 стр., 1820; 2) *Павловскій*
 Грей. Таблицы догаріемовъ, по изданію Каллета. Х., 1820, въ ун. тип.;
 3) *Павловскаго*. Грамматическомъ разборѣ. Изданіе 2-е. Х., 1820, въ ун. тип.;
 4) Грамматика латинскаго языка съ присовокупленіемъ правилъ латинскаго
 сложенія, издан. Имп. Харьк. ун. тип. Изданіе 3-е. Х., 1820, въ ун. тип.;
 5) Вечернія бесѣды въ хижинѣ, соч. *Дюкре-Дюмениля*. Перев. съ нѣм.,
 1—4. Х., 1820, въ ун. тип.; 6) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ
 собраніи Имп. Харьк. ун. 30 августа 1820 года. Х., 1820, въ ун. тип.
 (здѣсь рѣчи *Мошелевскаго*, *Куницкаго* и стихотвореніе Алекс. *Склабовскаго*);
 7) *Conspectus lectionum*. Ch., typis un., MDCCCXX, 17 стр. У Фойгта находимъ
 еще: 8) Молитвы при божественной литургіи. Въ 1821 году: 1) Энциклопеди-
 чeskій и экономическій календарь, соч. *А. Некрасовымъ*. Изд. *И. Кузнецова*.
 1821, въ ун. тип.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи
 Имп. Харьк. ун. 30 августа 1821 г. Х., 1821, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи
Павловскаго, *Филомавитскаго*, двоюродн. братъ *Склабовскаго*); 3) Сочиненія и пере-
 писки студентовъ Имп. Харьк. ун., читанныя 30 июня 1821 г. Х., 1821, въ
 ун. тип., 157 стр. (здѣсь статьи и стихотворенія *Дружковича*, *Алатов-*
скаго, *Савостьянова*, *Протопопова*, *Золотарева*, *Карасева*, *Петровскаго* и
 др. *Россинскаго*); 4) Ручная книжка или украинскія записки, изд. на новый
 1821 годъ. *А. В—мъ* (Вербидкимъ). Х., 1821, въ ун. тип.; 5) *Conspectus*
lectionum, 17 р. У Фойгта находимъ сверхъ того: 6) *Кронеберга*. *Compendium*

это послѣдніе моменты того оживленія издательской дѣятельности, которое характеризуетъ первое десятилѣтіе существованія университета: въ 1814 г. отпечатано было 25 сочиненій, въ 1815 г.—27, въ 1816 г.—28. Въ это время попечителемъ былъ еще просвѣщенный С. О. Потоцкій.

antiquitatum romanarum; 7) *Заставская*. Французская грамматика по руководству Ломонда. Въ 1822 году: 1) *Вербицкій* Андрей. Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ. Часть 1-я. Х., 1822, въ унвер. тип., 220 стр.; 2) *Теорія арифметики*, изд. М. *Робушъ*. Х., 1822, въ унв. тип.; 3) *Опытъ риторики*, соч. Ив. *Рижскаго*. Изд. 4-е. Х., 1822, въ унв. тип.; 4) *Опытъ исторической очевидности Промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ*. Рѣчь Ст. *Есикорскаго*. Х., 1822, въ унв. тип.; 5) Рѣчь и стихи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета 30-го августа 1822 года. Х., 1822, въ унверс. тип. (здѣсь рѣчь *Робуша* и поэма *Склябовскаго*). 6) *Conspectus lectionum*. Charc., typis ac., MDCCCXXII, 16 стр. У Фойгта еще находимъ: 7) Рѣчь пр *Рейта*. Ueber den Ursprung des russischen Volks; 8) *Рижскаго*. Введеніе въ кругъ словесности. Въ 1823 году: 1) *Рейпольскій* Ив. Новѣйшее начертаніе естественной исторіи. Х., 1823, въ унв. тип., 204 стр.; 2) *Вербицкій* Андр. Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій, ч. 2-я. Х., 1823, въ унв. тип., 208 стр.; 3) *Начертаніе правилъ русскаго правописанія*. Х., 1823, въ унвер. тип.; 4) *Опыты въ словесности воспитанниковъ благородн. пансіона Коваленкова въ Харьковѣ*, изд. А. *Склябовскій*. Х., 1823; 5) *Таблицы для измѣренія бочекъ*. Х., 1823, въ унв. тип.; 6) *Всеобщая и философическая грамматика языковъ*, соч. Н. *Паки-де-Совиньи*, ч. 1—2. Х., 1823, въ унв. тип., 153 стр. (на французскомъ и русскомъ яз.); 7) Его-же. 3-я таблица грамматикъ или метода французская. Х., 1823, томъ 2-й, 364 стр.; 8) *Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка*. Изд. Императ. Харьк. унв. Х., 1823, въ унв. тип.; 9) *Index plantarum horti botanici Universitatis Charcoviensis*. Ch., 1823, typis universitatis, 80 p.; 10) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унв. 30 августа, 1823 г., Х., 1823, въ унв. тип. (здѣсь рѣчи *Сухомлинова*, *Михайловскаго* и стихотвореніе *Склябовскаго*). 11) *Conspectus lectionum*. Ch., typis ac., MDCCCXXIII, 13 стр. У Фойгта кромѣ того отмѣчены: 12) *Horatii Pl. epistola ad Augustum*, ed. prof. *Kroneberg*; 13) *Taciti Annalium liber I*, ed. prof. *Kroneberg*; 14) *Украинскій Журналъ*, издаваемый А. *Склябовскимъ* на 1823 г.; 15) *Балетъ*. Зефиръ и Флора. Въ 1824 году: 1) *Корсунъ* Н. Разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ сущность исторіи, 30 стр. Х., 1824; 2) *Украинскій Журналъ*. Х., 1824; 3) *Селецкій* Мих. О переменнахъ въ управленіи народа римскаго. Х., 1824, въ унвер. тип., 42 стр.; 4) *Паки де Совиньи*. Курсъ словесности (на франц. языкѣ), т. I. Х., 1824, 63 стр. (то же заглавіе по французски); 5) *Разсужденіе о давности*, соч. П. *Андреевскимъ*. Х., 1824, въ унв. тип.; 6) *Мошлевскій* Ав. Россійская риторика. Изд. 2-е. Х., 1824, въ унв. тип.; 7) О Харьковскомъ институтѣ благ. дѣвицъ, соч. А. С. Х., 1824, въ унвер. тип.; 8) *Философическая грамматика языковъ*, соч. Н. *Паки де Совиньи*, ч. 3. Х., 1824, въ унв. тип.; 9) *Грамматика латинскаго языка*, изд. Имп. Харьк. унв. Изд. 4-е. Х., 1824, въ унв. тип.; 10) *Начальныя основанія латинскаго*

тѣмъ послѣ вступленія въ должность новаго попечителя З. Я. Карлева, при которомъ совершился крутой и рѣзкій поворотъ въ сторону акціи, цифры сразу начинаютъ падать и спускаются съ 17 до 7; при попечителѣ Е. В. Кариѣвѣ онѣ колеблются между 15 и 9, при попе-

ка, изд. Имп. Харьк. унив. для училищъ его округа. Изд. 5-е. Х., 1824, унив. тип.; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжествен. собраніи Имп. Харьк. ун. 30 августа 1824 года. Х., 1824, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Громова* и *Микова*); 12) Catalogus Bibliothecae univ. Charcoviensis, cura Bas. *Dgumsky*. Ch., 1824, typis acad., IV, 511 p.; 13) Conspectus lectionum. Ch., typis acad., MDCCCXXIV, 13 стр.; 14) *Паки-де-Совиньи*. Грамматическое словосочиненіе. Х., 1824, 195 стр. У Фойгта еще находимъ: 15) *Кронеберга*. О заведеніяхъ римлянъ; 16) *Бочарова*. Наставленіе о конскомъ заводѣ; 17) *Ольбериера*. Нѣмецкая хрестоматія. Въ 1825 году: 1) *Савицкій* Зах. Изложеніе главнѣйшихъ системъ нравственныхъ, 59 стр. Х., 1825; 2) *Кореунъ* Александръ. Разсужденіе объ основаніи опеки и попечительства вообще, Х., 1825, въ унив. тип., 37 стр.; 3) *Ерофеевъ* Сем. Разсужденіе о доказательствѣхъ уголовныхъ преступленій. Х., 1825, 78 стр.; 4) *Кронебергъ* Ив. Амалтея собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и наукъ классической словесности. Часть 1-я. Х., 1825, въ унив. тип., 246 стр.; 5) *Украинскій Журналъ*; 6) *Мошелевскій* Ав. Весѣды о важнѣйшихъ истинахъ философіи. Х., 1825, въ унив. тип.; 7) *Гіюдометръ* для провѣрки часовъ. Изд. Василій *Каразинъ*. 2 части. Х., 1825, въ унив. тип.; 8) *Правила* для городскихъ общественныхъ танцевъ, издалъ *Людвикъ Петровский*. Х., 1825, въ унив. тип.; 9) *Латинская грамматика*, соч. И. *Кронеберга*, изд. Имп. Харьк. ун. Изд. 2-е. Х., 1825, въ унив. тип.; 10) *Басни въ стихахъ* Вас. *Маслова*. Изд. 2-е исправл. и умнож. Х., 1825, въ унив. тип.; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1825 г. Х., 1825, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Богородицкаго* и *Дячкова*) 12) Conspectus lectionum. Ch., typis ac., MDCCCXXV, 13 стр. У Фойгта еще находимъ: 13) *Дембаха*. Нѣмецкая хрестоматія; 14) *Зайченковскаго*. Словарь. Въ 1826 году: 1) *Кронебергъ* Ив. Амалтея. Часть 2-я. Х., 1826, въ унив. тип., 142, 125, 126 стр.; 2) *Кричевская* Люб. Историческіе анекдоты. Х., 1826, въ универс. тип.; 3) *Кричевская* Люб. Нѣтъ добра безъ награды, драма въ 3-хъ д. Х.; 4) *Всеволодъ* исторія Ст. *Есикорскаго*. Изд. 2-е. Х., 1826, въ ун. тип.; 5) *Робуишъ* Теорія арифметики. Изд. 2-е. Х., 1826, въ ун. тип.; 6) *Грамматика латинскаго языка*, изд. Харьк. универс. 5-е изд., 1826, 223 стр.; 7) Conspectus lectionum. Charc., typis acad., MDCCCXXVI, 13 стр. У Фойгта еще упомянуты: 8) *Пауловича*. Письма; 9) Рѣчь *Еллинскаго* (De inflammationis causa proxima) и *Математическаго* (Объ успѣхахъ ума въ астрономіи). Въ 1827 году: 1) Рѣчи, произнесенныя въ торжеств. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1827 года. Х., 1827, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Книгина* и *Артемовскаго-Гулака*); 2) *Лесковъ* publicae. Ch., typis ac., MDCCCXXVII, 13 стр. Въ 1828 году: 1) *Пауловичъ* К. Конспектъ римскаго правовѣдѣнія. Х., 1828, 77 страницъ; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжеств. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1828 года. Х., 1828, въ унив. тип., 35 стр. (здѣсь рѣчи *Блументаля* De cranii perforatione и *Черняева* О пользѣ отечественныхъ знаковъ); 3) Рѣчи, произнесен-

чителѣ-литераторѣ А. А. Перовскомъ достигаютъ своего минимума (колеблются между 12 и 2; за 5 лѣтъ съ 1825 по 1830 годъ было напечатано всего 34 сочиненія, т. е. менѣе 7 сочиненій въ годъ); въ попечительство Филатѣева и Головкина онѣ колеблются между 13 и 5;

ныя въ залѣ торж. собр. Имп. Харьк. унив. въ 1-й день сентября 1828 г., при началіи новаго курса ученія. X., 1828, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи *Артемювскаго-Гулака*, *Маурера* и *Брандейса*); 4) *Lectiones publicae*. Ch., typis ac. MDCCCXXVIII, 21 стр. *Въ 1829 году*: 1) К. *Пауловичъ*. Конспектъ или краткое обозрѣніе дипломатики вообще. X., въ ун. тип., 93 стр., 1829; 2) *Туранскій* Адрианъ. Любownikъ лѣкарь, ком. въ 2-хъ д., перед. изъ Мольера. X., 1829, въ ун. тип., 40 стр.; 3) *Павловъ* А. Два арестанта, ком. въ 1 д. X., 1829, въ ун. тип., 26 стр.; 4) Слово на выборъ судей, произнесенное Виталиемъ, Харьк. еп. X., 1829, 17 стр.; 5) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1829 года. X., 1829, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи *Брандейса* *Н метасукуртихъ* *Фердѣна* и *Золотарева* о важности и необходимости занятій въ Отеч. языкѣ); 6) *Lectiones publicae*. Ch., typis acad., MDCCCXXIX, 24 стр. У Фойгта прибавлена: 7) *Ганнау*—диссертация. *Въ 1830 году*: 1) Брошюрки, изд. Ив. *Кронебертомъ*. №№ 1, 36 стр., 2, 3. X., 1830, въ ун. тип.; 2) Нѣмецкая хрестоматія, собранная и издаваемая *Ольденбургеромъ*. X., 1830, въ ун. тип.; 3) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1830 г. X., 1830, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи *Маурера* *De pronuntiatione linguae scaesae* и *Венедиктова* о динамическомъ способѣ изъясненій образ. явленій орган. природы); 4) Наставленіе о лѣченіи болѣзни, наз. холера, изд. Мед. Сов. X., 1830, въ ун. тип., 16 стр. У Фойгта находимъ еще: 5) *Кронеберта*. *Compendium antiquitatum romanarum*; 6) *Cr. Sallustius*, ed. prof. *Kroneberg*; 7) *Маурера*. Таблица о склоненіи и спряженіи лат. и греческ. яз.; 8) Начальная основанія латинскаго языка; 9) *Lectiones publicae*. Ch., typis ac., MDCCCXXX, 24 стр. *Въ 1831 году*: 1) Украинскій альманахъ. X., 1831, въ ун. тип., 136 стр.; 2) Брошюрки, изд. Ив. *Кронебертомъ*. №№ 4—6. X., 1831, въ ун. тип.; 3) Шельменко. Ком. въ 3 д. X., 1831, въ ун. тип.; 4) Краткое руководство къ познанію ариметики, Мих. *Робуша*. Новое изд. X., 1831, въ ун. тип.; 5) Таблица латинскаго синтаксиса, сост. И. *Кулѣжнскимъ*. X., 1831, въ ун. тип.; 6) Поясненіе на способъ Свободскаго дѣлать вычисленія на счетахъ. X., 1831, въ ун. тип., 31 стр.; 7) Рѣчи, произнесенныя въ торжеств. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1831, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи *Пауловича* *De origine artis diplomaticae*, *Рейтольскаго* о холерѣ и стих. *Якимова* *Даръ слова*); 8) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи лат. языка. X., 1831, въ ун. тип., 119 стр.; 9) *Lectiones publicae* univ. Sarcov. Ch., typis univ. MDCCCXXXI, 24 стр. *Въ 1832 году*: 1) Гимны Святит. Митрофану. Соч. Н. *Севастьянова*. X., 1832, въ ун. тип.; 2) Обозрѣніе десмурій, Ник. *Елѣинскаго*, т. 1—2. X., 1832, въ ун. тип., т. 2-й, 521 стр.; 3) Краткая грамматика рус. языка, изд. И. *Кулѣжнскимъ*. X., 1832, въ универс. тип. 103 стр.; 4) Рѣчь объ основнхъ формахъ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императ. Харьк. университета 30 августа 1832 года *Ө. Чановымъ*. X., 1832, въ ун. тип., 128 стр.; 5) Объявленіе публ. преподаваніи въ Императ. Харьк. университетѣ. X., 1832, въ ун. тип. (то-же и

видно, попытки графа Головкина и Панина возродить угасавшую научно-литературную дѣятельность университета еще не привели къ какимъ-либо практическимъ послѣдствіямъ, хотя все-таки теперь замѣчается некоторый прогрессъ сравнительно съ эпохой А. А. Перовскаго. Слѣ-

дательная. азыкъ); 6) Гробная служительница (повѣсть). Х., 1832, въ унив. тип.; 7) Словацкія пѣсни. Х., 1832, въ унив. тип.; 8) Брошюрки, изд. Ив. Кронебергомъ, № 7—9. Х., 1832, въ унив. тип.; 9) Luciani libellus de somnio, ed. E. Maurer. Ch., 1832, typis univ.; 10) Conspectus rei obstetriciae — Blumenthal, 1832, typis univ., 215 p. У Фойгта еще упоминается: 11—12) диссертации Криворотова и Гордѣенка 1-го. Въ 1833 году: 1) Гренбергъ. Разсужденіе объ отношеніи, въ которомъ находится общее право къ положительному праву, къ философіи положительнаго права, къ политикѣ и этикѣ. Х., 1833, въ унив. тип., 59 стр.; 2) Утренняя звѣзда. Кн. 1—2, 170, 100 стр. 1833; 3) Брошюрки, изд. Ив. Кронебергомъ, № 10. Х., 1833, въ унив. тип.; 4) Степановъ Тихонъ. Рѣчь о сущности, важности и назначеніи полит. произнесенная въ торж. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1833 г. Х., 1833, 64 стр.; 5) Срезневскій Измаиль. Запорожская старина. Часть 1-я. Х., 1833, въ унив. тип.; 6) Краткое руководство къ познанію алгебры, изд. Ив. Рубишемъ. Х., 1833, въ унив. тип.; 7) Обзорѣніе публ. преп. наукъ. Х., 1833, въ унив. тип.; 8) Ссылный (русская повѣсть), соч. Ив. Иноземцева. Х., 1833, въ ун. тип.; 9) De affinitate linguae slavicae et sanscritae, B. Dorn. Х., 1833, въ универс. тип. 154 p.; 10) Lectiones publicae. Ch., typis acad., 1833, 19 стр. У Фойгта еще говорится: 11) о рѣчи Комлишинскаго (Ber den Hagel und Hagelableiter). Въ 1834 году: 1) Малороссійскія поговорки и поговорки. Собр. В. И. Н. С. Х., 1834, въ унив. тип., 34 стр., 2) Обзорѣніе публ. преподаванія наукъ въ Имп. Харьк. унив. Х., 1834, въ ун. тип.; 3) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. 30 августа 1834 года. Х., 1834, въ универс. тип. (здѣсь рѣчи Громова Divisio medicamentorum, 24 стр. Громова О красворѣчїи, 16 стр.); 4) Ciceronis oratio pro lege Manilia, ed. Kneberg; 5) Блаументалъ. Pyretologia systematica. Ch., 1834, 187 p. Въ 1835 году: 1) Кронебергъ Иванъ. Минерва. Часть 1—4. Х., 1835, въ унив. тип. 1-я часть—283 стр., 2-я часть—291 стр. и часть 3-я болѣе 304 стр.; 2) Дьяченко. Разсужденіе объ успѣхахъ послѣ Эйлера сдѣланныхъ въ извѣщеніи интеграловъ. Х., 1835, 46 стр.; 3) Срезневскій И. Украинская исторія 1640—1657. Х., 1835, 183 стр.; 4) Сочиненія и переводы въ стихахъ С. Р. Х., 1835, въ унив. тип.; 5) Космографія, соч. Семенкура. Перев. съ франц. С. Кованько. Х. 1835; 6) Наука, излагающая правила рецептнаго искусства для врачей, соч. Фохта. Пер. съ нѣм. Х., 1835; 7) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1835 г. Х., 1835, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи Бутковскаго Diatribe isagogica de statu medicinae и Гордѣенка О законодательномъ достоинствѣ свода законовъ, 30 стр.). У Фойгта мы еще находимъ: 8) Маурера. Три таблицы словъ склоняемыхъ и несклоняемыхъ; 9) Блаументалъ Therapia generalis; 10) Гринберга. Theorie der Cholera; 11) Selectae e profanis scriptoribus historiae; 12) Востокова. Русская грамматика; 13) Буссе. Арифметика.

дуетъ отмѣтить впрочемъ, что въ изучаемую нами эпоху получили значительное развитіе журналы и труды студентовъ; но это относится уже къ содержанію сочиненій, а на немъ мы здѣсь останавливаться не можемъ. Наконецъ, въ заключеніе замѣтимъ, что представленныя нами свѣдѣнія мы сами не считаемъ совершенно полными и точными — по причинамъ, указаннымъ нами уже въ 1-мъ томѣ этого труда (стр. 431—437). Настоящій перечень составленъ мною на основаніи библиографическаго указателя Чирикова и книги Фойгта, въ которой помещенъ по годамъ списокъ сочиненій, изданныхъ въ университетской типографіи. Изъ сопоставленія книги Фойгта съ работою Чирикова, оказывается, что въ 1-й очень много пропусковъ, но зато есть и такія указанія, какихъ нѣтъ у Чирикова. Пришлось такимъ образомъ объединить данныя обохъ источниковъ. Но Чириковъ приводитъ *подписныя* и подробныя заглавія сочиненій, а Фойгтъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ весьма неопредѣленные указанія; посему въ тѣхъ случаяхъ, когда его данныя не подтверждались Чириковымъ, я ихъ вносилъ особо, въ приложеніи къ годичному перечню. Изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ свѣдѣній обнаружилось, что указанія Фойгта иногда грѣшатъ въ хронологическомъ отношеніи, но это легко объясняется тѣмъ, что сообщенія о печатаніи не всегда совпадали съ данными о выходѣ въ свѣтъ сочиненія. Вообще же данныя Фойгта повидимому позаимствованы изъ официальныхъ источниковъ и потому могутъ быть признаны достоверными. Съ другой стороны и трудъ Чирикова имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: онъ составленъ главнымъ образомъ по указателямъ и росписямъ книгъ (Смирдина, Ольхина), а не по первоисточникамъ, и потому въ немъ могутъ оказаться неточности. Я по мѣрѣ возможности старался провѣрять его данныя, такъ сказать, по натурѣ, но къ сожалѣнію библиотека Императорскаго Харьковскаго университета довольно бѣдна именно харьковскими изданіями, въ частности изданіями университетской типографіи и потому эта провѣрка была неполна. Думаю впрочемъ, что возможные неточности не измѣнятъ общихъ выводовъ. Не повліяетъ на ихъ измѣненіе и, такъ сказать, разнокачественность изданнаго матеріала — рядомъ съ толстою книгою или журналомъ въ видѣ статистической единицы у насъ фигурируетъ и тощая брошюрка — потому что эта разнокачественность относится ко всѣмъ годамъ и, слѣдовательно, распределяется въ общемъ, по всей вѣроятности, довольно равномерно; во всякомъ случаѣ она была и въ цифрахъ перваго десятилѣтія, слѣдовательно, оказала одинаковое вліяніе и на те перешнія, и на прежнія цифры о дѣятельности типографіи.

Обратимся теперь къ учебноспомогательнымъ учрежденіямъ от-
дельныхъ факультетовъ.

Въ вѣдѣніи *словеснаго* факультета былъ *минцъ-кабинетъ*, судьба
котораго до 1815 г. была изложена мною въ 1-мъ томѣ „Опыта исторіи
Ярьковского университета“. Сообщимъ теперь свѣдѣнія о немъ за
время съ 1815 по 1836 годъ.

О нумизматическомъ кабинетѣ съ 1815 по 1836 годъ у Фойгта
извѣстно очень мало. „Послѣ 1813 г. число монетъ и медалей минцъ-
кабинета постоянно увеличивалось какъ Высочайшими дарами Августѣй-
шихъ особъ и пожертвованіями частныхъ лицъ, такъ и покупкою и от-
дачею разными. Въ 1825 году отъ щедротъ Императрицы Елизаветы
Александровны въ 2 раза передано 19 золотыхъ, 13 серебряныхъ и 37 брон-
зовыхъ медалей; сверхъ того въ золотой оправѣ большой сердоликовый
пальонъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Имп. Александра I, а
на другой—Россіи, торжествующей побѣду надъ Франціей. По Высочай-
шему повелѣнію Императора Николая Павловича поступило 4 древ-
нихъ серебряныхъ рубля изъ числа 199 штукъ, найденныхъ въ Рязани,
10 золотыхъ и 5 серебряныхъ персидскихъ монетъ, оцененныхъ въ
1 р. сер.; одна изъ нихъ, имѣющая четырехугольную форму, вѣсомъ
1 золотника; 49 серебряныхъ русскихъ копѣекъ изъ числа найден-
ныхъ въ Новгородской губ. Отъ частныхъ лицъ: отъ бывшаго Таври-
ческаго вице-губернатора Лонгинова—9 мѣдныхъ очень рѣдкихъ Бос-
форскихъ и Ольвіупольскихъ монетъ, отъ директора Таганрогскихъ
заводовъ Мюне—122 мѣдныхъ большею частью Босфорскихъ и Пан-
пейскихъ монеты. Куплена у д-ра Ширевица коллекція восточныхъ
серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ числомъ 1171. Приведеніе монетъ и
медалей минцъ-кабинета въ систематическій порядокъ началось съ
1826 года. До тѣхъ поръ имѣлись при кабинетѣ простые описи, въ ко-
рыхъ главное вниманіе было обращено на металлъ и число: хроно-
логическій порядокъ не былъ соблюдаемъ, даже монеты одного и того
же государства помѣшались въ разныхъ ящикахъ. Орд. проф. Данило-
вичъ, принявъ въ 1826 году кабинетъ въ свое вѣдѣніе, приступилъ
немедленно къ приведенію его въ порядокъ. Памятникомъ его забот-
ливости о кабинетѣ остался обширный систематическій каталогъ на
латинскомъ языкѣ, служившій главнымъ пособіемъ при дальнѣйшихъ
изысканіяхъ по кабинету. Впрочемъ, проф. Даниловичъ описалъ не всѣ
монеты; притомъ кабинетъ постоянно пополнялся новыми экземплярами
и даже цѣлыми коллекціями. Представилась необходимость въ дополне-
ніи, если не передѣлѣ каталога вновь“ ¹⁾.

¹⁾ Ист. Ст. Зап., стр. 39—43.

Дополнимъ эти скудныя данныя нѣкоторыми подробностями ¹⁾. Сначала (съ 1804 г.) нумизматическій кабинетъ помѣщался вмѣстѣ съ библіотекою; ключи же отъ ящиковъ его находились у ректора. Съ 1815 года послѣ описи, которую предполагало сдѣлать словесное отдѣленіе, этотъ кабинетъ перешелъ въ завѣдываніе профессора Успенскаго. При немъ монеты и медали помѣщались въ комодахъ и особомъ запертомъ шкафѣ. Успенскій испросилъ у правленія разрѣшеніе сдѣлать еще 6 шкафовъ со стеклами, чтобы придать коллекціи лучшій видъ. Проф. Успенскій по возможности разобралъ миццъ-кабинетъ и расположилъ его въ хронологическомъ порядкѣ по народамъ, кромѣ древнѣйшихъ, греческихъ и римскихъ, для помѣщенія коихъ не было ящиковъ; а когда ящики были приготовлены, ихъ негдѣ было поставить — тогда рѣшено было открыть и вынести шкафъ, запертый еще проф. Дегуровымъ; его открыли и сдали подъ росписку проф. Успенскому. По смерти Успенскаго кабинетъ былъ порученъ проф. Рейту, который вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ и библіотекою. Новый попечитель округа Е. В. Карнѣевъ, осмотрѣвъ учебновспомогательныя учрежденія университета, нашелъ, что нумизматическій кабинетъ находится (вмѣстѣ съ библіотекою) въ наиболѣе запущенномъ состояніи и объяснялъ это тѣмъ, что оба учрежденія находились въ вѣдѣніи одного и того же лица, которое само заявило попечителю, что не имѣетъ времени заниматься и кабинетомъ, и библіотекою. Е. В. Карнѣевъ предложилъ университету избрать для завѣдыванія миццъ-кабинетомъ одного или двухъ профессоровъ и съ своей стороны находилъ для этого наиболѣе способными Дудровича и Кронеберга, съ тѣмъ, чтобы они привели его въ порядокъ и составили ему описаніе, и такъ какъ кабинетъ не имѣлъ даже простой описи, то необходимо было членамъ правленія его освидѣтельствовать и затѣмъ уже передать счетомъ и вѣсомъ порознь вещи золотыя, серебряныя и прочихъ металловъ. Совѣтъ предписалъ правленію освидѣтельствовать кабинетъ и сдать Дудровичу и Кронебергу. Послѣдніе донесли, что назначили для приведенія кабинета въ порядокъ по 2 дня въ недѣлю — послѣобѣденное время и намѣрены на первыхъ порахъ представить только общее описаніе, т. е. названіе каждой монеты съ обозначеніемъ ея даты и народа; подробное же описаніе можетъ быть составлено впоследствии самимъ хранителемъ, затѣмъ они прибавляли, что не могутъ обѣщать закончить описанія къ концу 1823 года, какъ того тре-

¹⁾ Они позаимствованы изъ данныхъ Харьковскаго университетск. архива: Д. изв. прав. № 1333/63 1818 г.; Д. пол. №№ 440/22, 1408/80, 1444/82, 2184/134, 1586/92, 1111/63; Д. сов. 1817 г. № 29; Д. пол. №№ 1125/63, 930/50, 1205/67, Д. правленія № 2627/147; Д. пол. 2351/139.

аль попечитель, просили прежнихъ описей или по крайней мѣрѣ адъюнктъ о поступленіи предметовъ и наконецъ указывали на неточность вѣсовъ, употреблявшихся при взвѣшиваніи. Профессоръ Книгинъ, которому совѣтъ поручилъ осмотрѣть всѣ кабинеты, въ томъ числѣ и систематическій, далъ о немъ слѣдующій отзывъ. „Трудами проф. Дудровича и Кронеберга, писалъ Книгинъ, составлена уже общая опись, съ показаніемъ названія каждаго предмета и съ означеніемъ всякаго экземпляра особымъ номеромъ, показанномъ на тѣхъ бумажкахъ, въ которыхъ они завернуты; эта опись будетъ представлена ими скоро въ совѣтъ; число всѣхъ предметовъ простирается до 12000, и раздѣлены на 8 отдѣленій (золотые, серебряные, мѣдные, бронзовые, оловянные, свинцовые, каменные и деревянные). Большая часть ихъ распределена на эти отдѣлы и заключается въ 12 шкафахъ; для остальныхъ необходимы новые шкафы“. Дудровичъ и Кронебергъ писали въ концѣ 1874 года въ совѣтъ, что монеты и медали, числомъ 12000, приведены въ извѣстность, имъ составлена общая опись и они сложены по металламъ въ 12 ящиковъ; по этой же описи легко будетъ хранителю составить систематическую, подробную; работали они день и ночь и теперь просили принять отъ нихъ кабинетъ и ключи. Хранителемъ кабинета совѣтъ большинствомъ голосовъ избралъ проф. Рейта. Но попечитель потребовалъ, чтобы раньше было опредѣлено, къ какому факультету нужно отнести мюнцъ-кабинетъ, а потомъ уже изъ этого факультета выбрать профессора или адъюнкта. Тогда совѣтъ избралъ за хранители адъюнкта словеснаго отдѣленія Куницкаго (за отказомъ Битковскаго и Кронеберга). Попечитель утвердилъ этотъ выборъ и сообщилъ совѣту, что за успѣшное веденіе дѣла готовъ будетъ исходить приличное вознагражденіе. Но вскорѣ мюнцъ-кабинетъ былъ отданъ новымъ попечителемъ А. А. Перовскимъ въ вѣдѣніе проф. Даниловича, который занимался имъ съ примѣрнымъ усердіемъ и представилъ въ 1826 году на 74 листахъ описаніе 5988 монетъ, въ томъ числѣ древнихъ греческихъ и римскихъ, представившихъ наиболѣе интереса для опредѣленія, было 1482. Кромѣ того онъ отдѣлилъ настоящие монеты и медали отъ поддѣльныхъ, рѣдкія отъ обыкновенныхъ, наиболѣе знаменитыхъ снялъ палеографическія надписи, объяснилъ значеніе извѣстныхъ. Римскія монеты были расположены по металламъ, древнѣшнія и новѣйшія — въ систематическомъ порядкѣ. Исслѣдованія проф. Даниловича открыли, что мюнцъ-кабинетъ Харьковскаго университета занималъ безспорно первое мѣсто между такими же кабинетами другихъ русскихъ университетовъ, особенно же былъ богатъ польскими и литовскими монетами и медалями и содержалъ чрезвычайно рѣдкія мо-

неты и медали—англійскія, германскихъ императоровъ, новгородскія и псковскія, богемскія и польскія, пантикапейскія, ольвійскія, азинскія и достаточное число восточныхъ. Изъ 5782 монетъ и медалей древнихъ было 1287 штукъ, русскихъ — 1007, литовско-польскихъ — 3500. Даниловичъ оставался завѣдующимъ до 1829 г., когда его смѣнилъ профессоръ восточныхъ языковъ Дорнъ. Въ 1831 году попечитель Филатьевъ распорядился о переводѣ нумизматическаго кабинета въ тотъ корпусъ, гдѣ помѣщался институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Послѣ Дорна трудно было, очевидно, найти ему преемника въ завѣдываніи монетъ-кабинетомъ и онъ былъ порученъ почему то профессору астрономіи Затеplinскому, который страдалъ психическимъ разстройствомъ и послѣ него принимать кабинета никто не хотѣлъ. Тогда совѣтъ въ 1834 году избралъ въ хранители его, вопреки его желанію, профессора политической экономіи Тихова Ѳеодоровича Степанова. Этотъ послѣдній, не имѣя возможности освободиться отъ этой тяжелой и отвѣтственной обязанности, написалъ слѣдующее преисполненное отчаянія письмо къ попечителю гр. Головкину. „Вынуждаемый необходимостью обстоятельствъ я осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство моимъ всенижайшимъ прошеніемъ. Совѣтъ Харьковского университета поручилъ мнѣ смотрѣніе за монетъ-кабинетомъ, такъ какъ проф. Затеplinскій, исправлявшій эту обязанность, совсѣмъ уволенъ изъ университета. Я, видя совершенную невозможность принять на себя новую обязанность, подалъ прошеніе въ совѣтъ объ увольненіи меня отъ нея и представилъ всѣскія тому причины. Я прописалъ въ прошеніи, что прошло только два года, какъ я занялъ кафедру политической экономіи и дипломатики и что на обработку своихъ лекцій я долженъ посвящать много времени, а принятіе и первоначальное занятіе монетъ-кабинетомъ можетъ лишить меня досуга въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, что совѣтъ уже возложилъ на меня должность синдика, которую я несу болѣе года и которая сопряжена съ различными затрудненіями и часто отклоняетъ меня отъ ученыхъ занятій. Кромѣ того я представилъ совѣту, что для настоящаго наблюденія за монетъ-кабинетомъ нужно особенное знаніе древнихъ и восточныхъ языковъ, но крайней же мѣрѣ надобно хорошо умѣть отличать монеты и самые металлы, изъ которыхъ онѣ состоятъ, а я не только въ надлежащей степени, но и поверхностно не знакомъ съ этимъ. Я полагалъ, что эти причины достаточны для убѣжденія совѣта, чтобы уволить меня отъ этой новой обязанности; но совѣтъ рѣшительно отказалъ въ моей просьбѣ. Ваше сіятельство! Всенижайше прошу васъ обратить ваше милостивое вниманіе на это дѣло. Монетъ-кабинетъ заключаетъ въ себѣ множество разныхъ монетъ и притомъ

рогихъ — опись имъ была сдѣлана проф. Даниловичемъ. По отъѣздѣ его въ Петербургъ, совѣтъ возложилъ надзоръ за милицъ-кабинетомъ на проф. Затеинскаго, который, страдая душевною болѣзнію, не могъ обращать на него должнаго вниманія. Теперь же, по причинѣ усилившейся болѣзни, онъ рѣшительно не въ состояніи сдать всѣ монеты въ подлежащей исправности, о чемъ и подалъ въ совѣтъ прошеніе въ томъ же, какъ разбиралось и мое прошеніе. Къ удивленію, совѣтъ почти не сдѣлалъ на него никакого замѣчанія и опредѣлилъ, чтобы я принялъ милицъ-кабинетъ въ свое завѣдываніе. Въ совѣтѣ, въ качествѣ экстраординарнаго профессора, я не засѣдаю, защитниковъ же въ свою пользу имѣлъ немногихъ и притомъ тѣхъ, которые завѣдуютъ другими кабинетами, прочіе же члены сами старались избѣжать означеннаго порученія. Вотъ почему палъ на меня этотъ жребій. Между прочими другіе профессора имѣютъ болѣе средствъ къ исправленію этой обязанности, такъ напримѣръ, Мауреръ и Дорнъ, преподающіе: первый греческій языкъ, а второй восточные языки и имѣющіе мало занятій своими предметами, проф. Артемовскій-Гулакъ, преподающій русскую исторію, проф. Кривницкій, преподающій минералогію, хотя онъ не только и завѣдываетъ минералогическимъ кабинетомъ, и нѣкоторые другіе профессора. Есть изъ нихъ такіе, которые не исправляютъ никакихъ обязанностей и занимаютъ профессорскія мѣста по 10 и болѣе лѣтъ. Осмѣливаюсь представить несчастныя мои отношенія къ Харьковскому университету. Я давно уже страдалъ, терпѣлъ отъ нѣкоторыхъ членовъ его притѣсненія и непріятности. Меня нѣсколько лѣтъ отдаляли отъ занятій кафедры политической экономіи и дипломатіи. Истощенный безмѣрными трудами и бѣдностію, я доходилъ до самаго жалостнаго состоянія. Провидѣніе меня спасло. Баронъ Мейендорфъ, управлявшій комиссіей погашенія долговъ чрезъ посредство другихъ обратилъ вниманіе на мои ученые труды, вызвалъ меня въ Петербургъ. Сочиненія мои доставили мнѣ профессорское мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ, вопреки желанію разныхъ его членовъ. Ваше сіятельство! Мнѣ уже 42 лѣтъ жизни и только 2 года, какъ я получилъ это мѣсто; нѣкоторые же товарищи мои по ученію уже занимаютъ профессорскія кафедры по 12 лѣтъ. Ученые труды сильно поколебали мое здоровье и лишили меня всѣхъ постороннихъ выгодъ, такъ что до настоящаго времени я имѣю рѣшительно никакого состоянія, даже не пользуюсь собственнымъ столомъ и удобной квартирою. Въ случаѣ смерти меня должно было бы погребсти общественнымъ благодѣяніемъ. Можетъ быть, я былъ только такой между сочленами! Вотъ какое горестное мое положеніе! Не ужасно ли теперь видѣть себя притѣсняемымъ и подвергае-